

Екатерина Андреевна Мансурова Андрей Арсланович Мансуров Возвращение чувств. Машина.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20145615

Аннотация

Эта книга написана в нетрадиционном для меня жанре любовного романа. Поэтому при ее написании мне помогала дочь, Мансурова Екатерина, за что я приношу ей самую искреннюю благодарность. Собственно, по-большому счету это книга о том, что даже если волей Провидения тебе и дается Второй Шанс, то, чтоб доказать, что ты его достоин, нужно очень и очень постараться. То есть – ПОРАБОТАТЬ. И головой и телом. Как в каждой книге фэнтэзи, здесь много Волшебных приключений, драк, погонь, чудесных спасений, коварных злодеев и преданных друзей. И даже – Шабаш Ведьм, где героиню наделят... Тем, что поможет ей в преодолении невзгод, и битвах с врагами. А Героиню и правда – ждет упорная и жестокая борьба. И победа, несущая справедливое возмездие злодеям, будет действительно – заслуженной. И, разумеется, главной Героине придется со временем отказаться от мировоззрения прагматичной и суровой Воительницы, боевой Машины – если она хочет найти свое подлинное "Я", и обрести свою Любовь.

Посвящается любимой бабушке и тёще -
Савченко Ирине Ивановне.
Без её мужества и силы воли
эта книга не была бы написана.

Все имена и события книги вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

Возвращение чувств.

Роман.

Часть 1.

Машина.

« ...once upon a time ...»

(традиционное начало любой сказки)

Она умирала.

Она хорошо осознавала это.

Уже пришла та самая кристальная ясность ума. И отступила боль.

Боль, что так терзала последние месяцы её тело.

Да, она смогла даже усмехнуться внутренне, подумав опять о своём теле. Немного же теперь от него осталось – из крепкого, крупного, и даже, скорее, полноватого, чем стройного, оно меньше чем за год превратилось в костлявое, неук-

люжее, почти ничего не весящее бессильное убожество.

И тем не менее, именно эти жалкие остатки вмещали сейчас её так и не смирившуюся до самого неизбежного конца, душу.

Мысли уже не скакали с одного на другое, словно преследуемые гончими, зайцы. Нет, они спокойно и плавно ходили как бы по замкнутому кругу, всё время в итоге возвращаясь к одному: «Ты все ещё здесь? Готова к ...?»

Да, она уже ждала. Ждала момента неизбежного перехода – от этой жизни к... к чему? Она не знала. Не понимала. Хотя, когда стало ясно, что чуда не случится, и излечение невозможно, с присущей ей методичностью прочла, изучила всё, что удалось разыскать о переходе, и о той – смешно немного, да? – *той* стороне...

Она не привыкла доверять полунаучной литературе, и тем более чьим-то непроверенным домыслам. Везде она старалась опираться только на свидетельства очевидцев. Хотя, в общем-то, будет ли что-то на той стороне, или нет – какое сейчас это имело значение? В данный конкретный момент её сознание наслаждалось отсутствием боли и тем странным чувством невероятной свободы, которое даёт ощущение неизбежного близкого конца существования. Она слышала, что и узники-смертники получают от своих тюремщиков некоторые льготы накануне казни...

Всё. Действительно – всё. Теперь не будет ни хлопот, ни обязанностей, ни проблем, ни унижений. Привязанностей,

близости, любви тоже не будет. Ничего не будет.

А что же будет?

Она в своё время много думала об этом. Но что толку думать, если нет, да и не может быть достоверных фактов и свидетелей. Из-за той, роковой черты никто ещё не приходил, и не мог утешить: «Не бойтесь, люди! Есть жизнь после жизни! И всем воздастся по заслугам...»

Что ж, вся надежда на Господа – только он смог. И он всем обещал... Да, надежда...

Мысли медленно вращались по замкнутому кругу. Вот снова воспоминания о детстве. Есть ли здесь что-нибудь приятное, что-то, что могло бы удержать её сознание на этой брэнной земле ещё хоть на краткий миг – теплом и душевным уютом? Хм-м...

Безотцовщина. Хроническое безденежье. Всё это время казалось ей каким-то тусклым и серым – как свет их «экономных» маловаттных лампочек.

Вечно уставшая, вымученная и худая мать с неулыбчивым лицом землистого цвета, всё время озабоченная только двумя проблемами: не вылететь с работы, и прокормить и одеть троих всё время растущих детей.

Отец бросил их, когда ей ещё не было трёх, а близняшкам, которых он успел заделать матери – полгода. Или это мать пыталась так удержать его – с помощью детей?..

Отец... Возможно, его артистическая натура не смогла примириться с прозой многодетной семьи. Или просто – се-

мьи. Так или иначе, она его не помнила.

Мать и сама редко рассказывала об отце. Разве, только то, что он талантливый музыкант.

Разъезжал с гастроями по всей стране. Весельчак, душа любой компании... Во время этих рассказов её всё время преследовало странное чувство – словно мать и для них, детей, и для себя – повторяет отредактированную и утверждённую раз и навсегда Легенду. Чтобы доказать всем – он был не так уж плох! Но...

Материальных проблем и запаха мочи в крохотной комнатёнке он не выдержал.

Алиментов они не получали, так как он продолжал разъезжать по единому-нерушимо-му, уже с другими женщинами, ещё довольно долгое время. И-таки заехал куда-то. Следы затеряны навсегда... Слишком банальная, скучная и серая история.

Воспитание близняшек и уход за ними, а позднее и ответственность за их учёбу и поведение легли целиком на неё. Мать работала. А она оставалась за Главную.

Возможно, это было и к лучшему. Именно чувство ответственности, осознание того, что не на кого надеяться, или переложить свои обязанности, и сформировало её характер. Дало тот пресловутый «стержень», который её и поддерживал всё это время – да и не только в детстве, и зрелости, а и в... болезни.

Болезнь. Хм. Болезнь... Откуда она взялась на её голову,

эта болезнь...

Просмотрев опять-таки массу литературы и перерыв интернет, она так и не выяснила этого. Всё, что писали специалисты, было слишком противоречиво, расплывчато и... ненаучно. Вывод был до крайности прост: отчего возникает и как лечить *эту* болезнь, до сих пор не известно.

Ведь заразиться ею невозможно. И наследственности такой в её роду нет.

Что ж, остаётся поверить старой присказке, что все болезни – от нервов.

Опять банальность. Да, в общем-то, достаточно банальна и вся её жизнь – да, серая, без сильных страстей, но и без ярких праздников. Невыразительная.

Только однажды она совершила небанальный – как ей тогда казалось! – поступок: вышла замуж против воли матери. Но недаром говорят: если мать воспитала дочь без отца, она все силы приложит, чтобы и дочь повторила её судьбу.

Впрочем, как раз тут её матери почти и не пришлось применять каких-то особенных усилий. Она и сама прекрасно справилась. Муж, коллега по работе, вроде тоже, спокойный и методичный во всём, уже через месяц совместной жизни стал так раздражать её именно этими качествами, что совместная жизнь закончилась меньше, чем за три года. Рекорд матери остался непокорённым – больше она не выдержала бы этого мелочно-педантичного зануду.

К концу третьего года выбор был таким: или убить его,

или развестись...

Квартиру его, однако, по суду ей разменяли. Теперь у них с малышкой был свой угол. Всё не коммуналка. Своё. Крепость. Как могла, она вычистила и обустроила её.

Вскоре после этого повыходили замуж и близняшки. Вначале одна, а затем и другая уехали. Одна даже в дальнее зарубежье. К другой, весёлой беззаботной хохотушке, переехала позже и мать. Всё-таки, поближе к столице. Переписывались ни шатко ни валко. Иногда ездили в гости. Словом, всё, как у людей...

Мысли вращаются дальше. Вот и единственное в мире дорогое существо.

Дочь. Может, мало уделяла внимания? Хотя так старалась не повторять ошибок своей матери... Или перестаралась? Или – это были не ошибки?..

Несмотря на неплохие алименты и вполне приличную зарплату, она сама всегда одевалась скромно и практично, и дочь старалась приучить к аккуратности, скромности.

Может, зря старалась? Может, дочь ненавидела скромность и серость?

Поздновато она спохватилась, что всё трудней находить с дочерью общий язык...

Да, отдушиной для души дочь не стала.

Оставалось только уповать на упражнения, возвращавшие мятущийся дух в рамки спокойного, обычного, устойчивого ровного настроения. Поддерживающие здоровье тела.

Гармония с собой?..

Хм-м...

Мужчины, который захотел бы понять её, и принять такой, как есть, тоже не нашлось.

Может, и их отпугивала её «правильность»? Или... Как раз – сила воли и решительность? А, может, все же педантичность-скрупулезность? Неприятие решений «с моста»?..

Что ж, невостребованность тоже банальна.

Единственное, что радует, что её дочь, столь скоропалительно, как ей представлялось, выскочившая замуж (как тут не вспомнить себя: с оглядкой и расчётом!.. Толку-то от него...), достаточно умело ладит и с мужем и со свекровью. Молодец. Нашла-таки правильный подход к ним. Не то, что она тогда...

Но, главное, дочь вовремя оказалась «пристроенной».

Так в сорок с небольшим она стала бабушкой. Однако насладиться этим положением не удалось. Теперь молодые смогут жить в её квартире, а это почти в центре. Проблем у них быть не должно. Игорек для этого слишком умён и порядочен.

В зяте она узнала... себя. Может, его характер так похож на её оттого, что он тоже – старший сын? Спокойный, рассудительный, немного занудный, но с юмором (вот чего ей всегда не хватало!). И с неистребимым чувством ответственности за «своих».

С ним она как-то быстро сошлась. И понимала его даже

лучше, чем родную дочь. Наверное, поэтому и согласилась на их брак сразу же. А может, она уже что-то чуяла?..

Они будут счастливы. Она знала, она чувствовала это. Вот, скоро она избавит их от хлопот, связанных с её болезнью и погребением. И всё у них будет отлично. А к ней на могилу пусть ходят пореже. Она им так и сказала. Дочь плакала. Игорь понял.

Вот круг мыслей и вернулся снова к ней самой.

Она, Ирина Петровна Бережная, лежит где-то здесь, в ослепительной белизне реанимационного отделения Первой клинической больницы Ростова-на-Дону, и, несмотря на кошмар химеотерапии и всё остальное, очень быстро умирает от саркомы.

Иссохшие руки, ноги, и внутренние органы, к счастью, уже не причиняют ей мучительную боль. Болезненные уколы, унижительные процедуры оказались напрасны. Мужество и терпение, всегда выручавшие её, на этот раз не помогли. Правда, борьба шла не с внешним врагом, а с... Конец, никуда не денешься, близок.

Наверное, нужно проститься с ...? Но она уже простилась. После стольких дней борьбы и неумолимо прогрессирующего ухудшения, когда ей (как, впрочем, и окружающим) всё стало окончательно ясно, она попрощалась и устно, и письменно со своими: дочкой, зятем и остальными родными и близкими. Подписала завещание.

Ну, составила-то и подписала она его задолго до всего это-

го.

Сразу после первого же обследования, когда бегающие глаза молодой, незакаленной ещё людским горем и смертью, профессорши, сказали ей всё. И родственников приводить было лишним – она поняла правильно, но, как оказалось, слишком поздно.

Они боролись. Она боролась.

Конечно! Чтоб она – да не боролась!..

Сразу согласилась на операцию. Жалко, что нельзя прооперировать мозги. Сейчас она попросила бы убрать тот самый стержень, который не даёт расслабиться, опустить руки, безвольно поникнуть в объятиях близких, разрыдаться, забиться в истерике, окунувшись в пучину отчаянной, безысходной тоски – по той жизни, где она недолюбила, недоучила, недовоспитывала, недоделала, недо... Так много всего...

Что это? Звук?

Нет, ЭТО не было звуком.

Какое-то новое ощущение.

Она ничего, совсем ничего не чувствует физически. Словно тела нет. Но что-то не так, совсем не так, как было раньше – вот, буквально секунду назад!..

Может, это и есть *Переход*?

Словно что-то сдвинулось, и поехало... Нет, не поехало – полетело.

Да, ЭТО началось.

Маленький зловредный наблюдатель в её мозгу тут же

подметил, что отчаяние всё же проснулось. Но кричать уже нечем! Остался только внутренний голос. Но что же крикнуть хоть этим голосом в этот, действительно последний, момент?

– Господи! Прости, если что-то делала не так! Прости! Да свершится Воля Твоя!..

Но как бы хотелось ещё пожить! Столько всего в мире осталось прекрасного и непознанного! Такого красивого, мудрого, светлого!..

Белый коридор.

Нет, он не белый. Это яркий свет в его конце делает стены белыми. И он движется. Сам. Слепящий проём в его конце приближается.

Страх. Страх? Нет, это не страх. Мозг, наверное, продолжает работать. Она помнит, что означает этот коридор, и осознаёт, что бояться уже нечего. Хотя, честно говоря, эмоций и ощущений нет вообще никаких. Только виден наплывающий светлый прямоугольник, или квадрат. Совсем, как Малевич наоборот, успеваает пронестись где-то на краешке сознания отвлечённо-абстрактная мыслишка, и тут сияние поглощает её, и...

Странно, где же свет?

Где вообще *всё*? Почему ничего, ну то есть, совсем ничего – нет?!

Может, сознание, «душа», всё же отключилась? Она всё так же ничего не чувствует, но теперь вокруг полная темнота

и пустота.

Что, *это* вот так и должно быть?

Никаких ощущений, никаких движений, наконец, никакого времени?

И так – БЕСКОНЕЧНО?!!!

Не-ет, это невозможно. Она ведь отлично помнит впечатления коматозников: после коридора обязательно куда-то да попадёшь. Луг, сад, облако, наконец.

Ведь не в абсолютную же темноту, пустоту и неподвижность?

Или она уже проскочила ту фазу, откуда никто не возвращался? Если это так, то откуда... Почему...

Да, что это за странные смутные *ощущения*, словно она вновь что-то... Чувствует?

Причём чувствует как бы... Телом. Что за заноза сидит (и когда она возникла?!) в копчике? Грудь... дышит? А что за неприятный... запах? ЗАПАХ?!

Нужно признаться честно – она несколько подрастерялась.

Она, сомневаясь конечно, чего-то после жизни всё же ждала.

Ведь она христианка – и не по форме (форму соблюла её мать, когда окрестила её, как и она, в свою очередь – свою дочь), а по содержанию, смыслу.

Смыслом свою веру наполняла она сама: в силу полученных от жизни уроков. В силу своих понятий, убеждений и

способностей. Может, её вера и несколько отличалась от традиционной – хотя бы в смысле выполнения каких-то общепринятых обрядов. Она не отстаивала служб, никогда не исповедывалась... Но по существу, она действительно крепко и глубоко в Господа верила.

Должна же она была хоть во что-то хорошее и светлое в этой жизни верить!..

Где-то же есть высшая, последняя, справедливость! К кому взывать, когда, кажется, нет уже ни сил, ни терпения, ни...

И вот теперь что-то не так.

Может, это расплата? Может, всё-таки, надо было посещать храмы и молиться там вместе с другими? Но ей всегда казалось... кощунственным, что ли, проявлять или выстав-лять напоказ те глубочайшие и только личные переживания, те неуловимые и необъяснимые мгновения, когда человек не лжёт (или, хотя бы старается!) самому себе – в людном, публичном месте. И молилась она только в одиночестве.

Может, стоит попытаться что-нибудь изменить? Но где? В себе, или... вокруг?

Попробовать помолиться?

Она прочла про себя молитву.

В ощущениях ничего не изменилось.

Напротив, всё больше уверенности возникало в том, что на её дух (дух ли?!) продолжают какие-то сугубо материальные воздействия.

Ну, ладно, в некотором даже раздражении подумала она, если всё застыло, и не собирается изменяться в этой темноте, может, стоит попробовать пошевелиться самой? Чтоб хотя бы как-то избавиться от этой занозы в копчике...

Эта мысль показалась ей не совсем лишённой смысла. Ведь должно же быть хоть какое-томестилище у Души и на ТОМ (для неё – уже на этом) свете?..

В конце-то концов, что она теряет, попробовав?

Медленно-медленно она пошевелила руками.

Двигаются. С большим трудом, но двигаются. Это её руки... О, как интересно... Возникло ощущение чего-то шероховатого, влажно-холодного под ладонями.

Что *это*? Явно что-то из ТОГО, старо-привычного, мира, мира предметов! Отстранённость и раздражение уступили место... любопытству и какому-то беспокойству. Сознание стало ярче, конкретней. А подсознание вообще забилося, затрепетало, оглушая какими-то несбыточными мечтами, надеждами...

Спокойней. Подумаем. Вот, у неё есть руки. Но зачем Душе одни руки? Где же всё остальное? Логичней попробовать узнать про...

Однако попытка пошевелить ногами окончилась гораздо хуже – ноги не ощущались и не двигались. Это довольно странно... А может, так и должно быть ЗДЕСЬ? Только Душа и руки.

Хм. Ну уж нет.

Человек должен быть весь, целиком... Ведь он же – образ и подобие Божье. Для того его и создавали, чтобы он боролся. Боролся за Жизнь!

Надо открыть глаза!

О! Они шевелятся! Она действительно их почувствовала – веки поднимаются и опускаются, зрачки ходят туда-сюда!

Но почему-то ничего всё равно не видно. Хотя – нет. Видно. ВИДНО?!!!

Маленькая, узкая полоска тусклого света, что проходит у самого пола. У пола.

У пола! Она лежит на полу!

Она лежит на полу на спине. Лежит в тёмном помещении. Тёмном, сыром, вонючем и очень холодном помещении. Гнёт замкнутого пространства резко ощутим.

Она очень замёрзла, и всё её тело затекло от неподвижности.

Вот это да! Она всё же существует в комплекте с телом! Но сколько же она тут... ле-жит? И почему?

Да, ноги, наверное, совсем ооченели от холода пола, и оттока крови, поэтому и не слушаются и не ощущаются. Но она видит! И может двигаться... У неё есть тело!

И, что важней, она в каком-то конкретном, вполне материальном, месте! И она видит это. Ну, или чувствует...

А если попробовать встать, осмотреться?

Ох, с этим тяжелее. Руки слушаются, а вот ноги и спина действительно сильно занемели. И что-то ужасно жёсткое

впивается в копчик. Плохо.

Ладно, попробуем хотя бы перевернуться на бок. Может, в другом положении будет получше, и приток крови вернёт подвижность ногам...

Это удалось, хотя и со скрипом занемевших суставов, и вернувшейся болью...

Вот, нахлынула та самая «полнота ощущений»! Резкая боль – в боку. Тупая – в голове и спине. Локоть упёрся во что-то острое, соскользнул. Вот блин. Или ругаться нельзя даже про себя?

Ну, тогда извините. Вырвалось... Ох, уж эти рефлексы...

Всё её тело свело от долгого, судя по всему, лежания на жёстком голом камне – да, пол под ней холодный, шероховатый, с острыми, неровными гранями, и отвратительным запахом нечистот и плесени. Липкий, омерзительно склизкий мокрый камень. Пол.

О, Господи! Началось... Что за боль! Это вместе с кровью заструилась по телу, по всей нижней половине, жизнь, со всеми своими проявлениями! О-о-о!..

Как хорошо, что она терпелива, и может, закусив губы, дожидаться конца этой пытки. Холодный пот выступает на лбу. Силы терпеть без крика, кажется, больше нет... Ну уж дудки! Она вытерпит!.. Она и не такое...

Ну вот, боль и отступает. Да, стало намного легче. Вот, нормально. Ф-ф-у-у!..

Да, она вновь чувствует своё тело. ВСЁ своё тело. Оно при

ней, и, вроде, здоровое.

Кажется. Пожалуй, теперь и правда, ничего не болит. Только холодно и жёстко.

Но что всё это значит? Интересный вопрос.

А есть ещё более интересный: Где она? На больницу это мало похоже. Разве что она в морге. А почему на полу? Ска- тилась? Тогда – откуда? Ух, сколько мыслей, вопросов, сразу побежало, заройлось в голове. Кстати, что это с ней? В смысле, с головой.

Что это за зуд, или чесотка? И странная тяжесть и скован- ность?

Поднеся руки к голове, она обнаружила там огромную копну волос. Пусть спутанных, грязных, липких, но несо- мненно – её! Это не парик... они не снимаются. Точно – её.

Сколько же минуло времени, что они так отросли?! Если судить по длине, прошло не меньше... года (?!), прежде, чем она... Ожила?

Она – ожила! Пожалуй, сомневаться не приходилось – она ожила!

Пудобней усевшись на полу, она снова и снова ошупы- вала себя, не зная, радоваться, или плакать: тело точно было при ней. С руками, шеей, грудью, талией, бёдрами... всем- всем!

И не было той страшной худобы, что в последние пред- смертные дни особенно расстраивала её, и всех, кто сидел с ней в эти страшные дни, или приходил... попрощаться.

Нет, никакой худобы. Напротив, тело *прекрасно* – оно было стройно, упруго, и приятно отзывалось под ладонями, когда она придиричливо ощупывала себя всю.

Правда, эти приятные ощущения несколько искажались материей одежды, что оказалась на ней одета – какая-то довольно мягкая и ворсистая ткань... И само платье немислимого фасона...

Фу, как глупо! Обтягивающий жёсткий лиф с глубоким вырезом, а пониже тонкой (Ага, тонкой! Её!) талии – сплошные пышные когда-то, а сейчас слипшиеся, и ломкие от затвердевшей грязи, складки длинной широкой юбки, полностью закрывавшей все ноги.

А туфли? Туфель она не ощущала. А если потрогать? И посмотреть?

Насколько удалось разглядеть в слабом, едва пробивающемся сквозь темноту мерцающ–щем луче, на ней всё же имелись – не туфли, а, скорее, тапочки. Мягкие тапочки, к тому же совсем изодранные, и протёртые на подошвах до дыр. Вот это да!

Что же, нельзя было что ли, дать ей к выздоровевшему телу нормальную одежду и обувь?..

Впрочем, не кощунствует ли она? Ей ли жаловаться?!

Ведь одежду и обувь ничего не стоит заменить, а вот тело...

Да, кстати, о теле. А *её* ли это тело вообще?! Ох. Ну и мысль!

Если тело... не её, это сразу объясняет и длину волос, и стройность талии, и непривычную упругость груди и бёдер. Но это слишком глубоко шокирующая мысль, чтобы постичь её сразу, в один приём!

С ужасающим чувством страшного (а может, и не такого страшного?!) сна, она провалилась в спасительную пучину обморока.

2

Она не знала, сколько была без сознания на этот раз, но скорее всего, недолго. Во всяком случае, ничего не занемело. И мысли сразу заработали, как надо.

Теперь она лежала на боку, и полоска света оказалась прямо перед лицом.

Что же это за свет, и откуда он? Почему она раньше над этим не задумывалась?

И, наконец, где она находится? Где люди? И что, в конце-концов, происходит?!

Много вопросов. Пришла пора поискать и ответы.

Ну, проще всего оказалось с полосой света. Она проби- валась из-под массивной двери из толстых, окованных же- лезными полосами, некрашенных досок. Эта дверь неплотно прилегала к полу, и к косяку в тех местах, где были петли, и сквозь щели в палец толщиной просачивалось слабое мерца- ющее сияние. Оно то меркло, то становилось сильнее, слов-

но его давало пламя, пламя, раздуваемое ветром. Света, в принципе, было достаточно, чтобы хоть как-то видеть себя и окружающую обстановку.

Ну что, заняться углублённым самоанализом, или всё же сначала осмотреть место, куда её... Хм. Начнём с задачи попроще, сказала она себе, кряхтя и потягиваясь.

Повторное ощупывание и осмотр тела подтвердили ощущение вполне здорового, и довольно молодого организма: ни морщин, ни жировых складок, ни ран или болячек. Объективно, пожалуй, этому телу было не больше тридцати-тридцати пяти лет. Удивляясь самой себе, она восприняла это довольно спокойно на этот раз, и попыталась встать.

С помощью стены это удалось. Хотя все члены и суставы несколько занемели от довольно продолжительного, судя по всему, неподвижного положения, болеть по-настоящему ничего не болело. Разве что, начинался лёгкий ревматизм от сырости.

Она стояла, опираясь рукой на неровную, шершавую, мокро-липкую поверхность камня.

Ощупав её получше, она поняла, что стена сложена из крупных, размером с приличную почтовую посылку, почти необтёсанных блоков, скреплённых чем-то вроде цемента, который местами выкрошился, образуя глубокие впадины, а местами оказался покрыт противной, белёсой и воняющей, плесенью.

Ничего выдающегося или интересного на поверхности

стены она не нащупала. Брезгливо вытерла руку о подол, по-морщилась. Цвет каменной кладки стен и пола определить в неверном свете было трудно, но она сразу решила, что он тёмно-серый. Камень таким и должен быть...

Кроме камня, плесени и грязи она обнаружила на стене кое-где и струйки воды, которая сочилась вниз бесшумно и непрерывно. На полу, блоки которого на вид ничем не отличались от стенных, местами стояли лужицы той же, неприятно пахнувшей, и покрытой маслянистой плёнкой, радужными разводами поблёскивающей в мерцающем свете, воды.

Глаза уже неплохо приспособились к слабому и неверному освещению, и она рассмотрела, наконец, полностью комнату, в которой находилась.

Вытянутая каморка, размером примерно два на семь шагов, без единого окна, проёма, или выступа. Потолок находился на высоте более четырёх метров, но из чего он сделан, рассмотреть не удалось – всё терялось в темноте. В дальнем от двери углу темнел деревянный лежак, шириной с полметра, и почти на такой же высоте от пола. На нём неровным слоем лежала... прелая солома.

За лежаком, прямо у стены, в полу имелось отверстие, запах из которого не позволял усомниться в его предназначении. Ага, вот почему её до сих пор не затопило, как княжну Тараканову...

Интересно здесь решены проблемы гигиены... Ещё раз – хм!..

Обойдя всё помещение по периметру, и внимательно осмотревшись, она ничего, ну то есть – решительно ничего больше не нашла. Вот разве что в тёмном углу у двери увидела кувшин.

Обычный глиняный кувшин, в котором оставалось ещё литра полтора пахивающей всё той же плесенью, воды. Не придумав ничего лучше, она отхлебнула немного.

Нормально, пить можно.

Грех, конечно, жаловаться, но уж слишком похоже на тюрьму.

Или ещё хуже – на средневековую тюрьму. Этакое жуткое подземелье для особо тяжких преступников. Или, ведьм, что ли... Да и костюмчик у неё как раз подходящий по стилю к интерьерчику – такие она видела только на картинках в учебниках по истории средних веков, ну, и в соответствующих фильмах. Но вот отсутствие нижнего белья...

Опять жутко зачесалась голова. Что это, неужели настоящие вши?! Вот свинство – похоже, что так. Ладно, это неприятно, но не смертельно. Вывести можно, даже легко...

Ну хорошо, обстановку и условия своего быта она изучила. Остаётся самое сложное – осмыслить, что всё это означает.

А этого она пока... побаивалась.

Проблемы, связанные с переездами, переменами, новыми людьми, обстоятельствами, всегда беспокоили, напрягали её. Они требовали каких-то новых решений, действий,

знаний и знакомств... Она же по природе, скорее, консервативна в привычках, поведении. Любит размеренность, последовательность и стабильность.

Вводить в свою жизнь что-то новое было тяжеловато и... да, страшновато – надо это признать честно хоть перед самой собой. Но она преодолевала в своём прошлом и это.

А здесь... Что же – здесь?..

Однако к счастью (или к сожалению?) предаться самоанализу и осмыслению обстановки ей не дали. Причём достаточно прозаическим образом.

Откуда-то из-за двери послышались приближающиеся шаги. Сопровождались они каким-то странным постукиванием и металлическим побрякиванием. Стресс мгновенно обострил все ощущения и заставил собраться, сконцентрироваться для встречи с чем-то новым, неизвестным: недаром же она училась этому на тренировках...

После нескольких коротких остановок шаги затихли, наконец, напротив её двери, и чья-то тень замелькала сквозь щели, перекрывая и без того слабое мерцание огня.

Страха, хотя казалось, для него вроде и имелись некоторые основания, не ощущалось.

Побрякивание стало совсем громким, звук шёл прямо от центра двери – словно с неё снимали... железные засовы или замки. Затем что-то звякнуло о камень, и дверь со скрипом и скрежетом распахнулась вовнутрь.

О, Господи!

В открывшемся проёме стоял рослый, крупный молодой мужчина.

Она с первого же взгляда определила, что он не враг ей. Всё, чему учили её, говорило об этом. Да и чисто инстинктивно она ощущала то же.

Уже хорошо. Союзник – это как раз то, что ей сейчас нужно. Особенно, если она и правда в темнице.

В одной руке мужчина держал кувшин – близнец того, что она использовала, в другой – какой-то кирпич и связку ключей. Но не это бросалось в глаза в первое мгновение.

А его *одежда!*

Чёрный мешковатый кожаный камзол с нашитыми серыми кожаными же полосами и толстым нагрудником, длиной до середины бёдер. Облегающие серые лосины на ногах. Кожаные сапоги с отворотами, повыше колен. И металлическая каска с перьями на голове.

Ох. На этот раз действительно – ох! Вряд ли этот маскарад в её честь. Значит...

Приятное бородатое лицо вошедшего осветилось улыбкой, когда в свете факела, висевшего напротив двери в железном держаке, он увидел её. Губы зашевелились, она услышала голос – хрипловатый приятный баритон:

– Ну слава Богу, ваша милость живы! Не возложили на мою душу такого греха! А я-то, хоть виду и не подал, уж больно за вас опасался: вы были в таком... отчаяньи! Но всё равно – нельзя такое говорить!.. И впредь прошу вашу ми-

лость таких речей не вести – все знают, что самоубийцы не попадают в Царствие Небесное!

Она не сразу осознала смысл и всю важность сказанного, так как совсем другое поразило её при первых же словах. Вошедший говорил на... французском.

И она понимала его.

В школе она учила немецкий, да и то – что выучила, благополучно забыла, так же, как и английский из институтского курса. А сейчас она прекрасно ощущала и чувствовала все тонкости и нюансы обращённой к ней речи. Как и то, что смысл сказанного – очень важен.

Однако надо что-то ответить, и ответить правильно и быстро – так сказал расчётливый наблюдатель где-то глубоко в её сознании: этот молодой и симпатичный парень, судя по всему, хорошо к ней относится. Сильно волновался, возможно, даже молился за неё, чего-то «нехорошего» наговорившую. (И – не в *этом* ли одна из причин её... появления здесь?!).

Неужели предыдущая хозяйка этого тела пыталась надеть глупостей?

Слишком похоже, что не только пыталась, но и надела... ла...

Только какой же надо быть душой, чтоб добровольно отказаться от такого тела?!

Впрочем, не судите, как говорят, да и не судимы будете... А пока такого ценного союзника, как юный бородач нель-

зя потерять – всё-таки она, похоже, в темнице.

Думать надо быстрее. Ответ готов, но получится ли ответить? Она сконцентрировалась на словах и интонациях молодого человека, стараясь воспроизвести сочный колорит старо-французского. Со скромной и милой полуулыбкой она произнесла:

– Я передумала.

Это прошло легче, чем она опасалась. Оказалось, что говорит она глубоким, приятным, бархатно-певучим голосом, каким она всегда мечтала обладать, глядя на любимых киноактёров. Да и с оформлением мысли в слова тоже проблем нет. Единственное неудобство состояло в том, что она слегка охрипла – перемерзла-таки, похоже, на полу.

– Ну то-то же! – ещё больше обрадовался бородач, и вошёл в камеру ещё на один шаг. Длинный и тонкий меч, висевший у него на боку задел при этом за косяк с характерным звоном, – А я вашей милости поесть принёс.

Он поставил в угол кувшин и протянул в её сторону подозрительный кирпич:

– Вот, специально выбрал получше, да уж боялся, что придётся... нести назад!

Ей за эти короткие мгновения из их разговора и неизбежных логических выводов, сразу стало ясно так много. Но, с другой стороны, катастрофически мало:

– Во-первых, она – француженка, и она во Франции (или, по-крайней мере, в стране, где французский в ходу). Во-вто-

рых, она отброшена по времени на несколько веков назад, так как на специально организованный к её пробуждению маскарад таких масштабов, да ещё с гипноизучением иностранных языков, шансов никаких нет. В-третьих, без сомнения, она – пленница. В-четвёртых, её симпатичный (да, черты его лица, хоть несколько грубоваты, но мужественны и приятны) страж относится к ней действительно с сочувствием. И, похоже, предыдущая хозяйка этого тела пыталась, и не без успеха, расположить его к себе.

Отлично. Тут она с ней полностью солидарна.

Было и ещё несколько соображений, но сейчас основное значение для её освобождения из этого сырого и крайне неприятного места, имеют третье и четвёртое.

Парень наивен и открыт. Пожалуй, даже слишком открыт – его сочувствие к ней не заметит только слепой. Нужно постараться, разумеется, использовать его. Но – аккуратно и грамотно. Подставить наивного, похоже, деревенского, парня, было бы подло.

Но тогда – какую же выбрать линию поведения? По его обращению (да и по её одежде) похоже, что она какая-то высородная дама. Следовательно, по-идее, она не может разводить здесь, в эту эпоху, демократию с простым солдатом: барьеры между классами и сословиями здесь ещё сильнее, чем в обществе недоразвитого капитализма, к которому она привыкла там... дома.

С другой стороны...

Есть одно древнее чувство, которое, к счастью, не признаёт классовых барьеров. Да и зачем мудрить – может, в этом солдате её единственный шанс на спасение, ведь, похоже, на другие возможности спасения, типа, помилования, или оправдания, надежды нет – иначе отчаяние не овладело бы бывшей хозяйкой...

Итак, нужно постараться укрепить и развить его сочувствие к ней, не брезгуя для этого никакими (она точно не в таком положении, чтобы особенно выбирать!) средствами. Заодно нужно постараться узнать как можно больше о себе, любимой, и за что её, такую хорошую, мягкую и пушистую, засунули в каменный мешок к гнилой соломе.

Для начала, наверное, стоит попытаться изобразить себя невинной жертвой чужих интриг. Среди высшей знати это добрая традиция. В-смысле, интриги.

Постаравшись улыбнуться попечальней, она с нарочито медленной грацией двинулась к нему навстречу. Сколько веков ни прошло бы, мужчина остаётся мужчиной, а женщина – Женщиной. Никто и ничто не сможет отнять у неё врождённых, данных самой Природой и праматерью Евой, приёмов и способов. Мужчины, значит, глазами?..

Её новое тело в этом смысле подходило идеально: чувственная энергетика и пластичность, отзывчивость на малейшие нюансы мыслей и желаний, поразили её саму. Похоже, сила её обаяния колоссальна, и поистине неизмерима, так как... слабость её не имеет границ!..

Главное теперь – не переборщить бы с этой самой слабостью.

О, бедные, наивные мужчины! Разве могут они устоять...

Ведь дело не в запорах и каменных стенах, а – *в них самих!*

Пока казематы стерегут существа мужского пола, им, женщинам, никто не запретит... Ну, пусть не совсем так, как описано у Дюма... Но всё же – постараться!

Опершись, как бы от слабости, одной рукой на омерзительно липкую стену, другую она пристроила на груди, прекрасно зная, что так взгляд автоматически устремляется туда, куда ей и надо, печально опустила лучистые честные (стыдно, но – надо!) глаза, и тяжело вздохнула. Так, изгиб тела чуть больше, чтобы подчеркнуть тонкую талию.

Да, чёрт побери (но прости, Господи!), если для освобождения не найдётся других средств, она смело и без колебаний воспользуется этим роскошным телом! Слишком велика жажда жизни, чтобы пренебречь любимым оружием, оказавшимся в её распоряжении! Да и не для того, надо думать, ей столь чудесно подарили второй шанс, чтобы позволить себе бездарно сгнить в смрадной темноте подземелий!

Прочь сомнения и страхи. Сейчас, наплевав на условности и всякие моралистские соображения, нужно спасти это великолепное тело. Ну и с ним, понятно, себя.

Хоть тело её и действовало как бы инстинктивно, почти само по себе, подкрепив его движения решением ума, она почувствовала себя гораздо спокойней и уверенней.

Теперь внутри у неё царила полная гармония – гармония жажды жизни.

Она подняла задумчиво-загадочный взгляд ясно-лучистых глаз, устремив его прямо в лицо так и стоявшему с поднятой рукой солдату, и одинокая горячая слезинка скатилась (она знала, что свет факела выделит эту слезинку на грязном фоне) по её щеке. Прекрасной формы грудь часто вздымалась под белой точёной рукой. Света для её мини-спектакля факел давал вполне достаточно. И падал он прямо на неё. Ну, разве она – не примадонна?

Примадонна эксклюзивного спектакля – всего на одного зрителя.

Как бы через силу и душившие её рыдания, которые только гордость не даёт показать, она дрогнувшим голосом произнесла:

– Я благодарна тебе за это. Как и за то сочувствие, с которым ты один относишься к моей печальной участи.

Прошло довольно много времени, прежде чем он закрыл, наконец, рот. Потом, правда, снова открыл, похлопал глазами. Шумно вздохнул.

Да, стрела явно попала в цель. Не напортить бы. Так, спокойней, не переигрывать.

– Ох, ваша милость... Да, вы правы, тысячу раз правы! Я очень сочувствую вам! Вы так молоды и прекрасны – конечно, ваше место не здесь! И это, – он показал чёрствый чёрный кусок хлеба в своей руке, – не еда для вас! Вы достойны

роскошных замков, прекрасных нарядов, слуг и всего того, что должно окружать всегда такую даму, как вы! И я просто ума не приложу, как вы, всё это имея, решились на такое... такое чёрное дело, такое преступление!

Ну здравствуйте! Значит, она здесь за *дело*?! И, видать, очень серьёзное... Дело.

Неважно. Она знает, как действовать, так это на самом деле, или не так!

– И ты поверил всем этим рассказням? – пора преобразиться в невинную, но гордую жертву, – Да ведь меня просто нагло оболгали! Я не совершила ничего из тех мерзостей, в которых меня обвиняют: я всего лишь беспомощная жертва клеветников, которые выше меня и сильнее! (наверное, и правда, у неё есть могущественные враги, раз до сих пор такая красавица – она! – в таком месте!) – горячий взор убеждённого в своей правоте невинного ангела. Достаточно. Теперь этот взор надо резко погасить, и глазки опустить к полу. Интонации совсем другие: надлом, самоирония, горечь...

– Впрочем, всё это ни к чему. Все мои оправдания никому не нужны. Ах, всё это слишком хорошо мне понятно. Меня искусно оклеветали, выбрали на место жертвы...

Мои враги, которые всё это замыслили, слишком высоко стоят, чтобы я посмела в этом их обвинить, и слишком могущественны, чтобы я могла хоть как-то защититься. Спасись...

– О, нет! Такая хитрая бестия всегда найдёт способ спасти

свою шкуру! – язвительно-злобный голос наполнил коридор, и, отразившись от стен, вплыл в камеру вместе с его обладателем, – Да уж, такая прожжённая интриганка и притворщица может, например, рассказать наивному мальцу красивую байку, как её подставили, бедненькую, и он проглотит эту чушь, потому что слушает больше глазами! – злобный взгляд и кивок на молодого парня сопровождали этот не лишённый сермяжной правды выпад.

Новая угроза. Она мгновенно подобралась, и приняла позу оскорблённой до глубины души благородной Леди. (голове для этого пришлось откинуть так далеко назад, что аж затрещали непривычные к такому обращению шейные позвонки).

Новый враг, который явно являлся начальником «наивного мальчика», разумеется, более опасен. Однако – имеет больше власти. Поэтому, раз, похоже, бедного парня использовать уже вряд ли удастся (не стоять ей на этом месте, если не так!), то, может быть, имеет смысл переключится? Если умело использовать слабые стороны этого самого начальника, он может представлять собой и более простой и короткий – в силу той же начальственности! – путь к свободе! Необходимо срочно включить резервы, и пристально изучить его!

Ну а пока «благородная дама» должна что-то быстро ответить наглецу из плебеев.

Она сама поразилась, насколько быстро всё это пронеслось и сформулировалось в её мозгу – видать, он не засорён

«продвинутыми» подарками цивилизации, и рафинированным питанием.

Отлично. Пусть цинично, но она не в таком положении, чтоб морализировать.

За доли секунды, пока всё это проносилось в уме, зрение уже сделало своё дело: глаза явно не нуждались в очках, и мельчайшие детали схватывались мгновенно. И запоминались.

Вот его немного гротескная фигура, чётко выделяющаяся на фоне светлого прямоугольника дверного проёма: одежда явно лучшего качества, чем у рядового, но сидит мешковато (выбран размер побольше – чтоб казаться солидней: и себе и подчинённым). Походка нарочито тяжёлая, с претензиями на авторитетность, немного вперевалку. (Значит, кривоватые ноги. То есть – уже большой комплекс.)

При небольшом росте руки несколько длиннее, чем надо. Наглость – наглость плебея перед той, что по социальному статусу явно выше его, но сейчас находится полностью в его власти, и последствий за это хамство и наглость он не опасается (это тревожный факт – он заставляет *сильно* задуматься о своём будущем. Но – об этом позже!). И, конечно, эта дурацкая манера самовлюблённого чревоугодника: пузо нести впереди себя, словно оно – самое выдающееся достижение его обладателя!

Законченный тип комплексующего туповатого карьериста, к старости мелкими услугами, подхалимажем и выслу-

гой лет выбившегося в начальство промежуточного звена, и теперь бесконечными придирками изводящего подчинённых, которых ненавидит, считая конкурентами (естественно, последнее у них – на взаимной основе). Но – хитрый. Не умный, а именно – хитрый, той самой, мелочной, «бытовой» хитростью. Остаётся удивляться, что за все (интересно – сколько?!) прошедшие века этот тип людей нисколько не изменился.

Да, наверное его можно использовать.

Слабые стороны: чревоугодие, властолюбие, завистливость, глупость (ну, или, скорее, ограниченность интересов), жадность. Последние две черты так и сквозят в маленьких, близко посаженных водянистых, неопределённого цвета глазках.

– Благодарю за изысканные комплименты. Вы – настоящий рыцарь! Как, наверное приятно оскорблять беззащитную женщину – ведь она не мужчина с мечом. Может быть, его светлость приплачивает вам за каждую сказанную гадость дополнительно? – (интересно, правильно ли она сформулировала титул его хозяина?).

Маленькая разведка боем тут же дала довольно буйные плоды:

– Чёртова ведьма! Отродье дьявола! – смотреть на его брызжущий слюной рот и трясущееся брюхо было противно, но и смешно. Однако, конечно, внешне она виду не подавала, – Я вижу – его высокопреосвященство недаром приказал

мне следить за тобой денно и ночью! Коварная змея! – обвиняющий жест пухлой руки с толстыми волосатыми пальцами вскинулся к её груди, рот перекосило от злобы. Он со свистом вдохнул.

– Ты можешь из других вить верёвки! Но со мной – да, со мной! – твои трюки не пройдут! Ты больше никого здесь не окрутишь, и не собьёшь с пути истинного своими дьявольскими речами и ангельской внешностью! Смотри-ка – ишь, «невинная жертва» нашлась!..

Этот болван – снова кивок в сторону застывшего бедняги, – может и не знает о тебе ничего, но я – Я! – я-то всё знаю! Будь моя воля – тебя бы и судили, как ведьму, и сожгли бы – уж можешь не сомневаться! – в тот же день! Скажи ещё спасибо своему мужу – покойнику (Царствие ему, бедняге, Небесное!), – он истово перекрестился, – Если бы не его имя, не видать бы тебе суда и следствия! Просто заживо сгнила бы тут у нас в нижнем подвале, и никто никогда не вспомнил бы...

Надо же, какой красноречивый, подумала она, быстро переваривая новую информацию, – прямо уездный трагик. Он, однако, ещё не закончил.

– Ну, ничего, ничего, – отдуваясь, и несколько поостыв, уже гораздо тише проворчал этот начальственный коротышка, – Недолго тебе здесь издеваться над нами – казнь через четыре дня! Когда, сударыня, ваша прелестная дерзкая головка отделится от тела, – он не удержался, чтоб не показать

кистью руки, – вряд ли вы сможете что-то сказать своим медоточивым ротиком, а тем более, кому-то навредить. Мёртвые не кусаются! Ха-ха!

Какая свежая шутка. Язык так и чесался – достойно отбить хама... Однако внешне она осталась неподвижна.

– Гийом! – офицер резко повернулся к молодому человеку, – ступай на кухню! С сегодняшнего дня ты на неделю отстранён от дежурств в казематах. Будешь помогать толстому Пьеру кашеварить и перетаскивать мешки.

– Но... – робко попытался вставить слово всё ещё протягивавший руку с хлебом вперёд, притихший и растерянный Гийом.

– Немедленно, я сказал! Ступай! Эй, стой! Положи *это!* – Гийом так и ушёл бы с куском в руке, – Положи, говорю, возле кувшина! Так. Забери старый... А теперь – ступай! Я сам запру. Стой же, балда ты этакая, отдай ключи! – ключи были действительно преогромные, с ладонь! – И не забудь там связку с факелами!..

Когда неровные шаги расстроенного солдата стали удаляться, более-менее отдышавшийся и успевший взять себя в руки мужчина снова повернулся к ней, выйдя из дверного проёма, откуда он следил за уходящим. Его злые прищуренные глазки горели. Только когда звук стих, он повернулся. Глазки снова злобно сощурились:

– Его высокопреосвященство всё верно сказал. Вы – ведьма.

Язык вашей милости – ваше главное оружие. Вам ничего не стоит втоптать человека в грязь, или унижить перед подчинёнными... Ну, ничего! Оставшиеся денёчки я *сам* буду охранять вас. Уж со мной-то ваши шуры-муры не пройдут! Красивая чертовка! Ничего у тебя не выйдет!

Однако словно в опровержение собственных же слов он как-то бочком, опасливо семеня, упятился в коридор и преувеличенно сильно, так, что даже забившееся пламя факела чуть не погасло, захлопнул дверь. Чертыхаясь, загремел за совами. Удалился он, уже не скрывая своих шагов, а напротив, подчёркнуто звонко топая.

Ого, как много информации, и важнейшей информации, теперь в её распоряжении!

Самая главная, конечно, о казни. Похоже, если она намерена выжить – а она намерена! – расслабляться и самокопаться не приходится. Да и желания особого нет: не то место и время.

Так, если голову отделить от тела, это значит, что её, скорее всего, отрубят. Гильотиной, мечом, или топором? Нет, явно, однозначно – топором. Гильотина – дочь французской революции, а судя по декорациям и тексту, она в другой, намного более ранней пьесе!

Но способ отделения головы сейчас представляет, так сказать, чисто академический интерес! А стратегически важным фактом является то, что в её распоряжении только трое суток. День казни не в счёт – там будут всякие исповедания,

проверки, и т. п.

Жаль, конечно, что этот глупый коварный мужлан испортил всю её (а похоже, и её предшественницы) работу и планы по использованию Гийома. Бедный парень! Остаётся надеяться, что неделю на кухне он как-нибудь переживёт. Ну да оно и к лучшему: останется вне подозрений, если она убежит отсюда.

Нет. Стоп! Не – если! Она убежит отсюда.

Но раз этот путь к свободе отрублен, нужно срочно переключаться на план «Б».

Для начала хотя бы его придумать.

Так на кого же ей ориентироваться, на кого, и с помощью чего, воздействовать на «неблагоприятные» обстоятельства?

Посетит ли её кто-нибудь ещё за эти три дня – неизвестно. Да и крайне маловероятно. Разве что священник накануне казни. Но это уже поздновато... Да и имеет ли реальную возможность священник как-то вывести её отсюда? Тоже маловероятно.

Здесь, в этом подземном каменном мешке всем распоряжаются военные – какой-то гарнизон. Тюрьмы, или замка. Что ж. Всё просто и ясно.

Так как стены долбить, и замки вскрывать (во-всяком случае, изнутри) она не умеет, да и некогда, единственным реальным шансом является Гийомов сердитый начальник.

Однако вести себя с ним в том ключе, что сейчас, или применять такую же тактику, как к молодому парню, было бы

довольно глупо. Стимулы не те. Значит, нужно найти те. Тайные стремления, нереализованные амбиции, и прочие потаённые грешки есть у всех.

Думай, Ирина, думай. И быстро!

Времени, отпущенного ей на сохранение второго шанса, осталось чуть-чуть.

И если она хочет сохранить это новое, здоровое и прекрасное тело в одной упряжке со своим сознанием, она должна доказать, что ей не напрасно предоставили такую уникальную возможность. Самое время напрячь интеллект и интуицию. Выход есть. Для человека, уверенного в себе, он есть всегда!

Ведь вокруг всего лишь – люди и обстоятельства. А это – не землетрясение, или ... болезнь. Тут можно и нужно справиться.

Ну и главное – она должна доказать: тот, кто дал ей этот шанс – не ошибся!

3

Опустившись на прелую солому лежака, и приняв позу лотоса, она закрыла глаза. Так, теперь дыхательная гимнастика... С телом порядок. А теперь – расслабиться. Хорошо.

Теперь сконцентрироваться. Я всё могу. Я здорова и сильна. Я умна и много знаю. Я знаю то, чего не знают здесь. И я знаю людей. Я знаю слабости людей, я понимаю их. Я по-

нимаю, что нужно людям. Я спокойна. Я уверена в себе. Я придумаю. Да.

Я придумаю.

Ещё до ужина она придумала. Придумала способ и выбрала средства. Проработала детали. Предусмотрела случайности и альтернативные действия...

И придала себе соответствующий вид.

Ужин, как и обещал, угрюмо надутый коротышка принёс сам. Случилось это часов через шесть. Состоял этот ужин-обед из очередного кувшина с водой и миски с полужидким месивом непонятного цвета.

Всё это было с нарочито равнодушным видом поставлено в угол, причём без единого взгляда в её сторону. Похоже, она так сильно её боится, наверное, скорее, инстинктивно.

Но тогда бы ему заткнуть уши, а не отводить глаза.

Он так же молча собирался и уйти, когда его догнал её холодный, без каких-либо эмоций голос:

– Мне нужно распятие.

Он так и застыл. Интересно, что его больше поразило? Сама просьба, или нарочито нейтральный, равнодушный тон?

– Заключённым не положены посторонние предметы. – выдавил он из себя наконец, всё ещё избегая смотреть на неё.

– Значит, вы готовы взять на себя ещё и этот грех?

– Какой ещё грех?! – возмущённый, он всё же наконец уставился на неё округлившимися глазами. Тут-то он и получил возможность оценить её консервативную причёску и

фанатично горящие глаза.

– Как – какой? Ведь если можно ещё спасти мою Душу (она старательно выделила это слово), а кто-то помешает этому, разве не он будет виновен в том, что *она* не отправится в Царствие Небесное, как и положено у всех христиан? – голос всё ещё был подчёркнуто спокойным, но внутреннего динамизма она добавила.

Помолчав, чтобы до него лучше дошёл смысл сказанного, она продолжила:

– Разве не грех отнять у Господа то, что могло бы принадлежать Ему, а вынуждено будет провалиться в геенну огненную?

– Э-э... Подождите! Я не понимаю... (а, так он ещё и тугодум! Или он настолько несведущ в вопросах веры? Нет, это вряд ли. Но форсировать или давить всё равно нельзя.), – Какая Душа? У кого её отняли? У вас, что ли? – теперь он презрительно хмыкнул, – *Это* вообще не в моей компетенции! И не будем больше об этом. Вот придёт послезавтра священник, к нему и обращайтесь со своей «душой»! – он тоже выделил это слово, но уж не без издёвки, – А я – простой солдат, и здесь не помощник!

Медленно выдохнув, она предельно спокойно попробовала ещё раз:

– Не хотите ли вы сказать, что простые солдаты в Бога не верят?

– Что за чушь?! – он возмущённо встрепенулся, – Верят,

конечно!

– Ну вот и моей веры у меня тоже никто отнять не сможет! – она агрессивно подалась в его сторону, тут же впрочем, остановившись, – Я не хочу предстать перед Всевышним с отягчённой и нечистой совестью. Я должна *постараться* вымолить прощение за свои грехи!

Опасаясь переиграть, она замолчала, и повернулась к стене. Ещё рано проявлять какие бы то ни было эмоции. Жертва ещё не заглотнула крючок с наживкой. Хотя, конечно, непорядочно использовать как наживку единственное, что, может быть, осталось святого у этого повидавшего виды прагматичного карьериста, – его, возможно, в глубине души искреннюю веру в единственно непреходящие ценности: в Бога, Высшую Справедливость, и Царствие Небесное...

Впрочем, будем реалистичны – возможна ли, с его-то мировоззрением и циничностью, эта самая искренняя Вера? Ну а если и нет – показать он это (даже самому себе) побоится. Стереотипы поведения и воспитания ставят на такие проявления «циничного неверия» жёсткие ограничения – особенно в эпоху ведем.

– Ах вот как! Ваша милость решили, что за два дня молитва очистит в вашей душе то, что вы годами там пакостили?! Ха-ха-ха! (до чего наигранный смех – это ясно и ему самому: вот он заткнулся), – Ну, нет! Такие злодеяния так просто не искупить! – издевательский тон говорил о чувстве внутренней правоты. По-крайней мере, для него – она точно

была виновна, – Господь-то знает, кто истинно верует, а кто только хочет показать себя верующим! Нас, людей, вы ещё можете обмануть, а вот *Ego* – не выйдет!

Он замолчал, выпятив вперёд подбородок, словно хотел придать больше веса своим (надо признать – довольно справедливым) словам.

Что ж, он готов. Первый этап успешно пройден, нужный настрой у жертвы достигнут.

– Значит, вы отказываете мне? – слегка разочарованный, но спокойный тон.

– Ну, нет! Я нормальный католик, и на себя такой ответственности не возьму, конечно! Пусть ОН – палец в потолок и кивок головой, – вас судит! И хотя его высокопреосвященство и запретил вам что-либо давать, уж против распятия-то, я думаю, он точно возражать не стал бы. Вот только наверняка ему и в голову даже прийти не могло...

По-правде говоря, и мне тоже!.. – он чуть отстранился, взял паузу, но продолжил:

– Да, я дам его вам. И даже скажу, почему, – он перевёл дыхание, и несколько сбавил тон, – Если вы что-то опять задумали, сомневаюсь, что деревянный крестик поможет вам убежать, или навредить кому-нибудь. Ведь кто бы ни пришёл, я-то буду здесь! Ну а если – вдруг! – ваша милость и вправду хочет вымолить прощение у Всевышнего, то моя совесть будет чиста: я не мешал вашему покаянию!

Да, в житейском прагматизме ему отказать нельзя. Моло-

дец. Практически оправдал её расчёты – сказал то, что и должен был сказать надёжный, и набожный охранник.

Теперь дело за ней. Нужный тон и движения давно продуманы. Главное – чтобы не чувствовалась отрепетированность домашней заготовки.

Очень медленно она повернула к нему слегка опущенную голову. Развернулась сама. Брови подняты, взгляд прояснено-удивлённый. Как бы через силу она выдавила:

– Благодарю... вас. – и после тщательно рассчитанной паузы и еле слышного вздоха, – Простите за недостойные мысли о вас. Я думала... Я думала вы побоитесь сделать это.

Ведь наверняка его светлость... Ах, Господь, прости мне... – и после ещё одной паузы, глубоким грудным регистром. – Спасибо. – совсем уже близко сдерживаемые слёзы. Но они не прольются – гордость...

Она опять опустила голову, отвернулась, и сильнее навалилась на стену рукой.

Нужно не играть – нужно действительно ощутить стыд перед ним (таким порядочным!) за своё предыдущее отношение – презрительное и высокомерное.

Теперь – только молчать.

Молчать, чтобы не развеять свой образ и его самоощущения от благородного и, в общем-то, смелого, поступка.

О том, что что-то произошло с его позицией в отношении неё, сказало красноречивей всяких слов, довольно долго сохранявшееся молчание. И даже факел не трещал.

Затем жертва тоже беззвучно вздохнула, как бы сбросив невидимые чары, и неуверенно пробормотав:

– Да ладно, чего уж там... Ведь вам так мало осталось...
– затем, словно устыдившись бестактности, он неуверенно как-то развернулся и вышел. Дверь не хлопнула, а медленно, вроде даже с сожалением, закрылась.

Замок запереть он, разумеется, не забыл.

Медленно она пошевелилась, сменила неудобную позу. Атмосфера, столь сильно накалённая ею, разрядилась.

Его шаги уже затихли вдали, когда она, наконец, вдохнула полной грудью.

Получилось. Получилось? То, что она задумала для первого этапа, вроде, получилось. То ли это, что ей нужно? Хочется верить. Нужно верить.

Ну вот, первый этап позади. Тело, голос, метод самонастройки и вживания в образ не подвели. Ладно, теперь главное – действовать методично и придерживаться плана.

Звучит – даже для себя – прямо как в американских боевиках... И они кончаются хорошо... Оптимистичны, в отличии от большинства поделок отечественной киноиндустрии. Нет: она – за хороший конец. Это уж точно.

Сейчас же можно на какое-то время расслабиться и попробовать местную еду. А то привкус от кислого чёрного хлеба держится во рту до сих пор.

Ну вот, всё остыло. И ложка неудобная – из дерева. Но, в принципе, есть можно, и всё вполне съедобно. Да, впол-

не. Для восполнения нервных и физических сил похлёбка из гречихи вполне годится. Вроде, и сказано было немного – а вот поди ж ты, ушла уйма сил.

Но главное – нужный настрой, атмосфера, вроде, созданы. Теперь нужно восполнить потерю энергии. Силы ей понадобятся – ещё как понадобятся. И, возможно, очень скоро.

4

Не прошло и получаса, как он вернулся. Возможно, он мог бы прийти и раньше – судя по всему, распятие было его собственным, а жил он явно где-то здесь же. Но по дороге, очевидно, его терзали разные мысли и сомнения.

Да и то правда – кого бы на его месте они не терзали: вверенная преступница вдруг на сто восемьдесят градусов сменила курс: из коварной оболъстительницы превратилась в кающуюся грешницу (как не вспомнить снова «Трёх мушкетёров»! – будем надеяться, что их ещё не написали!).

И по здравому размышлению, он придет к мысли, что она ломает комедию.

Такое положение устраивало её, как ничто другое. Муха должна увязнуть в паутине. А ещё лучше, если сама муха и слепит и укрепит свою паутину – чтоб увязнуть покрепче. Даром, что любой человек – раб своих же привычек и стереотипов...

Разумеется, она ожидала, и подготовилась к его возвра-

щению.

Тем не менее, услышав медленные шаги и поворот ключа, не смогла на какое-то мгновение сдержать нервную дрожь. Ведь люди – не вычисляемые калькулятором однозначные цифры-результаты... В конце-концов, он мог и передумать.

Начихать на все тонкости её психологических построений, и просто напиться вина, или поручить кому-нибудь другому принести ей еду, а про распятие и её религиозное рвение как бы забыть...

Но вот он входит, и так медленно, что она успела справиться с собой.

В руке он действительно держал маленькое – сантиметров тридцать – деревянное распятие. Увидев распятие, и задержав на нём взор, она чаще задышала, и, как бы в изнеможении, села на лежак, не забыв вытянуть в его сторону заметно дрожащую руку.

Тем самым она сразу достигала двух целей: вынуждала его подойти к ней (а вблизи её энергетика давала гремучий эффект, она это знала, и чувствовала), и смотреть на неё сверху вниз. Таким образом он не чувствовал себя ущемлённым своим небольшим ростом. И мог ощущать себя (ну уж тут – ха-ха!) хозяином положения.

Всё верно: он не купился. Это стало ясно, едва он открыл рот:

– Вот распятие для вашей милости, – держа его перед собой, словно бы отгораживаясь от неё, он медленно и доволь-

но спокойно и уверенно подходил, – Я выполнил своё обещание и свой христианский долг! Но вы уж не обессудьте, сударыня, – тут в его голос снова прорвались нотки иронии, – По здравом размышлении я не очень-то верю в ваше раскаяние. Я не первый день слежу за вами, и раньше что-то не замечал в вас каких-то религиозных порывов!

Поэтому я делаю это не для вас, а для себя: чтоб совесть моя была чиста и спокойна -да, я сделал, что должно!.. Остальное – во власти Божьей! – сделав ещё медленный шаг, он встал напротив.

Поколебавшись какое-то едва уловимое мгновение под её лучисто-тёплым, всепрощающим взором, он вложил-таки распятие в её поднятую руку.

Искра всё же пробежала от его руки, когда он невольно коснулся её пальцев.

Хватит, дольше выдерживать драматическую паузу нельзя, а то мистический миг доверительности и единения пройдёт.

Бросив краткий взгляд на распятие, она тут же снова подняла глаза на него:

– Почему вы стараетесь выглядеть более жестоким и зачёрствелым, чем на самом деле?

Я же чувствую – всё это только шелуха, корка... Ведь несмотря на строжайший запрет, и свои... сомнения, вы всё же принесли мне ЕГО, – она, чуть вздохнув, снова перевела взор на распятие, которое теперь прижимала к своей груди

стиснутой изо всех сил рукой (он должен заметить побелевшие костяшки пальцев), – хотя вы даже не представляете, *как* это важно сейчас для меня, – против таких глаз, да ещё вблизи, устоять, конечно, не смог бы никто.

Но не их, и не красоту своего тела собиралась она использовать сейчас как оружие.

О, мужчины, боящиеся быть соблазнёнными, или одураченными, как вы... Правы! (впрочем, она не исключала мысли о том, что *некоторые* женщины, *возможно, иногда* честны в своих взаимоотношениях и поступках...).

Выдержав очередную паузу, с лёгкой горечью она задумчиво произнесла:

– Вы очень помогли мне. Это распятие, этот могучий символ, и вправду важен для моей души и совести! И пусть Господь простит вам ваше недоверие и вашу иронию – я помолюсь и об этом. Впрочем, вы и не могли относиться ко мне по-другому! Но тут уж простите, – она горько усмехнулась, – я (по привычке, наверное!) – так цеплялась за жизнь...

Ещё простите за Гийома – он ни в чём не виноват. А я... – она опустила голову, – Я постараюсь, чтобы оставшиеся часы моей жизни никому не принесли вреда.

Внешне это проявлялось только в мелочах – подрагивании кончика меча, учащённом, еле слышном дыхании, и напряжении в туловище – но она чувствовала, что теперь он в ещё большем замешательстве, чем вначале. И сейчас здесь не было никого – ни начальства, ни подчинённых, перед ко-

торыми нужно было бы сохранять лицо.

Но и совета, что делать, и как вести себя дальше, спросить было не у кого. Кроме того, он явно испытывал стыд. Ну, может, и не стыд – но определённое смущение. (это он-то, забывший, наверное, что значит и само это слово!), за свои – хоть и вполне обоснованные – подозрения насчёт намерений доверенной узницы.

Всё в порядке, грубая честность (по Карнеги) почти всегда ставит в тупик и лишает аргументов. Она не играла – она просто жила своим образом. Похоже, порядок.

Однако нельзя слишком затягивать молчание – иначе чувство неловкости, стыда, и, возможно, возникающей жалости, сменится у него на чувство злости. На себя же – за эти самые стыд и жалость! – а затем эти эмоции будут перенесены на неё, автоматически, в целях самозащиты от уязвлённого самолюбия.

Вновь подняв на него не столь уже горящий, а скорее, умиротворённый взор, она совсем тихо произнесла:

– Благодарю вас ещё раз. – Снова вздох, но уже более оптимистичный (если только может быть оптимистичный вздох!).

– Да ладно уж... Пожалуйста! – смог наконец проборотать временно выпущенный из-под гипнотического действия кобры-постановщицы спектакля, беззащитный воробей, – Вы тоже... меня простите за... э-э... недоверие. Сами понимаете – работа такая. Да и то сказать – слишком много

разных... Э... дел числится за вашей милостью, чтобы вот так, сразу, поверить в ваше искреннее раскаяние. Поневоле засомневаешься... – Ага, вот он уже, пусть неловко и криво, но улыбается.

Даже стыдно брать его именно в этот момент.

Но – надо. Тем более он так здорово ей подыгрывает. Она успокоила промелькнувшие угрызения совести обещанием сохранить ему жизнь и свободу – из образа выходить нельзя.

– Из того, что мне приписывают, – так же медленно, тихо и отрешённо, снова уведя взгляд в сторону и вверх, словно бы к небу, начала она, – лишь за ничтожную часть я действительно в ответе... – тут она вскинула кверху и вновь, словно внезапно обессилев, опустила руку с распятием, и позволила части рыданий (но – сдерживаемых) проскользнуть в голосе, – В ответе перед Богом и людьми. Но – нет...

Не это мне предстоит замаливать. Главная вина и беда моя не в этом. И его высокопреосвященство прекрасно об этом знает. Для того-то он и устроил весь этот заговор, чтобы я оказалась здесь, и он без помех вырвал у меня мою тайну! – обличающие и гневные ноты в её крепнущем голосе зазвучали уверенней, – Да! Все эти злодеяния на моей совести, но и на его – тоже!

Она как бы судорожно сглотнула душившую её слезу, и чуть патетичней продолжила:

– И я знаю, что его толкнуло на это: его непомерная алчность, его корыстолюбие! Его дикая жажда власти!.. О, я-то

хорошо помню, как он на коленях умолял открыть ему мой секрет, ещё тогда, три года назад, до того, как всё это началось... – она замолчала, откинувшись назад, и закрыла лицо ладонями. Теперь она уже не сдерживала слёз, и они, блестя и капая на платье, потоком текли сквозь пальцы.

Но вставить хоть слово зрителю своего монолога она не дала, продолжив опять тихо:

– Да, глупо так говорить, да и не к месту всё это теперь... Только я понимаю, *что* ему было нужно. Ведь деньги, золото – это только средство...

Власть – вот цель, к которой все стремятся. Но без него – без золота! – ничего этого не добиться... Нет золота – нет силы, нет почестей, престижа, безнаказанности – всего того, к чему так стремится этот... да, этот низкий человек. И вот, надо же было такому случиться, что он узнал о моём... Так я должна была стать ключом к его восхождению. К его богатству. Этот мерзкий человек готов был погубить – да и погубил! (она горько усмехнулась сквозь слёзы) – меня и близких, чтобы вырвать страшную тайну, это несчастье и проклятие всей моей жизни: вырвать пытками, угрозами, шантажом – способ не имеет для такого человека значения!..

Но он просчитался!

Сейчас, пожалуй, хватит. Её бессвязная гневная речь должна быть покороче. Да и пора снова переходить к смирению и покаянию:

– Да, он просчитался... Он не узнал ничего...

Через три дня меня не станет, и весь его чудовищный, жестокий план не принесёт ему *ни-че-го*. Ибо моя страшная тайна умрёт вместе со мной. – она задумчиво покачала головой, – Как жаль! Мой дар принёс мне не богатство и радость, а только слёзы, горе и унижения! Я всё время думаю об этом...

Всё же, наверное, это произошло потому, что я всегда в первую очередь думала о себе. Только о себе. Мало, вернее – совсем не помогала другим, тем, кто действительно в этом нуждался... – теперь она говорила медленно, раздумчиво, как бы сама с собой, – Нет, я никому не помогала, даже когда могла. Вот это мне и предстоит замаливать – то, что я, дуручка, имея возможность накормить стольких голодных, и помочь стольким нуждающимся, думала только о роскоши, удовольствиях, и копила всё только для себя... Как глупо...

Она замолчала, не смея показать партнёру, как нужна ей сейчас его реплика, его вопрос – для логического завершения монолога-фарса. Длинновато получилось. Но так и должно было быть – ведь она не подготавливала специально слов: они лились сами, её была только основная идея.

Гнев, раскаяние, недосказанная тайна – фальши допустить было нельзя. Теперь дело за ним. Как жаль, что он не знает своей роли. И суфлёра нет – сейчас брякнет с растерянности что-нибудь не то, и весь сценический эффект – на-смарку!..

Он, однако, не подкачал:

– Ваша милость... Простите моё невежество, но никак не пойму, о чём вы речь ведёте? Какой дар, какая тайна? Ведь вы осуждены за заговор против короля!

– Ах, это... Да. Осуждена. – презрительный, но и скорбный смешок, – Осуждена, хотя и не виновна в этом! О, нет, не за *это* взойду я на эшафот.

А за то, что не пожелала помочь его высокопреосвященству наполнить золотом его кошницу – его бездонные сундуки! И разрушила его честолюбивые помыслы!.. – а теперь как бы осознать неуместность гнева, – Впрочем, простите за этот выпад – он совершенно не уместен. Да и поздновато уже *мне* кого-то обвинять... Нет, никто, кроме меня самой, не виноват...

Вновь повисшая тишина нарушалась только его громким дыханием. Он был захвачен – это чувствовалось по всем признакам. Ещё бы – речь зашла о Богатстве! Пусть пока – для кого-то другого, но... Но ведь можно хотя бы попытаться... Она чуяла – глубоко в его мозгу прагматик уже отдал приказ языку!

– Уж простите меня за неуместное... любопытство, ваша милость... Но как – как вы могли бы дать ему богатство?! Ведь ваша матушка... ваш род так беден! И не для кого не секрет – что вас выдали замуж... э-э... по расчёту?.. – он уже начал. Пока – подготовка. Да и кто бы на его месте не начал?

– Да... – она свертяжело и надрывно вздохнула, – Прошу вас... Не будем об этом.

Все эти воспоминания и то, что я могла бы... сделать, но не сделала...

Мне стыдно и больно об этом говорить. Пусть уж моя тайна просто умрёт со мной. Никто больше не должен пострадать... Прошу вас! – она вдруг порывисто вскочила, схватив его обеими руками за руку, и очень крепко пожала (вцепилась в неё, как клещами!), – Нет-нет – умоляю! Не спрашивайте! Не надо!

После ещё одной паузы, она выпустила, как бы поникнув в бессильи, его руку, и опустилась снова на свой лежак:

– Я... благодарна вам за помощь и... *это...* – она снова печально взглянула на распятие, которое всё ещё было у неё в руке, – Но лучше я буду просто... молиться. Вы же постарайтесь... Да, забыть обо мне, когда всё кончится!

Всё же в нём осталось что-то от обычного человеческого такта – предлагать ему оставить её одну не пришлось, достаточно оказалось чуть отступить назад.

Смена её непредсказуемого (ну так, женского же!) настроения удивила его, конечно, но тактичность пока возобладала над любопытством. Поколебавшись, он поклонился (чего, наверное, до этого не делал никогда!), и всё же выдавил из себя:

– Доброй ночи сударыня.

– Доброй ночи. – И, спустя точно рассчитанную паузу, и тише, – Храни вас Господь...

Он вышел, загремел ключами. Походку его она бы теперь

определила, как задумчивую, если так можно сказать о походке.

Ну вот, теперь ему целую ночь предстоит... думать?

А ей – немного поработать.

5

К утру у неё всё было готово – даром что факелы горели почти всё время. Сменяли их примерно раз в час, наверное, в коридоре был-таки постоянный дежурный, и она слышала его шаги и побрякивание с постукиванием. Но к ней он не совался – вероятно, выполнял четко очерченные служебные инструкции. И это просто не входило в его обязанности.

На то, чтобы выточить полукруглую (по форме большого пальца) вмятину в распятии пониже ног резной фигурки Спасителя, ушёл примерно час.

Опилки она спустила в дыру, выступ камня, о который точила дерево, тщательно затёрла плесенью. Труднее оказалось оторвать немного желудочного сока, чтоб он был достаточной концентрации, и обработать им основную впадину, и следы от остальных пальцев, что должны были оставаться при правильном хвате распятия.

Но она, в глубине души надеясь, что не кощунствует, справилась и с этим.

Теперь осталось только натереть эти места частицами глины, добытыми со дна кувшина, и ещё вправить в получен-

ные отметины частицы с нагрудного крестика – благо, золото очень мягкий металл, и мельчайшие его следы на поверхности оставить довольно легко – особенно, если поточить о камень, и втереть ногтем, и тем же золотым крестиком.

Поспать ей удалось часа два. Пришлось встать пораньше, как оказалось, за пару часов до его очередного визита на завтрак, чтобы придать себе снова соответствующий вид. Не привыкшая, вероятно, к такому обращению кожа головы болела после тугого узла, оттягивающего копну её нечёсанных, но всё равно густых волос, на затылок.

Но отдохнуть больше нескольких часов этой коже она не дала – жизнь важнее.

Постукивание, побрякивание и шаги уже не вызвали сильного волнения. Вот и он – вошёл довольно спокойно, но по всем признакам она видела его напряжение, и бессонную, вероятнее всего, ночь. Начали они с обычных фраз:

– Сударыня, вот ваш завтрак.

– Спасибо, я не голодна... (как бы не так!)

– Ну... как? Пригодилось вашей милости... распятие?

– О, да! – благодарный взор вскинут и снова опущен, – Пригодилось... Но вам придётся простить меня – я... немного его... испортила.

– ?! – его взгляд так неподдельно передал всё его удивление, что реплики не требовалось, и она поспешила нарушить нависшую тишину:

– Надеюсь, вы сможете достать себе новое... Если, конеч-

но, не решите, что вред от меня (она смущенно хмыкнула) небольшой. Вот, посмотрите – я... откусила отсюда. – она протянула ему результат своей многочасовой работы, надеясь, что в слабом освещении...

Посмотреть было на что. Там, куда должен бы был приходиться её большой палец, была почти правильной формы вмятина, семи-восьми миллиметров глубиной, и шириной с сам палец.

А в местах касания остальными пальцами проступали заметные светлые следы – словно из пальцев выходило что-то, обесцветившее дерево креста.

Он поднёс распятие к свету – и задохнулся. В главной впадине, от большого пальца, явно видны были следы... золота. И вокруг ореолом расходился светлый круг...

Незаметно боковым зрением она следила, даже не поворачиваясь, словно ей стыдно за содеянное. Его же, спустя некоторое (довольно, впрочем, продолжительное) время прорвало-таки:

– Ваша милость... позвольте... Ущерб, конечно не велик. Я не в претензии... Но вот вы сказали – выгрызли зубами... Я не понимаю – зачем?!

Брехня. И наглая. Уже давно ты всё понял. Хочешь только услышать это от неё...

Что ж. Услышишь. Но – не сразу, конечно. Ведь она, типа, не желает ему зла.

– Зачем? Ну, скорее, не зачем, а почему – у меня слабые

пальцы, и я не могла ими... (а вот это очередная ложь – уже с её стороны: пальцы у этого тела – будь здоров!).

Она замолчала, прикусив язык, словно против воли сболтнула лишнего.

Он тоже недаром всю ночь думал, и мог легко закончить за неё, но продолжал свою линию – хотел «подтверждения из первоисточника»:

– Простите меня, пожалуйста, ваша милость, но я всё же христианин! (ага, уже аргумент!) и хотел бы знать, не были ли здесь... какие-нибудь... колдовские...

– Ах, бросьте! Ничего такого здесь не было. Если вас это устроит, отнесите *его* в собор, и пусть служитель веры снова освятит его... Хотя ничего злого я не делала!

Нет, от него так просто не отвертеться, его натура давно почуяла... наживу!:

– Но всё же, ваша милость... Здесь и следов зубов-то... Что же вы отсюда?..

Нет, она покобенится ещё немного. Но – не слишком долго. Через две-три минуты он-таки услышал. С «недостойным» раздражением она выдавила:

– Надеюсь, *золото* не противоречит основам христианской морали? Ведь из него делают и утварь, и чаши для богослужения... И нательные кресты... Ну так я просто убрала его оттуда!

– Как – убрали?! И где же оно?!

– Как – где? – недоуменный тон, она небрежным жестом

узкой ладони указала, – В яме, конечно! – словно это разумелось само собой.

Ну, для неё, может, и разумелось, но вот для него...

– В яме... – казалось, столь непочтительное обращение с царём металлов повергло его в ступор. Во всяком случае, затянувшееся молчание дало ей понять, что недоверия её слова не вызвали (ура!), – Э-э... То есть, вы хотите сказать... что то, что вы отсюда... выгрызли...

И... выбросили – в эту яму?!

– Ну да! – она передёрнула плечами, словно раздражённая его недопониманием.

– А... Почему?!

Вздых разочарованной дурочки, самой собой загнанной в угол, дался ей легко:

– Потому, что от него-то и все мои беды... От золота. – и, с надрывом! – Ах... нельзя мне этого говорить, – словно спохватилась она, отворачиваясь и передёргивая плечами, словно от сквозняка.

– От... золота? Но... откуда же вы его... И как оно оказалось здесь, внутри *моего* распятия?! Ведь его же... – было вполне ясно, что ведь не отстанет.

– Ладно! Грех этот останется на мне! Я по недосмотру слишком долго касалась... *вашего* распятия, и слишком горячо молилась... Это от моих пальцев так получилось. – ну вот, главная фраза шоу произнесена, декорации в виде отпечатков расставлены, – Ещё раз – простите!

Он надолго заткнулся, словно только теперь понял.

Дудки. Ты, милейший, «понял» ещё десять минут назад, и мимика твоего достаточно освещённого лица, сказала ей всё... А сейчас ты ищешь способ, как бы потактичней сказать ей, как выведать...

На его очередную (честно говоря, не очень-то и робкую) попытку, она как-то устало и буднично сказала:

– Ну что вы ещё хотите услышать? Да, я владею этим проклятием. Этим... легендарным даром. И вот – это погубило и моих близких и меня... Это Прикосновение Мидаса.

Воцарившуюся за этим тишину можно было бы назвать мёртвой, если бы дежурный по коридору не решил заменить давно трещавший и меркнувший факел.

Пока происходила замена, никто не сказал ни слова, но напряжение росло.

– Неужели... (вот дьявол, он всё же сомневается?!) Вы... И вправду отказались рассказать об этом его высокопреосвященству? (ага, к счастью, это – *другое* сомнение!)

Её ироничный смех прозвучал довольно фальшиво... Ну, словом, так, как и был задуман:

– Может, я и плохая женщина, интриганка, и легкомысленная... Но вот в вопросах золота и церкви... Разве *это* – не запрещенное золото?! Ведь мы должны «в поте лица зарабатывать себе пропитание», как сказал Господь. А тут – вот, стоит мне только...

Ведь подчас я и сама себя спрашиваю – может, и вправду

– я – ведьма?

Всегда... по-настоящему я действительно... боялась. Пользоваться этим.

Я думала так: кто дал мне право *судить*? Или: дать одним, а другим – не дать?.. Кто нуждается больше? Кто и правда – не может, а кто – просто *не хочет* заработать?.. «В поте лица»? Кто из нищих и неимущих – действительно такой, а кто – просто недостойно притворяется, пытаюсь сыграть на жалости?! И христианском сочувствии.

Кто я такая, чтобы решать такие вещи?..

Церкви я, может быть, и раскрыла бы этот дар, даже боясь быть обвинённой в связи с нечистым... Но *он* – не Церковь! *Ему* – ни за что! – гневные нотки прорвались точно дозированным финальным аккордом.

Нужно отдать ему справедливость – он не сразу, и не на коленях стал просить её объяснить (Ха-ха, как же – объяснить!) как это у неё получается.

И совершенно ни к чему её отказы и увёртки не привели: плевать ему было на её «высокие идеалы» и морализаторство о «Душе» и т. п. Но виду он, конечно, не подавал. Молодец. Человек дела.

– Я могу превращать в золото почти всё... – призналась она наконец, с совсем уж траурным видом, – но на разные... материалы... требуются разные усилия. Вот, например, с вашим распятием вышло недоразумение – я просто истово молилась, и даже не заметила, что слишком... ну, увлеклась,

что ли.

Хотела вымолить прощение. Увлеклась, да... Но успела всё же остановиться. Если бы распятие было из металла – ну, там, – медь, или серебро...

Оно бы превратилось в золото очень быстро.

Но тогда бы я просто выбросила вниз его всё, и вы бы ничего не узнали... А так – я же хотела сохранить его вам: не вернуть было бы... непорядочно.

О-хо-хо. Есть ему дело до её порядочности. Даже два раза.

– Но как же, всё-таки, у вашей милости это получается? У вас это врождённое, или вы... Или этому можно научиться?..

– Ах, в том-то и дело. Точно я не помню... Врождённое – вряд ли. Тогда мои родители сказали бы мне об этом. Я, хотите верьте, хотите – нет, сама толком не пойму, как у меня открылся... или оказался... этот дар. В детстве, говорят, я на неделю пропадала из нашего родового замка...

Я сама ничего не помню, но кормилица рассказывала, что меня, вроде как похищали цыгане... Правда, никто этих цыган так и не видал... И что меня нашли в деревушке в десяти лье от замка, и я тогда ничего не могла рассказать... Мне было около четырёх.

А первый раз я превратила серебряную монету в золотую случайно, когда очень захотела что-то купить на ярмарке... Это мне было уже где-то семь... Мама тогда сказала, чтобы я больше никогда... – опять самоирония, – Но *разве* можно удержаться, и не попробовать...

Помолчав, и покачав головой, она закончила:

– Конечно, с годами *это* делать всё легче – словно учишься... Читать... Или ездить верхом.

Он молчал, но его молчание было красноречивей любых слов, а чуть приподнятые руки как бы тянулись к ней в немой мольбе. Словно почуяв его обращение, она вскинула к нему голову и гневно произнесла:

– Нет! Даже и не думайте, сумасшедший вы человек! Нельзя, грешно смотреть на... *такое!* Неужели вы не поняли – в *этом* источник всех моих бед! Я не могу, и не хочу никого втравливать в это... это колдовство! – она сделала упор на этом слове, словно пытаясь хоть этим «испугать» его!

«Испугается» он, как же...

– Но... сударыня. Если... (Он старался быть тактичней, и замаскировать свои меркантильные устремления. И даже слово «колдовство» сразу «правильно» воспринял лишь как её попытку испугать и отвратить его!), – Если такой дар пропадёт, исчезнет вместе с вами, то сколько возможностей, сколько добрых дел и пользы для... неимущих пропадёт навсегда! Сколько бедняков, обездоленных судьбой, могли бы прокормиться – ну, хоть, до созревания урожая – если вдруг выдастся недород, или...

Или сколько больных могло бы купить лекарства... или сколько милостыни можно было бы подать тем, кто уже не в силах работать сам, ведь эти деньги... Можно было бы употребить и во благо!

Вероятно, он продумывал эти и другие аргументы всю ночь, хотя оригинальностью они и не блистали, и могли прийти на ум любому.

– А что – вы думаете, всё это не приходило в голову и мне?! Ещё до того, как я оказалась... здесь?

Да, я несколько раз пыталась. Пыталась помочь страждущим и нуждающимся... А как вы думаете, откуда *он* узнал о моём даре? – её горечь была неподдельна, она и в самом деле её ощутила, – Нет, шила в мешке не утаишь! И не надо меня уговаривать! (Впрочем, в подтексте обычно такие реплики как раз и означают – ах, уговаривайте, уговаривайте меня!.. Мне так стыдно, так жалко уносить такой секрет с собой! Будьте настойчивей, и, помучившись, я не смогу его удерживать там, в глубине...)

Конечно, он не сдался, но и она ещё держалась.

Побившись ещё минут двадцать, он оставил её, плачущую, и, словно в истерике трясущую головой, и всё ещё отказывающую, одну.

Ничего, явственно читалось на его туповато-упёртом лице, скажешь, голубка, я очень терпелив, у нас ещё обед, ужин, и два дня...

6

Два дня не потребовались. После обеда, «вняв» его аргументам и мольбам хотя бы «показать», она взяла с него тор-

жественную клятву (на его же распятии) никому и никогда... Даже детям своим! (попутно она таким образом выяснила, что их пока нет).

То, что у него нет жены, или ещё кого-то, её устраивало лучше всего. Значит, никто от него не зависит, и не пострадает, если она его... Хм. Скомпрометирует.

А вот того, что он такой настойчивый, она стала потихоньку опасаться – как бы он, выведав то, что его сейчас интересовало больше жизни, не поспособствовал её...

Назовём это – преждевременной кончиной.

Рожа у него уж слишком хитрая.

Однако тут она могла быть спокойна – конец шоу будет не совсем таким, как он, вероятно, своим подленько-практичным умишком рассчитывает. Ведь вначале – он должен увидеть. Понять. Научиться. Закрепить навыки...

Когда часа через два после обеда он опять пришёл, она «в последний раз» попыталась его уговорить и образумить... Но ни имя Господа, ни обращение к Богородице не вразумили его.

Что ж, она «сняла» грех со своей совести, выбор был за ним – она так и сказала.

Радовало только то, что все слова и движения давались ей теперь легко и просто, словно они смогли наконец, слиться в гармонии – она и это... новое тело. Словно договорились – победить общего врага!

О серьёзности же его намерений можно было судить и по

факелу – то он довольствовался светом из коридора, не закрывая её дверь. Возможно, что расстояние до дежурного было большим, и он не боялся быть услышанным.

Теперь же он принёс факел с собой, укрепил его в держаке у двери, внутри камеры, а входную дверь притворил – тихо и плотно. Правильно: свидетели ни к чему...

И ей это только на руку.

– Вы принесли, то, что я просила? – она, хоть и несколько отрешённо, но перешла к деловому тону. Раз у него нет сомнений, то и она готова показать. Она предупреждала, но он не внял – следовательно, ответственность за его судьбу и жизнь лежит на нём самом!

– Да, сударыня! – плохо сдерживаемая дрожь в голосе. Он явно боится – ну, как же! *Почти* колдовство. Да ещё и неизвестные последствия... в будущем.

Впрочем, будущего-то он точно не боится. Он уже всё решил – и про неё, и про себя. Если сейчас не «нейтрализовать» его, без опасения за свою жизнь кушать будет нельзя.

– Покажи. – она протянула белую точёную руку, двигая ею мягко, медленно.

Монету он протягивал на вытянутой руке, глаза горели сдерживаемым лихорадочным блеском, словно у золотоискателя, заглядывающего в чужой промывной лоток. Но он ещё контролировал себя – об этом говорило ритмичное и ровное дыхание.

С видом скорбящей о неразумном дитяте матери, она взя-

ла её кончиками пальцев, аккуратно. Посмотрела. Поводила около лба (пусть удивится), и... Вернула обратно.

Напряжённая пауза.

– Да, подойдёт. Серебро соглашается меняться легче и быстрее всего остального... Только протри её немного. Нужно убрать с поверхности грязь и следы пальцев людей.

Ого, с каким остервенением он принялся тереть её! Лишь бы дыру не протёр. Дышал он теперь прерывисто, с каким-то присвистом. Ну, достаточно – она блестит.

– Довольно. Давай. – она сама протёрла монету ещё раз подолом своего когда-то шикарного, а сейчас, в свете близкого факела, непрезентабельно-обтрепанного по подолу платья. Однако бархат – он бархат и есть: монета сияла – лучше некуда.

Придерживая её через материю, она поставила судьбоносный металлический кружок на лежак, прислонив к каменной стене. Чуть повернула. Отошла. Вздохнула.

– Я должна делать всё так, как положено. Чтобы мне было легче, я должна попросить у неё прощения, и настроиться... на её душу. – она опустилась на колени в двух шагах от монеты, поерзала на неровных камнях. Ещё раз вздохнула. – Видишь? Вначале – *издали*...

– А... мне что делать? – несколько растерянно спросил он, переводя взгляд с неё на монету, и переминаясь с ноги на ногу.

– Ах, не важно. Ну хочешь, стань рядом, – она равнодуш-

но указала на пол рядом с собой, приглашая его опуститься на колени в шаге от лежака, – Я хочу, чтоб ты понял – у всего на свете есть своя... ну, душа, что ли... И прося её, – кивок в сторону монеты, – измениться, я должна прежде всего понять и попросить прощения у её... души.

Похоже, эта мысль оказалась слишком сложна для его отягчённого жаждой обогащения ума, но он, сопя и побряхтывая, опустился на колени рядом с ней.

Её расчёт оказался верным – блеск от монеты отражался почти точно ему в лицо.

Факел горел пока ровно, и можно было начинать. Декорации расставлены, актёры на сцене. Давай, Ирина, ход за тобой.

– Посмотри, – медленно и раздумчиво начала она, – Вот эта монета. Она тоже живая, живёт своей жизнью. Если ты постарайся думать о ней, как о живом существе, и понять её, она ответит тебе взаимностью. Поможет. Сама пойдёт навстречу. Посмотри!

Тон не должен быть слишком напористым. Динамика нарастает постепенно. Давить и наседать сразу нельзя, и действовать словом нужно мягко. И хорошо, что она избавилась от хрипоты, и голос льётся, словно медовый...

– Она желанная... Она красивая и блестящая. Думай о ней, старайся быть к ней ближе.

Пойми её. Смотри. Смотри на неё внимательней. Смотри. Сконцентрируйся на ней, только на ней! Это – богатство. Это

– успех. Это – радостное и светлое будущее!

Пойми её! Смотри! Смотри внимательней! Всеми мыслями – приблизься к ней! – её нежный и мягкий голос постепенно крепчал, по мере того, как она замечала нужные ей признаки, но не останавливалась и не форсировала, – Смотри только на неё!

Какая она красивая! Тёплая. Чувствуешь, как от нее идет тепло – прямо к тебе? Тебе тоже становится тепло. Тебе тепло и спокойно. Внимательно смотри на неё. Ты ощущаешь тепло, покой и счастье. – её мягкому, но уверенному и напористому голосу противиться просто невозможно, – Ты расслабляешься. Тебе тепло. Ты полностью спокоен и расслаблен!

Ты спокоен и тебе тепло. Ты полностью расслаблен.

Пожалуй, всё, иначе можно упустить момент его расслабления:

– ТЫ РАССЛАБЛЕН! ВСЕ МЫШЦЫ МЯГКИЕ И РАССЛАБЛЕННЫЕ!

ТЫ СПИШЬ!!!

ТЫ КРЕПКО СПИШЬ! Спать! СПАТЬ! Ты не проснёшься, пока я тебе не прикажу!

Бережно придерживая обмякшее тело, она попыталась было взгромоздить его на лежак. Не тут-то было. Пришлось опустить его тут же, на вонючем полу. Да, тяжело. Килограмм девяносто...

Ладно, будем надеяться, не простудится.

Он лежал тихо. Дыхание ровное и спокойное. Тело и правда, так расслаблено, словно в нём и суставов-то нет. Спит, словно ребёнок. «Невинный» такой ребёнок.

Вот она и сделала это. Сделала!

Хотя раньше она никогда не пробовала загипнотизировать человека. Ну, тут он сам ей подыграл – муха сама сплела свою паутину...

Впрочем, разве она его не предупреждала? Предупреждала: нельзя *так* любить золото...

Нет, она всё же постарается сохранить ему жизнь... и свободу. Но, разумеется, без ущерба для себя. Пусть всё идёт по плану.

Конечно, ей очень повезло. Если бы не совершенное владение языком, голосом и телом, наверное, этот путь освобождения был бы ей заказан.

Ничего, что-нибудь другое нашлось бы – кто хочет, найдёт тысячу способов (а кто не хочет – тысячу причин!).

Как, однако, его высокопреосвященство смог предвидеть, что бояться надо именно её языка? Ничего, даст Бог, она и с ним встретится. И... разберётся.

Ладно, времени в обрез, займёмся делом.

Распустив, наконец, тугой узел волос на затылке, стянутый тряпицей, оторванной от подола, она с большим облег-

чением потрясла головой. Ф-ф-у-у...

Этот имидж своё дело сделал. Какое наслаждение!

Помассировав затёкшую кожу, она яростно почесалась, шипя сквозь зубы.

Проклятые вши! Как они мешали ей сосредоточиться! Ну, ничего – придёт, даст Бог, время, она избавится и от них. Не может же не быть в любую эпоху какого-то народного средства, типа керосина (впрочем, нет – керосина тут явно нету!) ... Ну, или отвара – типа крапивы...

Пусть даже обезьянка на шею – знатная дама может себе позволить и не такое...

Так, стоп. Куда это её понесло. Рано ещё расслабляться и радоваться. Всему своё время.

Ведь не выполнена пока главная задача – освобождение. Вот и займёмся.

Узнать предстоит очень многое, а время поджигает. Продолжим работу.

– Ты крепко спишь! – уверенный и наполненный внутренней силой голос, – Ты слушаешься только меня! Что бы не случилось, ты не можешь проснуться без моего приказа! – он лежал на спине, такой умиротворенный и спокойный, что даже не верилось, что это именно он недавно был таким злобным, циничным и презрительным.

Подозрительный до крайности, и ещё дополнительно предупреждённый и проинструктированный, как же он стал её жертвой? Её будущим послушным орудием? Сможет ли она

так манипулировать другими? Или...

За дело: с другими разберёмся, когда дойдёт их черёд.

– А сейчас, не переставая спать, ты честно и подробно, ничего не утаивая, ответишь на мои вопросы. Ты понял, что ты сейчас сделаешь? Отвечай!

– Да, я понял. Я отвечу на все ваши вопросы, – голос тихий, и... безжизненный, – сударыня. Я ничего не скрою и отвечу честно и подробно.

– Кто я? Как меня зовут?

– Вы, ваша милость, графиня Катарина Изабелла де Пуассон, в девичестве графиня де Буа-Трасси. По смерти мужа вы единственная хозяйка и наследница угодий и замка Шато Пуассон в Шампани.

Вот как. Значит, пока она – землевладелица. А после смерти? Кто был бы её наследником? Ладно, не горит.

– Какой сейчас год?

– Одна тысяча триста третий от Рождества Христова, ваша милость.

– Не называй меня больше «ваша милость», просто отвечай на вопросы. Сколько мне лет?

– Тридцать один.

– В какой стране мы находимся?

– Во Франции. – если бы он был не в своём теперешнем состоянии, её вопросы могли бы его просто шокировать, а затем и навести на разные интересные, и крайне для неё нежелательные мысли. Позже нужно будет разузнать про эту эпо-

ху с её спецификой, побольше. Ведь те, с кем ей предстоит встретиться снаружи, не будут загипнотизированы...

Не хотелось бы перед ними выглядеть полной душой!

Например, янки (который при дворе короля Артура), попав в аналогичную ситуацию, помнил хоть одну важную вещь – позволившую ему и выжить, и занять подходящее положение: затмение.

Пусть это останется на совести Марка Твена. (Как и то, что слэнг америкосов понимали чуть ли не дикари из пятого века, с их еще норманнским произношением, и бриттским словарем...)

А вот она, если говорить честно, про четырнадцатый век не помнит ничего! Да тем более, про четырнадцатый век Франции.

С другой стороны, сейчас расспрашивать его слишком подробно некогда: забеспокоятся подчинённые сердитого начальника – почему это он зачастил к своей пленнице, и проводит с ней так много времени?..

Солдаты тоже не совсем дураки – могут возникнуть (если уже не возникли) подозрения, что она подкупила, заколдовала, или ещё что-нибудь сделала с ним (ну как же, ведь она *почти* ведьма...). В принципе, на солдат-то наплевать. Но ведь их наверняка будут допрашивать, когда они с... как его зовут? – скроются в неизвестном направлении. Чем меньше будет компромата, тем лучше.

– Как тебя зовут?

– Николая Пулен.

Поторопимся с наиболее важным, остальное – позже.

– Кто правит страной, и кто приказал судить меня и заточить сюда?

– Правит король Филипп четвёртый, прозываемый так же Красивым, это он и велел судить вас. Вердикт о заточении и казни вынес малый королевский Совет.

Это имя ей ничего не говорит. Надо же, как неудачно – никаких ориентиров. Но – ясно, что это феодальная монархия, чистое средневековье. Нужно было всё-таки учить историю в школе: как и что здесь устроено: быт, нравы, традиции... А так – ничего.

– Как фа... э... К какой династии принадлежит этот король, сколько лет они правят?

– К династии Капетингов. Они правят Францией уже лет триста, точнее не знаю.

Вот тебе и здарсьте. А где же Бурбоны? Ну да и Бог с ними. Оставим поиск знакомых мест и фамилий на потом, тем более, что и этот, незнакомый король, похоже, её не любит.

Значит, быстрее надо хотя бы вырваться на свободу, а там – и из Франции...

– Кто ты по должности, и где мы находимся?

– Я – комендант замка Понтуаз, в нём мы и находимся.

– Есть ли здесь, в замке, начальство выше тебя по должности?

– Нет, сейчас нет.

– Сколько солдат у тебя в подчинении? Где все они сейчас размещаются?

– Сто двенадцать человек. В основных казармах замка сейчас находятся около девяноста человек из состава особой караульной роты. Солдат – восемьдесят четыре, шесть сержантов. Остальные двадцать два сейчас на дежурстве: несут караул по своим постам. На стенах, в казематах и кордегардии у главных ворот. На кухне – ещё около пяти, отбывающих наряды.

– Подробней расскажи, где посты часовых, и сколько там человек.

– Десять, по двое, размещаются в башенках на главной стене. Четверо, с сержантом во главе, в караульной у главных ворот, ещё двое – здесь, в подземельях, остальные шестеро во внутренних помещениях замка, по одному. Посты проверяет раз в час мой заместитель, раз за дежурство – я сам. Иногда посылаю для этого сержантов.

– Сюда, в подземелье, твой заместитель тоже спускается?

– Нет, сюда он не заходит, эти посты теперь проверяю я сам.

– Много ли здесь сейчас ещё узников? Они... Мужчины?

– Кроме вас ещё четверо, все они мужчины, и содержатся тут уже более пяти лет.

– Как охраняется этот этаж, и выход из него?

– Наружный выход из казематов во двор охраняет один часовой. Его пост снаружи, во дворе, у него ключи от внеш-

ней двери. Ещё один рядовой охраняет вход в коридор второго подземного этажа. У него ключ от двери коридора. Они выпускают меня, или того, кто разносит еду и воду.

– А что с... первым подземным этажом?

– Там сейчас нет узников, и поста тоже нет. Решётку между этажами тоже отпирает солдат, который сейчас здесь, на втором этаже.

Нельзя сказать, что она сильно оскорблена пренебрежением, которое к ней здесь выказывают – всего два стражника, и пара-тройка дверей и решёток. Хм. Вероятнее всего, двери и решётки достаточно надёжны. Да и на постороннюю помощь снаружи ей, похоже, рассчитывать не приходится. А ведь есть ещё и четверо у главных ворот – они-то уж точно молчать в случае чего, не будут.

И убивать никого нельзя – стыдно, грешно, и... рискованно. Шуму много.

Нет, убивать она без самой крайней нужды никого не будет... Поэтому придётся ещё подумать, и лобовой прорыв, как не хочется, заменить на что-то более техничное и эффективное.

Значит, нужно время, чтобы всё обдумать не спеша. Но – не слишком не спеша.

– Когда сменяются часовые на постах?

– Каждые шесть часов. Всего – четыре смены за сутки.

– Когда была последняя смена? И сколько сейчас времени?

– Около пяти часов назад. Сейчас – пять часов вечера.

– Когда у меня... ужин?

– В восемь вечера.

Так. Значит, смена караула будет в шесть, а затем в двенадцать. Бежать, конечно, предпочтительней ночью. Только вот куда. И в какой одежде.

– Какое сегодня число? И какого месяца?

– Десятое. Месяц – август.

Прекрасно, на дворе лето. Значит, тепло. Но плащ не помешает – прикрыться.

– Какие родственники остались у меня на свободе, и где они сейчас?

– Ваша мать, графиня де Буа-Трасси, имя точно не помню... Анриетта, или Генриетта. И ваша золовка, графиня Вероника де Пуассон. Обе сейчас в Париже, в вашем доме.

– Где именно в Париже, знаешь ли точный адрес?

– Да, я был там однажды. Это на улице Сен-Клод.

Для начала просто отлично. Есть место, где можно переодеться и достать средства для дальнейшего бегства (интересно, в каких она отношениях с матерью?!). В том, что ей придётся исчезнуть, и, вероятно, надолго, из страны, она почему-то не сомневалась.

Ориентировочно – планируем на глубокую ночь, чтоб весь гарнизон, кроме дежурных, спал. И – прямо в Париж. А кстати, где он, этот Париж?

– Какое расстояние от Понтуаза до Парижа?

– Около восьми лье.

Значит, примерно тридцать километров. То есть, понадобится лошадь – пешком пройти такое расстояние, да ещё очень быстро, нереально. Наверное, если галопом, часа за два – три доскакать можно. Ничего, её прелестная задница должна это выдержать.

– Есть ли в замке конюшня и лошади?

– Да, в конюшнях Понтуаза сорок лошадей.

Отлично. Если выехать примерно в полчетвёртого утра, к семи можно доехать до ворот Парижа. И будет как раз уже светло. В город в это время наверняка везут разные фрукты-овощи, для базаров, значит, ворота должны быть открыты, и в толпе на них с Пуленом никто особого внимания не обратит. Пулен же ей нужен обязательно: без него она в буквальном смысле не найдёт отчий дом. Дом... Ладно, об этом – после.

Черновой план побега практически уже сформировался в её голове.

Теперь нужно избежать излишних подозрений со стороны заместителя коменданта, и тех сержантов, что поумней. Им не нужно видеть, что начальник зачастил, и подолгу находится у приговорённой красавицы... Как-то он уж слишком «бдительно» её охраняет!

– Сейчас ты откроешь глаза, не переставая спать. Но ты будешь все видеть и слышать. Открывай глаза! – он так и сделал. Взгляд довольно неприятный, без выражения – как

у рыбы. Хм. Нет, лучше не пробовать, с этим вряд ли что-нибудь удастся сделать, не выводя его из... А она пока не собирается – слишком рискованно.

– Теперь ты встанешь на ноги, – он достаточно уверенно встал, – улыбнись. Нет, больше не улыбайся! (О, Господи!).

Главное теперь – правильно его запрограммировать. Вперёд. Уверенней.

– Ты будешь вести себя так, как всегда. Сейчас ты пойдёшь, и будешь выполнять те дела и обязанности, которые ты, как комендант, выполняешь и делаешь всегда. В положенное время проследишь за сменой караула, проверишь посты и тому подобное.

Двигайся и разговаривай так, как ты делаешь это всегда. На ужин принесёшь мне еду и воду, как всегда. После того, как закончишь все дела на сегодня, пойдёшь в свою комнату, и будешь сидеть и ждать там до половины первого ночи.

В половине первого придёшь сюда, ко мне. Об этом ты не скажешь никому. О том, что произошло здесь, ты не скажешь никому, кто бы тебя не спрашивал. Если будут вопросы о том, почему ты так часто стал ходить ко мне, говори, что я больна, что-то с животом. Ты понял? Отвечай.

– Да, я всё понял. Я буду вести себя как всегда. Я буду выполнять свои обычные обязанности коменданта. Я не буду говорить о том... – он в точности воспроизвёл её приказы и указания. Жаль только, что голос у него такой безжизненный и тихий.

– Всё верно. Молодец. Разговаривай с подчинёнными громче и жёстче. Иди. Не забудь сейчас запереть мою дверь.

Он вышел. Ну вот, программа запущена. Правильно ли она всё сделала? К ужину она это узнает. А пока – будем волноваться. Но – в меру. И думать. Много.

8

Смена караульного прошла благополучно – она, стоя у двери, чутко прислушивалась, но ничего особенного не услышала. Голоса, вроде, обычные, было слышно. Но слов – не разобрать. Сидя на лежаке, она напряжённо размышляла. Обдумывала детали, прикидывала варианты. Рабочий черновой план есть, но кое-какие детали придётся уточнить после более подробного расспроса Пулена – а с этим придётся подождать.

Конечно, это время – пока он не под её присмотром – самое слабое звено в её плане.

Мало ли что может случиться: вдруг приедет кто из начальства, или пришлют какой-нибудь приказ, или ещё что непредвиденное... Остаётся только надеяться на правильность данных установок и верить в методику гипноза.

Семь веков. Если вдуматься – это жутко. И так позорно – она, вроде, образованная, а действительно ничего об этом времени не знает. Ничего, вот выйдет – узнает.

Даже поза лотоса и усиленный аутотренинг не совсем по-

могли – доля беспокойства всё же оставалась: люди не компьютеры, да и всех случайностей не предусмотреть...

Поэтому когда он загремел ключом в двери, это прозвучало, как райская музыка. Вид его, к счастью, не изменился: развязная походка начальника, пузо впереди, преувеличено грузные шаги.

Вот только глаза...

Взяв миску с очередной порцией каши (она оказалась из пшеницы, то есть – полба), она с мягким нажимом приказала:

– Выполняй все мои приказы. В половине первого будь здесь. А сейчас – иди.

Он вышел, не задерживаясь, и не сказав ни слова.

Пища была нужна ей. Однако жизнь – нужнее. Поэтому к еде она не притронулась.

И как бы ей не хотелось продолжить расспросы, с этим лучше подождать до ночи. А сейчас все его подчинённые увидят – он не задержался. Значит, всё как обычно.

Она прилегла на прелую солому и приказала себе уснуть. Как бы не так!

Целый час она ворочалась, то выравнивая под собой комки соломы, то проклиная вшей, которых, конечно, не было видно в темноте, но не считаться с которыми оказалось абсолютно невозможно. Затем она плюнула на это дело, и стала усиленно думать.

Когда он явился, как и было приказано, в полпервого, она

успела обдумать почти всё. Можно действовать. Однако пока есть время, и эта смена часовых удивлена его ночным визитом не слишком сильно, нужно порасспросить его о главном – кто знает, будет ли у неё в будущем такая удобная возможность...

Она приказала ему сесть на лежак рядом с собой. Он не изменился. Ни дать, ни взять – живой робот. После всего этого нужно обязательно освободить его. Но – так, чтобы он не рассказал ничего ни о помощи ей, ни о её вопросах... Кстати, о вопросах.

– За что меня приговорили к смерти?

– За заговор против короля и покушение на его жизнь.

– Расскажи всё, что знаешь об этом заговоре.

– Вы наняли четверых английских лучников, чтобы они застрелили Его Величество из засады, когда он должен был возвращаться с охоты в свою летнюю резиденцию Мобюиссон. Вы заплатили...

Её разоблачили, покушение не состоялось. Его Величество жив. – вот основное, что она уловила из его пространного и весьма бестолкового и бессвязного рассказа...

– Лучники. Хм. И как же эти храбрые, – или очень глупые, подумала она про себя, – лучники собирались остаться в живых после... того, как всё сделали бы?..

– Для них были приготовлены подставы из свежих лошадей по пути их бегства, вплоть до самого побережья, а там ждал наёмный корабль. Свита и охрана короля не смогли бы

их преследовать – их кони были бы утомлены после охоты. Часть денег лучники получили вперёд, остальную – должны были получить по прибытию в Англию, где их уже ждали бы вы.

– И где же сейчас эти лучники? – ответ она знала.

– Никого не поймали...

– Откуда же узнали о них и всем остальном?!

– Задержан и допрошен под пыткой посредник, через которого вы нанимали англичан, и капитана корабля. Это некий Аарон Ван Димен, фламандский ростовщик. Его показания и послужили основной уликой на суде... Кроме того имелось и ваше собственное признание со всеми подробностями вашего плана.

– Что?! Я *сама* призналась во всём этом?!

– Да, сами. Под угрозой пытки испанским сапогом и водой, которые Его Высокопреосвященство приказал показать вам на двух других женщинах, ведьмах-простолюдинках.

После этого вы долго плакали, но рассказали всё. Подробно.

Вот это мило. Похоже, она действительно организовала покушение. Но почему?... Что плохого ей сделал этот... Филипп четвёртый?

– Что было на суде? Я призналась во всём и там?

– Нет, на суде вы кричали, что вас запугали, и вынудили принять на себя то, чего вы не делали. Что вы ни в чём не виноваты. Ещё вы обвиняли судей, что они обещали вас по-

миловать, если вы признаетесь во всём, а они приговорили вас к смерти.

– А что же говорил этот... посредник? И как он... выглядел на суде?

– Он держался уверенно, подтвердил все свои показания. Его, как сотрудничавшего с Судом, приговорили к десяти годам.

– И где же он сейчас? Тоже сидит здесь? – она забыла, что он не в состоянии сейчас оценить её иронию.

– Нет, простолюдины в этом замке не сидят. Ван Димен скончался в тюрьме Парижа, три дня назад, от желудочных колик.

Надо же, как удобно. Единственный и главный свидетель, с показаниями которого что-то явно нечисто, внезапно скончался, дав показания против неё. И скончался после суда.

Похоже, весь этот фарс – и правда: чистая подстава. А через три дня и её бы не стало.

Какая же тайна связана с её жизнью? Чем она так опасна?

– Кто такой – его высокопреосвященство?

– Его высокопреосвященство – мессир хранитель королевской печати, архиепископ Нарбоннский.

– И как он связан со мной?

– Ваш покойный муж был его приближённым. Как он говорил, правой рукой.

– Расскажи мне подробней о моём... муже. И как он стал... правой рукой. Как... умер.

– Ваш покойный муж, Антуан Винсент де Пуассон, был тридцати четырёх лет, когда он скончался от несчастного случая, полтора года назад, во дворце его высокопреосвященства.

Вы с ним были женаты четырнадцать лет. Детей у вас нет. Впрочем, люди говорят, что бесплодны только вы, а у вашего мужа есть внебрачная дочь от крестьянки, пяти лет. Она и сейчас в его бывшем имении, возле шато Пуассон. Вы с вашим мужем все эти годы жили в самом замке, пока три года назад его высокопреосвященство не посетил вас.

После этого он включил вашего мужа в свою свиту, и вы с ним переехали в Париж. Его высокопреосвященство подарил вам дом, и осыпал подарками и своими милостями. Он часто бывал у вас дома, и со свитой, и без неё. После его смерти вы переехали в Пуассон, а затем вас обвинили в заговоре, арестовали и судили.

Господи, неужели всё так банально? Знатный вельможа возжелал жену своего вассала, щедро одарил его, приблизил к себе, а жена не захотела отдаться? Или отдалась, и уже надоела? Или... Какая разница – она знает, кому будет мстить.

– Живы ли родители моего мужа?

– Нет, его мать умерла восемь лет назад, а отец, граф Рене де Пуассон, ещё через два года, то есть шесть лет назад.

– И, стало быть, теперь все его земли и собственность – мои?

– Нет. Собственность государственных преступников от-

ходит в пользу государства. И теперь её хозяин – король.

Значит, у неё нет ни денег, ни крыши над головой. Получается, вся надежда – на мать. Тем более интересно: в каких они отношениях?

Но спросила она о другом:

– Почему его высокопреосвященство решил приблизить к себе моего мужа?

– Я не знаю. Но ходят слухи, что это вы его уговорили. Кроме того, люди говорят ещё, что его высокопреосвященство – настоящий отец вашего мужа. Он был знаком с его матерью очень близко ещё до её замужества.

Ох и повезло ей – прямо средневековый латино-американский сериал. Все друг другу изменяют, этот – не от мужа, а эта – не от жены... Интриги, яды, ложь – словом, весело. Все развлекаются, как могут. Наверное, нет войны – иначе хоть мужчины были бы при деле.

Ладно. Оставим пока всё это без комментариев. Во всяком случае, пока не найден более компетентный источник, чем комендант заштатного тюремного замка. Хотя в данный момент у него есть очень важное преимущество – он не может соврать.

Получается, что она – героиня авантюрного романа. Весело ей?

Нет.

На получение другой полезной информации, но уже связанной непосредственно с освобождением, ушло ещё часа полтора.

Ну, зато теперь она, как наверное, ни одна другая женщина, разбиралась в тонкостях устройства Крепости, и организации караульной службы в королевской тюрьме. Будем всё же надеяться, что больше эта информация ей не потребуется.

Если поймают – казнят, скорее всего, сразу (тьфу-тьфу!).

А не поймают – добровольно она в Понтуаз не вернётся, даже за большие деньги!

Ну, вот и настало время для решительных действий. В первую очередь она... разделась.

Для этого пришлось заставить Пулена разрезать шнурки корсажа. Похоже, пуговиц ещё не изобрели...

Зато теперь ничто не шелестело и не мешало двигаться.

Проинструктивровав своего подопечного, она подкралась к двери, и стала прислушиваться... Ага, вот он дошёл до дежурного по коридору. Заговорил. Пора.

Бесшумно она вышла в коридор. Он был высок – метра четыре. Но в ширину едва достигал метра – в таком не спрячешься. Хорошо, что она об этом позаботилась.

Факелы торчали через каждые десять метров, освещая двери камер, таких же, как у неё. Стены из камня, как в камере, только у факелов – здорово закопчены...

Она двигалась в своих тапочках практически бесшумно,

не обращая внимания на острые камни пола и стараясь даже не дышать. Глаза хорошо привыкли к полумраку, всё видно.

Вот и первый поворот – она знала, что есть и второй. Пулена слышно гораздо лучше – он ругается.

Она осторожно выглянула, стараясь держаться ближе к полу. Всё хорошо: он стоит перед часовым так, что тому не видно коридора – тот за спиной бедаолаги.

– ... неаккуратно заправлен! Что это за пояс, я спрашиваю?! Нет, молчать! Слушаться, когда я приказываю! Этот пояс ты больше не наденешь! А почему каска надвинута так низко? Ну-ка, поправить! Сойдёт. Сойдёт, говорю! Я научу вас, олухи бургундские, дисциплине и воинскому ранжиру! Смирно, говорю! Слушать меня!..

Пока он ругался, она зашла сзади, сконцентрировалась, сложила пальцы, как надо.

Боясь перестараться, резко ударила костяшками пальцев точно за ухо бедного солдата, сразу под нижней кромкой каски.

Тот, не издав ни звука, обмяк и повалился на пол. Пришлось поддержать его, чтоб не ушибся. Пулен держался молодцом – продолжал свою выволочку и лежачему.

– Замолчи, и помоги мне донести его до моей камеры, – прокричала она (солдат попался не маленький – видать, бургундцев этих неплохо кормили там, на родине...).

Пулен взял бесчувственное тело за плечи, она – за ноги, и через пару минут они были в знакомой обстановке – в её

каморке.

Удивляло, что бравый комендант никак не реагировал на её наготу – впрочем, это лишний раз убеждало её в «хорошем качестве» гипноза. Подавая ему короткие команды, она принялась с его помощью быстро и аккуратно, раздевать и часового. Это оказалось нетрудно: пуговиц не было, их заменяли крючочки и петельки... Нормально.

Уже раздетого, она связала часового по рукам и ногам полосами, оторванными от своей шикарной когда-то юбки. Но всё же – не слишком туго. Кусок почище затолкала в рот, закрепила ещё одной полосой. После чего они с Пуленом взгромодили беднягу на лежак.

Одеться оказалось легче, чем она предполагала. Одежда была простой, без вывертов и сложных деталей. Словом, настоящая армейская.

Камзол, конечно, оказался велик. Сапоги, естественно, тоже. Зато с лосинами проблем не возникло – они налезли, как родные.

Единственное, что смущало – только слепой, или идиот посчитал бы её ноги – мужскими. К счастью, высокие сапоги и длинный камзол хоть как-то скрывали эти пикантные улики.

Нацепив пояс с портупеей, она обнаружила, что длинный меч создаёт проблем больше, чем всё остальное, вместе взятое. Ничего, привыкнуть можно. Хотя пару синяков она себе сразу посадила. Ноги пришлось всё же, опять сняв сапоги,

обернуть подобием портянок всё из того же бархата. Теперь она вполне могла ходить.

Волосы ей пришлось снова туго стянуть, иначе они не влезали под каску. И всё равно из-за них последняя держалась плохо, даже притянутая ремнём.

Но больше всего её расстраивало и удивляло отсутствие на ней нижнего белья – даже на рядовом солдате оказалась простая (льняная) рубаша под камзолом. Её она, несмотря на не слишком свежий вид, нацепила в первую очередь. А что же произошло с её собственным нижним бельём?.. Явно ничего хорошего.

Ладно, пусть нет ни лифчика, ни даже примитивных панталон – значит, ещё не изобрели. Но как же местные женщины обходятся в... интересные периоды?

Остатками своего разодранного платья она накрыла горе-часового, тапочки поставила у лежака. Потуже затянула пояс с португеей. Порядок. Нет ещё!

Завершающий штрих: копотью со стены над факелом она нарисовала себе усы и бородку. Без зеркала было трудно, но она справилась.

Очнулся караульный – замычал сквозь тряпку, закричал и заворочался. Неторопливо подойдя, она нагнулась, и грозно посмотрела в его выпучившиеся глаза.

Придав голосу побольше злобной силы, тихо сказала:
– Ты молод, и, наверное, очень хочешь жить? – он торопливо закивал, усиленно сопя, – Тогда лежи смирно, и не шу-

ми. Часа через три тебя освободят. Однако, если ты ослушаешься, мне придётся тебя зарезать. – тяжёлый неподвижный взгляд её огромных глаз не давал усомниться в серьёзности её намерений, – Ты всё понял?

Он очень быстро закивал головой, даже быстрее, чем в первый раз.

Они с Пуленом вышли, и заперли камеру снаружи.

Идя позади него по коридору, она подивилась самой себе – из неё вышла бы хорошая гремучая змея. Она так вжилась в образ... А где же все эти «налёты» цивилизации? Осыпались, подобно шелухе, лишь речь зашла о спасении жизни?..

Ладно, философские выверты и изыски – позже.

Они прошли весь «свой» коридор. Пулен отпер решётку между этажами ключами горе-караульного. Они поднялись по крутым и неровным ступеням.

На первом этаже она остановила его и проинструктировала насчёт караульного снаружи. Затем он шумно двинулся дальше по лестнице, она же, стараясь не греметь сапогами и мечом – следом, прислушиваясь ко всему.

Вот, два пролёта крутой каменной лестницы, идущей, очевидно, внутри круглой башни, пройдены. Чуть отступив за изгиб стены, она слушала, как он громко постучал, затем, вроде, судя по скрипу, открылось маленькое окошко в толстой двери – часовой убедился, что это начальник, и что всё в порядке. Окошко захлопнулось, дверь со скрежетом открылась.

Послышался грозный голос Пулена – он велел «немедленно бежать на кухню и без ложки с жиром не возвращаться!» Конечно, в её-то время посмел бы кто из часовых оставить свой пост, даже по приказу непосредственного начальника! Последствия (для такого идиота) были бы катастрофическими!

А здесь – ничего, прошло. Часовой, стуча каблуками по плитам двора, и придерживая отлетающий от ног меч, ещё как шустро побежал!

Она бесшумно выскользнула сквозь полуприкрытую дверь.

Звёзды. Небо. Ночь. Господи, как закружилась голова!

Воздух, оказывается, такой сладкий, и так пьянит!.. А сколько в нем кислорода!

Несмотря на риск, ей всё же пришлось на пару секунд задержаться, оперевшись спиной о стену башни, из которой она только что вышла.

Ладно, насладиться свежим воздухом она ещё успеет. А сейчас...

Бесшумно, лёгкой тенью проскользнув по двору, она скрылась за дверью, ведущей к лестнице, по которой попадали на наружные стены – часовые, как она знала, наверху. И её не услышат.

План замка чётко отпечатался в её голове. Время потрачено не зря.

Вот и вернулся часовой с ложкой жира. Было отлично

слышно, как Пулен ругается, а часовой суетливо мажет дверные петли жиром, проверяя, скрипят ли они «теперь».

Наконец, устранив скрип, дверь заперли.

Самый ответственный момент – Комендант направился в кордегардию. Вот отворилась дверь клетушки под массивными воротами, вот он вошёл. Слышен его немного заторможенный, но громкий и вполне деловой голос, затем ответ подчинённого – вероятно, сержанта. Вот слышен ещё топот сапог – двое побежали в конюшни. Послышалась уже их ругань – вероятно на дежурного конюха.

Воинская дисциплина всё же – великая вещь. Минут через пять-шесть пару запряжённых коней выводили из конюшен. Никому и в голову не пришло (вопреки её опасениям) спросить у начальства, куда это оно собралось в три часа ночи.

Спустя ещё минуту Пулен, уже верхом, и со вторым конём в поводу, подъехал к её двери.

Прикрываясь, по возможности, туловищем коня, она, собравшись с духом и силами (вот чего, к счастью, не занимать этому телу – тьфу-тьфу – так это сил!), забралась в седло.

Ох, какое неудобное, она привыкла не к такому, а к современному. Впрочем, не будем врать самой себе – ездила верхом она в жизни всего два раза. За это время к седлу не привыкнешь! Да и не в таком она сейчас положении, чтобы капризничать.

Когда они с Пуленом подъехали к воротам, он уже был

проинструктирован, и грозно потребовал, чтобы всё делалось побыстрее, и оставил за себя старшим сильно растерянного сержанта. Караульные и сам оставленный «за главного» если и были удивлены, или что-то заподозрили, прекословить и спрашивать что-либо всё равно не посмели.

На этом и строился её расчёт – на субординации. То есть, начальник всегда прав.

В случае, если начальник не прав, действуй по Правилу – начальник всегда прав.

Конечно, неторопливо проезжая под аркой подъёмного моста и через ворота, она чувствовала на себе подозрительные взгляды и поразилась, что умеет хотя бы правильно сидеть на лошади. Осанкой она – практически мужчина. С бородкой и усами её явно не узнали. В завершение маскарада, выехав за ворота и проехав мост, она смачно сплюнула, ещё и почесав зад. Ощущала она себя... актрисой.

Ворота со скрежетом и скрипом, достойным целой миски жира, закрылись.

Может, это было как-то символично, но именно в этот момент на колокольне какой-то соседней церкви пробило три часа.

Она, слушая, как за ними поднимают мост и опускают тяжёлую толстую железную решётку, подивилась – неужели *всё* позади? Неужели то, что она, Ирина из двадцать первого века, задумала, сидя на гнилой соломе в затхлом подземельи, осуществилось?!

Э-э, нет, радоваться рано. Позади только первый, хотя, возможно, и самый трудный, этап её полного спасения. Работы много.

Приблизившись к Пулену, она тихо сказала:

– Едем шагом. Направление – Париж.

10

Шагом, конечно, они ехали недолго. Когда дорога, идущая вдоль рва замка, углубилась в лес достаточно далеко, и громада нависающих чёрных стен осталась позади на достаточном расстоянии, чтобы стук копыт не был слышен в тишине летней ночи, они перевели коней на рысь, а затем и в галоп. Лошади выглядели вполне здоровыми и ухоженными, поэтому они практически не сбавляли хода вплоть до самых ворот Курбевуа.

Эта поездка навсегда запомнится ей.

Они ехали на юго-восток, проносясь сквозь застывший в предрассветном молчании таинственный лес, и только топот копыт нарушал какую-то особенную, густую, как патока, тишину. И – удивительное дело. Она ощущала себя не Ириной из далёкого будущего, а Катариной-Изабеллой, Катариной из этой реальности, этого мира! словно стены чёрного замка-тюрьмы отрезали навсегда её прошлое, её *ту* жизнь...

Впрочем, разве это и не к лучшему? Пора *вжиться*, а не играть. Жить, а не прикидываться! Что бы ни готовило ей

Будущее – она примет всё!..

Но сквозь чернильно-вязкую тьму эта бешеная скачка, да ещё с философскими мыслями, длилась недолго.

Небо посветлело, стали видны промежутки между деревьями, кусты и поляны. Затем горизонт стал чудесного тёмно-бирюзового цвета, какой бывает только у летних рассветов. А вскоре и лес поредел, а затем и вовсе кончился. Дорога шла какое-то время по его кромке, и её взору открылись поля, поля, и между ними полосы деревьев, и виноградники. Оглядываясь, она видела только пыль, маленькими облачками относимую с дороги ветерком, и разбитую грунтовую (ну ещё бы – не асфальтовую же!) дорогу.

Кони неутомимо мчали их по пустынной, пока безлюдной, явно сельской местности. Конечно: ведь что там *этот* Париж – не то, что мегаполис *её* времени, раскинувшийся почти на сто километров. А в этом сейчас, наверное, не больше полумиллиона человек...

Они продолжали скачку в молчании. Не то, чтоб у неё не было вопросов, но, во-первых, с непривычки почти все силы уходили на то, чтобы просто удержаться в седле на этой бодрой и чудесной живой машине, а во-вторых, большинство вопросов могло и подождать.

Да и язык очень даже легко можно прикусить.

Пулен, судя по нему, никаких неудобств от скачки не испытывал. Ещё бы, с его-то практикой. Ей же, спустя примерно час, не натирало разве что в носу. Ладно, она потерпит.

Вскоре лес кончился совсем. Поля и виноградники остались, стали попадаться и сады с деревеньками – выглядели они какими-то ненастоящими, кукольно-театральными. Домики казались совсем маленькими, низкими. Покрыты, как на хуторах Украины, соломой.

Кое-где уже всюю велись хозяйственно-полевые работы, бегала живность (пестренькие куры, и мелкие, какие-то зачуханные, бараны и козы, тощенькие коровёнки).

Люди, возившиеся в огородах и на полях, по большей части крестьяне, мимо которых они проносились, обращали на них мало внимания, кроме, разве, тех, кто попадал в тучу пыли. Такие ругались им вслед, отходя от дороги. Остальные просто провожали спешивших всадников равнодушными взглядами, и занимались дальше своими делами.

Одежда крестьян вполне соответствовала эпохе: рубахи, безрукавки, мешковатые штаны до колен, и чулки. Почти у всех на ногах были массивные бесформенные туфли – очевидно, сабо. Некоторые, особенно дети, ходили просто босиком. Женщины, попадавшие на пути, все сплошь одеты одинаково, словно это они служили в армии: чепец на голове, облегающий корсаж до пояса, и пышноскладчатая юбка до земли.

Неудобство такого наряда она вполне успела оценить. Нет уж. Пока необходимо быстро передвигаться, она лучше побудет мужчиной. У них и сёдла удобней – можно ноги вдевать в стремя.

Рассматривать получше этих спокойных, занимающихся своими делами людей ей, однако, было не совсем сподручно: на той скорости, которую они поддерживали, всё вокруг подскакивало, едкий пот заливал глаза, каска всё норовила съехать на глаза, и вытереться было нельзя – а то плакали её усы и борода.

Оставалось лишь утирать лоб, да отдуваться – она, конечно, ездил на коне, но лёгкая прогулка на смирной отдрессированной кобылке не шла ни в какое сравнение с тем землетрясением, что содрогалось сейчас под ней, остро воняя потом и сердито всхрапывая.

Пропотела она в своём камзоле так, что с нижней рубахи пот можно было, похоже, выжимать. Ну (конечно, это дело вкуса), пахло от неё всё же получше, чем от жеребца. Однако грех на него жаловаться – это именно его стараниями она сейчас отдалялась от своей тюрьмы, и нависающего меча угрозы жестокой казни. Так что к концу пути она прониклась к своему коню благодарностью и уважением – он, как настоящий дисциплинированный воин, безропотно и быстро мчал её к её цели.

Спустя два часа бешеной скачки Пулен так и не вспотел, и в седле сидел всё так же уверенно и грамотно. Похоже, бессонная ночь и гипноз никак не сказались на его профессиональных навыках. Она же довольно сильно измоталась и запыхалась. Но – она продержится!

Она спросила, Пулен ответил – они добрались, и проез-

жали через предместье Эрбле.

Справа заблестела под лучами взошедшего солнца, Сена. За ней зелёным монолитом стоял лес Сен-Жермен. В Безоне они перешли на шаг, чтобы несколько отдышаться самим и успокоить лошадей. Пыль больше не летела из-под копыт. Людей, по-прежнему крестьян, встречалось теперь гораздо больше, и неудивительно – самое время было везти на рынки дары полей. Многие тащили здоровые тюки со всякой зеленью прямо на плечах, иногда попадались и телеги, нагруженные всё теми же продуктами. Она не рассматривала специально, но были там в основном фрукты, зелень, и мешки овощей.

Собственно говоря, что же там ещё могло быть в конце лета – большому городу нужно много продуктов, свежих и спелых!..

Ближе к стенам, с видневшимися в них воротами, им пришлось расталкивать и окриками разгонять толпу, чтобы проехать.

Перебравшись по длинному мосту через Сену (с Волгой, конечно, не сравнить!), они подъехали, наконец, вплотную к высоким Парижским стенам.

Надо же... А ведь их, похоже, действительно строили в расчёте на отражение штурмов. Как в кино!

Возле самих ворот Курбева было настоящее столпотворение из-за въезжающих и уже выезжающих повозок, и пешеходов нагруженных и ненагруженных желающих войти, или

выйти. Пулен громко ругался, и у них въезд в ворота не вызвал проблем: ведь они были в форме, следовательно, каждый видел – солдаты короля.

Толпа расступалась, стража, стоявшая по бокам, приветствовала.

Ответив, они въехали, наконец, под арку огромных ворот. Катарина, заранее давшая наставления своему «начальнику», скромно держалась сзади, по возможности опуская, или отворачивая голову. Как знать, не будут ли вскоре расспрашивать этих дежурных о въехавших офицере и солдате...

Проезжая под громадой нависающих камней сторожевой башни, она испытывала невероятное волнение. Сколько раз в той, другой, жизни, она мечтала о Париже. И вот она здесь. Да ещё при каких обстоятельствах! Полнота ощущений: от вида столичного города, усталости от долгой тряски, острого запаха пота, дыма, пыли.

Беспокойства о возможной погоне...

Пока основным её чувством была отнюдь не радость, а самый обычный страх – страх, который охватывает перед важным экзаменом. Страх перед встречей с матерью.

Матерью Катарины.

Теперь они ехали по самому городу.

Расчёты вполне оправдались, въехали они спокойно. Да и теперь, среди пёстрой толпы разносчиков, крестьян, торговцев, других всадников, мальчишек в отрепьях, слуг и служа-

нок, спешащих по своим делам, на них практически никто не обращал внимания.

Они продвигались примерно на юго-восток. Пулен уверенно лавировал в гуще извилистых улочек и переулков. Сена, спокойно текущая серая лента, оставалась теперь справа, иногда мелькая среди улиц и домов, или открываясь с набережных в полном великолепии. По ней уже вовсю сновали лодочки и шаланды покрупней, с товарами.

Однако пробираться по городу, конечно, оказалось гораздо трудней, чем по пыльным, но пустым, сельским дорогам. Узкие, кривоватые и бугристые, словно лабиринт, запутанные и все время меняющие направление и ширину, улочки, почти сходящиеся наверху, на уровне третьих этажей, создавали внизу, у земли, полумрак, мешавший разглядеть, куда же они едут, и что находится вокруг. Мостовая – если можно так назвать поверхность, которую ещё не замостили – вся в рытвинах, колдобинах и ямах. В таких стояли лужи грязной вонючей воды: сюда, похоже, сливали все помои, нечистоты, и сыпали весь мусор, от которого жители окружающих домов хотели избавиться.

Интересно, как они обходятся без канализации... Впрочем, есть же какие-то золотари.

Кажется, они орудовали именно в эту эпоху. То есть, хоть выгребные-то ямы при домах есть...

Однако вонища стояла страшная. Чего удивляться, что здесь вспыхивают всякие эпидемии. Вот уж антисанитария

и экзотика средневековья в чистом виде. Без, так сказать, «романтических прикрас» писателей и художников. Ну правильно: в фильме вонь и грязь не покажешь! Смотреть не будут.

Хорошо, что она на коне! Наступать на такую мостовую было бы не только противно, но и опасно – ещё подцепишь какую-нибудь заразу... Народ, между тем, несмотря на ранний час, бодро сновал с деловым видом, даже успевая ругнуть их нехорошим словом, когда их кони вынуждали пешеходов (если так их можно называть) шарахаться в сторону, чтобы пропустить Пулена, даже не думавшего сворачивать, когда кто-нибудь возникал перед мордой его коня. Правда, она не поручилась бы, что он вёл бы себя лучше в не-загипнотизированном состоянии... Скорее всего – нет. Пропать между ним и «быдлом» слишком велика.

Ароматы, стоявшие вокруг, невольно напомнили её гнилое подземелье.

И только теперь, когда адреналин бешеной скачки остался позади, она приказала себе серьезно задуматься – что и как делать дальше. Нет, план у неё был, и вполне конкретный. Но как она сможет увязать его с жёсткой действительностью? Да и сможет ли?

Слишком многое невозможно предвидеть или просчитать заранее. Слишком многое зависит от других людей – от её матери в первую очередь.

Знание языка, это, конечно, хорошо. Но ведь у каждого

человека, кроме языка, есть ещё огромный жизненный багаж: семья, история жизни, привычки, друзья, навыки общения, элементарные знания о своей эпохе, манера одеваться, наконец.

Она читала в свое время романы – фантастические романы! – о том, как из ее, или примерно её, эпохи, люди – ну, разумеется, крепкие, и много всего полезного знающие мужчины! – попадают в древние века и разные страны... Кажется, эти романы так и назывались – «про попаданцев». Но там...

Только полный идиот, или восторженный подросток не заметил бы наигранности и неправдоподобности ситуации. Особенно сказочки про то, как такой «крутой» становится Королем... И вершит историю с большой буквы.

Здесь – все реально! Зримо! Весомо! (А особенно нервирует все-таки вездесущий запах банального дерьма!..)

Сможет ли она, заброшенная сюда из другого времени, из другой страны, из другого социального строя, наконец, *действительно*, а не так, как в дурацких книжках и фильмах, приспособиться здесь, где она никого, даже собственную мать, не знает?!

Впрочем, нет – так не годится. Опять негативное мышление.

Она-то сможет. Она смогла и не такое... Вопрос только в способе.

Захочет ли мать помочь ей, если узнает, что телом её дочери завладела наглая самозванка?

Нужно ли рассказать её матери ВСЁ? Или – не всё, а часть... правды?

Да и какой правды?!

Опять ей предстояло то, что пугало её – решать новые проблемы на новом месте, и по мере их возникновения.

Улочки чередовались с небольшими площадями, на которых размещались микрорынки, перекрёстками, пустырями с остатками рухнувших домов, другими улочками – уже с лавками и пекарнями.

Ну и ароматы! Да, конечно, здесь всё ещё пахло и конским потом, и гниющими отбросами, и кожей, и – человеческими нечистотами...

Но в то же время и – молоком, дымом, свежеиспечённой сдобой, благовониями, в зависимости от того, мимо чего они проезжали: здесь располагались на первых и в полуподвальных этажах и булочные, и сапожные мастерские, и кузницы, и даже лавки с восточными коврами, пряностями и благовониями, – вот, запах ладана не спутать ни с чем.

Ходу мыслей вся эта пахучая, красочная и шумная экзотика не мешала.

Нет, разумеется, она довольно успешно сдала первый жизненный «экзамен» – её не казнят послезавтра на Гревской площади, где кончают жизнь все преступники из благородных. Она и дальше изо всех сил и любым способом намерена защищать, сохранять и бороться за существование в этом чудесном, невероятном даре Небес – молодом и здоровом

теле. Да ещё – благородных кровей. Да, за него она готова на всё! На всё!..

Но, конечно, хотелось бы не всегда только бороться и выживать – хотелось бы иметь, всё-таки, и спокойные минуты. Для нормальной личной жизни. Для отдыха. Для изучения *этого мира*.

Значит, придётся выдерживать и другие экзамены: приспособиться к общению с людьми любого круга, научиться одеваться, интриговать, находить союзников. Убивать, или... нейтрализовывать врагов.

Возможно, придётся на время сменить, насколько возможно, внешность, взять другое имя. С документами, кажется, здесь проблем не будет – их попросту нет.

Ни паспортов, ни свидетельств о рождении, ни водительских прав, или всего такого...

А с внешностью тоже, наверное, трудностей не будет – хотя пластической хирургии и нет, элементарные приёмы, типа – грима, париков, мужской одежды и проч. уже точно есть.

Да, «будем решать проблемы по мере их возникновения» – снова приказала она себе.

Сейчас главное – встреча с матерью. Как же ей вести себя – ей, сорокалетней женщине двадцать первого века? Пока ничего толкового и конкретного в голову не приходило. Значит нужно, как всегда, предоставить событиям развиваться так, как будет угодно Господу, и надеяться на лучшее, наметив лишь «Генеральную линию». Как там было сказано во

«Влюблённом Шекспире»?

Всё решится само собой!..

Чем не план? Не хуже любого другого.

От матери ей нужны две вещи. Деньги (о, деньги спасают жизни во все времена!). И – хорошо бы информацию о том, где можно спрятаться, пока не утихнут страсти вокруг неё и её побега. Всё-таки она сейчас действует наперекор официальной власти – власти короля.

Получит ли она такую поддержку от матери, если та узнает, *кто* она?

Хм-м, вопрос, конечно, интересный...

Но ведь даже в *этом* случае тело её дочери остаётся телом её дочери!

И это именно *она* вытащила сейчас это тело из тюрьмы, и спасла от очень «непрестижной» смерти – на плахе. И она вообще не должна кому-то другому (кроме матери) признаваться в подмене...

Для всего остального света она продолжает оставаться Катариной-Изабеллой! И если удастся доказать свою невиновность, её могут даже восстановить во всех правах и вернуть конфискованную собственность... Явятся ли такие соображения аргументом для пожилой женщины четырнадцатого века, да ещё потерявшей дочь, зятя, и часть имущества?

Поживём – увидим. В любом случае, её путь проходит через дом матери. Значит, вперёд.

Отступать некуда.

Проехав через очередную маленькую рыночную площадь, и продравшись сквозь очередные торговые ряды, выбрались на более обширное пространство, в центре которого был установлен широкий и высокий – более двух метров – помост из досок. Посередине помоста угрожающе возвышалось заляпанное омерзительными бурыми потёками колесо, на высоте в полметра. Тут же торчали жутко выглядевшие, острые побуревшие колья.

Несмотря на то, что она никогда не была здесь, сердце внезапно мучительно сжалось, словно раньше своей новой хозяйки поняло, *что* это такое.

У неё возникло ощущение, словно что-то плохое, необратимое, вот-вот должно случиться, а она не в силах помешать, или предотвратить – как в кошмарном сне.

Огромные жирные мясные мухи и стая ворон, чинно разгуливающих по помосту, делали её вопрос бессмысленным – она и так знала ответ. Всё же, переборов подступивший отвратительным комком к горлу страх, и внезапную слабость, она задала вопрос невозмутимому проводнику-проводжато-му.

– Это – Гревская площадь, – ответил он, словно речь шла о реке, или лесе, – здесь и должны были через два дня вас казнить.

Перед тем, как они углубились в очередной проулок, она вполне отчётливо и во всех омерзительных подробностях рассмотрела всё: и почерневшие колья для голов, и брусья

виселицы с лоснящимися верёвками, и огромное колесо на подставке, облитое чёрными теперь потёками. И несколько прилипших к ободу волос, развевавшихся на ветру.

Почему-то последняя подробность запечатлелась в памяти лучше всего...

Вот, значит, какая судьба была ей здесь уготована, если бы не жажда жизни и кое-какие знания! Недаром это тело инстинктивно откликнулось столь диким ужасом.

Наверное, это всё же жест Провидения – что она здесь. Но, к счастью, совершенно при других обстоятельствах, чем могло бы быть, упади она духом, сдайся на милость обстоятельствам, или... Сотвори какую-нибудь глупость.

Она жива и свободна – вот лучшее доказательство того, что можно и нужно бороться даже в, казалось бы, совершенно безвыходных ситуациях. Бороться, невзирая на века и страны... Не считать себя умнее людей (наоборот, люди этой эпохи, похоже, ещё хитрее и прагматичней, чем её современники), а использовать их слабости, пороки... Возможно, и благородные качества. Словом, всё, что может быть использовано – для её блага.

Ладно, подумала она, отворачиваясь от страшного напоминания, будем считать, что этот урок усвоен. И не забудется до самой смерти. Желательно – смерти от старости.

Поплутав ещё несколько минут по чуть менее оживлённым и тесным, чем до этого, улицам, они выехали на огромную набережную. Здесь красовался длинный, и довольно

невзрачный королевский дворец.

На её вопрос Пулен ответил и показал (Пальцем! Ну так – культурный же!..) Лувр, оказавшийся низким и маленьким, и новый дворец – Ситэ, по имени которого назывался и весь прилегающий район, больше напоминавший из-за больших торговых рядов, муравейник: площадь заполняла огромная толпа крикливых торговцев, стоявших за прилавками лавок, очень даже похожих на современные ларьки, или снующих – с уже портативными лотками на пузе. Хватало и неторопливо, с чувством собственной значимости и достоинства, движущихся, и не стыдящихся отчаянно торговаться, покупателей.

Она отметила, что покупатели – большей частью из благородных и обеспеченных: они выделялись яркими и явно дорогими нарядами и горделивой осанкой. Мужчины ходили вразвалку, женщины странно горбились – возможно, из-за непрактичного, но, похоже, модного покроя длинных платьев до пола. Глядя на эти платья, можно было сразу понять: благородные и высокородные дамы... Вынуждены терпеть значительные неудобства. Только бы не походить «фасоном» на простолюдинок...

Разумеется, и здания, окружавшие это место, выглядели куда шикарней, чем домики обывателей, встречавшиеся им до сих пор. Сразу чувствовался центр города – престижный район знати.

Огромный белый костёл, обнесённый с задней стороны

лесами, своими очертаниями показался странно знаком – и точно, это оказался тот самый Нотр Дам!

Его всё ещё достраивали. Грязь и время ещё не успели испачкать стройные стены серой коркой. Ничего не скажешь – впечатление он производил просто потрясающее.

Однако рассматривать что-либо подробно не пришлось, а пришлось, поминутно отбиваясь от назойливых разносчиков, лоточников и обтрёпанных нищих, прокладывать себе дорогу в этом сумасшедшем доме, следя, чтоб не отстать от Пулена, которого настырные торговцы и завзятые нищие почему-то не одолевали. А может, их пугало выражение его лица?

Она имела полную возможность оценить Парижский «Привоз»: товаров, и со всего света, действительно было много – от драгоценных украшений, до роскошных туалетов. Ткани на любой вкус, по-видимому, в-основном шерстяные, льняные и шёлковые – самые дорогие (наверное, дорого обходится перевоз с востока). Оружие, портупья, сладости, кружева, ковры, посуда, колбасы, сыр и другие деликатесы. Средневековый элитный рынок, похоже, давал очень богатый выбор!

Ничуть не хуже, чем любой современный базар.

Запахи от разных пирожков, вафель и специй напомнили ей, что она со вчерашнего обеда ничего не ела, опасаясь медленного яда от своего «хитрого» напарника. Ничего, бережённому Бог бережёт... Без пищи можно прожить. А вот

с отравой в теле...

Впрочем, кроме серебряного ливра, который она решила сохранить на память, у неё не было ни гроша. Не страшно – она потерпит и без еды, лишь бы выжить.

Продравшись, наконец, сквозь всё это разнообразие, они двинулись вдоль Сены по одной из параллельных ей улочек, и вскоре свернули налево – на улицу Сен-Поль.

Проехали по ней с километр, повернули направо.

И вот она у цели: улица Сен-Клод, массивные почерневшие дубовые ворота небольшого двухэтажного особняка, которому явно не повредил бы ремонт. Похоже, с деньгами здесь... напряжённо.

Выпрямившись в седле, и отмахнувшись от разных дурацких сомнений и переживаний, она велела Пулену погромче стучать железным кольцом, укреплённым на створке высотой метра в три. Впрочем, здесь имелась и небольшая калитка в одной из створок.

Не прошло и десяти секунд, как в этой калитке открылось окошко, в которое высунулось сердитое бородатое мужское лицо. Не давая незнакомцу вылить поток явно нехороших слов из открывшегося уже рта, она, повысив голос, не терпящим возражений тоном, приказала:

– Немедленно открывай!

Рот закрылся, зато выпучились глаза. Её, несомненно, узнали, несмотря на маскарад – скорее всего, по голосу. Моментально окошко захлопнулось, и загремели засовы.

Створка ворот легко отъехала в сторону, и Пулен, повинаясь её приказу, въехал во двор.

Последовав за ним, она повернулась к открывшему – крепкому, довольно симпатичному мужчине, с виду лет сорока пяти, одетому почти как солдат, только без полос на камзоле. Взгляд, в котором ещё сквозило удивление, был умным и настороженным.

– Запри ворота, и не открывай больше никому, хотя бы сюда ломилась вся армия королевства! И никого на улицу тоже не выпускай – без моего приказа!

– Слушаюсь, сударыня! – точно, её узнали. Голос серьёзный и радостный.

Ворота оказались почти мгновенно захлопнуты, и он загремел засовами, которых, судя по всему, имелось много – и претяжёлых. (а времена-то, похоже, беспокойные...)

Вот она и «дома».

Из бокового крыла, кажется, недавно пристроенного к дому, выскочила невысокая женщина, тоже лет сорока пяти, и кинулась прямо к ней. Вид у женщины был... своеобразный: она то ли смеялась, то ли плакала.

Тут же выяснилось, что она делала и то и другое одновременно:

– Господи-Иисусе, сударыня! Да вы ли это? Вы-вы! Да что же это делается -то!.. А я голос услышала, думаю – не может быть! Матерь Божья, а уж я-то по вас все глаза повыплакала! Вот радость-то! Да как же... Как же вы здесь-то оказа-

лись?! Что случилось? Неужто его Величество вас помиловал?!.. Ведь суд-то этот – чтоб этим скотам всем провалиться... они хуже бандитов! Ах, Мать Божья, Пресвятая Богородица! Вот матушка-то ваша обрадуется! – буквально уливаясь слезами, но улыбаясь, женщина заключила, наконец, в объятия слезшую, наконец, с коня Катарину, и вертела её во все стороны неожиданно сильными руками, то кидаясь к ней на грудь, (так как была почти на голову ниже), то отстраняя её, чтоб взглянуть искрящимися глазами на всю неё – сверху донизу.

– Но что же это с вами, сударыня?! Почему вы так одеты? Ведь это не положено вашей милости! Ох, сударыня, да что же случилось-то?! Уж вы бы...

– Хватит! – решительно пресекла Катарина поток вопросов и причитаний, – Вот, поддержи коня! – передав ей уздечку, которую ещё не выпускала из рук, она глубоко вздохнула, отгоняя нахлынувшие было эмоции. Некогда!

В наступившей тишине, она произнесла, стараясь говорить мягко, но убедительно:

– Я тоже ужасно рада видеть тебя! И я рада тому, что я здесь, и жива. Ты хочешь, чтобы я и дальше была жива? – она подождала, пока в заплаканных глазах радость сменилась испугом – значит, смысл её слов дошёл до женщины – и продолжила, – Времени терять нельзя! Помоги мне!

– Так вы, сударыня... Вы...

– Ну да, я *сбежала!* – она произнесла это шепотом, – Те-

перь я – беглая преступница. Ты поможешь мне?

К чести женщины, которую Катарина видела в первый раз в жизни, нужно сказать, что та не колебалась ни одного мгновения, шире распахнув глаза, и быстро закивав:

– И она еще спрашивает! Да, да, да! Всё, что смогу! Всё, что вы скажете!.. Да как же я не помогу своей Беллочке, кровинушке своей ненаглядной! Господи, да я за вас, сударыня, душу свою отдам, а если надо будет, и глотку кому-нибудь перегрызу!

Уж не кормилица ли это Катарины-Изабеллы?! Или няня? Это было бы прекрасно. С одной стороны. С другой – уж она-то точно сможет понять, кто перед ней на самом деле. Но это – дело будущего. Сейчас главное – мать!

– Спасибо, няня! – она тряхнула головой, отгоняя непрощенную слезу, и концентрируясь, – Тогда распорядись скорей, чтобы приготовили четырёх свежих коней, а этих, – она кивнула на взмысленных животных, – нужно немедленно куда-нибудь убрать, продать, или ещё что... Чтоб их здесь не было!.. Если через полчаса я не уеду отсюда, меня могут догнать и снова схватить!

– Пулен! – повернулась она к своему невольному соучастнику, всё это время с тем же отсутствующим видом сидевшем на коне посреди двора, – Слезай с коня, и отведи коней в конюшню! – покажи ему, – обернулась она снова к своей предполагаемой кормилице, – а потом покорми его и своди в туалет. Нет, не удивляйся, он будет слушаться тебя, словно

малый ребёнок – что прикажешь, то и сделает. – она кивнула в ответ на немой вопрос. – Он будет слушаться! И помни: через полчаса он должен быть готов ехать дальше, и ехать далеко.

– Пулен! – она вновь обращалась к нему с повелительными интонациями, как бы показывая няне, как это делать, – Во всём слушайся эту женщину! Что прикажет – выполняй! Ты понял? – да, он понял. При звуке безжизненного голоса няня удивлённо сморщилась, однако ничего больше не спросила. Удивительно. Но – молодец.

Посчитав необходимым всё же дать хоть какие-то объяснения, она сказала:

– Он помог мне выбраться. Зовут его Николая Пулен. Разговаривай с ним поменьше – он... болен. Сделай, как я просила. Пожалуйста, быстрее! Помни – полчаса! Сделаешь?

Её собеседница, вначале несколько опешившая от такого оборота дела, теперь, похоже, вполне очнулась, и торопливо закивала:

– Да-да, сударыня, я всё поняла, всё сделаю! Четыре свежие лошади. От этих двух быстро избавиться. Покормить и сводить в туалет Николая. Уж будьте уверены – я всё сделаю! И – хотите вы, или не хотите, я и сама соберусь – я не оставлю вас в такой момент! Поеду с вами, хоть на край света!

Слёзы как-то сами брызнули-таки у Катарины из глаз, и она не заметила, как вновь очутилась в объятиях этой, так странно ей преданной женщины. А ведь она даже имени её

не знает!..

Кое-как высвободившись, она пробормотала, чувствуя себя последней свиньёй:

– Спасибо тебе! Я буду рада, если ты будешь со мной! Но я должна бежать. Мне нужно увидеться с матерью. Где она сейчас?

Женщина, казалось, несколько опешившая от такого вопроса (да, по-идее она-то должна знать, где комната матери!), показала рукой на парадное и вверх, сказав только:

– Справа... – как она уже бежала, перескакивая через ступеньки – благо, штаны позволяли, а задержалась она куда больше, чем могла себе позволить.

Сейчас ей было плевать на пропотевший пыльный камзол, каску, и, наверное, размазавшиеся усы и бороду. Стыдно, конечно, не ориентироваться в отчем доме, но не это сейчас главная проблема. Тем более что в *этом* доме она теперь неизвестно когда побывает в следующий раз...

Как же примет её мать? И примет ли? Вот и узнаем. Вперёд!

Взбежав на второй этаж, она сразу кинулась к дверям справа. Но ей всё же пришлось открыть две двери. За третьей она обнаружила то, что искала.

На роскошной, резного дуба огромной кровати, под бал-

дахином, на ослепительно белых простынях и подушках полусидела-полулежала благородного вида пожилая, но ещё очень привлекательная женщина. Взгляд её не был удивлённым – скорее, ожидающим. Наверное, у неё отличный слух, и она слышала всё, что только что произошло во дворе.

Ворвавшись в комнату, Катарина автоматически захлопнула за собой дверь, и, задыхаясь, прислонилась к ней спиной, на секунду застыв у входа. Она взглянула в глаза матери.

Что-то защемило у неё в сердце (или это было сердце другой Катарини?!), и она, больше не сдерживаясь, кинулась прямо на грудь молчавшей женщины.

Всё мучительное напряжение, волнение и страх этих дней прорвались, наконец, наружу: она бурно и громко разрыдалась, уткнувшись грязным лицом прямо в дряблую грудь под накрахмаленными простынями и кружевной сорочкой.

Несколько минут она ничего не могла сказать. Женщина тоже молчала.

Но её мягкие заботливые руки спокойно, не торопясь, сняли с Катарини каску – она непроизвольно трянула головой, откидывая назад пучок грязных, липших к лицу, волос.

Руки матери тем временем так же спокойно и бережно, словно фарфоровую вазу, положили каску на кружевную атласную подушку. Затем они, действуя как бы сами по себе, гладили её по голове и плечам, мягко и нежно прижимали к груди.

А затем эти руки так же мягко приподняли её подбородок,

и её залитые слезами глаза встретились с приветливым, но как-то странно спокойным взглядом.

Приятно-певучий (ох, как похож на её – в смысле, Катарины!) тихий голос нарушил, наконец, несколько затянувшееся молчание:

– Значит, ты всё-таки бежала?

– Да, да, мама! Сама не знаю как, но мне это удалось! – она приподнялась из неудобной позы, в которой полулежала-полустояла на коленях – на простынях осталось безобразное грязно-мокрое пятно – и присела на край постели вполоборота к матери, – Теперь мне надо где-нибудь скрыться и переждать хоть какое-то время!

Словно не слыша конца фразы, женщина, опирающаяся на подушки, умным и цепким взглядом смотрела не отрываясь прямо ей в глаза. Катарина ощутила озноб. Страх усилился.

Эта женщина что-то чует. Чует, что перед ней самозванка.

После ещё одной довольно неудобной паузы, мать всё так же спокойно спросила:

– И как же ты сделала это?

Да, она была уверена – эта женщина всё поняла. Вот только когда – сейчас, или...

Значит, нужно сказать ей правду – так говорил её инстинкт. А ему-то можно доверять. Всё-таки, с Пуленом, и со всем остальным он не подвёл...

– Я... заколдовала самого коменданта крепости Понтуаз. Что-то внутри меня помогло мне сделать так, что он стал

подчиняться мне, даже не зная об этом.

С его помощью я достала одежду, и выбралась наружу. Потом я побоялась отпустить его, и привезла сюда, чтоб не оставлять следов...

– Ты всё сделала правильно, его нельзя сейчас отпускать, – похоже, эту женщину упоминание о «колдовстве»-гипнозе несколько не удивило, – Но скажи, что помогло тебе? Это... внутри тебя... Что – это?.. Или – *кто* это?

– Да, да! Это – внутри меня... Я... Я не знаю точно, что... вернее, кто это – внутри меня, но она говорила мне, что нужно делать, а я делала. Делала всё...

Снова повисло напряжённое молчание.

Пронзительные глаза не отрываясь глядели ей в глаза, казалось, проникая прямо в душу, прямо в самую потаённую глубину, где она была собой – всего лишь смертельно напуганная, чужая всем здесь женщина.

Страница, ищущая помощи и защиты.

Вдруг женщина, как бы отвечая на её сметённые скачущие мысли, взяв её руки в свои, мягко произнесла:

– Во вранье ты не сильна. Но во многом другом – да...

Я помогу тебе, незнакомка, кто бы ты ни была.

Да, – мягкий кивок, – Я вижу – я вижу тебя *там*, внутри. Внутри тела моей дочери.

Ты очень сильно отличаешься от неё. И, может, это прозвучит странно, *тебя* сейчас я понимаю лучше, чем понимала её. Может, это оттого, что ты сильнее... Сильней чувству-

ешь. Сильней хочешь... И – знаешь, чего хочешь...

Она не договорила, но Ирина, ставшая за эти краткие мгновения снова Ириной, сразу поняла, что она имеет ввиду – жить. Да, жить. Это правда – она очень хочет! Жить...

Женщина замолчала. Выражение её глаз теперь было немного другим: в них отразилась и боль разочарования, и горе, и, как ни странно, сочувствие.

Не в силах выдержать этот мистический миг единения, когда, кажется, они составили одно целое, Катарина отняла свои руки из бледных и морщинистых рук матери, и закрыла лицо, глухо застонав.

Господи, в ужасе подумала она – да она же телепатка! Конечно, она видит меня насквозь, как и всех других – ведь она может читать мысли, и чувствует эмоции!

Вся тяжесть её положения ужасным грузом легла ей на плечи, столь быстрое разоблачение окончательно добило её. Ей просто нечего было сказать. Помощь?

Какая помощь ей – чужой и незнакомой? Отчаяние и разочарование стальной рукой сжали её сердце. Ей некуда идти. Она никому не нужна. Она – чужая! Даже матери – чужая...

Хватит рассиживаться – надо бежать. Здесь ей никто не поможет. Здесь она – отрезанный ломоть, незнакомка-узурпаторша.

Наверное, нужно попросить прощения, и попрощаться с несчастной мужественной женщиной, потерявшей дочь.

Дальше придётся действовать самой. Хотя без той поддержки и знаний, на которые она так наивно, но всё же надеялась, будет в десять раз тяжелей...

– Простите. Хотя... Не знаю, можно ли простить *такое*... Я... Не имела права влезать в тело вашей дочери... И уж тем более – приходить сюда! Я... Прощайте. – она попыталась двинуться к двери, все ещё не смея взглянуть в эти глаза....

Но что это? Мать Катарины, снова взяв её руки в свои, отняла их от её пылающего лица, и снова смотрит на неё.

– Вы... поняли всё, как только я вошла? – выдавила она сквозь рыдания.

– Нет, я узнала ещё позавчера. Я это почувствовала. Я всегда знаю и чувствую *такое* – когда кто-то из моих кровных родственников, как бы далеко он не был – умирает.

Это – фамильный дар. Он никогда не подводит, и не обманывает.

Позавчера я почувствовала – моя дочь умерла.

Её не убили, нет. Она сама захотела умереть. И умерла. Я очень хотела проститься с её телом, надеялась, что теперь мне его выдадут. И оно избежит позора. – она помолчала, и тоже вздохнула.

– Но ты сделала лучше – принесла его прямо сюда. Не знаю, как ты оказалась в теле моей дочери, но – *на всё воля Божья*. Раз тебе удалось то, что не удалось всем нам, значит ты женщина сильная и волевая. Думаю, вернее, вижу – ты не сдаёшься без борьбы до последнего вздоха...

И раз уж так получилось, скажи – кто ты?

Несчастливая мать! Сможет ли она понять, поверить, что она старше её на семь веков!..

– А вы... уверены, что действительно хотите это знать? – Ирина, сдержав рыдания, пристально посмотрела в подёрнутые печалью, глаза матери.

После ещё одной паузы, мать Катаринины с горечью произнесла:

– Ты права. Это только усилит моё горе. И может помешать мне помочь тебе. Ведь я обещала. Пусть только для себя – для себя я буду знать, что Беллы больше нет.

Но ты – ты в её теле – живи. Живи! Я... если можно так сказать, *разрешаю* тебе это.

Вот благословить – не могу. Всё же я – мать. Пусть благословит тот, кто помог тебе занять это тело, и сохранить ему жизнь. Но – не я. И ты поймёшь – это слишком тяжело для матери...

Но в другом ты права – для окружающих я не могу ставить под сомнение то, что ты – моя дочь. Это будет глупо. И несправедливо по отношению к тебе – я должна быть благодарна хотя бы за то, что ты сохранила это тело живым.

И поэтому я помогу тебе. Помогу спасти хотя бы эту телесную оболочку – моей дочери. Впрочем, – она вымучено и криво улыбнулась, – я думаю, ты и сама будешь стараться её беречь. Может, когда-то, в будущем, вы будете счастливы...

– Спасибо... спасибо вам! После всего происшедшего...

Я и надеяться не смела, что вы... Так... Я благодарю вас!

– Не благодари. Во-первых, для матери естественно помочь своему ребёнку – это для окружающих. А во-вторых...

Во-вторых, для себя самой – это как бы тоже знак моей благодарности. Мой долг перед тобой – уже тобой. За то, что спасла его от позора казни, и позволила проститься с... хотя бы с телом моей дочки, а не сбежала, куда глаза глядят! Хотя, наверное, было страшно...

– О, да... Куда страшней, чем сам побег... – сквозь слёзы она попыталась улыбнуться.

– Всё верно, я – знаю... Ну, и немаловажно, что теперь ты – ты! – можешь хотя бы попытаться обелить наш род, наше доброе имя, и может, со временем, тебе удастся и...

– Вы... вы так спокойно об этом говорите! Вы знаете всё, но... Простите, Бога ради, но наверное, другая женщина на вашем месте... Ох! – она покачала головой.

– Что, закатила бы истерику? Или... ещё хуже? – не стесняйся, додумывай – спятила бы.

Возможно. Но у меня было почти двое суток, чтобы смириться, всё обдумать... Нет, вчера, конечно, мне было тяжелей... Ладно, в моём теперешнем положении, – она, мрачно усмехнувшись, оглядела себя, – чертовски мало найдётся вещей, способных меня... Хм. Шокировать.

– Так вы... парализованы?! – догадалась наконец Катарина.

– Да, уже пять лет. И здесь мой дар не помог мне.

– Какой дар? – Катарина, вспыхнув, вспомнила о своём выдуманном даре. Ну, выдуманный, невыдуманный, а освободиться помог... – Простите!..

– Нет, ничего. Я о том даре, за который здесь и сейчас сжигают на костре. Тот самый, что я получила от матери, а та – от своей. И тот, который почему-то не перешёл к Белле.

Этот дар позволяет быть сильной в самых трудных и опасных жизненных ситуациях, и не сдаваться никогда... Другая часть этого дара позволяет, как в открытой книге читать в сердцах и умах других людей, видеть их подлинные, самые сокровенные помыслы и желания.

Из-за этого дара я рано повзрослела, и разочаровалась в большинстве людей. Но он же позволил мне и выстоять, а позже – выбрать несколько верных и надёжных друзей, и в том числе и моего покойного мужа! Царствие ему, бедняге, Небесное...

Она помолчала, опустив взгляд, и, вновь подняв его, тише и спокойнее продолжила, подавшись несколько назад:

– Если бы он перешёл к моей... наверное, она бы сейчас сидела здесь, а не ты.

Но он не перешёл. К сожалению. Похоже, я – последняя носительница его в нашем роду. – женщина опустила, наконец, глаза, сложив руки на животе. Что-то поправила у себя на испачканной рубашке. Закусила губы, отпустила их. Затем снова, словно собравшись с силами, взглянула на Катарину, оценивающе и открыто.

– Судя по всему, похожий, хоть и не совсем такой, дар есть и у тебя. Я чувствую какой-то внутренний стержень. Твою волю к жизни. Ты... много страдала. Но ты не сломлена, как оказалась сломлена моя... – она всё-таки выговорила, – дочь. И ты немолода – это я тоже чувствую. Я думаю, ты где-то моего возраста. Я права?

– Да, мне за сорок.

– Всё правильно. Я могу видеть людей такими, какие они внутри. Например, – она покачала головой, – я сказала Белле, что её муж – тряпка, и если она всё же выйдет за него, то рано или поздно окажется жертвой чужих интриг – он не сумеет её защитить или уберечь. Я оказалась права.

К сожалению.

Ты же – опытна и сильна. Сильна духом. Ты – боец. О, я вижу – ты умеешь сражаться... Сражаться отчаянней и лучше многих мужчин. В любой ситуации. Ты – точно, сильней многих мужчин...

Именно поэтому ты *здесь*.

И именно поэтому я помогу тебе. Безмозглая размазня не удостоились бы моей помощи, но ты – другое дело... Впрочем, – как бы самой себе тихо напомнила она, – безмозглая размазня и не сидела бы сейчас передо мной...

Несмотря на критическую ситуацию, и ужасную спешку, Катарина молчала – она просто не знала, что сказать. Она, как ей казалось, ощущала всю тяжесть решений, которые уже приняла, зная, что всё кончено для души её настоящей до-

чери, эта мужественная женщина.

А как бы вела себя она сама? Смогла ли бороться в *такой* ситуации, окажись она на месте этой матери, лишённой не дочери даже – а куда страшней?!..

– Вы... очень добры ко мне... – выдавила она из себя наконец, – И вы... сильно преувеличиваете мои... способности. И заслуги. Спасибо. – ей всё же пришлось отвернуться, чтобы скрыть вновь подступившие слёзы и острое чувство жалости.

– Нет, не жалей обо мне. И не думай больше ни о чём ... постороннем. – снова деловой, спокойный тон. Всё же у её матери – железные нервы, – Принимай всё, словно ты действительно – моя дочь. Так будет лучше для нас обеих!

– Вы правы! Но всё равно – спасибо! Вы ведь и правда, вернули мне надежду!

– Хорошо, пусть так. А сейчас скажи – чем конкретно я могу помочь?

Внезапный переход к насущным проблемам отрезвил Катарину: мысли чётко заработали, сознание вернулось снова в эту светлую, затянутую узорчатым шёлком комнату в отчем доме, в Париже, всего в нескольких часах пути от мрачного, сырого подземелья. И, возможно, уже скачет вовсю погоня – погоня за ней, Ириной-Катариной, так как им не важно, кто она: в любом случае, попадать в их руки нельзя!

– Мне нужно надёжное убежище в каком-нибудь очень отдалённом месте, – тряхнув головой, чтобы быстрее прийти в

себя, и убрать мокрые волосы со лба, ответила она, – и лучше всего не во Франции, и не у родственников, или близких знакомых.

– Да, я поняла, о чём ты говоришь. Я ещё месяц назад обдумала такую возможность, на случай, если нам всё же удастся устроить твой... побег. Есть подходящее место и человек. Он не подведёт, и не выдаст никогда.

Это мой бывший возлюбленный, барон Карл фон Хорстман.

Он – настоящий мужчина. И друг. Надеюсь, он ещё помнит меня и жив. Во-всяком случае, в своём последнем письме он продолжал уверять меня в этом, и даже приглашал погостить в своём замке. Живёт он в Австрии – там он унаследовал поместье и замок отца, и сам он, разумеется, австриец. Однако здесь, во Франции, он провёл около шести довольно бурных и... весёлых, – она хитро усмехнулась, – лет. Так что французским он владеет в совершенстве. И в курсе – благодаря мне и ещё двум-трём друзьям – всех придворных интриг нашего королевства.

Если ты поживёшь у него с полгода, его это не сильно обременит, а догадаться, что ты там, не смогут – последний раз мы с ним встречались не меньше, чем лет... наверное, двадцать пять – тридцать назад. Подай мне перо и бумагу – они вон там в бюро, – она показала рукой, – и пока я буду писать ему, найди Пьера. Он должен быть у ворот – я слышала, как он открывал тебе. И Марию – это та женщина, что

рыдала у тебя, – она выделила это слово, – на груди.

Пусть они оба собираются, и едут с тобой. Сейчас они самые надёжные и верные мои люди, а тебя они нянчили и баловали ещё в нашем старом имении, в Буа-Трасси. Только им я могу доверить мою дочь – то есть тебя! Потом, когда будут готовы, приведи их. Действуй, не мешкая!

Катарина бросилась к бюро – там лежала специально приспособленная подставка уже со всем необходимым для письма. Затем помогла матери – так она теперь её и ощущала (ещё бы, можно сказать, та подарила ей уже не слабую надежду, а почти уверенность в спасении!) сесть удобно. Силы и энергия вновь наполнили её новое тело. Вперёд! За дело!

Она стремительно двинулась к двери.

– Белла! – она обернулась на окрик, – мать покачала головой:

– Умойся! Не надо пугать слуг. Затем пусть Мария подберёт тебе мужской камзол и другие сапоги. И шляпу. Вода на кухне. Да, и меч этот отцепи – хотя бы на время.

Только сейчас она осознала, как по-дурачки, наверное, выглядит. Улыбнувшись сквозь всё ещё стоявшие в глазах слёзы, она растегнула португею, и бросила возле двери. Затем стянула тряпку, которая удерживала её волосы. Они рассыпались по плечам грязным, но всё же водопадом. Откинув голову назад, она встряхнула ею.

Как-то сразу появилось ощущение чего-то домашнего, спокойного и уютного, надёжного.

Ещё раз оглядев себя с головы до ног, она посмотрела на улыбающуюся мать, и впервые от души, и беззаботно рассмеялась, хоть и сквозь слёзы. Мать, перехватив её лучистый и уверенный взгляд, поусмехалась, качая головой, затем, не выдержав, засмеялась тоже:

– Поберегитесь, мужчины... Да и женщины тоже! Моя Белла вам спуску не даст!

12

Снова пыльная дорога – но уже не дорога в неизвестность, а путь к спасению, возвращение к жизни. Она сдерживала иногда рвущуюся наружу радостную улыбку изо всех сил. Теперь у неё есть конкретная цель, определённое место, где она сможет переждать опасные времена, и приспособиться к новой обстановке, вжиться в неё. Стать своей – современной.

Поэтому Катарина с интересом осматривалась из-под широкополой шляпы с пером, затенявшей добрую половину её лица, стараясь вникнуть во всё, что встречалось на пути.

Они с Пьером ехали шагом, не торопясь, так что она могла не напрягаясь, полурасслаблено сидеть в седле, отдыхая после жуткой скачки на заре, и нервной встряски в отчем доме, просто рассматривая всё вокруг, и впитывая детали такой необычной и новой, но уже совсем не так пугающей жизни, своим чередом текущей вокруг.

Кажется, у неё появляется возможность и время приобщиться (тьфу-тьфу) -таки к этому миру, к этой реальности. К этой эпохе. Правда, судя по всему, работы предстоит много... И работы кропотливой.

Пьер не удивлялся её расспросам (спасибо матери) – похоже, он не удивлялся вообще ничему: так же невозмутимо, как, например, предложение взглянуть на облака, он воспринял приказ хозяйки сопровождать и защищать Катарину в её путешествии. Впрочем, возможно – он ведь был далеко не глуп! – он это предвидел.

Гораздо живей реагировала Мария. Когда Катарина, умывшись, привела их обоих в комнату старой графини, няня всё ещё не могла успокоиться, и только резкий оклик хозяйки заставил её, наконец, перестать восторженно восклицать, ворчать и поносить врагов «Беллочки», и выслушать приказ.

– Я выбрала только вас двоих, – продолжила свою мысль мать. Говорила она сильным, не терпящим возражений, голосом, – Подойдите же, и слушайте внимательно.

– Ещё ближе, – она несколько сбавила тон, – Вы оба знаете, какую участь уготовило так называемое королевское правосудие моей дочери, – она повела белой тонкой рукой в сторону Катарины, стоявшей тут же, рядом с ней, – и вы знаете цену этому правосудию.

Двое немолодых слуг кивнули – Пьер спокойно, Мария – много и возмущённо.

– Провидение не позволило свершиться расправе. Катарине удалось бежать.

Мы знаем, что она невиновна, но королевские слуги и ищейки будут продолжать пытаться поймать её и казнить. И закон пока на их стороне. Поэтому подумайте, прежде чем ответить. Готовы ли вы помочь моей дочери, моей Белле, скрыться от этого закона, и спасти её жизнь? – пронзительный взгляд переходил с Марии на Пьера и обратно.

Первой, едва прозвучал вопрос, откликнулась Мария, от волнения она даже глотала слова:

– Да, да, тысячу раз – да! Конечно! Да чтоб их там всех разорвало, этих негодяев, подлых тварей! За нашу Беллочку уж я бы им!.. Их поганые глотки бы!.. Да хоть в самое пекло их – мерзавцев надутых! Видала я их Закон в ... Ох, простите, сударыня – вырвалось! А за Беллочку – я... Сударыня, я – вся – вся, до кончиков пальцев! – принадлежу вам! Вам и – Беллочке!

Прикажите – и хоть на край света! Всё-всё, что в моих силах... Да, всё сделаю! И ни перед чем не остановлюсь! Так и знайте – ни перед чем!..

Пьер, когда поток красноречия иссяк, или, скорее, прервался из-за переполнявших няню эмоций, и все трое повернулись к нему, просто и твёрдо сказал:

– Да.

Было в этом «да» что-то от незыблемости утёса, чего не передать никакими словами, но что безошибочно ощущает-

ся в такие моменты.

Катарине сразу стало легче дышать, и мир из какой-то чёрно-белой схемы снова стал цветным и объёмным.

Ведь как бы ни был человек уверен в себе и своих силах, ему всегда легче, когда рядом плечо друга, рука надёжного напарника, на которого можно безоглядно опереться и рассчитывать в любой ситуации. А в её случае необходимость в помощи и поддержке невозможно переоценить!

Помолчав, и как-то странно притронувшись батистовым платком к глазам, графиня выдохнула словно бы мешавший ей воздух. Гораздо теплей и мягче она сказала:

– Спасибо, дорогие мои. Я ни минуты не сомневалась в вас. И только вам я могу доверить спасение моей дочери. Подойдите ещё ближе. Ещё. – она жестом приблизила их почти к изголовью, и заговорила шёпотом, – Слушайте внимательно! И об этом – никому! И – никогда. – она перевела дух, и как бы через силу, продолжила:

– Тюрьма и суд не прошли для нашей Беллы даром. От пережитого у неё немного... повредилась память. Она многое – даже слишком многое, забыла. Я рассчитываю на вас. И если она что-то будет спрашивать, даже такое, что вы знаете, она должна знать, – не удивляйтесь. Просто расскажите, ответьте ей. А если переспросит – расскажите ещё раз. И – никому об этом ни слова. – она грозно сверкнула очами, – Впрочем, я надеюсь, что на свежем воздухе и на свободе её память быстро восстановится. А вы – помогите.

Мария, чтоб не высказаться вслух, прихлопнула рот рукой, впрочем, все эмоции как всегда были написаны на её лице. Пьер же просто кивнул.

– Теперь – о деле. – ещё тише продолжила графиня, – Сейчас я дам вам денег – всем троим. Если с кем-то что-то случится, остальные смогут продолжить путь. Да, вам предстоит долгое путешествие. И опасное. Ваша конечная цель известна пока только Белле, но когда вы будете достаточно далеко от Парижа, она скажет вам, куда вы держите путь. Тогда и решите, как лучше ехать, чтобы сбить королевских ищеек со следа.

Дороги наши небезопасны. Поэтому хорошо вооружитесь, так как вам нельзя ехать с попутчиками. Возможно тебе, Мария, лучше тоже переодеться в мужское платье.

Нет, попутчики вам точно не нужны. Вы не сможете сохранять инкогнито, и такой – она скептически кивнула в сторону Катарины, – маскарад наверняка будет замечен, и вызовет подозрения. Избегайте больших компаний путников, но – двигайтесь всё же днём. Ночами – вызовет подозрение уже наверняка...

Ехать, конечно, придётся не самыми короткими и не самыми людными дорогами. Поезжайте маленькими городками и деревушками – там всегда можно найти не одну просёлочную дорогу. Но я бы посоветовала иногда заезжать и в города – когда много народа, приезжие не так бросаются в глаза. Ладно, со всем этим вы разберётесь уже в пути. Сами.

Она помолчала, словно собираясь с мыслями, или что-то ещё вспоминая:

– Отсюда вы уедете порознь. Вначале – вы, – она указала на Пьера и Катарину, – Пьер, ни на шаг не отходи от Беллы. Тебе, Мария, придётся ехать с тем мужчиной, который помог ей освободиться. Встретитесь вечером, в местечке Мэ, в гостинице. Ну, в той, в которой мы останавливались в позапрошлом году – вы оба должны её помнить.

Под её требовательным взглядом оба быстро кивнули.

– Прекрасно. Вы, Мария, выезжаете из города через ворота Ле-Блан-Мениль, а вы – взгляд на Пьера, – через ворота Монтрей. Думаю, часам к трём, или раньше, вы до Мэ доберётесь. Что вам делать дальше, решите сами. Францию вы, по-крайней мере, Пьер, – снова подтверждающий кивок, – знаете прекрасно.

Далее. Путешествовать под собственным именем Белла, конечно, не может.

Поэтому она будет баронесса Бланка де Вильнев, дочь Шарля де Вильнев. Ты, Мария, должна её помнить – она внешне немного похожа на Беллу. А главное – сейчас она живёт с мужем во Флоренции, так что мы можем смело воспользоваться её именем – ей это не повредит. Но это, разумеется, в том случае, если Белла будет уже в женском платье. Впрочем, когда его одевать, и одевать ли – решайте сами, по обстоятельствам. Какие имена выберете вы оба себе – значения не имеет, тем более, что вам лучше менять их поча-

ще. Хотя каждый день. Тебе, Мария, лучше взять какое-нибудь дворянское... Ты должна справиться. – графиня немного криво улыбнулась, чуть хмыкнув.

– Много вещей сейчас не берите – только то, что влезет в седельные сумки. Купите потом всё, что понадобится, по дороге. И вот еще что. Мария! Старайся поменьше говорить. Шумная, ярко одетая компания всегда запоминается людям. Вас же никто запомнить не должен.

Мария покраснела, побледнела, раскрыла было возмущенно рот... Но потом, замахав руками, прикрыла его ладошками, не сказав ни слова.

О, отлично! Катарина не могла не улыбнуться.

Старая графиня с трудом потянулась, и из-за резного изголовья кровати достала небольшой изящный ларец. Отперла его крошечным ключиком, висевшим на тонкой цепочке на её белой, и всё ещё прекрасной, шее. Оттуда она извлекла пачку бумаг, которые, впрочем, тут же сунула обратно, и ещё три кошель – два поменьше, и один побольше.

Похоже, к её побегу и впрямь всё было готово заранее, отметила про себя Катарина.

Кошелек поменьше графиня протянула Пьеру и Марии:

– Вот деньги. К сожалению, их не так много, как хотелось бы, но на ваше путешествие должно хватить. Расходуйте бережно, не привлекайте внимания, покупайте то, что понадобится, в разных местах.

Они с глубокими поклонами приняли кошель, и тут же

спрятали: Пьер в карман штанов, Мария – где-то в складках своей необъятной юбки.

– Всё. Идите, заканчивайте сборы. На это у вас не больше десяти минут. Мы и так очень задержались. Пьер, снаряжение лошадей теперь на тебе. Белла права – вам понадобится четыре – одна для багажа, который появится позже. Пока пусть на ней едет тот офицер...

Мария, в мужчину пока не переодевайся. Времени нет. Пришлѐшь ко мне Эделину – я должна сделать кое-какие распоряжения. Да, и никому из домашних – ни слова. Для всех, и тех, кто узнал, и тех, кто не узнал Беллу, вы едете за деньгами, к нашему ростовщику Барецци. Благо, он живѐт достаточно далеко – в Сен-Клу. Ну, ступайте, – она устало кивнула, – Удачи вам. Берегите Беллу! Прощайте!

– Прощайте, сударыня! – сквозь рыдания произнесла несчастная няня, – Да охранит вас Пресвятая Богородица! А вы уж не сомневайтесь – мы Беллочку в обиду не дадим – всё сделаем! Прощайте, прощайте! – утирая слѐзы передником, она резко повернулась, и кинулась вон из комнаты, даже забыв поклониться. Дверь за ней захлопнулась. Пьер, прежде, чем повернуться, медленно и как-то задумчиво, произнёс:

– Прощайте, сударыня. Вы были нам хорошей хозяйкой. За Беллу – не переживайте. Доведем, куда надо. Всё будет хорошо. – неловко поклонившись, он быстро вышел.

Как только дверь закрылась, Катарина повернулась к матери. Та молчала, и продолжала отрешѐнно смотреть на за-

крытую дверь.

Должно быть это ужасно – отрывать от себя... Да, как бы кусок своей жизни.

И, судя по-всему, счастливой жизни. Ведь эта женщина знает, что ждёт её впереди – допросы, обыски, возможно, какие-то репрессии... А она – инвалид. Ужасно.

Но всё же она так спокойно держалась только что. Всё сделала для неё, а она – даже не её дочь... Не настоящая дочь. Но вот зато графиня – теперь её настоящая мать. Она даёт ей вторую жизнь, надежду, помощников, средства...

Почему? За что?

Обуреваемая этими и ещё многими другими мыслями, Катарина медленно опустилась на колени и взяла обеими руками руку матери – такую вялую и бессильную, в отличии от неукротимого духа её хозяйки.

– Спасибо... Мама! – рыдания, вновь нахлынув, не дали ей продолжить.

– Не за что... Дочь, – печально и задумчиво ответила та, другой рукой нежно проводя по её волосам. Казалось, всплеск кипучей энергии выкачал из неё все силы, хотя Катарина была уверена, что это не так, – Я только выполняю свой долг. На то и матери – чтобы выручать неразумных детей из беды...

Горькая улыбка слегка тронула её губы, и она повернулась к окну, в которое уже вовсю било яркое утреннее солнце. Снова повернувшись к Катарине, она прошептала:

– Береги себя. И – послушайся меня: не пытайся отомстить за Беллу. Я вижу в тебе жажду отмщения и злость. Ничего этого не нужно. Запомни: зло порождает только зло.

Просто живи, и радуйся жизни. Ведь теперь ты молода и сильна.

Найди себе настоящего мужчину. Постарайся родить ему детей. Может, хоть теперь тебе это удастся... А сюда не возвращайся – это слишком... Тяжело для меня.

Теперь вот ещё что. Если по каким-то причинам Карл не сможет вас принять, понадобится запасной вариант. В Шотландии, под Эдинбургом, в замке Каслрок, живёт мой дальний родственник – Эдгар МакАллистер. Он глава рода, или как это там у них называется... Не помню точно. К сожалению, связь мы не поддерживаем, и не могу тебе сказать – жив ли он ещё. Он в довольно преклонных годах. Но его дети помогут... если что. Хотя, конечно, жить там не советую – климат отвратительный.

Да, жить тебе лучше всего в Италии. Придумаешь себе какое-нибудь имя, или выйдешь замуж, и оседешь в одном из их карликовых городов-государств. Они там так увлечены своей борьбой за свободу и независимость, что ничем другим не интересуются. Впрочем, ты женщина самостоятельная. Приглядишься – решишь всё сама.

Вот, возьми это, – она вложила тяжёлый кошель в руку Катарины, – Здесь только золото.

Теперь возьми и это, – она достала из-под подушки сло-

женный пергамент и маленький лёгкий свёрток из плотной ткани, – спрячь и храни на себе. Это письмо Карлу и драгоценные камни – для тебя. При крайней необходимости – продашь.

– Я... Спасибо... Благодарю вас за всё, – глухо произнесла Катарина, утирая слёзы, снова делавшие окружающий мир нерезким и расплывчатым. Собой она уже овладела.

– Ну, иди, переодевайся. Тебе предстоит долгий путь.

Всё же, уходя, она хорошо разглядела странную улыбку, игравшую на устах графини, и сказала то, чего раньше никому вслух не говорила:

– Храни вас Господь!

13

Сборы не заняли много времени – она просто переобулась в сапоги, на этот раз почти своего размера, и сменила военный камзол на другой – добротный, коричневый, из новой, приятно пахнущей мягкой кожи, которые ей приготовила Мария. Волосы, снова подвязав их, она спрятала на этот раз под широкополой, явно модной и дорогой шляпой.

На своё умытое лицо, она, подумав, всё же нанесла маленькие чёрные усики – для этого ей пришлось подержать свечу под медной плоской – для получения сажи.

Здесь, в отдельной комнате, в которую её привела Мария, в её распоряжении было большое, хоть и мутноватое зерка-

ло. И, конечно, она не удержалась, чтобы хоть в общих чертах не рассмотреть себя.

Она с радостью отметила, что фигура у неё действительно, по меркам любых эпох, просто божественна: пропорциональна, стройна. Упругая высокая грудь. Тонкая гибкая талия. Крутые, пожалуй, чуть тяжеловатые, бёдра. Длинные мускулистые ноги с хорошими коленками. (Рубенсу такие и не снились!) Маленькие, изящные ступни. Длинная белая шея.

Против таких аргументов, конечно, мужчинам не устоять. Хотя на первом этапе ей на это рассчитывать не приходится – нужно самой изображать мужчину. С такими данными это, пожалуй, трудновато... Ничего, она справится.

Лицо, даже с нанесёнными усами, тоже не подкачало. Правильные, приятные черты. Высокий лоб, тонкий нос, чувственные полноватые губы... Вот только подбородок маловат. Ерунда, можно подправить нарисованной бородкой. Потом когда-нибудь.

Лицо-то лицом, но вот повернувшись от зеркала, она поняла, что совершенно его не запомнила. Разве что горящие лихорадочным возбуждением огромные ярко-зелёные глаза под чёрными, как смоль, изящно изогнутыми бровями. (А вот их – лучше прикрывать! Хотя бы шляпой.)

Ладно, ещё будет время изучить себя, любимую, более внимательно.

Скатав поплотнее форменный военный камзол, она затол-

кала его, сапоги и шлем в мешок. Португею и меч снова нацепила на себя. Дворяне и знать, как она заметила, без оружия не ходят и не ездят.

Резко открыв дверь, она нос к носу столкнулась с молодой красивой блондинкой.

Та стояла прямо перед ней, сцепив побелевшие руки на маленькой, тощей груди. Глаза её горели ещё посильней, чем у Катарины, нервная дрожь пробегала по всему телу. И вообще, нездоровое, злобное напряжение, некая экзальтация девушки ощущалось почти физически.

После секундного колебания, она вдруг сощурилась, и кинулась к Катарине, схватив её своими маленькими цепкими руками за плечи. Из одежды на ней была лишь тонкая батистовая ночная рубашка, поэтому выглядела девушка хрупкой и нескладной. Ростом она не достигала Катарине и до плеча, поэтому ей пришлось сильно задирать голову. Она заговорила. Вернее, закричала.

Брызги слюны разлетались из её кривящегося рта во все стороны:

– Прости, прости меня, ради Бога! Катарина! Выслушай, умоляю! – она задохнулась, – Я подслушивала! Я знаю – ты уезжаешь! – она судорожно сглотнула, задрожала.

– О, я чувствую, я чувствую – мы не увидимся больше никогда! Я была так несчастна, так одинока! Я – идиотка! Ну пожалуйста, прости! Пожалей меня! Скажи, что прощаешь!..

Я... Я не хотела! Всё вышло случайно! Ну скажи – скажи

же, что прощаешь меня!..

Она настойчиво и сильно трясла Катарину за предплечья, глаза разгорались всё ярче. Она что-то ещё несвязно выкрикивала, но смысл был тот же – простить её.

Внимательно взглядевшись, Катарина заметила пену, которая начала скапливаться в уголках рта девушки. Потные горячие руки и озноб сказали ей остальное о её болезни. Она огляделась – ничего подходящего в коридоре не было.

То, что перед ней Вероника де Пуассон, сестра её ныне покойного мужа, она поняла практически мгновенно. То, что та, похоже, виновата в чём-то плохом, додуматься тоже было нетрудно. И то, что сейчас с ней случится припадок, она тоже знала – по достаточно богатому опыту обращения с эпилептиками.

Предотвратить то, что сейчас случится – невозможно.

Звать на помощь? Это значит – привлекать к сугубо семейным делам посторонних, и терять напрасно время: местные врачи тоже ничем не помогут – нет лекарств. Ничего, она справится и сама!

Схватив Веронику, которая уже сотрясалась всем телом, в охапку, она затащила её назад, в комнату где переодевалась, положила прямо на толстый ковёр на бок, и быстро схватив с трюмо костяной гребень, засунула между зубов несчастной, придерживая одной рукой его, а другой – сотрясающееся тело, не давая ему завалиться на спину.

Судороги, бившие тело девушки, вначале усилились, но

вскоре ослабели и прошли.

Вытаращенные остекленевшие глаза закрылись, дыхание выровнялось. Вынув гребень изо рта и утерев пену, она бросила гребень тут же на полу, и, убедившись, что лежащая на боку без сознания женщина не задохнётся, Катарина быстро выбежала из комнаты.

Постучав, она снова вбежала в комнату матери. Та была с Эделиной – крупной неповоротливой женщиной с простым деревенским лицом. Катарина промолчала, сделав матери знак бровями. Объяснить дважды не пришлось – мать поняла сразу:

– Эделина, оставь нас. Придёшь позже – когда я освобожусь.

Когда дверь закрылась за удивлённо посмотревшей на Катарину в мужском обличьи женщиной, она, подойдя вплотную к постели, вполголоса сказала:

– Мама, там с Вероникой опять припадок. Он закончился, и я оставила её на полу в моей комнате.

Старая графиня, ничем не выдавая своих эмоций, спокойно сказала:

– Да, я слышала. Ни о чём не беспокойся, быстрее уезжай. Я распоряджусь, чтоб о ней позаботились.

– Хорошо! – уже повернувшись, и сделав шаг к двери, она всё же решилась – развернулась опять к матери и спросила всё так же вполголоса:

– За что она просила у меня прощения?

Впервые она увидела, что графиня чем-то смущена. Она явно колебалась, думая, что ответить. Но глаз, однако, пожилая женщина не опустила и не отвела. Наконец она, словно преодолев колебания, понимая, *кто* сейчас перед ней, произнесла:

– Это она донесла на тебя. Только представила всё дело так, словно покушение планировалось не на его высокопреосвященство, а на короля. А позже, под угрозой пыток ты – ну, то есть ты *та* (она кивнула головой назад) – призналась сама.

– И после этого вы... живёте с ней под одной крышей?!

Графиня вздохнула, печально покачав красивой головой:

– Она больна. У неё не осталось родных и близких. У неё не осталось дома – вспомни, он конфискован. – посмотрев на Катарину чуть наклонив голову, и уже с хитрецей, она продолжила, – Кроме того, пока она здесь, я могу её хоть как-то контролировать. И вовремя нейтрализовать все глупенькие или коварненькие подлые мыслишки, которые приходят в её маленькую головку. Надеюсь, теперь от неё вреда будет... немного.

Не беспокойся, я позабочусь о ней. Ты же – позаботься о... себе. Прощай.

– Прощайте! – она кивнула, – Ещё раз – спасибо! Я – позабочусь!

Не желая, чтобы эта многострадальная, но такая терпимая и терпеливая благородная и умная женщина прочла всю

ту бурю эмоций, что разразилась сейчас в её такой обычно прагматичной душе, и ярко читавшейся сейчас на лице, она, круто повернувшись, кинулась к двери, и, захлопнув её и подхватив с пола свой мешок, понеслась вниз – вниз, к лошадям, к Пьеру, к Марии, к свободе.

Никогда, никогда не вернётся она сюда – в этот странный дом с его фамильными тайнами, страшными болезнями, кодексом чести и загадочными способностями родовитых хозяев, благородством и предательством! Это – прошлое.

Но – не её прошлое!

А она, как сказала мать, да и как подсказывает её сердце – должна строить своё будущее. Искать свою судьбу, свой дом и своего... Да, наверное, мужа!

Она, конечно, не будет мстить золовке – это мелко и глупо. Ну, а что касается его высокопреосвященства – она совсем не уверена...

Время покажет. Должен же кто-то ответить за смерть мужчины, с которым она прожила четырнадцать беззаботных лет, за муки её больной матери, за суд, тюрьму, и несложившуюся судьбу Беллы!

Уезжая, она не оглядывалась.

Естественно, как она ни старалась, многие её вопросы не могли не показаться Пьеру странными. Настоящая Катарина

их вряд ли когда задала бы. Но нужно отдать ему должное: не проявляя никак своего удивления, он невозмутимо отвечал на все. Да и она всё-таки старалась как могла, не переигрывать, и держаться легенды, которую дала старая графиня.

Ну, память отшибло! Ну, от волнений! (А кто бы в такой ситуации не волновался?!) Бывает, ничего страшного! От таких потрясений не то, что память может сдать – а у иных и рассудок. Хотя, с последним, вроде, (опять – тьфу-тьфу) – порядок.

На сборы, прощание и сцену с Вероникой ушло, кажется, больше часа – такой роскоши она не должна была себе позволять. Однако им повезло – погони пока не было. Поэтому дав опять указания Марии, как обращаться с Пуленом, и приказав тому ещё раз повиноваться Марии во всём, они, разделившись, спокойно покинули Париж через разные ворота.

Никто им не препятствовал, и интереса они ни у кого не вызвали. На экзотику Парижа она теперь глядела вполглаза, да и то – с той точки зрения, нет ли ищущих её стражников...

Лошади из конюшни графини, конечно, оказались гораздо лучше армейских.

В них сразу чувствовалась спокойная сила и выносливость. Теперь она могла наслаждаться путешествием, и смело смотреть по сторонам, что она, собственно, и делала, наблюдая за людьми, и подмечая интересные детали средневекового сельского быта.

Кое-что всё же причиняло некоторые неудобства – отбитая во время бешеной скачки об неудобное жёсткое седло задняя часть тела... побаливала. Несмотря на её приятную упругость и выдающуюся форму, она не совсем хорошо справилась с ролью амортизатора.

Ну, ничего – скоро умение правильно сидеть на лошади войдёт в привычку, и этот навык будет работать автоматически.

Поездка заняла около пяти часов. Чтоб не привлекать излишнего внимания, они ехали не торопясь. На условленное место встречи добрались вторыми – Мария и Пулен уже ждали их в небольшой таверне, второй этаж которой служил гостиницей.

Впрочем, как могла позже заметить Катарина, планировка таких заведений была почти стандартной, и разница состояла только в размере дома, и качестве обслуживания.

Они с Пьером, привязав коней к коновязи, так как не собирались здесь задерживаться, вошли в тёмный большой зал, занимавший весь первый этаж, и спокойно подсели к своим компаньонам за грубый и ужасно замызганный стол возле окна.

Она приветствовала сидевших, словно случайных знакомых, и тихо попросила Пьера заказать что-нибудь выпить – от дорожной пыли и жаркого солнца её мучила сильная жажда, да и сам Пьер наверняка был не прочь промочить горло.

Пьер крикнул хозяину, стоявшему тут же за стойкой, и

не без интереса поглядывавшего в их сторону, чтобы подали вина. Перед Пуленом и Марией уже стояли наполовину опорожнённые кружки.

– Как добрались? – язык у Марии явно чесался, но при посторонних ей было неудобно, и она сдерживалась изо всех сил, изображая вежливое равнодушие. Не очень-то хорошо у неё это получалось, и Катарина грозно сверкнула на неё очами, и нахмурила брови.

Няня тотчас откинулась назад, и вздохнув, постаралась принять расслабленную позу отдыхающего путешественника, которому, собственно, всё – всё равно.

– Спасибо, благополучно, – она вежливо улыбнулась, стараясь придать голосу больше мужественности, но не понимая его (заговорщики всегда запоминаются), – А вы?

– Тоже неплохо, спасибо! – и, уже тише, – Ну и спутничка вы мне подсунули, су...дарь! – няня, хоть и фыркала от переполнявших её чувств, о конспирации старалась не забывать, – Из него же и слова не вытянешь! И ехать с ним!.. Прикажешь двигаться шагом – едет. Забудешь приказать остановиться, или повернуть – так и будет ехать, хоть до Франкфурта-на-Майне! Ну и намучилась я! Ведь неприлично женщине приказывать солдату! Да и люди косятся – мы всё-таки странная парочка!..

– Да, тут ты права, – слегка усмехнувшись, признала Катарина, – задача тебе выпала нелёгкая. Ничего, мы это исправим!

– Да уж, пожалуйста, а то такой поездочки у меня отродясь не бывало! А уж поговорить – всё равно как с живой статуей!

Катарина рассмеялась, представив, как няня что-то рассказывает Пулену...

Мария, всё ещё отдуваясь от распивавшего возмущения, и укоризненно взглянув на неё, принялась за Пьера – как дорога, как лошади, как выехали из города, и прошло всё остальное?

Пьер отвечал невозмутимо. Катарина, воспользовавшись передышкой, расслаблено откинулась на скамье, наблюдая за Пуленом и окружающими людьми. Пулен молча смотрел на свою кружку. Пьер поглядывал в окно, на лошадей, и на хозяина, ожидая, пока подадут вино.

Напиток, принесённый расторопной пухленькой девицей с раскрасневшимися щеками, оказался очень неплох – особенно после пяти часов пекла и пыли. Девица, впрочем, тоже была прехорошенькая. Катарина не удержалась, чтоб не положить нежно ладонь на приятно оттопыренный задок, за что и получила отповедь, впрочем, не слишком суровую – девица, судя по всему, привыкла, что посетители правильно реагируют на её формы, и была явно довольна: ну как же, очередной клиент покорён!

Взгляды, которыми наградили её няня и Пьер, были весьма своеобразными. Впрочем, от комментариев они воздержались. Катарина же чувствовала, что ведёт себя вполне... в стиле. Опасней было бы сидеть как мумия – вот Пулен на-

верняка вызывал подозрения. Ничего, разберёмся.

Она с удовольствием сделала несколько больших глотков, отдуваясь, и стараясь не смывать усы. По вкусу вино напоминало грузинские столовые вина, но гораздо слабее, и в то же время ароматнее. Пьер просто запрокинул голову, и отпил сразу половину своей кружки.

Пока они пили, Мария молчала, видно всё ещё переживая странный поступок Катарины. Или думая, как же им быть дальше.

Катарина тоже не торопилась заводить беседу. Напившись, она решила, наконец, оглядеться получше, уже не боясь привлечь чьё-нибудь излишнее внимание.

Место встречи было выбрано удачно. Таверна, или трактир (она и позже с трудом понимала, в чём тут тонкое различие) располагался в стороне от главной дороги, и народу было немного: компания из пяти мужчин – явно коммерсантов – спокойно обедала за столом в углу, и появление ещё двоих в меру пропылённых путников их не заинтересовало. Они, не прерывая трапезы, спокойно обсуждали поставки какой-то особо ценной материи, и тонкости её закупки во Фландрии, осложнившейся в связи с войной.

Тесный кружок из нескольких местных завсегдатаев, уже явно отдавших должное вину хозяина, приглядывался к ним гораздо внимательней, однако уже через несколько минут, не высмотрев ничего для себя интересного, вернулся к своим кружкам, и видам на урожай, всё той же войне с Фландрией,

и местным сплетням.

Единственное опасение вызывали два монаха, которые ничего не пили, зато жадно ели из дымящейся миски прямо руками, иногда посверкивая глазами из-под своих кустистых бровей в их сторону. Однако на осторожный вопрос Мария ответила, что монахи уже были здесь, когда они с Пуленом прибыли, и тоже ели, но что-то жидкое – очевидно, суп.

Сам трактир представлял из себя крепкое, сооружённое на века, и, похоже, простоявшее не одно десятилетие, насквозь пропитанное запахом дыма, пота, еды и вина, двухэтажное здание. Лестница на второй этаж находилась здесь же, в огромном зале, занимавшем фактически весь первый этаж. Наверху виднелась огороженная перилами галерея, и коридоры, уводившие в глубину здания – к номерам. Возможно, кто-то и жил там сейчас, но за всё последующее время Катарина не видела ни одного спускавшегося или поднимающегося постояльца.

Деревянные столбы, что поддерживали могучие, грубо отёсанные балки перекрытия, от времени и копоты светильников стали совсем чёрными, потолок тоже белизной не отличался. Во всём чувствовалась добротность и капитальность, принесённая в жертву изяществу и чистоте – даже в тяжёлых лавках и столах, сколоченных из дубовых, толщиной дюйма в три, уже покоробленных досок. К потолку на цепях были действительно подвешены колёса от телег с негорящими пока светильниками – масляными плоскими.

Совсем как в исторических фильмах. Конечно, света такие «люстры» вряд ли давали много... Но и сейчас послепо- луденный полурассеянный свет, проникавший внутрь сквозь открытую дверь и распахнутые настежь окна, не слишком-то хорошо позволял рассмотреть всё и всех.

Тем лучше – их тоже видно не слишком подробно.

Она обратила внимание на то, что в окнах не было стё- кол – наверное, получение стекла связано с проблемами, или стоили они дорого. На ночь такие окна закрывались мощны- ми ставнями – снаружи не откроешь. Что ж. Разумно – мало ли кто захочет непрошено забраться в такое заведение.

Ну вот и ещё одно подтверждение того, что особенно рас- слабляться не придётся.

Да она, собственно, и не рассчитывала...

Так как это был первый трактир, в который они зашли, она запомнила его обстановку очень хорошо. Все прочие, и весь- ма многочисленные подобные заведения, которые им при- шлось посетить в своём долгом путешествии, просто смеша- лись в её памяти во что-то среднее, безликое, не запомнив- шееся ничем оригинальным. Впрочем, разве мелкие гости- ницы, столовые и рестораны её времени лучше?

Посидев, посмотрев, подумав, и убедившись, что всё ти- хо, чинно и спокойно, она предложила Пьеру и Марии по- обедать прямо здесь. Мария согласилась сразу. Пьер, поко- лебавшись пару секунд, и зыркнув подозрительно на мона- хов, тоже.

Подозвали давешнюю девицу, точившую за массивной стойкой ляды с таким же толстеньким хозяином. Пьер заказал обед: жареное мясо с соусом, тушёные овощи, паштет, хлеб, сыр, вино (разумеется, запивать-то надо!), и что-то ещё – Катарина не поняла, что именно, но вполне оценила вкус, когда минут через десять всё это было принесено и поставлено перед ними в глиняных и деревянных мисках. И, отдельно, на огромном блюде – дымящееся ароматное мясо. Без всякой химии. Объеденье!

Подходила теперь к их столу девица со стороны Пьера – он не строил ей глазки.

Ели деревянными ложками, или прямо руками. Пулен ел с совершенно каменным выражением лица, и сделать с этим что-либо пока было нереально. Она старалась лишний раз не обращаться к нему, чтоб не привлекать излишнего внимания.

Зато сама Катарина причмокивала и отдувалась за двоих. Первая трапеза на свободе не разочаровала её. Еда оказалась вкусной, и очень питательной. Во всяком случае, она насытилась быстро. А если учесть, что после тюремной каши у неё целые сутки маковой росинки во рту не было, она опасалась, как бы не переест. Расстройство желудка от обжорства сейчас было бы совсем некстати.

Она откинулась назад, и утерев губы тыльной стороной ладони, (осторожно – усы!..) с наслаждением потянулась, похрустев немного затёкшими во время поездки, суставами.

Впрочем, и спине и плечам не помешал бы хороший массаж – всё ныло с непривычки к седлу.

А ведь предаваться перевариванию пищи нельзя – ей предстоит нелёгкая работа.

Нужно, наконец, освободить Пулена. Свою роль он честно (хотя и не совсем добровольно) выполнил, и сейчас им лишний свидетель ни к чему.

Наклонившись к Пьеру, она попросила его договориться с хозяином о комнате на одну ночь для одного человека, и сразу расплатиться за неё. Всё прошло быстро, особенно уплата денег, и вот уже все та же расторопная толстушка, с наигранной опаской косящаяся назад и вниз, ведёт их с Пуленом вверх по скрипучей лестнице.

Комнатка не блистала роскошью обстановки и размером. Почти половину её скромных восьми квадратных метров занимала скрипучая деревянная кровать с тощенькой периной, набитой, судя по торчащим прутьям, соломой. Дополняли интерьер маленький стол и табурет, шкаф заменяли несколько крючьев в дощатой стене.

Убедившись, что девица спустилась вниз, она осмотрела дверь – та запиралась изнутри на щеколду и примитивный замок, ключ торчал снаружи. Она вынула его.

Плотно прикрыла дверь. Закрылась на щеколду. Ключ вставила уже с этой стороны двери. Подойдя к своему всё такому же безучастному ко всему происходящему и окружающему, сообщнику, она приказала ему сесть, а затем и лечь

на кровать. Себе она придвинула табурет. Настало время побеспокоиться о судьбе этого несчастного. Хоть он и помогал ей не по своей воле, но всё же – помогал...

Теперь она могла рассмотреть его без помех.

Бравый комендант сильно сдал – черты лица как-то заострились, под глазами появились мешки. Гордая осанка пропала, костюм насквозь пропитался потом и пылью. Что-то вроде жалости давно грызло Катарину. Нельзя допустить его ареста, или гибели из-за неё. Ведь вряд ли его оправдает то, что он был под гипнозом. Гипноз здесь неизвестен. А если и известен, то только как один из аспектов всё того же колдовства. Что ещё хуже: как бы беднягу не сожгли.

Да уж, наверняка несчастного офицера признают её сообщником, и накажут.

Возвращаться в Понтуаз, на старую должность, ему никоим образом нельзя. Нужно обеспечить бывшему коменданту новую работу. Желательно, по специальности. И подальше.

И новое имя.

Она давно держала в голове разговоры о войне. Что ж. Вполне приемлемо. Кадровые наёмники нужны везде и всем.

Сейчас она обдумает эту мысль. А пока она созревает, поработаем-ка на себя. Когда ещё она будет иметь такой правдивый источник информации?

– Расскажи мне, дорогой комендант, то, что я хочу знать о...

Около получаса она расспрашивала его: в-основном о сво-

их родственниках, друзьях, землях и домах. Так же её очень интересовали обстоятельства смерти мужа, и его родственники и связи (здесь было почти пусто: похоже, близких с этой стороны не осталось – кроме горячо любимой Вероники).

Узнала она не так много, но в целом это подтверждало уже имеющуюся твёрдую убеждённость: дело против неё сфабриковано, но высокородные и высокопоставленные недруги не дали ей возможности оправдаться. Правда, первопричиной явилась не любовная интрижка, как она вначале думала, а что-то более сложное и серьёзное, связанное, скорее всего с борьбой за власть и деньги. Большой же Политикой, к счастью, вроде, не пахло.

Конечно, такой скромный винтик в государственной машине, да ещё оторванный от двора, как комендант тюрьмы, мало что мог ей объяснить в скрытых пружинах и верёвочках придворных интриг, но слухи, ходившие среди обывателей тоже были ей полезны. Она вытянула из него всё, что он знал, слышал, или предполагал.

Самым подозрительным моментом в этом деле, разумеется, оказалась гибель её мужа: будучи навеселе, он, наступив неудачно в лужу вина, якобы упал с лестницы и сломал себе шею...

Однако при внимательном осмотре его тела обнаружились довольно странные синюшные пятна, да и запах изо рта был весьма подозрителен – всё указывало на яд. Источник: лекарь его высокопреосвященства, в приватной беседе с лю-

бовницей, причём в сильно нетрезвом виде. Кстати, лекарь тоже... уже умер. Его подкосила внезапная... болезнь головы. В которой вдруг как-то поутру обнаружилась странная дырка...

Главное же, что она уяснила чётко: то, что она – в смысле, настоящая Катарина – обладала-таки некоей очень важной информацией, или документами, могущими сильно навредить его высокопреосвященству, и так и не сказала, судя по-всему, где хранятся эти документы (впрочем, в случае её смерти, похоже, до документов не добратся, и, следовательно, его высокопреосвященство этот вариант тоже устраивал!).

Ну а теперь... Теперь он точно постарается заткнуть ей рот, не останавливаясь ни перед чем. Ведь он не знает, что с этой стороны ему уже ничто не грозит.

Выяснить, в чём соль интриги, теперешняя Катарина сможет не скоро. Но выяснить придётся. Назовём то, что она сейчас делает, тактическим отступлением.

Пусть враг успокоится.

Но не она. Несмотря на просьбу матери, и то, что дело, вроде, не её, холодная ярость и жажда мести горели в её груди спокойным, но неугасимым огнём. Пусть сейчас она вынуждена на время покинуть сцену, на которой разыгрывается эта драма, но она ещё вернётся – в следующих действиях. Всеми своё время. Она терпелива.

Однако время поджигает. Пора распрощаться с пока ещё

– Слушай внимательно и запоминай на всю оставшуюся жизнь. Твоё имя – Жан Клод Огюстен. Из Шампани. С семнадцати лет ты – профессиональный наёмник. Ты дослужился до... сержанта. Семьи у тебя нет: женат ты никогда не был, родители умерли.

Сейчас ты уснёшь и проспишь ровно час. Проснувшись, ты будешь помнить о себе только то, что я тебе сейчас сказала и скажу. А ещё, проснувшись, ты полностью забудешь всё, что происходило с тобой за всю предыдущую жизнь, вплоть до момента пробуждения.

Ты не вспомнишь ничего этого три дня.

Через час, когда ты проснёшься, ты выйдешь из этой комнаты, сядешь на коня, на котором ты сюда приехал, и поедешь к проливу Ла-Манш. По дороге побреешься в первой же цирюльне. А в первом же городе купишь себе другую одежду, более подходящую наёмнику, и поменяешь свой меч на другой. Ночевать будешь в трактирах, ехать будешь днём – всего три дня. Затем ты вспомнишь свою молодость до того момента, как тебе исполнилось шестнадцать лет.

Ты будешь помнить, что пошёл в наёмники из-за неудачной любви. Ты будешь помнить, что твоё теперешнее имя – прикрытие! И спасает тебя от грехов прошлых лет, но что это

за грехи, ты не вспомнишь. Когда через три дня ты вспомнишь о своих молодых годах, ты поймёшь, что для тебя лучше всего продолжать карьеру наёмника.

Ты кратчайшим путём поедешь во Фландрию и наймёшься в их армию, или любую другую... Кроме Французской. Где ты служил, что делал за прошедшие годы – придумаешь сам, чтобы выглядеть заслуженным ветераном. Твоей основной задачей на ближайшие пять лет является заработать побольше денег, и обзавестись затем хозяйством где-нибудь в той же Фландрии, найдя себе вдову или другую приглянувшуюся женщину. Во Францию ты не вернёшься больше никогда, опасаясь за прошлые грехи – но в чём они состоят, ты не вспомнишь.

Теперь главное: то, что я тебе сейчас сказала, будет у тебя так глубоко в мозгу, что ты будешь считать это своими мыслями и желаниями. – она сделала особый нажим на этой фразе, перевела дух, и продолжила, – Вот тебе деньги. Расходи экономно – это всё, что у тебя осталось от предыдущей работы. – она, покачав головой, вложила три, поколебавшись, добавила ещё две золотые монеты в его раскрытую ладонь, – Сожми кулак, – он так и сделал, – Когда ты через час проснёшься, к тебе вернутся все твои воинские навыки и привычки, ты будешь самим собой. Но с твоей памятью всё будет так, как я сейчас сказала. Пока, на ближайшие три дня ты – Жан Клод Огюстен....

И я надеюсь, ты и дальше захочешь использовать это

имя...

Сейчас ты встанешь, закроешь дверь за мной на щеколду, снова ляжешь и заснёшь ровно на час. Проснувшись, быстро уедешь. За комнату ты уже заплатил. Конь – в конюшне. Действуй.

Он встал, двигаясь ещё как сомнамбула. Она отворила щеколду, вышла. Убедилась, что он защёлкнул замок за ней. Тяжело вздохнула и утёрла пот со лба.

Конечно, она не была уверена, что всё сработает как надо, но надеялась, что ничего не упустила. Трудно вот так, сходу, запрограммировать судьбу человека до конца его жизни!..

Но лучше это, чем бросить его на произвол судьбы, и в руки так называемого Французского правосудия. С последним она уже довольно тесно соприкоснулась.

Нет, брать его с собой в любом случае было нельзя – под гипнозом он слишком странно выглядит. А без гипноза наверняка предал бы их при первом же удобном случае. Так что пусть живёт плохо – но на свободе. Она старалась изо всех сил.

И всё же определённую долю стыда и беспокойства она испытывала. Это совесть? Наверное. Но ей сейчас не до роскоши – предаваться угрызениям некогда.

Она небрежной походкой подошла к хозяину, и когда тот с готовностью подался к ней всем телом из-за своей стойки, сказала:

– Наш друг Жан Клод немного устал. Он думал, что оста-

нется ночевать, но дела не ждут. Если через час-полтора он не проснётся сам, разбудите его, и пусть едет дальше.

Коня его пока поставьте в конюшню – это вон тот, гнедой с белой бабкой... А мы едем прямо сейчас. Еда у вас превосходная, благодарю.

– Всё понял, месье, всё сделаем! – хозяин угодливо улыбался и кивал, – Для хороших клиентов мы сделаем всё в лучшем виде! Заезжайте почаще!

– Отлично. Непременно заедем на обратном пути.

Она кивнула ему, приглашая следовать за собой, и они вместе – она чуть впереди – подошли к столу, за которым, мило беседуя, допивали вино и доедали мясо, Мария и Пьер.

Беседа, впрочем, носила несколько односторонний характер – роль Пьера в ней сводилась к согласному киванию, или несогласному качанию головой.

– Филипп, рассчитайся, и поехали, – произнесла она всё тем же хрипловатым низким голосом, к которому уже успела привыкнуть, изображая молодого мужчину.

Монахи, вызвавшие было её опасения, уже ушли. Торговцы-коммерсанты, расслабившись, обсуждали уже женщин лёгкого поведения в разных городах и странах. Завсегдатаи из местных всё ещё не сдвинулись с войны с Фландрией, и ужасной жары.

Их отъезд никого не заинтересовал.

Пьер и Катарина помогли Марии влезть на лошадь. Вернее, помог Пьер, Катарина поддерживала няню больше мо-

рально. Только теперь она по-настоящему оценила тот подвиг, который совершают местные женщины, путешествуя в так называемом «дамском» седле. Мария располагалась боком к движению, ноги приходилось держать на деревянной подставочке, а залезть или спуститься без посторонней помощи было вообще невозможно.

Хорошо, что она сама сейчас не столкнулась хоть с этой проблемой. Может, имеет смысл и Марию побыстрее переделать в мужчину? Правда, пока у них нет нужной одежды... Впрочем, взглянув на няню ещё раз, она покачала головой – на ближайшие несколько дней от этой мысли лучше отказаться. Такой риск придётся оставить на совсем уж крайний случай – шила в мешке не утаишь.

Хотя на будущее, конечно, было бы неплохо для маскировки путешествовать то как мужчина и двое женщин, то как женщина и двое мужчин. И совсем уже отлично – как трое мужчин.

Значит, придётся купить ещё одно дамское и одно мужское седло – благо, по конструкции оно от выючного мало чем отличается.

С улыбкой она подумала, что самый беспроблемный вариант – три женщины – к сожалению, малореален. Ведь женщины в-одиночку не путешествуют... Да и Пьер ни за что не согласится. И будет прав. Если женщина ещё как-то может подделаться под мужчину, то обратный трюк раскусит первая же встречная женщина: актёры из мужчин никакие!

К вечеру, когда уже совсем стемнело, они остановились в небольшой деревушке, примерно в пяти лье от Компьена. Двигались они быстро, больше нигде не останавливались, и хотя немного попетляли по просёлочным дорогам, всё же отмахали изрядный кусок – гораздо длиннее, чем проехали до трактира, в котором оставили Пулена-Жан Клода.

Правда, по большому тракту проехали бы по прямой ещё больше, но в данном случае Катарине было наплевать на расстояние и усталость – всё должно было быть принесено в жертву скрытности и анонимности. Выбраться из страны сейчас – главное.

Местный трактир оказался, само-собой, поменьше, но зато и как-то поуютней.

Возле стойки и за столами сидели всё сплошь местные – крестьяне и мастеровые, они пили и разговаривали. Она не могла не оценить прелесть отсутствия табака: ни характерной вони, ни сизой дымки, обычно скрывавшей дальние углы больших помещений, как бывало в её эпоху в подобных заведениях. Но света посаженные по оболам колес на потолке масляные плошки, действительно, давали чертовски мало...

За едой – пища оказалась попроще, и ждать пришлось дольше – они почти не разговаривали. Во-первых, в целях конспирации, а во-вторых, сказывались усталость, накопив-

шаяся за целый день, проведённый в седле, и нервное напряжение. А у Катарина так и вообще глаза закрывались сами, несмотря на все её усилия: хоть спички вставляй... Правда, их ещё не изобрели. Но так как они проехали сегодня довольно много – не менее девяти-десяти лье – спать отправились с достаточно спокойной совестью.

Разместились в двух смежных комнатах: в большой – Катарина с Марией, в проходной – Пьер. Убедившись, что дверь заперта, и подпёрта лавкой, Катарина, особенно не церемонясь, сняла с помощью няни всю одежду, кроме рубахи, и забралась в свою кровать – громоздкое сооружение со свалывшимся матрацем, который Мария застелила купленными по дороге простынёй и одеялом.

Варварский обычай: если путешественник хотел спать на чистых постельных принадлежностях, он должен был возить их с собой. Ничего, выучную лошадь они купят. Как и костюмы, сёдла, оружие и всё остальное...

Мария, подобно заботливой наседке, после того, как помогла ей раздеться, всё крутившаяся вокруг неё, радуясь, что теперь их никто не слышит, и стараясь уложить «её Беллочку» поудобней да помягче, наконец, вздохнула, и присела на край постели, озабоченно и внимательно глядя «своему дитятке» в глаза. Катарине опять стало неловко и... стыдно.

– Ах, сударыня, – с тяжёлым вздохом произнесла её няня, явно не удовлетворённая тем, что там увидела, – Неужто вам теперь всю жизнь так-то мыкаться! Без своего угла, без

имени, без свиты. Да что там – даже без любимой одежды!.. Вы ведь у нас такая лапочка, когда в красивом платье, да с украшениями, да смеётесь и шутите... А сегодня ни разу не пошутили – да даже и не улыбнулись!

– Нет-нет, Мария! – она привстала с подушки и крепко взяла узловатые и сильные руки няни в свои, – Всё у нас будет! И дом, и роскошные платья, и драгоценные украшения! Дай только время. Дай мне опомниться и отдохнуть – я должна всё вспомнить, и набраться сил. Мне так нужны время и силы! Мне нужно убежище. А потом... Потом я вновь вернусь сюда! Я... кое-что недоделала здесь!

Но я доделаю. Должна доделать!

О, да, я должна отомстить гнусному убийце и клеветнику!

Только тогда я смогу снова позволить себе быть женщиной, и жить так, как мне полагается, так, как я хочу!

– Ох, Пресвятая Дева! Вы опять за старое! Да неужто вы не видите, к чему вас привела ваша жажда мести и злость?! Уж лучше бы вы забыли о ней, а не обо всём остальном! Забыли бы, выбросили из головы, и жили себе где-нибудь спокойно!

Разговор принимал неприятный для Катарины оттенок. Сдаться? Отступить?

– Нет, Мария, – раздумчиво качая головой, повторила она, – Не будет мне покоя, пока я не сделаю того, что должна сделать. Да будь этот мерзавец хоть Папой – он заплатит! Пока я дышу и двигаюсь – не видать ему покоя! – она сама не

заметила, как от нахлынувших вдруг чувств досады и острой несправедливости к этой, чужой, в-общем-то пока, судьбе, но всё равно, уже и где-то своей, растающей в неё с каждым вздохом и секундой, стиснула руки Марии изо всех сил, и опомнилась лишь тогда, когда та от боли вскрикнула.

Вздрогнув, и отпустив руки няни, она отвернулась к стене, пытаясь успокоиться.

– Прости, няня. И прости, что втянула вас с Пьером в это безнадежное и опасное дело. Но я не отступлюсь. Пусть через год, два, пять – но я вернусь сюда. Спасибо, что вы не отказались помочь мне добраться до убежища. Я знаю, что поездка будет нелёгкой, но вы только проводите меня до Нанси, а дальше я доберусь сама, а вы сможете вернуться к моей матери, домой. Мне кажется, что ей вы сейчас нужны даже больше, чем мне!

В первый момент Мария даже опешила. Затем на открытом выразительном лице сменилась целая гамма чувств – от изумления, до обиды и боли.

– Что вы такое говорите, сударыня! – горечь и слёзы отчётливо, несмотря на старания няни чувствовались в её тоне, – И как у вас язык поворачивается!. Чтобы мы – вас!.. На полдороге! Да как же вашей милости не совестно! Ведь я-то вас с пелёнок... Да и Пьер – его хоть палкой бей – слова не вытянешь, а за вас – вот вам крест! – точно убьёт кого угодно! Истинную правду вам говорю – жизнь за вас отдали бы и не задумались! Уж хозяйка-то наша знала, кого посылать

с вами! А за неё – не переживайте! Ведь если кто и был настоящий мужчина в вашей семье – так это она!

Катарина, горько усмехнувшись, пробормотала:

– Я знаю...

Но её няня ещё не кончила высказывать распиравшие её чувства и мысли:

– Ну а вы-то – вы-то сами! Нет, теперь я точно вижу! С вами – уж послушайте старую няньку! – и вправду дело нечисто! Это как же надо потерять память и рассудок, чтобы брякнуть – да простит мне Богородица и ваша милость! – такую глупость! Чтобы мы с Пьером!.. Вас – и оставить в таком состоянии?! Нет уж, сударыня-гордячка, не дождётесь! Теперь мы с вами – по гроб жизни вместе: куда вы – туда и мы!

Слёзы сами текли из глаз Марии, и пусть слова её были не всегда связны, зато чувства, бушующие в душе пожилой и преданной беззаветно своей любимой и неблагодарной хозяйке, которую она выкормила собственной грудью, опекала и воспитывала, лечила и учила, за которую молилась каждый день, были так глубоки и искренни, что Катарина и вправду почувствовала себя редкостной дрянью.

Но она видела, чувствовала и понимала, как всю дорогу, от того, первого, трактира, и до этой самой спальни, Мария и Пьер приглядываются к ней, прислушиваются к её вопросам и иногда переглядываются. Видела растущее в них недоумение, а затем и какое-то недоверие. Во всяком случае, ей так показалось... А может, виновата усталость, и она к ним

несправедлива...

Она всё ещё сильно боялась быть разоблачённой.

Ведь их любовь и преданность – это любовь и преданность к телу и душе бывшей хозяйки – подлинной Катарины-Изабеллы. Это с ней связаны их эмоции, их детские, чистые и светлые воспоминания!

А она? Она здесь, в этом теле – гостя.

Самозванка.

Как ей без стыда смотреть в эти честные заплаканные глаза?!

Но смотреть придётся. Да и то сказать – разве она сама, вначале инстинктивно, а затем и осознанно: разве не потянулась душой к этой милой женщине, и к Пьеру – вот уж про которого верна присказка – «как за каменной стеной»?!

Так что лучше сейчас довериться не рассудку – он в сердечных делах не помощник! – а простым и естественным чувствам, которые всколыхнула в ней сердито-обиженная отповедь няни!

– Спасибо, Мария! Прости... Я... очень... Я так рада, что вы – со мной! – уже не сдерживая слёз, подступивших к глазам, сказала она, кусая губы, и чувствуя и стыд, и облегчение, – Я неблагодарная свинья! Я действительно сильно изменилась – и брякнула глупость! Ты уж прости меня, гадкую и злую девчонку! Ну пожа-а-алуйста... – она неуверенно протянула к няне раскрытые руки.

Няня, тоже обиженно надувавшая губы, взглянув на неё

сквозь заплаканные глаза, не выдержала – и приняла в свои объятия неразумное, большое, вредное, но всё же – дитё.

Приняла с радостным вздохом облегчения, пристроив голову, которая уже не помещалась на груди – на своём плече, сильно, но в то же время нежно глядя ладошкой эту непослушную и своевольную, но такую родную голову.

Рыданий они обе теперь не скрывали – благо, слышать их никто не мог, да и Пьер надёжно охранял их от посторонних вторжений.

Спустя несколько минут Катарина полностью оценила выражение «выплакаться всласть». Она оставила у няни на плече огромное мокрое пятно – да и та не отстала: рубашка Катарины промокла до пояса.

Шмыгнув носом, и кое-как утеревшись подолом своей рубахи, Катарина приподнялась с плеча няни, продолжая вытирать и свои, и её глаза, устало и нежно осматривая сухонькое и изборождённое морщинами лицо, с надеждой глядя в эти бесхитростные глаза:

– Я виновата. Я не должна была говорить такое. Ты права, няня. – она медленно покачала головой, – Но я... Я действительно мало что помню. Особенно – про детство...

Но вас я помню. Не лица, не какие-то события, нет. Просто – что-то такое... не знаю, как сказать – что-то смутное, в ощущениях. Мне, наверное, тогда было лет пять.

Или ещё меньше – помню, что-то очень хорошее, тёплое, радостное – и – вы. Вы, я, и что-то ещё... Да – весёлое и без-

заботное! Вот это слово: беззаботное! Как прекрасные цветы на лугу... Образы... нечёткие, но ощущения я помню – мне, кажется, было очень хорошо, я смеюсь и кого-то обнимаю!.. Да, эти обрывки и чувства связаны с вами!

Она замолчала, тряхнув головой, и вытерла выступившие снова слёзы. Невнятные образы и светлые чувства из детства, нахлынувшие на неё странным, расплывчато-туманным потоком, отступили, рассеялись. Чувство раздвоенности пропало.

Что ЭТО было?!

Память тела? Память подсознания, хранящаяся в неизведанных глубинах спинного мозга?

Откуда на неё нахлынула эта лавина из детства, которого у неё никогда не было?! Живёт ли в ней всё ещё частица бывшей хозяйки?! И что с этим делать?!

А надо ли что-то делать? Кажется (она чувствовала), они прекрасно уживутся.

– Спасибо ещё раз, няня! Ну вот, мои мозги уже начали становиться на место...

Мне так нужны сейчас ваша помощь и поддержка. Конечно, – она фыркнула, – я никуда вас от себя не отпущу! И не мечтайте!

Ей так хотелось высказать, выразить все свои чувства, всю благодарность за любовь и заботу о ней этой женщины, которую она до этого момента не знала, а лишь смутно чувствовала, и которые та щедрым потоком изливала на неё – и

тогда, и сейчас. Вот когда она по-настоящему поняла и почувствовала, чего была лишена в детстве, и чего ей, оказывается, так не хватало!..

Любви и заботы!

Вот чего хочет, осознанно, или неосознанно, каждая девочка, девушка, женщина!

Да просто – каждый! Особенно, конечно – ребёнок... А её мать... Её *настоящая* мать...

Нет, не в её праве судить ту, что дала ей жизнь!..

Да и сама она – давала ли она своей дочери то, чего, быть может, и той так мучительно хотелось?..

Ах, если б возможно было повернуть вспять всю свою жизнь!

Вернуться, исправить, дать больше тепла, ласки, любви...

Глупое желание. Она хочет уж слишком многого.

Не ей жаловаться – у неё теперь есть эта новая, сложная и незнакомая, и пока ещё не совсем её, жизнь. Но она сделает её – своей! Она – сделает.

Но пока слов, чтобы выразить обуревающие чувства и ощущения, явно не хватает. Ну и ладно – будем использовать те, что сами приходят в трудные минуты:

– Ах, няня! Я так ощущаю, что я теперь совсем не та! Мне так многого не хватает... Вот, видишь – вся надежда на вас: сделайте меня – прежней!

– Ах ты, бедное дитячко! Малышка моя... Уж можешь быть уверена, – сказала наконец всё это время пристально

разглядывавшая её, и теперь улыбающаяся сквозь мокрые ресницы Мария, – Мы за тобой приглядим!..

И напомним, и расскажем... Ты уж спрашивай – не смущайся: я-то видела, как тебе тяжело: и хочешь спросить что-то, ан – нет, боишься! Наверное думаешь – дескать, что они обо мне подумают... Ну?.. – она, взяв лицо Катаринины крепенькими руками, настойчиво заглянула ей в глаза, – Не так разве?

– Всё так, няня, всё так! Конечно, думаю... Разве можно так, как у меня – забыть всё-всё, но двигаться куда-то, хотеть чего-то, действовать, как будто кто-то управляет, кто-то приказал – живи, и мсти! Тебе, наверное непонятно... Да мне и самой непонятно!

– Ох, непонятно, непонятно... Ещё как непонятно-то! Но главное: мы – с тобой! И ты – жива! Ты убежала! Мне, по правде говоря, и это-то ещё непонятно...

Всё не верю, что здесь, вот, сидишь, смотришь на меня, – она покачала головой, хитро ухмыльнулась, – глупости разные болтаешь, чтоб посердить старую няню. Но – ничего-ничего! – она кивком пресекла возражения, готовые политься из уст Катаринины, – Мы тебя в порядок-то приведём! Вот ещё и на твоей свадьбе погуляем!

– Ну, няня, это уж тыхватила! Какая там ещё свадьба! Добраться бы живой до безопасного места! – откинув прилипшие ко лбу волосы, Катарина улыбнулась.

– Погуляем-погуляем! Вот довозём тебя, приведём в бо-

жеский вид, поднарядим, подкрасим, где положено – ты у нас будешь невеста – хоть куда! Да и имя заодно сменишь... – Мария улыбнулась, прищурившись, и слегка подмигнув. Ах ты, старая хитрущая девочка!

Сработало!

– Ага, вот так-то вы с Пьером хотите меня привести в порядок! Спихнуть на шею какому-нибудь мужу, и храбро отдыхать! – она не могла не рассмеяться.

– Ну уж прямо – отдыхать! С вашей милостью не больно-то наотдыхаешься! Вы то ещё шило – так и вьётесь, так и норовите всем создать хлопот-то побольше!

– И правда! – Катарина стала серьёзней, – Я знаю. Я действительно создала всем много проблем. Но – обещаю! Я постараюсь исправиться. Буду послушной и милой!

Няня с упрёком посмотрела ей в глаза:

– Ты? Послушной?! Ах, притворщица! Ничего, говорит, не помню! А сколько раз ты мне обещала быть послушной и хорошей?! Я уж забыла, когда это было в первый раз – годика, наверное, этак в два! И надо же – ничего-то с тех пор не изменилось! Ваша милость – шалите, няня – расхлёбывает! – она фыркнула, не удержав серьёзного тона, и засмеялась, показав маленькие, но очень белые остренькие зубки.

Катарина, не удержавшись, тоже засмеялась, почёсывая в затылке – похоже, в детстве она особым послушанием не отличалась. Няне точно скучать не приходилось.

– Нет, – снова став серьёзной, произнесла Мария, – Ва-

ша милость можете снова делать всё, что вам угодно, но мы с Пьером должны позаботиться, чтобы вам от этого не пришлось худо. Поэтому мы увезём вас, и будем с вами столько, сколько надо! И если нам придётся для этого быть изрубленными на мелкие кусочки – мы готовы и на это, только бы вы были живы и здоровы!

– Спасибо! – Катарина сама взяла няню за плечи и крепко обняла её, – Я так люблю вас! Вы – моё детство, моя молодость, мои... беззаботные и счастливые годы...

И не надо вам быть изрубленными. Уж я постараюсь никому вас в обиду не дать!

– Ах вы, моя маленькая хвастунья! Ну, спасибо и вам на добром слове! Но чуёт моё сердце – пока-то уж *нам* придётся попотеть, чтоб ваша очаровательная светлость доехала куда надо, в целости и сохранности! Ну а вы – всё равно можете командовать!

Вверенный вам гарнизон готов на всё! Можете смеяться – но вот вам крест – на всё!

– Ах вот вы как? И покомандую! Слушать приказ по гарнизону! Приказываю: всем лечь спать, и хорошо выспаться и отдохнуть! – утерев остатки слёз, она ещё отходила от бурных эмоций этого дня и вечера – тело трясло, как в лихорадке. Но чувствовала она себя...

Бесподобно!

Да, так хорошо и спокойно ей давно уже не было.

– Сержант «няня»! Нам предстоят подвиги и опасные при-

ключения! А пока – нужно спать, отдыхать, и быть готовыми ко всему! Ко всему!

17

Разбудило её солнце. Оно тёплыми ласковыми лучами касалось её бледного после долгого пребывания в подземных казематах лица, и сквозь узкие щёлки прикрытых век просочилось к глазам. Открыв их, она улыбнулась, зевнула. Боже, какое счастье – солнце!

Не вставая, она с наслаждением потянулась всем телом.

Удивительные ощущения!

Первая ночь на свободе! Точно, она – свободна!

Свободна от болезни, от нудной работы, от быта и серости. Свободна от гнусной, сырой и тёмной мерзости подземелья, свободна от обязанностей и связей...

Она жива. Она молода и здорова. Весь Мир – перед ней!

Господи, какое же всё это – счастье!!! И как же она благодарна за это *чудо*!

Впрочем, расслабляться рано. Нужно справиться со столькими делами и заботами: запастись вещами, которые так нужны для маскировки в долгом путешествии, вооружиться, для безопасности этого самого путешествия, замести следы, чтоб неузнанными добраться до Карла фон Хорстмана... И уговорить его приютить их хотя бы на полгода.

Но главное сейчас – ускользнуть из страны незамеченны-

ми.

Значит – подъём! И – скорее в путь!

Ого! А кровать-то Марии – пуста! Значит, та уже встала! Сколько же она уже тут спит-разлеживается?! И не пропустила ли она чего-то интересного?

Выскользнув из постели, Катарина подошла к окну. Старые скрипучие половицы приятно отзывались настоящим, хоть и выщербленным чужими ступнями до торчащих сучков, деревом, холодя ноги, и слегка поскрипывая.

Окошко было крохотное: фута два на полтора. Мелкие и сильно искажающие стёкла частого переплёта явно давно не мыли. Она открыла створки, стараясь не шуметь.

В комнату ворвался свежий, чистейший прохладный воздух, щебетанье птиц, ароматы парного молока, навоза, свежеспеченного хлеба, дыма от очага... И еще – пахло осенью. Уже каким-то странным образом ощущалось, что лету – скоро конец...

Какое-то время она просто вдыхала эту пьянящую смесь. Затем, осмотревшись, и не обнаружив ничего и никого опасного, опустила локти на подоконник, а голову на руки.

Давно она не бывала в деревне. Особенно, в средневековой.

Двор как двор. Немощёный. Земля изрыта копытами лошадей и колёсами экипажей и телег. Но пыль, к счастью, ещё никто не поднял. Сарай с курами, овцами, коровами – до чего узнаваемые и чисто деревенские звуки от всей этой жив-

ности! Тут же и сами куры: симпатичные пёстрые создания, что-то старательно роющие возле своего сарайчика. А вот заросли бурьяна по краям построек. Колодец.

Жиденский плетень с торчащими во все стороны жердями. И за плетнём – сад.

Яблони уже склонили ветки чуть не до земли, под тяжестью налитых краснобоких плодов. Явно настало время собирать урожай. За садом – чуть подёрнутые лёгкой дымкой бескрайние просторы полей, лугов, и таинственных островков леса, у горизонта сливающихся в одну тёмную массу. Хоть и незнакомая пока – но красота!

Где-то вдалеке раздался и тягуче поплыл медно-малиновый перезвон колоколов – наверное, наступило время утренней службы. Катарина вдруг как-то кристально ясно почувствовала, что такой спокойный, веками сложившийся патриархальный уклад жизни ничто не сможет нарушить – он слишком прочно укоренился в крови местных жителей, простых крестьян и ремесленников, чтобы что-то снаружи – будь то войны, или глупые законы – могло его поколебать.

Наверное, чем проще, чем ближе к земле быт и традиции, тем сильнее приверженность людей именно к такому, традиционно-консервативному, укладу жизни, и нежелание что-то кардинально менять в своей судьбе. И хотя она сама к земле ничем, вроде, не привязана, всё равно она чувствовала мощный заряд оптимизма и жажды жизни, исходящий от этих полей с пшеницей, этих виноградников, огородов, с любо-

вью и трудолюбием возделываемых поколениями людей, и от этих садов, рек и лесов.

Кстати, о жизни... В частности, о её сохранении – что-то она увлеклась философией.

Она, ещё раз внимательно оглядевшись, убедилась, что её никто не заметил.

Ладно, судя по солнцу, сейчас около шести. Пора одеваться, и – в путь. Чем быстрее их следы затеряются за всеми этими полями, лугами и лесами, тем лучше.

С сожалением отойдя от окна, она принялась одеваться.

Со штанами и сапогами всё прошло нормально. А вот волосы опять облепили весь камзол. И под шляпу никак не желали лезть. Может, остричь их, наконец?! Ну, нет – жалко. Уж больно хороши, хотя и жутко грязные.

Тут, очень кстати, тихонько постучала и вошла Мария. В руках она несла полный кувшин молока. От запаха у Катарины аж затрепетали ноздри. Вот это да! Настоящее парное!..

Марию зрелище уже одетой Катарины застало врасплох:

– Ах! Сударыня, вы уже встали?! С добрым утром, я хотела сказать!

И что же это такое? Вы всё время делаете за меня всю мою работу! Вы *не должны* одеваться сами! А то что же это получается – я-то вашей милости и не нужна! – она так серьёзно возмущалась, что Катарины разобрал смех, но застёгивать камзол она перестала, и руки подняла кверху.

– Нет, вы не смейтесь, – торопливо поставив кувшин, и

хватаясь за застёжки, сердито продолжила няня, – А давайте сразу договоримся: мои обязанности – значит, мне и выполнять их! А у вашей милости – свои: командовать! Вот только так, и никак иначе!

– Ну, хорошо, хорошо, – постаралась успокоить её Катарина, всё ещё посмеиваясь.

Она действительно ещё не привыкла к мысли, что кто-то будет за ней присматривать и ухаживать, как за неразумным малым ребёнком:

– Давай, я снова разденусь, а ты меня оденешь – так, как считаешь нужным!

Не только лукавые искры в глазах, но и хитрущая улыбка говорили о том, что она готова подыграть своей рассерженной хлопотливой напарнице.

– Фу! Ну, слава Богу! Наконец-то узнаю свою Беллочку! А то я уж говорю Пьеру – словно она-то у нас и сама не своя: ни шутки, ни улыбки!

Она сноровисто помогла Катарине застегнуться, нацепить португею с мечом, и управиться с волосами, после чего отступила на шаг, и критически её всю оглядела.

– Нет, это надо же! До чего вы свои волосы довели! Я не я буду, если сегодня же вечером не промою их вам с ромашкой! Уж тогда-то они заблестят, как надо! И станут пушистыми, шелковистыми и яркими!

– Э-э, нет, моя заботливая хлопотунья, не так быстро! Не забывай – я теперь мужчина! Будет подозрительно, если я

начну мыть волосы. Придётся потерпеть до какого-нибудь ручья, или речки – там и вымоем их.

– Да как же... Так ведь ромашку-то надо заваривать!.. Впрочем, ваша правда – волосы могут подождать. Давайте завтракать. Пьер уже уложил все наши вещи.

Подойдя к столу, на котором стояло оставленное няней молоко, она взяла кувшин в обе руки, и, закрыв глаза, вдохнула ещё раз... Да!

Она с наслаждением, не отрываясь, отпила чуть не треть кувшина – с добрый литр. Ах, этот вкус детства! До чего хорошо!

Отдышавшись, и утерев пену со рта, она вернула кувшин на стол, и повернулась опять к Марии:

– Голова моя подождёт, это верно. А вот маскировка наша – нет. Поэтому сегодня и завтра мы подкупим кое-какие вещи, и тебя тоже переоденем мужчиной. Так можно будет и ехать гораздо быстрее, и следы запутать легче.

– Это меня-то, да на старости лет? Мужчиной? Ну, нет – увольте, сударыня! Вот уж придумали, так придумали! Да вы и сами посмотрите: какой из меня мужчина? – Мария схватилась за толстенькие бока, возмущённо качая головой, и поворачиваясь то так, то этак в разные стороны, – Нет, плохой бы из меня вышел мужчина – не способна я к маскарадам разным, и переодеваниям!

– Я и сама прекрасно понимаю, милая девушка, что на мужчину вы похожи мало. Но зато в виде мужчины, я увере-

на, вы, моя прелесть, будете смотреться гораздо лучше, чем Пьер, переодетый в женщину!

– О, Гос-с-поди-Иисусе! Да что вы такое опять говорите, сударыня! Наш Пьер – и... – няня всплеснула руками, – Нет, он этого уж точно не переживёт! Он, конечно, вам не откажет, но как же он будет мучиться и страдать! За что же вы ему такое-то?! Нет, уж лучше я – сама... Ладно, переодевайте! Привыкну, потерплю... Только Пьера-то хоть пожалейте! За что его, беднягу, так унижать и мучить?! – так как Катарина не улыбалась, няня принимала всё всерьёз.

– Ха-ха-ха! Ну вот и поймала тебя! – Катарина прыснула, – Ладно, ладно! Насчёт Пьера я, конечно, пошутила. Да и не путешествуют три женщины без мужчин – это было бы очень страшно и опасно в ваше время, – она вдруг сообразила, что сказала очень опасную вещь, и быстро постаралась исправиться, – Ведь на дорогах столько жулья, особенно сейчас, и особенно в других странах.

Поэтому, Мария, я и хотела, чтобы ты выглядела как мужчина. Во-первых, на трёх мужчин не так просто напасть. Во-вторых, ты сможешь сидеть в седле прямо и удобно – значит, поедем быстрее, и проедем больше. Ну, и наконец, в-третьих, и это самое главное – разыскивать-то будут женщину, да и запоминается лучше женщина – ведь все обращают внимание на неё, и её одежду. А у мужчин – камзол, сапоги... Шляпа. И – всё!

Поэтому три мужчины могли бы путешествовать, не вы-

звивая ничьих подозрений – разумеется, если они хорошо за-
гримированы, и держатся спокойно.

– Ну... Вообще-то, да, ничего не скажешь – умеете вы убе-
дить, сударыня, – помявшись, Мария кивнула головой, – Да
и мать ваша... ещё вчера... Видать, вы всю ночь думали...
По всем статьям вы правы, ваша милость. Похоже, уговари-
ли-таки меня – всё, записываюсь в мужчины!

Ох, теперь держитесь, красотики: бравый кавалер Мари дю
Пьерфон выходит на охоту за невестами! – она подмигнула
Катарине, – Надеюсь, никому не устоять! Ведь я – ха-ха! –
знаю все женские слабые места!

– Bravo! Замечательно. Спасибо, Мария – то есть я хочу
сказать – браво, мессир несравненный кавалер! А сейчас, су-
дарь, если вашей милости будет угодно помочь вашему пре-
даннейшему поклоннику, я бы хотел запить вашим молоком
тот восхитительный завтрак, что ожидает нас внизу, и снова
– с вашей помощью, разумеется! – нарисовать свои против-
ные усы!

18

Разбитая сельская дорога уходила вдаль, извиваясь меж
полей, виноградников и лесов.

Они специально ехали по таким узким и плохо наезжен-
ным дорогам, стараясь избегать пока больших оживлённых,
и жутко пыльных как раз в силу разъезженности, дорог меж-

ду городами.

А здесь почти не было путников, и, значит, кроме редких трактирщиков, у которых они ели и пили иногда, некому было бы рассказать о них. Возможных шпионов, или явно подозрительных личностей они тоже не заметили. Зато в изобилии встречались села в пять-шесть, или десять домов, крестьяне, работавшие на своих наделах, или в огородах, или везущие на примитивных телегах плоды своего труда в город – где они могли обменять их на нужные им товары, или продать.

Вначале Катарине была интересна эта новая простая, если не сказать, примитивная, сельская жизнь. Но наблюдение за однообразным тяжёлым ручным трудом быстро наскучило ей, и теперь она не обращала на крестьян и сельхозработы никакого внимания – совсем как истинная дворянка, или, вернее, дворянин, в которого была ещё одета.

Поневоле ей вспоминались пафосные исторические книги и помпезно отснятые фильмы эпохи соцреализма – на исторические темы. Особенно много внимания там отводилось прогрессивной роли трудящихся масс: как они двигают вперёд колесо истории, меняют общественные формации, организуют революции, чтоб построить лучшую жизнь... В более современных же фильмах про «попаданцев» крестьян, насколько она помнила, предпочитали показывать лишь издали, а так – все больше про жизнь всяких графьев да ви-контесс...

Реальность была в глаза вопиющей серостью и обыденностью: никаких графьев!

Здесь ничего похожего на классовую борьбу не было – только убогие, жалкие деревушки с низенькими домами-полуземлянками, да полуодетыми оборванными сопливыми детьми, чёрными от солнца и пыли, выбегавшими при виде их с протянутой рукой за подающим. И, конечно, озлобленно-подозрительными крестьянами-взрослыми, косившимися на них, и, – она была уверена – плевавшими им вслед.

Общаться, и сеять «разумное, доброе, вечное» среди местного пролетариата почему-то не очень хотелось. Вряд ли кто-нибудь из них оценил бы её гуманистские порывы.

Наверное, классовая борьба и ненависть между социальными слоями имела более глубокие корни, чем представлял себе давешний мужичок в кепке и на броневикуе.

Никакое взаимопонимание и доверие между ними невозможно.

Во-всяком случае, она, как представительница дворянства не могла не почувствовать вполне недвусмысленного к себе отношения. Поэтому идиллически-восторженное отношение к простым труженикам, живущим на лоне природы, и добывающим пропитание в поте лица своего, как-то довольно быстро прошло у неё. И хотелось общаться только с представителями своего круга, своих интересов. Вот такой получился классовый шовинизм. Да и то сказать – она же не идейная, и не революционерка...

Так они и ехали, в основном – от трактира к трактиру, стараясь даже о дороге расспрашивать как можно реже: благо, Пьер отлично ориентировался.

Всё же в Реймс им заехать пришлось.

В сёлах и деревнях, даже больших, просто не продавалось тех предметов и товаров, которые им были нужны для даже минимальных удобств в дальней дороге...

В городе они пробыли два дня. Вернее, переночевали две ночи, посвятив день между ними целиком покупкам. На местных рынках и улицах ремесленников они подкупили кое-что из одежды, постельного белья, оружия, посуды, и прочих мелочей, без которых ну никак нельзя было обойтись.

Придя в гостиницу, половину последнего вечера разбирали купленное, планировали, и укладывались, а рано на рассвете уже выезжали из ворот города, торопясь снова вернуться к просёлкам и тропинкам.

Катарина так нервничала, оказавшись впервые в столь плотной и пёстрой толпе, да и из-за покупок вначале переживала, что совсем не обращала внимания даже на местные достопримечательности: они не сходили даже в местный собор, где, согласно традиции, короновались все Французские короли. Ну, короновались, и короновались – Бог с ними!..

На громаду готической постройки она посмотрела издали, озабоченная насущными проблемами и заботами.

Быстро выяснилось, что нервничала она зря: женщину в

ней никто не вычислил, пристально или подозрительно их команду никто не разглядывал, а торговаться она научилась ещё семь веков вперёд.

К вечеру она настолько расхрабрилась, что они поели местных деликатесов, готовившихся в жаровнях и пекарнях тут же, на рынке и улицах, и остались вполне довольны – вкус отменный, а стоило всё буквально гроши.

Выбравшись из Реймса, вновь вернулись к сельским дорогам, придерживаясь не конкретного маршрута, а общего направления: теперь ехали не на северо-восток, куда забрались, чтоб сбить со следа возможную погоню, а на юго-восток, к границе со Швейцарией – куда, собственно, им и нужно было с самого начала.

Обязанности неизменного проводника всё так же исполнял Пьер, знавший эту часть страны неплохо, и пока никаких неприятностей (тьфу-тьфу!) с ними не случилось. Во-всяком случае ничьего пристального внимания они, вроде, не привлекали, никто не пытался следовать за ними, или навязываться в попутчики. А единственные люди, которые хронически вызывали подозрение у Катарины – монахи – здесь в глубинке не попадались.

Местность продолжала оставаться весьма живописной (Для художников! – Катарине вся эта сельская идиллия уже порядком поднадоела...) – убранные, или убираемые поля, с разбросанными тут и там сборщиками, сборщицами, жнецами и косарями. Желтеющие под знойным солнцем вино-

градники. Скот, пасущийся на лугах, тенистые леса, куда она каждый раз въезжала не без трепета, в опасении разбойничьего нападения (хотя её тревоги ни разу не оправдались), речушки с переброшенными над ними буквально в локте над водой деревянными мостиками. Крохотные делянки огородов с репой, свёклой и капустой...

Если говорить честно, она если теперь и смотрела на что-то, то только – не едет ли кто за ними, и не пьются ли кто-то слишком пристально, и не сильно ли вспотели кони.

Передвигались они уже гораздо медленней и спокойней, и не загоняли бедных животных до пены, как в первые два дня. Всего за день проезжали не больше восьми-девяти лье, и то, большую часть пути старались одолеть до обеда, по холодку, а после обеда ехали иногда не больше двух-трёх часов. Затем в очередном трактире ночевали.

Но однажды в окрестностях Нанси остановились вёс же в одной из деревенок на два дня.

Произошло это потому, что лицо местного кузнеца показалось Катарине достаточно сообразительным, а мускулы – внушающими уважение, и она решила, наконец, проявить заботу о своём личном вооружении.

Поэтому буквально оба дня, с рассвета и до заката, она провела в кузнице, отправив подальше других клиентов, и щедро заплатив, но упорно добиваясь того, что считала нужным. Она сама всё объясняла, показывала и заставляла переделывать так, чтобы всё в её новом мече было сделано ес-

ли не классически, то хотя бы максимально похоже, и на совесть.

Несмотря на удивление, ворчание и недопонимание вначале, ко второму вечеру кузнец сделал всё, как она хотела, многократно складывая, раскаляя, и сковывая вновь в монолит, брусок соответствующего размера, так, чтобы слои были параллельны, и шли как можно чаще. Он, даже, вроде, проникся к ней (в смысле, к нему – виконту де... – она уж забыла, каким очередным именем назвалась) уважением: хотя бы за глубокие познания в металлургии. А длинная рукоять, если и удивила его, то не сильно – двуручные мечи были тоже в ходу.

Усилия оказались вполне вознаграждены: в лучах заходящего солнца она с удовольствием рассматривала и пробовала кондиции меча, который заказала. Он был несколько короче, чем те, что применяли кадровые военные и дворяне, совершенно другого профиля, слегка изогнут, с длинной мощной толстой рукоятью, и прекрасным балансом.

Оставив кузнеца доделывать новую ручку на рукоять и ещё кое-что заказав из металла, она с чистой совестью отправилась спать, даже не оставшись поболтать после ужина – уж больно намаялась в жаркой кузне. Спала она в ту ночь как бревно – не проснулась даже, когда в комнату потихоньку вошла и прилегла на свою кровать Мария. Уже одно это говорило о том, что она как-то уж слишком успокоилась... Или сказалось очередное мытьё головы.

Утром они позавтракали, и Катарина вновь вернулась в кузницу. Меч был готов, рукоять в порядке. Но носить его так, как положено носить такие мечи – за спиной – она всё равно не могла: такой традиции здесь не существовало. А привлекать к себе дополнительное внимание она не хотела. Поэтому она просто вместо старых ножен повесила новые – уже с новым лёгким мечом. Старый отправился в багаж – может, ещё пригодится.

Всё равно пришлось ждать ещё часа три, чтобы были готовы остальные заказанные Катариной изделия. А пока они проводили время за кружками традиционного лёгкого вина в трактире, кузнец работал, не покладая рук.

Забирая заказ, Катарина щедро расплатилась, пояснив, что деньги сверх потребованных за работу – как бы «компенсация» за тех клиентов, которых она разогнала – с крестьянами она теперь не церемонилась, и угрызений совести по поводу ущемления их прав не испытывала.

Перед отъездом из кузницы она тщательно уничтожила все чертежи, которые сделала на пыльном полу и закопчённых поверхностях стен и других мест, и, очень серьёзно глядя в несколько удивлённые умные глаза, посоветовала ради собственной безопасности его и его семьи, забыть о нём (в смысле, виконте), и его заказе, так как расспрашивать о них могут только враги, не щадящие его (виконта!) друзей.

Роже (кузнец) если и обеспокоился, виду не подал. Только кивнул. Похоже, понял.

Поскольку в путь отправились поздно, до обеда проехали немного – всего пару лье. Трактир, в котором остановились на обед, не понравился Катарине – хозяин оказался ленив, мясо – старым и жёстким, овощи – недоварены и безвкусны (как тут не вспомнить, что пряности из Индии – страшный дефицит: перец, зра, или кинза чуть не дороже золота!), соус прогорклый, вино – слишком жидкое, явно разбавленное водой.

Поели без удовольствия, даже не стали отдыхать после еды, и сразу двинулись дальше, стремясь наверстать задержку. Ладно, думала Катарина, всё не может быть хорошо – пусть это будет как компенсация за прекрасное оружие.

Поздно вечером, когда они остановились для очередной ночёвки, она, убедившись, что никто её не потревожит, и дверь заперта, осмотрела всё ещё раз – да, отлично. Все изделия остро заточены, сбалансированы, прекрасно закалены. Пока не видела Мария, она даже попробовала одну штуку в действии на деревянной стене. Порядок.

Кормили здесь на завтрак немного лучше, чем в предыдущем заведении, хотя, по-правде говоря, гораздо менее вкусно, чем возле Парижа. Но если в окрестностях Эпиналя и не практиковали культа вкусной еды, по крайней мере, оружие изготавливали на совесть.

Так, проехав лье-другое, в небольшой деревеньке, в другой местной кузнице, покосившейся от времени, и сильно обгоревшей в одном углу, они по дешевке приобрели пре-

красные арбалеты. Прекрасными они были в плане их боевых качеств: хватистые, мощные и добротные: дубовую доску в два дюйма легко пробивали насквозь, а отдача могла бы свалить с ног менее сильного, или слишком лёгкого человека. Дёшевы же они были из-за полного отсутствия дизайна – ни одного мало-мальского «аксессуара»: накладного украшения, или резного завитка, или хотя бы нарисованной картинки, не ласкало взор эстета от оружия, какими являлись, или хотя бы стремились казаться большинство офицеров-дворян и профессиональных военных.

Купив три штуки, и изрядный запас стрел и запасных тетив, которые, как знала Катарина, очень быстро растягиваются и выходят из строя, она вызвала уважение уже Пьера – после того, как он посмотрел, как она управляется со стрельбой, он как-то по-другому стал смотреть на неё... Ну, а говорить-то он и раньше ничего не говорил.

Она понимала, что вызывает недоумение, если не больше, своей подкованностью в плане оружия, но ничего не объясняла и не оправдывалась – на данном этапе безопасность внешняя была важнее подозрений внутренних. Поэтому продолжала экипироваться так, как считала нужным: кинжалами для метания они разжились перед ужином, в оружейной лавке довольно крупного городишки, где и заночевали, завершив таким образом оружейно-закупочную кампанию к вящему облегчению Марии.

Однако уже в отведённой для ночлега комнате Мария всё

равно наверстала своё, и, хотя на закупки её не брали, она, рассматривая богатый улов дня, который Пьер и Катарина ещё раз придирчиво изучали, не могла удержаться от ехидных комментариев и вопросов. Дескать, не собираются ли они с Пьером вдвоём отвоёвывать Фландрию обратно? Или она пропустила призыв папы к очередному крестовому походу?..

Наконец Катарина была вынуждена признаться, что в «сферы личных интересов» короля Филиппа Красивого, или его Святейшества лезть не собирается, а просто они с Пьером решили с боем захватить Цюрих, и основать там французскую колонию. Однако няня не купилась на этот раз – она уже понимала, когда Катарина врёт, хотя та и не краснела.

Да и вообще, к огромному облегчению Катарины, общение с Марией и Пьером происходило теперь без проблем: исчезла та настороженность и натянутость, которая ощущалась в первые день-два. Пьер вообще, казалось, стал относиться к ней как к товарищу по оружию, некоторым образом коллеге, особенно после вполне квалифицированного профессионального отношения к закупаемым, и позже добросовестно опробованным средствам ближнего и дальнего боя.

Однако нет-нет, а она стала ловить его заинтересованно-удивлённый взгляд. Очевидно та Катарина, к которой он привык, не слишком налегала на изучение железок, предпочитая всё же внимательней быть к нарядам, украшениям и подобным женским атрибутам. И уж точно, та Катарина не

заказала бы того, что заказала, и лично проконтролировала изготовление, *эта* Катарина.

Правда теперь, когда всё уже сделано и куплено, довольно глупо было думать о том, какие подозрения и догадки она в нём вызвала и разбудила...

Мнение Марии по поводу количества их «ещё бы сверху сели» закупок, её не огорчило.

Главное – снаряжены они теперь вполне достойно.

Утром лавки этого же городишки снабдили их кое-какой амуницией и бельём, после чего они благополучно расстались с ним, углубившись снова в густую сеть сельских дорог, которыми пользовались лишь крестьяне и местные бездельники-дворяне, изнывающие от скуки в своих шато и усадьбах.

Однако на этот раз такая тактика вышла им боком. Хотя кто знает – не случилось бы чего-либо подобного ещё раньше в этот век задиристых и спесивых высокородных забияк, живущих от войны до войны, если бы они поехали по магистральным дорогам, с их толчеёй, пылью и конфликтами из-за места у коновязи, или из-за лучшего стола...

Тем не менее, что случилось, то случилось: во время обеда Катарину вызвали на дуэль.

не зависело.

Во время трапезы в очередном трактире сидящий через стол от них молодой и чрезвычайно хорошо выпивший развязный дворянчик вдруг встал, и, пошатываясь, направился прямо к Катарине. Подойдя, он, впрочем, вполне вежливо, спросил:

– Почему это вы, благородный мессер, так пренебрежительно посмотрели на мою шляпу?

На что Катарина, действительно оглядев его с головы до ног, вполне резонно ответила, что тот ошибается, и он (в смысле, очередной баронет де... что-то там) не то что на его шляпу, а и на него самого вообще не смотрела – ни просто, ни пренебрежительно.

Этого было достаточно – мессир пьяный дворянин, оказавшийся виконтом де Кланси, о чём и не примянул тут же сообщить, сделал странный вывод:

– А-а, так значит вам плевать, что я, благородный потомок графов и маркизов, ведущий свой род напрямую от Карла Великого, сижу тут у вас под боком! Сударь, я оскорблён вашим пренебрежением ко мне лично и к моим знаменитым предкам!

Вы позволяете себе третировать мой герб, доставшийся мне ещё от самого Хлодвига! Сударь, это уж слишком! Я требую немедленного удовлетворения! Извольте достать ваш меч!

Видя, что Пьер настроен решительно, и, зайдя сзади, со-

бирается треснуть разбушевавшегося потомка древних родов массивной табуреткой по благородной башке, она сделала ему знак, запрещая это. Может, она и ошиблась в эту минуту. А может, и нет...

Всё, что делается – делается к лучшему, если следовать Святому писанию.

В сдержанных выражениях Катарина выразила согласие на поединок.

На поляне, шагах в трёхста от трактира, они честь-почести представились друг другу.

Так Катарина узнала, что мессера де Кланси зовут Антуан, а он познакомился с баронетом Анри деПуболь. Впрочем, ему было явно наплевать, кто там напротив него. Бывает такой настрой у человека: не заладился день, всё пошло не так. Значит – подай ему врага, или противника, чтобы было на ком выместить своё дурное настроение.

Катарине стоило больших усилий уговорить Пьера и Марию не вмешиваться, что она справится своими силами. Но вот волноваться она им запретить не могла.

Что они и делали – Пьер, дико стреляя испепеляющими взорами на её противника, а Мария, заламывая руки, и качая седой головой. Катарине было тяжело смотреть на их муки.

Однако настала пора подумать и о себе.

Откровенно говоря, никогда ей и в голову не приходило, что занятия, призванные укрепить дух и привести его в гармонию с телом, могут пригодиться ей в виде практического

курса боевых искусств. Впрочем, она была рада, что не ленилась, и постигала всё добросовестно, хоть и через синяки. Да что говорить – не думала она, что в самом деле придется применять когда-нибудь эти навыки. Она даже оружие себе заказывала в тайной надежде, что обнажать его никогда не придётся.

Однако, время здесь – не то. Действительность средневековых предрассудков грубо нарушила её гуманистические планы, и в очередной раз доказала, что на «Аллаха надейся, а верблюда привязывай»! Что она, собственно и сделала. И как вовремя!

Отсалютовав ей и секундантам – своим собутыльникам – виконт принялся насмехаться.

Всё-то ему было не так: и как она держит меч, и что за меч, и выражение глаз, и болезненная худоба («а может, вам вначале плотно покушать?»).

Катарина, в свою очередь приветствовавшая его и секундантов, на подколки никак не реагировала, а просто ждала, когда он начнёт действовать. Она сняла широкополую шляпу, оставшись в купленном ещё в Реймсе парике тёмно-русой расцветки, который не ограничивал ни обзора, ни движений, и простой белой рубаше, заправленной в штаны.

Так как грудь она предусмотрительно плотно стянула, то, что она сняла камзол, никак её не демаскировало. Сапоги были тоже удобны, каблук невысок.

Стояла она в стандартной стойке, держа меч лезвием

кверху вертикально, обеими руками, чуть справа от себя. В душе её наблюдалась полная гармония духа и тела – десять лет занятий не прошли даром. Боевое искусство – это прежде всего искусство побеждать самого себя.

Виконт наконец взялся за дело. Он оказался весьма коварен: начал, вроде, с верхнего терца, затем внезапно резко ударил снизу. Опьянения уже не наблюдалось – возможно, оно входило в коварные отвлекающие манёвры.

Впрочем, всё его коварство пропало даром – еле уловимым для глаз движением отклонив его меч, она скользнула вперёд, сверкнула сталь, и кисть виконта, державшая оружие, повисла, перерубленная, на обрывке рукава.

Было довольно неприятно наблюдать, как она выпала оттуда, когда потрясённый, и от шока ещё не чувствующий боли виконт поднёс руку к глазам, чтобы лично убедиться в том, что кисти у него больше нет.

Катарина, вновь отсалютовав мечом, спросила, желает ли мессир виконт продолжить, или он удовлетворён.

Он оказался удовлетворён, хотя его протрезвевшие полные боли и ненависти глаза говорили об обратном. Она раскланялась с его секундантами, никто из которых не счёл разумным заступиться за поруганную честь и достоинство семьи де Кланси.

Вот у неё и одним врагом больше. Не правильной ли было просто убить его?

Но ведь она обещала себе тогда, в самом начале всего это-

го, не лишать никого жизни, если только это возможно, и не угрожает непосредственно жизни её и её друзей и близких...

Ладно, будущее покажет, права ли она в данном случае, или нет.

И будущее действительно показало.

Наложив виконту тугой жгут на руку, чтобы он совсем не истёк кровью, они оставили его на попечение присмиривших друзей-собутыльников, трактирщика и лекаря, за которым мальчишка – сын трактирщика – поскакал в ближайший городишко.

После такого неприятного, и явно запоминающегося окружающим события, им пришлось сильно принять в сторону от их основного маршрута, и вплотную заняться улучшением маскировки.

И вот на одной из сельских дорог, проходящей через лес в особенно безлюдном месте, они и сделали это.

Попросив Пьера отвернуться, хитро не ухмыляться, и покараулить, они с Марией споро принялись за дело, и через час-другой к двум условным мужчинам добавился ещё более условный третий – пухленький и розовощёкий.

Катарина осталась довольна проделанной работой: после некоторой тренировки походка у её няни была почти мужская, чуть вперевалочку – как у заправского моряка.

Единственное, что никак не удавалось изменить – это голос и манера речи.

Ну, ничего, объяснила Катарина запыхавшейся от усилий

няне – придётся, значит, побольше молчать на людях.

– А разве я так много говорю? – с неподдельным удивлением чуть обиженно спросила Мария. Переглянувшись с Пьером, Катарина захихикала, а затем и рассмеялась. Мария, с расстроенным видом махнув рукой, присоединилась к ней. И даже Пьер подозрительно булькнул что-то, тут же, впрочем, приняв невозмутимый вид.

Однако, когда ему показали результаты их усилий, в восторг не пришёл.

Более того, его скупые замечания насчёт того, что если обнаружат переодетую женщину, да ещё такую запоминающуюся, то это будет выглядеть подозрительней и запомнится всем гораздо лучше, а за мужчину Марию может принять только подслеповатый полуидиот, явно отдавали неллицеприятной правдой-маткой.

Пришлось ещё тренироваться и кое-что менять и подправлять в маскарade – уже под руководством Пьера. На это ушёл ещё час. Так что до ужина особенно далеко им уехать не удалось, и пришлось заночевать в первом же трактире, встретившимся после того, как стемнело.

Уроки Пьера не пропали даром: Мария держалась вполне достойно. Катарина, успевшая привыкнуть к своей мужской форме (честно говоря, ей это далось почти легко, она ещё там была любительница джинсов и прочего такого), не могла не отметить, что кое в чём старая няня даже превосходит её по части умения притворяться.

Ужин в полутёмном зале прошёл без накладок, и только в своей комнате, раздевшись на ночь, Мария позволила себе немного поворчать, укладывая и устраивая Катарину в очередной скрипучей и неудобной кровати, – дескать, как неразумно так рисковать: всё-таки, её могли – ну, ладно, разоблачить – просто убить!.. На что Катарина довольно опрометчиво сказала, что её так просто не убьёшь – даром, что ли, в детстве учили... Няня так странно взглянула на неё, что она прикусила язычок – видать, или мало учили, или...

Конечно, после всего случившегося странные взгляды её спутников снова вернулись. Но сейчас как-то усыпить их обоснованные сомнения было куда проблематичней...

Поворчав теперь насчёт неудобной одежды и обуви, няня сама легла, и довольно быстро отключилась – ещё бы, кто на её месте не перенервничал бы за непоседливую и опять нахулиганившую (если не сказать сильнее) девочку.

Катарина, какое-то время опять ведшая безрезультатную войну с клопами, довольно долго слышала в полудрёме нянины всхлипывания и вздохи. Пьер в соседней комнате спал как всегда бесшумно.

А вот усыпить теперь его подозрения на её счёт вообще не представлялось возможным – он слишком умён. Но всё же что-то придумать она должна. Значит, придумает.

Утро выдалось довольно неприятным – вначале было ветрено и пасмурно, вроде начинал даже накрапывать мельчайший дождик. Но часам к десяти распогодилось. Они ехали спокойным шагом по тёмному лесу. Дубы и ясени мирно соседствовали с соснами и елями, и тень давали плотную, перехватывая друг у друга живительные лучи солнца.

Дорога попалась узкая, и шла, извиваясь, примерно в южном направлении. По словам Пьера, до германо-швейцарской границы, сходящихся здесь своеобразным треугольником, оставалось не больше дня пути. Всё, вроде, шло как всегда, нормально. Кроме странного чувства опасности...

Внезапно из-за последнего поворота сзади послышался шум, перешедший вскоре в крики и топот копыт.

Не дожидаясь, когда появятся сами преследователи, она приказала скакать вперёд, что есть сил. Лошади, отдохнувшие за ночь, должны были перегнать любых преследователей.

Однако этого не произошло – багаж, который у них постепенно накапливался, и уже не помещался только на вьючной лошади, сильно мешал развить всю возможную скорость. И выкинуть его сейчас невозможно – разве только вместе с сёдлами!

Особенно была перегружена лошадь Марии, и им приходилось выдерживать тот темп, который задавала она.

Медленно, но верно, пронзая тучи пыли из-под копыт их лошадей, своими неясными силуэтами, словно призраки,

преследователи проступали всё ближе и чётче, настигая.

Часто оглядывавшаяся Катарина уже хорошо разглядела разношёрстное воинство, одетое кто в мундиры, кто просто в куртки, а кто и в одни рубахи. Она сразу связала появление этой пёстрой шайки явных бандитов со вчерашним происшествием. Цель, для которой их наняли, была более чем ясна.

Уже ясно выделялись две группы преследователей: семеро особенно ретивых вырвались вперёд, ещё двое отставали метров на семьдесят. Пыль, поднятая лошадьми Катарини и её спутников, явно мешала преследователям, что злило их ещё больше: они ругались не переставая, протирая глаза и отплёвываясь.

Что-то просвистело мимо её головы.

Тут же она поняла, что. В правую ягодицу лошади Марии, у самого хвоста, глубоко вонзилась арбалетная стрела. Лошадь, вскинув голову, дико заржала и не то споткнулась, не то подпрыгнула. Мария, не удержавшись в мужском седле, закричала тоненько, и, выпустив поводья, вылетела через голову лошади вперёд.

Как в замедленном кино, или кошмаре, Катарина увидела, что её старая няня летит к земле, падает, вытянув вперёд руки, боком, и сверху на неё, тоже боком, приземляется лошадь... Ей врезался в память безумно вытаращенный глаз и открытый в диком оскале рот лошади. Крика Марии она не слышала, уши ей словно заложило ватой.

Затем звуки вернулись.

Они с Пьером, как по команде, остановили лошадей, и развернув их, схватились за арбалеты. Однако Пьер не успел даже выстрелить. В грудь и шею его жеребца вонзилось две стрелы, и он завалился на бок, увлекая за собой седока, запутавшегося ногой в стремях.

Катарина выстрелила, спокойно, словно на стрельбище, прицелившись. Особенно противный на морду бандит, явно руководивший погоней, оказался поражён прямо в грудь. Выпучив глаза и открыв рот в немом крике, он упал в пыль позади своей лошади.

Убийство главаря, однако, пёстрое воинство не остановило, а только озлобило ещё больше.

Стадный инстинкт безошибочно говорил им, что сила на их стороне. Они уже разделились, чтобы обойти её с обеих сторон. Стремясь осложнить им задачу, она соскочила с коня, выхватив меч и кинжал для метания. Но метнуть его уже не успела – кто-то из окруживших её всадников ловко кинул тяжёлую сеть, затем ещё одну...

Она оказалась спелёнутой, словно младенец. Вывернув руки, меч и кинжал отобрали.

После чего уронили её лицом в пыль, причём один из нападавших, не сдерживая ярости, изо всех сил пнул её в живот, объяснив свои действия так:

– Это тебе за Шарля!

Шумно вздохнул, и, чтоб было понятней, добавил:

– Сучка вонючая! – и добавил второй пинок от себя лично.

Шляпу и парик с неё сорвали, после чего последовали комментарии:

– Чёрт, а ведь точно!

– Ну, мы с ней за Шарля расквитаемся!

– И откуда этот придурок узнал, что она баба?! Ладно – догонит, спросим!..

Катарина, находившаяся в полуобморочном состоянии, нашла в себе силы взглянуть в сторону Пьера, хотя лучше бы она этого не делала: как раз застала момент, когда один из бандитов выпустил стрелу во что-то, лежащее на земле, и услышала тупой звук и чей-то вскрик. Её затошнило.

Но предаться эмоциям, или удивлению, как проклятый виконт смог её вычислить, ей не дали. Вынувшие её из сети грубые грязные руки, хозяева которых не переставали ругаться и гнусно причмокивать, поволокли её к деревьям, где и привязали: руки к одному, а ноги, растянув так, что она закричала от боли, к двум другим.

Затем один из нападавших, оставшийся, судя по всему, за главного, снова грубо пнул её в бедро и сказал, нагло ухмыляясь:

– Наверное, тебе будет приятно узнать, что твой дружок сломал ногу, но боли он больше не чувствует! – дружный гогот возвестил, что его плоский юмор оценили, – А что до стрелы, которая торчит – какая незадача! – из его груди –

так ты не переживай: мы, уезжая, вынем её, и она не помешает крышке гроба! – снова гогот, и плевки, топот и шарканье ног. Более серьёзным тоном, – Так что на его помощь можешь не рассчитывать. Да и вообще, по этой дороге мало кто ездит – уж мы-то здесь в округе всё знаем! Мы тут, вроде, как смотрители лесов. Смотрим, как бы путникам не было одиноко! – одобрительные смешки и перешёптывания. Им явно уже было невтерпёж.

– Так вот, дамочка, – уже не скрывая грубую похоть в голосе, продолжил он, – Ты сама напросилась. У нас заказ – захватить тебя живой. Но не сказано – насколько живой. Ты у нас будешь несколько помятой и... растрёпанной. – он сделал непристойный жест, снова вызвав смешки и причмокивания.

– Конечно, если бы старая курица осталась жива, на твою долю досталось бы меньше! Но так как она свернула шею, придётся тебе уж потерпеть! Мы ведь не извращенцы какие – мы трупы не ...! – возгласы подельников заставляли усомниться в этом.

Подойдя к ней, он достал из ножен кинжал, и принялся, опустившись на колени, аккуратно разрезать на ней одежду.

– Кстати, хотел поблагодарить тебя за Шарля – он в последнее время стал таким... Жадным!

Ну а теперь его доля достанется нам. Я имею в виду и деньги, и тебя! – их глупый гогот уже сидел у неё в печёнках. От щербатых похотливых рож просто мутило.

Окончив художественное разрезание, он убрал с неё все обрывки, и откинулся назад, чтобы полюбоваться открывшейся картиной. Она лежала молча, совершенно обнажённая и беспомощная. Раздались восторженные возгласы и комментарии пошлого характера. Её явно оценили по достоинству.

– Ну, ребята, не знаю, как вы там договоритесь насчёт очереди, – ребята загалдели, толкаясь и ругаясь, – А я – так точно первый! – восторженно причмокнув, заорал её обидчик. Не было сил даже плюнуть в него.

Он расстегнул и сбросил пояс с портупеей. Спустил штаны.

Тоже мне, мужчина. И это называется – достоинство?

Словно прочитав её мысли и презрение во взгляде, он мерзко осклабился:

– Ничего, скоро тебе мало не покажется! Ведь будет ещё второй раз. И третий!

Опустившись на колени между её ног, он с довольным урчанием погладил нежные бёдра и навалился сверху. В лицо ей пахло потом, перегаром и луком.

От жуткого омерзения она закричала.

С криком она вскочила.

Было темно. Она сидела на кровати.

Мария уже подбежала к ней, схватила за вздрагивающие плечи.

– Что, что случилось, Беллочка?

– Н-нет, няня, ничего. Всё в порядке. Уже. – стараясь успокоить готовое выпрыгнуть из груди сердце, с усилием произнесла она, – Просто приснился дурной сон. Теперь всё в порядке. – она, взяв себя в руки, медленно перекрестилась.

– Ах ты, бедняжка моя, – нежно погладив её по волосам, Мария прижала её голову к своей мягкой и тёплой груди, – Ну ничего, поплачь. Поплачь, и всё пройдёт, и тебе станет легче! Это просто дурной сон... Только сон!

– Да-да, только сон. – вздохнула Катарина, хотя и не совсем была в этом уверена.

Слишком ярким, красочным и ужасающе-правдоподобным был этот сон, чтоб быть только сном, – Слава Богу, я проснулась. Всё в порядке. Всё хорошо. – она прерывисто вздохнула, – Ну, ладно, иди ложись, и будем спать дальше...

Лишь через пять минут ей удалось убедить Марию, что всё, действительно, в порядке, и уговорить её лечь досыпать. Няня, даже в постели, ворочалась и что-то бормотала себе под нос. Однако скоро она затихла, и засопела.

Сама же Катарина, хоть и лежала спокойно, слушая успокаивающее посапывание няни, но заснуть до рассвета уже не смогла.

Она снова и снова перебирала и прокручивала в голове подробности страшного своей реальностью кошмара, гадая, что же это – случайность, или... Предупреждение?

Учитывая её характер, нетрудно догадаться, к каким выводам она пришла.

Утро выдалось довольно неприятным – вначале было ветрено и пасмурно, вроде начинал даже накрапывать мельчайший дождь. Но часам к десяти распогодилось. Они ехали спокойным шагом по тёмному лесу. Дубы и ясени мирно соседствовали с соснами и елями, и тень давали плотную, перехватывая друг у друга живительные лучи солнца.

Странное ощущение дежавю преследовало её всё утро, несмотря на то, что она постаралась учесть опыт, полученный во сне: в поводу её конь вёл крупного сильного мула, которого Пьер по её указаниям, как всегда молча восприняв приказ, купил рано утром, и на которого они перегрузили все вещи, до этого размещённые в седельных сумках. Их выючную лошадь, с её поклажей, вёл конь Пьера.

Не боясь выглядеть глупо, она с самого начала поездки, как только удалились от очередного трактира, дала Марии и Пьеру чёткие инструкции, на случай «внезапного нападения» всё равно кого – бандитов, или солдат. Пьер согласно кивнул, Мария перекрестилась, с подозрением взглянув на неё, но промолчала. Поехали дальше.

Немного раздражало, что дорога оказалась точно такой, как она её запомнила, и она всё время ловила себя на том, что прислушивается. Ей казалось, что время, когда произошло... *это* уже давно миновало, так как они проехали да-

же больше, чем она запомнила, и она уже начала волноваться. Поэтому когда она, наконец, услышала звук погони, то испытала одновременно и дикий ужас и какое-то злорадное облегчение!

Но дикий ужас быстро прошёл, уступив место возбуждению, беспокойству за своё маленькое воинство, и несколько неуместному спортивному азарту.

– Действуем по плану! – отрывисто бросила она, и Пьер с Марией поспешили выполнить то, что она приказала. Они не спорили и не задавали глупых вопросов. Молодцы. Настоящие профессионалы.

Мула отвязали и поставили поперёк дороги. Мария с остальными лошадьми, удерживая их компактной группой, отбежала в лес – за густые кусты, освободив пространство для боя, и заодно прикрываясь телами лошадей от возможной стрелы.

Катарина и Пьер расположились за мулом, удобно целясь с колена (такую стойку предпочитал Пьер), и лёжа – Катарине всегда была удобна эта позиция. А арбалеты они всегда возили взведёнными.

Они молчали и ждали – говорить было уже не о чем.

Бандиты и поднятая ими туча пыли показались из-за поворота. Кто-то закричал:

– Вот они! – теперь сомневаться в намерениях скачущих не приходилось.

– Только живьём! – откликнулся смутно знакомый голос,

и банда принялась улюлюкать и ещё сильнее нахлестывать и без того бешено несущихся лошадей. Подъехав поближе, и несколько сбросив ход, давешний мордоворот, ехавший чуть впереди, заорал:

– Сдавайтесь! И останетесь живы... И целы!

Дружный хохот, однако вызывал сильные сомнения в его правдивости. Несколько расслабившись, бандиты выпрямились в сёдлах, явно не принимая их всерьёз.

В ответ Катарина плавно, как когда-то за тысячу лет и миль отсюда учили, задержав дыхание, спустила курок.

Тренькнула тетива. Время думать и сомневаться прошло ещё ночью, пока она лежала без сна, с колотящимся сердцем.

Настало время действовать.

Стрела вонзилась точно в цель – в середину груди самого здорового бандита в одной рубахе. Тот вскинул руки и с криком вылетел из седла – убойная сила у этих арбалетов была похлеще, чем у многих ружей. Пьер тоже не подкачал: его стрела пронзила живот самого упитанного – Катарина заранее приказала ждать её выстрела и вначале убивать самых крупных и сильных врагов.

Схватив лежащий рядом с ней, купленный тоже, как и мул, утром, ещё не обстрелянный запасной арбалет, она быстро выстрелила – и снова удачно. Главарь только успел крикнуть: – Заходи сле... – как стрела навывлет пробила его горло. Он, схватившись обеими руками за стрелу, и широко открыв рот в немом теперь крике, сполз с седла.

Больше беспокойства он не причинял, и остальная часть схватки проходила без текста.

И вторая стрела Пьера тоже достигла цели – ещё один свирепо заоравший бандит заткнулся и упал, уже молча, лицом вперёд, со стрелой под мышкой.

Им с Пьером определённо повезло – если бы многочисленные враги не были так уверены, что добыча уже у них в руках, не сбавили скорость и продолжали прятаться за шеями своих коней, им вряд ли удалось бы так удачно отстреляться. Минус четыре.

Остальные четверо были уже в десяти шагах, и резко прищипорили коней, чтобы не дать перезарядить арбалеты. Свои заряды они уже потратили: одна стрела торчала-таки из ляжки Пьера. Две другие пробили бок и шею мула, и теперь он медленно, как бы нехотя, заваливался на Катарину. Остальные стрелы бандитов, не причинив вреда, просвистели мимо, или зарылись в землю. Пятый участник нападения – она узнала в нём злосчастного бледного не то от страха, не то от потери крови, виконта – притормозил, и держался несколько сзади.

Она не стала ждать, пока её придавит. Быстро перекатилась в сторону, и, вскочив на ноги,хватила из потайного кармана два сяринкена. Приняв стойку, что было сил метнула первую закалённую стальную звёздочку с шестью остро отточенными дюймовыми зубьями.

Если сил этому телу ещё немного не хватало, то с коор-

динацией движений всё было в порядке – звёздочка вонзилась точно куда она наметила: в центр лба первого громила, подскакавшего к этому времени уже на пять шагов, и отчаянно ругавшегося. Возможно, он хотел таким образом поднять свой несколько упавший боевой дух. Удалось ли это ему, узнать теперь невозможно.

Не у кого.

Его тело ещё не успело вывалиться из седла, как она метнула вторую – в противника, пытавшегося обойти её слева со спины. Поражённый прямо в главную артерию за ухом, он даже не вскрикнул.

Зато завопили трое оставшихся. И громче всех виконт, что-то верещавший о выброшенных на ветер деньгах, и хвастливых обещаниях...

Двое оставшихся в живых наёмников, очевидно, ещё в угаре погони или винных паров, не сообразившие, что расклад сил разительно изменился, соскочили с коней, что было довольно глупо, и, выхватив мечи, кинулись, корча дикие рожи, к ней. Бравый виконт же, соображавший явно получше, развернул коня, и, бросив на произвол судьбы горе-наймитов, лихо кинулся удирать.

– Пьер, не дай ему уйти! – только успела она крикнуть, как на неё обрушились с двух сторон оставшиеся, довольно, впрочем, худосочные бандиты. Свою слабую технику владения оружием они пытались компенсировать свирепым напором и криком.

Напуганный и растерянный противник. Ерундовая задача для владеющего приёмами айкидо и ниндзюцу.

Когда они уже лежали на земле – один с распоротым животом, другой с перерубленной шеей, Пьер успел-таки перезарядить один арбалет, и осадил метким выстрелом пытавшегося петлять, как заяц, виновника всех их хлопот. Поражённый, скорее всего, в почку, тот, лёжа в пыли, визжал пострашней свиньи, которую режут.

Молча пройдя разделявшие их шестьдесят шагов, она исправила свою вчерашнюю ошибку, заодно избавив его от лишних мучений. Голова откатилась недалеко.

Поле битвы осталось за ними.

Однако главное сражение ей ещё только предстояло.

Вытерев об одежду виконта, и спрятав катану, она с замирающим сердцем вернулась назад.

– Ну, что вы на меня так смотрите? – спросила она после несколько затянувшейся паузы у Пьера и Марии, сидевших прямо в пыли посреди дороги, и сжимавших друг друга в объятиях, словно пытаясь вместе защититься от этой новой, такой страшной и безжалостной незнакомки в её теле, – Обещала ведь я, что смогу вас защитить!

Она и сама чувствовала несуразность сказанного. Ну а *что* она могла сказать?

После ещё одной паузы Пьер, наконец, решился.

– Кто... Вы? – охрипшим голосом он выдавил из себя этот давно мучивший его, а теперь наверняка и Марию, вопрос.

Она, конечно, знала, что рано или поздно ей придётся столкнуться с этой проблемой. Объясниться придётся – хотя бы в связи вот с такой ситуацией.

Легенда заготовлена.

22

Она пожала плечами, нахмурилась:

– Вначале займёмся твоей ногой, а поговорить успеем позже. Времени у нас теперь достаточно.

Попросив Марию привязать куда-нибудь подальше лошадей (они не пострадали, но, испугано всхрапывая и кося, всё норовили отодвинуться подальше от трупов, перебирая копытами), Катарина подошла к убитому мулу, и достала из седельной сумки запасную рубашку. Мул был единственным убитым, о ком она сожалела.

Надрезав кинжалом подол рубахи и нарвав полос нужной ширины, она вернулась к Пьеру.

Он сидел, страдая от боли, но сдерживая стоны, как и подобает настоящему мужчине. Ногу он поддерживал обеими руками.

Она опустилась на колени перед ним и попросила убрать руки со стрелы, которую он зажимал, чтобы не истечь кровью. Тонкая и короткая арбалетная стрела прошла насквозь мягкие ткани ляжки, к счастью не задев кость. Окровавленная головка дюйма на три торчала из задней стороны ноги.

Сломать такую стрелу невозможно. Оставалось только выдернуть её. Благо, она сидела в мягких тканях. Повесив себе на шею оторванные бинты, один скомканный рукав она дала Пьеру.

– Повернись, ляг на бок, и зажми в зубах эту тряпку. Будет больно.

Пьер, стиснув зубы, кивнул и повернулся.

Она проверила стальное древко – заусенцев не было. Обтерев насухо головку болта, она крепко ухватила её правой рукой, левой упёрлась Пьеру в бедро, и аккуратно, но сильно потянула. С неприятным чмоканьем стрела вышла.

Как ни мужественен был Пьер, но не удержался: вначале зарычал, потом застонал. Да и кто бы тут не зарычал...

Обильно потекла кровь с обеих ран. Дав ей стечь несколько секунд, она пока разрезала штанину, убрала подальше от ран её ткань, и наложила на оба отверстия два небольших тампона из сложенной в несколько слоёв ткани. Попросила Пьера придержать их. После чего туго, насколько смогла, прибинтовала тампоны к обнажённой ноге. Сверху наложила ещё один бинт пошире, чтобы кровь не выступала наружу, и была защита от грязи, и не сдвигалась нижняя повязка.

Пьер вздохнул и покосился налево.

Быстро схватив меч, лежащий рядом, и обернувшись, она, однако, обнаружила только Марию, лежащую в нескольких шагах без сознания. Точно. Она вспомнила, как та вскрикнула, когда Катарина выдернула стрелу, и обильно пошла

кровь. Но тогда ей некогда было оборачиваться.

Бедная няня. Но всё равно – надо отдать Марии должное: во время схватки она вела себя надёжно и достойно, удержала всех лошадей, хоть те и вырывались, не паниковала, и не отвлекала их ненужными криками. И вообще: отличная у них команда! Они ведут в счёте: девять на пол-очка. Хотя, конечно, лучше бы в сухую...

С её помощью Пьер, отталкиваясь руками и здоровой ногой, перебрался на траву к ближайшему дереву, и с облегчением прислонился к нему спиной. Она видела, что ему плохо. Однако и теперь он не удержался от замечания, хотя его голос и прерывался от боли:

– Вы – не... Катарина! Она ужасно... боится... крови! Скажите, кто же вы?

– Кто я? – она опять вздохнула, покачав головой, – Я несчастная, обездоленная и оклеветанная женщина. – Взглянув прямо в искажённые болью глаза, она нашла в себе силы выдержать его взгляд, – И я расскажу вам всё.

Встав, она развернулась и снова пошла к мулу. Порывшись, достала флягу с вином. Открыла, подала Пьеру. Пьер, поглядывая то на флягу, то на неё, приложился от души.

Она и сама от него не отстала.

Затем, подхватив Марию подмышки, она с трудом подтащила её к тому же дереву, и кое-как примостила её рядом с Пьером. Влив ей в рот некоторое количество того, что осталось во фляге, она достигла замечательного эффекта: забуль-

кав и закашлявшись, её няня открыла глаза, шумно вдохнула и уставилась на неё.

Почему-то врождённая нянина способность облекать свои быстро скачущие мысли в слова куда-то испарилась. Но можно было поспорить, что это временное явление. Когда шок пройдёт, водопад слов и вопросов снова обрушится. Нужно воспользоваться паузой и удовлетворить внимание аудитории. Тем более что оно и так обострено до предела.

Сохраняя серьёзное выражение, Катарина села прямо на траву перед ними, скрестила по-восточному ноги, приняв позу лотоса, и отдала флягу Пьеру, кивком предложив допить. Во-первых, красное вино хорошо восстанавливает потерю крови, а во-вторых, поможет ему перенести боль. Действительно, во время её рассказа Пьер так заслушался, что опорожнил флягу до дна, даже не заметив, как это произошло...

– Ну вот и пришло время объясниться. – Она ещё раз взглянула в глаза Пьеру и Марии. Те не отрываясь и, можно сказать, не дыша, смотрели на неё.

– Я действительно Катарина Изабелла де Пуассон, в девичестве – де Буа-Трасси.

И я рассказала то, что со мной произошло, только матери. А теперь будете знать и вы.

Прошу вас только об одном: не выдайте мою тайну никому. – она посмотрела на них, нахмурившись. Оба согласно

кивнули, – Иначе меня просто сожгут на костре.

Пьер просто кивнул, Мария ещё и прикрыла рот ладошкой, быстро перекрестившись. В глазах няни отчетливо проступали страдание и слёзы.

– Хорошо. Тогда слушайте.

Она опустила глаза вниз. Помолчала.

Итак... «onse upon a time...» Нет, надо не играть, а просто жить этим.

Всё равно, циничный, умудрённый опытом наблюдатель глубоко-глубоко в её душе, отметил с горечью: наглое враньё, дубль второй. Она тряхнула головой, прогоняя его. Невольно слёзы набежали в уголки глаз – ей было стыдно. И больно. Больно обманывать доверявших ей людей.

Не поднимая головы, она поморгала, отгоняя непрошенную влагу. Взяла в руки какую-то травинку. Медленно проведя по пыли черту, сказала:

– Вот так я теперь выгляжу – с этой стороны то, что смутно и расплывчато, и моё, а с этой – всё конкретно, ясно и чётко, но не осознанно, а инстинктивно. И – чужое.

Понимая, что запутала их ещё больше, постаралась пояснить:

– Лучше я начну с самого начала. Это случилось сразу после суда... Когда меня приговорили. Я была в панике – я не должна умереть, не разоблачив этого негодяя, не отомстив. И я стала молиться и попросила Господа помочь мне. Ещё никогда я не была в таком отчаянии, и так не молилась. Я

была готова на всё – на *всё*, только бы ОН услышал, помог...

В какой-то момент я услышала как бы голос внутри себя.

Но это был не Господь. – она успокаивающе покачала головой, видя их испуг.

– Голос позвал меня по имени. Я спросила – кто это?

Он ответил, что принадлежит душе одного воина, предательски убитого тем, кого он считал своим другом. И он не смог выполнить свой... Да, долг чести – это у них так называется.

Он сказал, что души невинно убиенных какое-то время – сорок дней – скитаются по земле людей. И меня ждёт та же участь, если я не спасусь. Но ещё он сказал, что если такая душа находит другую, которая отчаянно нуждается в помощи, и помогает ей спастись от смерти, то обе души выживают! И получают шанс сделать то, чего так страстно желали...

И он предложил мне сделку. – Катарина замолчала и вскинула пронзительный взгляд своих огромных зелёных глаз на Марию и Пьера. Слёзы всё равно блестели в уголках, всё было нерезко. Однако она поняла, что её спутники даже не дышат.

– Он предложил помочь мне спастись и выжить, если за это я обещаю впустить его к себе в душу, и жить там. Конечно, он надеялся, что со временем я помогу ему отомстить и за него, но больше – просто сочувствовал моему горю... Я сразу сказала ему, что не уверена, смогу ли прожить так долго, чтоб не то, что спастись – а и помочь ещё и ему...

Мои враги так могущественны, а я – всего лишь женщина...

Словом, он согласен ждать, сколько угодно долго... Собственно, он уже не требует отпущения за себя – он рад, что не умер, и не ушёл окончательно с этой земли, и своим искусством помогает мне выжить...

В-общем, он истинный благородный воин, и рыцарь, и мне даже немного за себя стыдно... Что я для него пока ничего не делаю. Только живу.

Она снова замолчала, опустив лицо к земле, и механически что-то чертя. Впрочем, взглянув на начерченное, она поспешила стереть его – уж слишком оно напоминало профиль самолёта с реактивными двигателями...

Пауза затягивалась, но ни Мария, ни Пьер не спешили прервать её.

Пришлось Катарине первой нарушить нависшее напряжённое молчание:

– А что мне оставалось делать?! Дать себя казнить?!.. – она обвела их вопрошающим взглядом, и оба её напарника покачали головами, опустив глаза. Она расценила это как... неплохой признак, и продолжила:

– Так что теперь во мне и душа этого мужчины. И поэтому у меня пропала навсегда часть моих детских воспоминаний – вместо них теперь его воспоминания. И его навыки воина. Искусство вести рукопашный бой. Искусство обращения с оружием. Оно теперь тоже во мне, и я могу сражаться, как

мужчина, и быть безжалостным и сильным – как он.

Да, уж сражаться-то он умеет! Всю жизнь учился, и практиковался...

Снова немного помолчав, она посмотрела на верхушки деревьев, и закончила:

– Вот так мы с ним теперь и живём. Плохо ли это, хорошо ли, не знаю. Время покажет. Но зато у каждого из нас теперь есть хотя бы возможность – жить... и – отомстить...

Да, возможность теперь есть... – её голос стал уж совсем отрешённо-замогильным. Чувствуя себя последней свиньёй, она отвернулась, закусив губы.

Первой нарушила вновь повисшее снова неловкое молчание Мария – она зарыдала в голос, и бросилась на грудь Катарины, приговаривая:

– Беллочка, родная, на что же ты пошла! Да что же это такое, в самом деле! Что творится на белом свете! До чего тебя довела твоя жажда мести, будь она неладна! И как Господь допустил грех-то такой! – она всё время утирала слёзы, свои и Катарины, – А мужчина-то этот – тоже, хорош гусь! Что ж он себе, другого мужика, что ли, найти не мог?!

– Наверное, не мог... Да и хвала Господу, что не мог. Без него, его знаний и способностей я ни за что бы не выбралась из Понтуазских подземелий! И неужели тебе было бы приятней, если бы я отказала ему, и окончила бы жизнь под топором палача?

– Ох! Да что вы такое говорите, сударыня! Видно, этот

мужчина из вас всю совесть-то поубирал! Побойтесь Бога! Нет, я конечно... – у няни постепенно всё же прояснялся смысл ситуации, и она замолчала. Впрочем, тут же продолжила, несколько сбавив тон:

– То есть, конечно, хвала Всевышнему, и пресвятой Богородице, что вы живы! – и, после вздоха и очередного качания головой, она уже совсем другим тоном добавила, – Ладно, он молодец, что помог вам выбраться. Но уж больно как-то это... А не нечистый ли это искушает вас?!

– Знаешь, я тоже часто думала над этим... Но ведь я могу перекреститься! И – всё в порядке! И молюсь я тоже, как всегда. И в храм Господень могу зайти, и святой воды испить... – она размашисто перекрестилась, так, как это делают католики – слева направо.

Мария сама перекрестила выжидающе глядящую на неё Катарину, и, убедившись, что ничего не изменилось, немного успокоившись, снова крепко обняла её.

– Ну, ладно уж... Если с вашей душой всё в порядке, и для Господа она не потеряна, то всё хорошо... наверное. Я против этого мужчины больше слова не скажу – да простит его Святая Дева... Но что же это тогда получается – вы и... за него будете мстить?

Примете на себя грех и его души – за мщение?..

– Что ж. Боюсь, няня, что со временем я захочу и этого. Но вот насчёт греха – это ты зря. Грех лежит на тех, кто виновен в наших бедах. Кто замыслил и исполнил его смерть,

и добивался моей... Разве наказать мерзавцев – грех?

– Ох, не спрашивайте, сударыня – ничего я уже не знаю!..

И... куда же нам теперь ехать? И кому там мстить?

– Няня, перестань! Это – дело *очень* далёкого будущего...

Он – настоящий рыцарь, ничего, как я сказала, уже и не требует... Ну а в-принципе, куда ехать-то, я знаю. И кому там мстить – он показал бы... Его страна очень далеко. За варварскими землями, там, на востоке.

Она так и называется – страна восходящего солнца... Или, проще – Япония.

– И далеко до этой... Японии? – подал негромкий голос Пьер.

– Ох, далеко! Если двигаться так, как мы едем, года за дватри, наверное, можно добраться... Нужно пересечь огромный континент, и переправиться через сотни рек и речушек, и в конце – ещё через море...

Там живут незнакомые нам народы – Росичи, Чудь, Камчадалы, Татары, Эвенки, Китайцы... – всех я не запомнила, но он пролетал над ними – ну, то есть, его душа, когда искал себе... напарника. Там жуткие дикие степи, дремучие леса, горы...

– И обо всём этом вы так уверенно говорите! – возмутилась Мария, – Ведь ваша милость дальше Мозеля на восток не заезжали! Может, он врёт всё?..

– Не думаю. Я видела многое из этого *его* глазами – иногда наяву, иногда – во сне... И видела очень ясно. Почти, как

вас сейчас!

– Ох уж этот... японец! Гонит вашу милость на край света, да и нас тоже, а у вас ещё своих дел: делать – не переделать! И как ему только не стыдно – женщину!.. Просить отомстить!..

– Ну перестань, Мария! Никуда он меня не гонит! Он вообще очень вежливый и деликатный. Говорю же – настоящий воин и... Рыцарь! Он сказал, что вообще не вправе настаивать на мести за него. Это я так решила – это моя совесть хочет быть спокойна.

И, конечно, пока мы не разберёмся с моими врагами, ни о какой поездке в эту Японию речи не идёт. И вообще, он не представлял себе с самого начала, что я – женщина! – буду мстить за него – мужчину-воина! Это не стыкуется с его кодексом чести... Говорю же – они там, в Японии, очень ревностно соблюдают его, и прекрасно владеют оружием...

– Уж это-то мы видели. Я от удивления даже чуть не промазал... – Пьер выдавил из себя улыбку. – Раз этот мужчина помог вашей милости освободиться, и научил *так* сражаться, я против него ничего не имею, пусть остаётся, если вашей милости угодно... И если Господу будет угодно, чтобы вы закончили ваши дела с... э-э... теми, кто должен... ну, понести наказание, и я ещё буду жив...

Я помогу вашей милости и ему тоже... закончить и его дела.

– Вот это слова настоящего мужчины и друга. Спасибо! – она крепко пожала его широкую ладонь, растроганная до

глубины души.

– Нет, вы посмотрите, что делается!.. Свинство-то какое! Они уже обо всём договорились, а я-то, вроде, как бы ни при чём! – Мария искренне возмущалась, уже забыв о том, что вокруг лежало девять трупов, – Да как вы можете, сударыня, даже подумать, что я вас куда-то отпущу одну, и ещё с этим старым оболтусом напару! Не выйдет это у вас! Даже не надейтесь: куда вы – туда и я!

Улыбаясь сквозь слёзы, она положила свои мягкие руки сверху на их рукопожатие, как бы подтверждая заключённый союз. Катарина шмыгнула носом, и сморгнула непрошено выступившую слезу. Однако сдержаться не удалось, и спустя миг они обе рыдали в объятиях Пьера, который только подозрительно моргал, тяжело вздыхая.

Катарина опомнилась первой, вытерла глаза, тряхнула головой.

– Спасибо, родные мои! Вы не представляете, как я рада... Что ни говори, а вместе мы – сила! Ладно, даст Бог – и в Японию доберёмся... Всё сделаем, раз мы – заодно!

А больше всего я рада, что, наконец, рассказала вам всё... Словно камень с души...

Однако – не годится нам здесь расслаиваться. Так у нас Пьер совсем кровью истечёт! – она сокрушённо покачала головой.

– Ваша правда, сударыня! Куда ж мы его повезём-то, с такой раной?

– Вначале запутаем следы, а там, глядишь, и найдём какого-нибудь деревенского лекаря, или хоть знахарку, или бабку-повитуху! Веди-ка его коня...

– Сейчас! – запнувшись на мгновение, Мария всё же высказала то, что её язык явно не поворачивался произнести, – А мужик-то этот... Должна признать, неплохой парень... Если б не он... Какой боец! Жаль вот только, что он забрал у вашей милости часть воспоминаний, детство, юность... наверное, самые ваши беззаботные годы...

– Ничего, не переживай за это. Самые главные-то у меня остались! Да и вы напомните мне, если я чего забуду. Или уж совсем какую-нибудь глупость... совершу!..

Мария и Пьер переглянулись. Пьер только усмехнулся. Мария невесело рассмеялась, и кивнула:

– Уж в этом-то деле вам, сударыня, равных нет!

Пьер и Катарина присоединились к смеху – Пьер сдержанно, Катарина почти весело.

Слёзы отступили. Теперь ей было почти легко.

Оставив Пьера у дерева, Мария двинулась к лошадям. Катарина обошла ещё раз поле боя, и убедилась, что живых не осталось. После чего повынимала своё «преждевременно изобретенное» оружие из убитых тел.

Затем, осторожно приближаясь и нежно что-то приговаривая, умудрилась поймать одну из разбредшихся, и пасшихся в стороне от дороги лошадей нападавших.

Ну хорошо. Вроде, если не считать болезненной раны Пье-

ра, всё прошло даже лучше, чем она смела надеяться. Они молодцы. И – спасибо за предупреждение... Аминь!

А для себя самой – что она сама-то думает?.. Что означает её реинкарнация?

Кто это сделал, кто дал ей второй, вернее, уже – третий шанс? Провидение?.. Бог?..

Как хочется в это верить...

Должна ли она мстить за душу и тело Катарины? Должна ли она *убивать*?

Судя по всему, да. Добро должно быть с кулаками. Но главное – не перейти ту тонкую грань, за которой справедливое возмездие, или самозащита, превращаются в насилие и агрессию.

Господь, помоги – направь руку и разум её!..

Она вновь огляделась.

Вот результаты её работы. Лежат недвижно в пыли. Семь человек, убитых лично ею. И ещё двое убиты из-за неё. Значит, на её совести то, что девять человек придут раньше времени на суд Божий. Впрочем, нет – не раньше... Раз придут – значит, так и надо.

Здесь, наверное, не годится традиционная для упрощающих все проблемы американских боевиков присказка, что «они все были плохие», пусть даже они и были.

С другой стороны, может, они спасли, разделавшись с этой шайкой, не одну жизнь будущих путешественников?

Что делать с этим? Должна ли её мучить совесть?

Верить ли тому, что, как она увидела во сне, *могло бы* случиться? Может ли являться сон – сон! – оправданием её действиям? Случилось ли бы это действительно?..

О, как много вопросов! И каких вопросов...

Подумать о них необходимо. Но – позже. А сейчас необходимо подумать о настоящем. Ну, например, куда деть тела этих... хм... зрителей лесов. Назвать несчастными жертвами матёрых бандитов и язык-то не поворачивается.

Но с дороги-то их точно нужно убрать.

И ещё одну вещь она знала точно – если бы что случилось с её напарниками, она бы себе этого не простила... Так что к чёрту философию: она будет защищать своих всеми доступными средствами и способами... А нужно будет – так и снова проведёт «дезинфекцию среды от паразитов»! А совесть... Нет, ей не стыдно.

23

С помощью Марии она перетащила трупы в лес. Не очень далеко, только чтобы с дороги их не было видно. Следы от тел они замели вениками, нарубленными из веток кустарника, лужи крови присыпали пылью. Только опытный следопыт смог бы теперь разобраться, что здесь произошло. Впрочем, кому бы это могло понадобиться?..

Арбалетные стрелы из трупов она вынимать не стала – побрезговала.

Из всех таких смелых и ретивых вначале бандитов признаки жизни обнаружались только у одного – того толстяка, которому Пьер попал в живот. Но и он не создал им проблем, испустив дух прямо у неё на руках, так и не придя в сознание. Оставшиеся лошади постепенно разбрелись довольно далеко по лесу, да и смысла ловить их уже не было.

Никаких причин задерживаться здесь дольше она не видела, да и остальные тоже.

Собрались быстро – сумки с вещами с убитого мула, так и оставленного посреди дороги, они переложили на пойманную лошадь, и вдвоём с пыхтящей Марией взгромозили ослабевшего и слегка пьяного Пьера на его коня. Припав к шее своего спокойного верного спутника, он смог кое-как держаться в седле.

Какое-то время они ехали по дороге вперёд. Потом Катарине в голову как-то внезапно пришла умная мысль, и они, вернувшись по обочине назад, проехали по траве мимо места схватки ещё с поллье, и выбрав место, где трава росла особенно удачно, и не оставалось следов, углубились прямо в лес, придерживаясь в целом того же направления – назад и в сторону от дороги.

Вскоре выехали на совсем узкую тропинку, которая, как магнитом повела Катарину за собой. Пьер мужественно держался. Мария вздыхала, но помалкивала, обеспокоенно оглядываясь.

Внутренний голос не подвёл – через час тропинка, иногда

совсем зараставшая кустами и травой, привела-таки их как раз куда надо: к крошечному поселению из пяти домов, одиноко стоявших прямо в чаще леса. Ни огороды, ни дворы не нарушали монолитности плотной и тенистой лесной чащобы. Здесь, кажется, даже птицы помалкивали...

Три дома стояли полуразрушенные, с провалившимися крышами, и явно были необитаемы давно – не меньше пятнадцати-двадцати лет. Зато в двух других жили обросшие волосами, чумазные и неприветливые люди. Если есть в природе лешие, то, по мнению Катарины, вот так они и должны были бы выглядеть.

Позже выяснилось, что до такого состояния их довёл собственный синьор. Пока же они, словно медведи из берлоги, вылезли из одного из домов с целой крышей на топот копыт и всхрапывание лошадей. Чем-то они показались ей очень похожими, и Катарина догадалась, что это братья.

Один из них, с особенно угрюмым выражением лица, даже держал в руках лук с приготовленной стрелой. Другой – суковатую дубину. По всему было видно, что незваных гостей, особенно всяких дворян, здесь не жалуют.

Тот, что с луком, крикнул, натянув тетиву, и целясь в нее: – Проваливайте!

Катарина, ехавшая впереди своего маленького потрепанного войска, не нашла ничего лучше, как ответить:

– Здравствуйте и вы! Спасибо за радушный приём. А мы так надеялись на вашу помощь!

– Что вам нужно? – уже не так свирепо спросил бородач, оценивший к этому времени намётанным глазом состояние Пьера, который точно уже упал бы с коня, если б не поддержка Марии.

– У нас раненный. Мы хотели попросить вас помочь обработать его рану, и разрешить нам хотя бы одну ночь побыть здесь, пока он не будет в состоянии ехать дальше. Сейчас же он совсем плох – потерял много крови.

Слышать такие слова от дворянина братьям раньше наверняка не приходилось. Но подозрения их ещё не пропали:

– И где это он умудрился среди наших лесов получить... рану?

– На нас напали бандиты в двух лье отсюда. – махнув рукой, устало ответила она.

– Вам удалось убежать? – несколько презрительно спросил арбалетчик, поводя сутулым плечом, и смачно сплюнув.

– Нет, мы не убегали.

– А что же бандиты?

– Им помощь уже не нужна.

После паузы, пошкребивания бороды и взгляда на брата, арбалетчик смилостивился, и проворчал брюзгливо:

– Заносите сюда. – кивнув на дом, из которого они только что вышли.

– Спасибо! – отозвалась она с облегчением.

Послав вперёд Марию с одеялом приготовить место, и выяснить, что ещё нужно для устройства раненного, Катарина

осталась с Пьером, которого совсем развезло: он скорее выпал, чем слез с седла в её с первым бородачом объятия. Бородач сплюнул ещё раз – на этот раз с досады. Вдвоём с ним они – она за ноги, бородач – за плечи, затащили Пьера, и разместили на заботливо подготовленном Марией лежаке. Катарина вышла позаботиться о лошадях. Нужно было стреножить их, чтоб не разбрелись, и расседлать. Седла она затащила в сарайчик с дровами.

Войдя снова в тёмную единственную комнату, она подошла посмотреть на то, как дела у Пьера. Выяснилось, что им очень повезло: один из пожилых, но крепких ещё мужчин оказался местным знахарем. Этим он и зарабатывал на пропитание себе и брату.

Значит, она всё сделала правильно, послушавшись своего чутья...

В том, что всё сложилось так удачно, она опять увидела руку Провидения – у них есть и укрытие, и лекарь. Оставалось только поблагодарить Бога, что она тут же и сделала от всей души.

Не забыла она поблагодарить и братьев, – уже вслух – один из которых только что-то сердито проворчал: он как раз занимался Пьером. А другой, вроде как смущаясь, отвёл глаза. За него она и взялась, чтоб не мешать знахарю.

Тут и подтвердилось, что бородачи – Гийом и Франсуа – действительно братья.

В своё время всех жителей одной из окрестных дере-

вень местный феодал забрал жить в своё поместье – для насущных хозяйственных нужд. Самым строптивым удалось скрыться в лесу, построив эти дома, но потом выловили и их. Феодал несколько лет охотился и за братьями, считая это, наверное, чем-то вроде спорта – своеобразная охота на людей: с гончими, загонщиками, следопытами, стрелками и всем прочим...

Но братья упорно отказывались «ловиться»: скрывались в потаённых землянках и берлогах, переправлялись через реки и ходили по ручьям, чтоб сбить со следа, и прочее такое... Много раз обманывая и слуг и феодала. А потом тому стало не до них: он поссорился с соседом, и то сам держал осаду, то громил угодыя бывшего друга, держа в осаде уже его. В перерывах же проводил время в судах – словом, скучать ему теперь, или тратить время на ерунду, было некогда. Он развлекался «по благородному».

То, что при этом горели поля и дома его вассалов – то есть бесправных крестьян – его совершенно не волновало. Налоги же с них драть он не забывал...

Короля и центральную власть братья тоже не жаловали, однако раскрывать, что с этими господами и у них большие проблемы, Катарина не торопилась. Мало ли как в жизни сложится. Меньше знаешь – лучше спишь. И подвести никого не можешь.

Пока они с Марией чуть не клещами пытались разговаривать Франсуа, Гийом успел вскипятить с помощью устраша-

ющего вида печи, воду, целый котёл, поотламывал от веников из разных трав, развешенных тут же, по стенам и стропилам, и, накидав этих трав в кастрюльку, влил туда кипятка, и накрыл крышкой и тряпкой.

Взяв затем другой травы, очень своеобразно пахнущей, и на вид совсем свежей, он устрасяющего вида ножом мелко нарубил её, растёр в ступке, и смешал с какой-то мазью. Катарина, подойдя ближе, ничего не спрашивала, но постаралась запомнить, как выглядят листья и стебли – мало ли что ещё может случиться в их жизни! А антибиотиков и антисептиков ещё не придумали...

Потом Франсуа вышел за дровами, и помочь Анри (так представили Марию) обтереть и устроить лошадей. Поэтому Катарина сама вызвалась помочь, когда Гийом, взявшийся было за повязку, обнаружил, что брата рядом нет. Подумав, и сурово нахмурившись в очередной раз, он кивнул. Возможно, она допустила тактическую ошибку. Ведь вряд ли дворяне должны браться за такое дело. Но, с другой стороны, эти два прожжённых старца видели их с Марией достаточно близко, и, конечно, уже догадались, что они – переодетые женщины. Однако пока подыгрывали им.

Вот и отлично. Пусть считают, например, что она – любовница Пьера, и поэтому лично заинтересована в его жизни и здоровье. А может, надо и самой подбросить им эту мысль – конечно, не впрямую, а парочкой вроде бы случайно обронённых фраз...

Пока она поддерживала ногу потерявшего сознание Пьера, Гийом снял повязку, что-то буркнув про себя, и отлепил присохшие уже тампоны. Пьер застонал, заёрзал.

Раны уже закрылись. Осмотрев их, и проворчав «ага, арбалетная», Гийом щедро наложил на рубцы мази с ароматным растением, после чего накрыл мазь сверху листьями этого же растения. Достал откуда-то сравнительно свежие куски тряпок из льна, и прикрыл сверху листья.

Затем Катарина всё это придерживала, а Гийом плотно прибинтовал наложенное к ноге.

В отличие от своего несколько более разговорчивого, хотя и такого же угрюмого и заросшего брата, он почти всё время молчал. Даже когда требовалась её помощь, он предпочитал обходиться жестами. Катарину это вполне устраивало – она тоже старалась говорить поменьше, чтоб ненароком не сказать чего-нибудь лишнего.

Они только закончили перевязку, как вернулся Франсуа с дровами, и Мария с ушатом свежей воды – колодец находился здесь же, возле дома.

Франсуа чему-то хитро улыбался себе в бороду. И точно – потом Катарина узнала, что помогая Марии вытащить воду из колодца, он как бы случайно плечом потрогал её грудь. Результат, очевидно, вполне его удовлетворил. Во-всяком случае, глаза его теперь подозрительно блестели.

Оставив Пьера, накрытого одеялом, спать на широкой лавке у стены, где проходило врачевание, они с Марией вы-

шли, теперь за продуктами для ужина. Снаружи Катарина поделилась с няней своими мыслями насчёт Пьера и их якобы близких отношениях.

Мария же рассказала о том, как её подловили, поворчала, но поскольку шило уже вылезло из мешка, согласилась, что такой способ замести следы всё же лучше, чем вообще никакой. Тем более что вызовет, скорее всего, только сочувствие – пожилые люди сентиментальны, и покровительственно относятся к «молодым и глупым». Да ещё и «влюблённым».

Вернулись в дом, Мария, завладев очагом, занялась котлом с то ли обедом, то ли ранним ужином – было, наверное, уже около четырёх пополудни. Катарина, заботливо придерживая разбуженного Пьера, и глядя на него томно-влюблёнными глазами, заставила его выпить уже настоявшийся и остывший отвар, который Гийом дал ей в ковше, коротко пояснив – «до дна».

Судя по тому, как даже непробиваемого всегда Пьера скривило, отвар был ну очень целительный. Его вкус так подействовал на несчастного пациента, что он даже не заметил её авансов и нежных взоров, а упал и отключился почти мгновенно. Впрочем, дышал он теперь намного ровнее.

Зато уж Франсуа-то её старания точно заметил. Засмутился, словно ребёнок.

За ужином, в котором заснувший Пьер не участвовал, все уже чувствовали себя спокойней и уютней. Обычно так и бывает с людьми, связанными общей тайной, общим делом.

Весело трещал огонь в огромной прокопчённой печке-плите, выпитое вино, которое Мария предусмотрительно вынула из их неприкосновенного запаса, приятно согрело и расслабило, еда тоже оказалась вкусной: к тушёному мясу с овощами, которое приготовила Мария, братья кое-что добавили из лесных даров. Так впервые Катарина попробовала запрещённую копчёную оленину. (Ну то есть – это простолюдинам запрещалось покушаться на «благородное» мясо...) Пастила из ягод тоже ей понравилась.

Да и сама по-деревенски патриархальная обстановка этого дома словно была предназначена, чтобы создавать тепло и уют, так нужные после унылой безлюдности лесных чащоб: всё деревянное, добротное, с любовью сработанное на века: от прокопчённых толстенных стен и стропил потолка, до массивных лавок и табуретов. Даже миски и ложки были деревянными.

Приходилось только удивляться, как умело обращались эти люди с доступными материалами и примитивными инструментами, обустроивая свой быт: всё продумано, под боком, используется много лет.

В неторопливой беседе, которая со скрипом, но всё-таки завязалась после ужина, Франсуа и поведал о злоключениях братьев и их бывших односельчан. Однако он проявил незаурядную тактичность – их с Марией практически не расспрашивал. Зато сам рассказал о разных приключениях и происшествиях, раненных и больных, которых им с братом дове-

лось видеть и врачевать: район приграничный, земли плодородные, богатые, и кто только на этой земле, да и в гостях у братьев не побывал – причём не всегда с миром. Пять заросших травой и почти сравнявшихся с землей вытянутых холмиков за дровяным сараем Катарина так и восприняла – куда уж ясней...

Гийом, сидевший тихо, и в беседе участия не принимавший, вскоре после еды вышел, никак не объяснив свой уход, Катарина и Мария спокойно отнеслись к этому – надо человеку, ну, он и ушёл. Мало ли, какие у него дела.

Франсуа, словно почувствовав некоторое послабление дисциплины, стал рассказывать спокойнее, с интересными подробностями и не так скупно и сухо, как вначале. Поведал он и о нравах соседей – немцев и швейцарцев, которые до объявления своей страны нейтральной территорией, судя по всему, мирным и кротким нравом не отличались: пограничных инцидентов и просто грабительских набегов хватало...

Как бы невзначай описал он и дороги, по которым можно из их берлоги попасть в более цивилизованные места кратчайшим путём. Катарина оценила его заботу и помощь, и благодарно кивала, уточняя детали, улыбалась и расспрашивала ещё – Марию её вопросы теперь не настораживали, так как она думала, что понимает её любопытство. А Франсуа если чему и удивлялся из спрошенного, мог вполне списать это на разницу сословных интересов: не часто, наверное, его расспрашивал о быте и обстановке леса и приграничной зо-

ны, дворянин.

Но всё же через пару часов стали сказываться усталость и нервное напряжение – она попросила Франсуа показать им, где они могут переночевать: Мария уже просто откровенно клевала носом. Франсуа весьма тактично сказал, что весь этот дом в их распоряжении, а они с братом поживут и в соседнем – там всё точно так же приспособлено, нужно только затопить печь. После этого, пожелав им спокойной ночи, он, всё же со скрытой ухмылкой поглядывая на «Анри», удалился и прикрыл за собой дверь.

Место для сна нашлось быстро – Катарина и Мария заняли вдвоём огромный топчан, располагавшийся у дальней стены, и накрытый несколькими настоящими, и не слишком хорошо обработанными – они заметно пованивали! – шкурами.

Приготовления много времени не заняли. Выйдя перед сном подышать свежим воздухом, Катарина постучалась к Франсуа, узнать у Гийома насчёт Пьера – что делать с ним, и чем поить, если попросит. Франсуа сказал, что когда будет надо что-либо дать, Гийом сам постучит к ним.

Сам Гийом, как поняла Катарина, ещё не вернулся из леса. Когда тот вернулся из леса, они так и не узнали. Но разбудил он их с няней часов в двенадцать ночи, или даже позже. Не особенно смущаясь, он зашёл с новой порцией отвара. Они растолкали Пьера, и заставили этого страдальца снова выпить всё, что было положено выпить. Мария побо-

ялась встать – она впопыхах не оделась мужчиной, Катарина же специально оделась так, чтобы быть готовой ко всему, и выяснив, что повязку менять и поить больного будет сам Гийом, и уже утром, несколько успокоилась.

Выходя, Гийом пронзительно сверкнул на неё умными глазами в свете оставленного в очаге огонька, и выдавил, явно через силу:

– Я убрал следы. Можете теперь остаться спокойно – никто вас здесь не найдёт.

– Спасибо. – только и смогла ответить она, с трудом улыбувшись.

Он коротко кивнув, повернулся и вышел. Мария, отлично слышавшая их беседу, хоть они говорили и вполголоса, не могла удержаться от комментариев и опасений – в основном, за сохранность своей «девичьей чести» – «уж больно хитро этот старый греховодник, Франсуа-то этот, смотрит на неё – вот только что не облизывается!» Ну ещё бы – Катарина понимала ситуацию: нечасто, наверное, к братьям заглядывают две «симпатичные девушки».

Однако она приказала завершить на этом ведущиеся вполголоса переговоры, и лечь всем, сильно потрепанном «гарнизоне», спать – братья вызывали у неё чувство полного доверия своей какой-то примитивной рыцарской натурой. В них не ощущалось того пошлого налёта якобы цивилизации, которым отдавали манеры встреченных ею дворян, и она не колеблясь доверила бы им свою жизнь – вот так она

почувствовала, и верила в это.

Пьер, как она убедилась, спал спокойно – наверное, в зелье было не только противовоспалительное, жаропонижающее и тому подобное начало, но и сильное успокоительное, типа корня валерианы. Так что встав к нему пару раз за ночь, она к утру почти перестала беспокоиться: жара не было, а спокойный крепкий сон – залог выздоровления.

Массивная печь-плита, куда она иногда подбрасывала полено-другое, всю ночь давала слабый свет и приятное сухое тепло. И даже отдалённое уханье филина не пугало в уюте массивного, словно корнями вросшего в землю, деревянного дома, хозяева которого, несмотря на грозный вид и показную грубость, оказались такими гостеприимными и понимающими.

Выспались хорошо.

Утром встали рано – солнце ещё только поднялось. Благодаря то ли отвару, то ли мази, то ли просто человеческому теплу и заботе, Пьер пришёл в себя, и сделал храброе заявление, что чувствует себя хорошо, только ослаб немного. Поэтому они решили, несмотря на гостеприимное отношение несколько оттаявших и теперь явно с сочувствием глядящим на них, и явно расположенным к ним братьев, двигаться дальше.

Гийом, проворчав, что мол, неплохо бы раненного не трогать ещё хотя бы сутки, в конце концов уступил, и напоив Пьера ещё раз отваром, и перевязав заметно улучшившуюся-

ся рану, дал им на дорогу целую огромную склянку лечебной мази. Сверкая хитрым взором из-под кустистых седых бровей, он коротко объяснил, как действовать, когда раны вскроются.

Банку Катарина обнюхала. Только теперь она поняла, чем таким странным та пахла – это же был запах знакомого с детства, но от этого не менее чудодейственного, бальзама Вишневого. Вот уж воистину, всё новое – хорошо забытое старое...

Собрались быстро. Франсуа помог Марии с лошадьми. Пьера опять взгромоздили в седло, но теперь вид у него был не в пример лучше, и сидел он устойчиво.

Катарина чувствовала себя смущённо и неловко, чуть не насильно всовывая в руку Франсуа несколько золотых монет: разве они, и скупые слова признательности могли выразить то глубокое и искреннее чувство благодарности, которое они с няней испытывали за человеческое, в лучшем смысле этого слова, воистину гуманное отношение, которое встретили здесь.

Няня, так вообще, прослезилась, и всё время прощания промокала глаза рукавом камзола, и ни слова сказать не могла, кроме «спасибо, спасибо». Даже Пьер несмело улыбнулся, и выдавил:

– Спасибо за всё...

Братья тоже явно чувствовали себя смущёнными – особенно Франсуа. Он так печально посматривал на Марию, что

поневоле становилось понятно, что она и в мужском платье сумела оставить след в его сердце... Да, няня у неё – ещё хоть куда!

У Катарини даже мелькнула шальная мысль – не предложить ли братьям поехать с ними. Однако она тут же прогнала её – не в их неустроенном положении беглецов, с постоянно нависшим дамокловым мечом «правосудия» над головами, обзаводиться спутниками, пусть даже такими милыми и полезными, и принимать на себя ответственность ещё и за их судьбы...

Пусть быт и одинокая жизнь братьев сейчас и не совсем обустроены, вряд ли она сможет в настоящий момент предложить им что-то лучшее. И кто поручится – захотят ли они покинуть насиженные места и людей, которых врачуют столько лет, даже ради и лучшей и сытой доли...

Поэтому она на прощанье молча и как могла крепко обняла их – вначале Франсуа, затем и ставшего словно ещё мрачней, чем обычно, Гийома.

Когда они уже тронули коней, Гийом здорово удивил-таки их, буркнув «подождите», и скрывшись в одном из полуразрушенных домов.

Вернулся он довольно быстро, и с тряпицей в руке. Не разворачивая, дал эту вещь Катарине, сказав только:

– Спрячьте, не разворачивайте. Это вам талисман на счастье. Надеюсь, поможет. Ну, прощайте. Не забывайте менять повязку каждый вечер.

– Спасибо! Спасибо за всё. – сдерживая нахлынувший поток тёплых чувств и готовое выпрыгнуть из груди сердце, Катарина спрятала свёрток за пазуху, и тронула коня. – Быть может, мы ещё увидимся при более счастливых обстоятельствах. А пока – храни вас Господь! Мы так рады, что встретили вас!

– Спасибо и вам! Особенно за Шарля – он в последнее время совсем... – тут Франсуа булькнул и умолк, так как острый локоть брата вдруг въехал ему под ребро, – Удачи и счастливого пути! – закончил он уже не так громко, но весьма довольно улыбаясь.

Удалившись шагов на двадцать, и всё ещё продолжая улыбаться, они обернулись все, и помахали братьям в последний раз. Те помахали в ответ. Затем лес скрыл их.

Сцена этого прощания затронула какие-то потаённые дремлющие струны в её душе.

Она была уверена, что ещё вернётся сюда, к этим суровым и добрым, по-детски простым и человеческим, несмотря на все невзгоды, людям. Быть может, у неё просыпается что-то вроде... пророческого дара?.. Хм-м...

Поживём – увидим.

За очередным поворотом тропинки скрылась и сама тропинка, и только чуть примятая трава вела их вперёд – вперёд, туда, где её судьба, её новая жизнь ждала, суля новые приключения.

Возможно, они снова окажутся опасными, или немного

грустными, или загадочными, или весёлыми. Одно она могла сказать точно: скучно не будет.

И, похоже, ей это... Нравится?!..

24

Двигались они теперь прямо через леса, по узким, переходящим одна в другую, охотничьим тропам, придерживаясь только общего направления – на юго-восток. Ориентировались по солнцу – вернее, по той малости, что иногда просвечивала сквозь могучие кроны. Запах хвои, мокрого от росы папоротника, и грибов буквально делал воздух тяжелей. Но и приятней. словно едешь по сказочной стране – где нет заводов, автомобилей, пластикового мусора, а есть лишь девственная, чистая первозданная природа...

Катарина, узнав от братьев о проходящей сейчас в Бельфоре ярмарке, приняла решение остановиться на время в этом большом городе, чтобы – во-первых, затеряться в пёстрой толпе людей всех сословий и возрастов, а во-вторых, переждать в покое несколько дней, пока нога у Пьера не заживёт, в относительной безопасности.

Так как Бельфор был и ближайшим крупным городом у них на пути, это казалось вдвойне удачным решением. Таким образом, через пять-шесть часов они, выбрав момент, когда на проезжем тракте никого не было, выбрались из леса на него, а часа в четыре пополудни, сделав привал с поздним

завтраком в очередном трактире, уже въезжали в широкие городские ворота, ничем не выделяясь среди большой группы попутчиков, очень удачно встреченных перед самым городом.

Попутчики представляли собой несколько пышно разряженных пожилых торговцев платьем и сукном, сопровождавших караван, если можно так сказать про европейцев, фургонов со своим товаром. Двигаться быстро они не могли из-за того, что всё пространство разъезженной дороги перед ними оказалось занято тоже фургонами, но уже принадлежавшими бродячему цирку. Поэтому Катарина со спутниками легко догнала, а затем и влилась в разномастную шумящую конно-фургонную толчею.

Она с интересом и удовольствием наблюдала идущую своим чередом жизнь на колёсах.

В другое время она наверняка пообщалась бы с артистами, такими разными, и в то же время так странно похожими на творческих людей её времени. Но сейчас она просто ехала среди их пяти фургонов и десяти всадников, присматриваясь и прислушиваясь к их озабоченно-весёлому гомону. Язык был понятен – говорили, пусть на диалектах разных областей, но по-французски. И больше всего, конечно, всё это напоминало цыганский табор. Поэтому, подумав о сохранности кошельков, они обогнали артистов, и в город въехали сами по себе.

Оставив позади пёстро-пыльных попутчиков, они уже без

помех направились прямо в центр, поближе к ратуше и базарной площади, на поиски комнат в большой гостинице.

Найти такую удалось не сразу. Зато она оказалась всего в полумиле от той площади, где, собственно, и происходила ярмарка. Но устроились только с большим трудом, за тройную плату, и пропустив пять или шесть других – переполненных. Несмотря на щедрые посулы и возмущение, на всех троих комнату удалось выторговать только одну, и то не сразу. По случаю всё той же ежегодной ярмарки хозяин явно был избалован, и знал, что за места ещё будут бороться те, кто прибудут позже – к сентябрю. Ярмарка обычно длилась до ноября.

Окончив торг, и отправив Марию-Анри с частью багажа вперёд на третий этаж в сопровождении прыщавого мальчишки-слуги, она сама отвела лошадей в конюшню.

Там она сунула косоглазому рыжему конюху, который непрерывно что-то жевал, поминутно сплевывая, пару денег, и приказала почистить их и покормить, посулив за нерадение хорошего пинка (а вид она теперь легко придавала себе грозный), а за усердие – некоторое количество материальных благ в виде наличности.

За свою внешность она теперь совсем не волновалась – так как за время путешествия усики её успели основательно покраситься, а выпячиваемый вперёд подбородок и уверенный басовитый голос делали её вполне мужеподобной. Чуть более длинный тёмный мешковатый камзол отлично скры-

вал её стройный стан и очаровательные бёдра, штаны и сапоги тоже не выдавали.

Она и удивилась и обрадовалась, поймав себя на автоматическом проявлении типично дворянского высокомерия и пренебрежения к «черни», – похоже, она вжилась-таки в роль ничем не примечательного путешествующего, и слегка раздражённого дворянина. Хорошо это или плохо? Не пора ли в этом городе обратиться к роли Бланки деВильнев, пока она совсем не огрубела, и не «омужичилась»? Так, глядишь, и женщины начнут «западать»...

Нет, по здравом размышлении она всё же решила, что лучше это сделать уже в самой Австрии. Так оно понадёжней будет...

Убедившись, что здесь всё в порядке, и лошадьми, с опаской косясь на неё, занялись, она подхватила сумку с наиболее ценными вещами и отправилась в отведённую им комнату. Окликнув давешнего прыщавого мальчишку, и сунув ему ещё денье, она обеспечила доставку остальных сумок, и даже раньше, чем нашла эту комнату сама.

Мужественный Пьер уже был здесь. Ему удалось подняться на третий этаж не хромя и без посторонней помощи, а повязка на ноге под двумя штанами видна не была. Мальчишку отослали, вещи распаковали.

Поскольку они продолжали изображать трёх мужчин, и скрывать им, вроде, было нечего, Катарина, убедившись, что её команда разместилась нормально, спустилась вниз, и за-

казала обед прямо в номер, заодно лично, проигнорировав возмущённый взор ворчавшего себе под нос хозяина, осмотрев кухню и кладовые с едой.

Спустя полчаса они уже приступили к трапезе, отослав пожилую и близорукую – она всё время очень характерно щурилась – служанку, приказав ей прийти за посудой через час, и не раньше. Копчёный окорок, обнаруженный в погребе-кладовой, не разочаровал их – обязательно надо будет взять с собой, когда двинемся в путь, подумала она, довольно откинувшись, и ковыряя в зубах щепочкой: ни дать ни взять – довольный и не слишком отягощённый воспитанием дворянин среднего достатка. Мария глядела на неё с укором.

Ехидно ухмыльнувшись, она рыгнула. Няня, возмущённо фыркнув, открыла было рот, но глянув в смеющиеся глаза, тоже рассмеялась, погрозив пальчиком. Поели они с удовольствием – еда показалась не такой, как до сих пор. Пожалуй, более сдобренная травами, и... жирная. Вкусная.

Пьер, поев, с облегчением растянулся на кровати, скинув сапоги и камзол. Нога его, к счастью, не беспокоила – не намечалось ни отёка, ни повышенной температуры. Спасибо ещё раз Гийому и его отварам-мазям. Решив поэтому не трогать ногу до ужина, они с Марией посидели, пока не унесли грязную посуду, отдышались, и решили отправиться в город за покупками, предварительно подправив грим и парики друг у друга.

Ярмарка работала вовсю. На улицах было оживлённо (это

если очень мягко называть положение, когда приходится протискиваться...). Сновали разносчики еды, сладостей и напитков. Чем ближе к рыночной площади, тем лоточников становилось больше. Покупателей всех сословий и просто празднующихся тоже хватало, и по мере приближения к площади с ярмарочными палатками и торговыми рядами, число их росло и росло, так, что возле самих рядов им пришлось уже работать локтями, проталкиваясь через плотную бурлящую толпу.

Кошельки приходилось вначале придерживать, а затем и перепрятать за пазуху – незачем давать шанс многочисленному воинству шустрых оборванных босоногих мальчишек, и не менее шустрых профессиональных нищих и псевдоуродивых, активно выискивающих и выщупывающих лопухов из провинции, и просто лопухов.

Они, стараясь не торопиться и особенно нагло не толкаться, больше трёх часов ходили между палаток и лотков – с тентами и без. Здесь они покупали в-основном еду, и кое-что из одежды. Мария выбрала Пьеру запасные штаны, взамен испорченных. Выбор тканей и изделий из льна и шерсти тоже оказался весьма богатым. Затем они прошли на улицу оружейников, где пополнили запас стрел. Катарина с удовлетворением отметила, что хотя бы здесь наблюдается элементарная стандартизация: арбалетные вполне подошли.

Обошли они и улицы жестянщиков, кожевников, ткачей, и много ещё кого.

В городе можно было купить практически всё: от иголки до корабельной лебёдки, и от пирожка до цельной коровьей туши. Продавались лекарственные средства (большинство крайне сомнительного вида), средства для охмурения возлюбленного (любовные элексиры – с «рогом единорога» и без), травы... Даже сушёные экзотические плоды – типа дыни, инжира и фиников.

Продавались восточные ковры, ювелирные изделия и благовония (действительно очень вонючие – или пахучие, смотря на чей вкус).

Продавалась обувь и одежда всех размеров, цветов и фасонов (впрочем, фасоны как раз особым разнообразием не отличались: ну ещё бы – ведь мода менялась не каждый год, а, наверное, пару раз в столетие!). Что не мешало дамам из провинции презрительно надувать губки, торгуясь за очередной новый столичный «писк».

Продавались лошади, мулы, коровы, овцы и ослы, продавались куры, просто птицы и птицы певчие (в этом углу площади вообще ничего слышать или понять было невозможно из-за мычания-щебетания-ржания, не говоря уже об отчаянно ведущемся торге из-за пары денье). Наконец, продавалась самая разнообразная еда – готовая и сырая: от запахов прямо слюнки текли. Сыры, колбасы, ветчина и другие копчёности, чеснок кажется вообще заполнял все эти ряды, репа (вот её вкус Катарина не оценила – ну ещё бы, после картошки-то...), тыква, капуста, пучки душистой зеле-

ни, лук, морковь... Катарина обнаружила, что обрызгивание всей этой съедобной флоры холодной водой – для придания «товарного» вида практикуется, похоже, со времен древнего Египта...

Дарами полей и кулинарным искусством хвалились представители трёх стран – ведь границы проходили буквально в трёх-четырёх лье.

А с визами или таможенниками проблем ещё не было – прямо «единая Европа»...

Продавались, разумеется, и женщины. Не желая в дни ярмарки сидеть в специально отведённом им квартале, некоторые рискованные девицы предлагали себя, щедро демонстрируя товар, так сказать, лицом. Ну, и другими местами. Гораздо чаще попадались открыто действующие шустрые и настырные сутенёры, предлагавшие кавалерам «развлечься в прекрасных условиях», и, конечно, «с самыми лучшими, а не грязными – как вон те! – девушками!».

На все предложения Катарина неизменно отвечала, что позже – непременно, а сейчас у них – дела. Интересно, что бы сказала няня, согласись она... Ха!

Впрочем, по здравом размышлении она решила, что не будет так жестоко шутить с пожилой девушкой пристойных нравов.

Большинство торговцев и торговок были бойкие и весёлые юмористы, не лезущие за острым словом в карман, любящие поговорить, и с лужёной глоткой. Хотя попадались

и ворчливые буки – видать, местные, у которых приезжие шустряки отбивали клиентов: редкий покупатель заглядывал в палатку или на лоток таких. Бизнес не уважает ленивых и недружелюбных. Такие и глядели настороженно – чтобы кто чего не спёр.

Сильно доставали разносчики и попрошайки – дёргали то за руки, то за одежду всё время, вынуждая постоянно проверять, на месте ли деньги. Она вскоре перестала реагировать на их слова, впрочем, как и большинство покупателей и продавцов – если какой-нибудь оборванец, схватив вдруг яблоко с лотка, кидался прочь, его провожал весь базар криками и улюлюканьем, однако по– настоящему кидаться в погоню или ловить беглеца никто не спешил, кроме пострадавшего, да и то – скорее, для вида. Здесь опасно было оставлять товар или лавку без присмотра – потеряешь больше. Городская же стража, которую Катарина иногда видала, явно считала, что деньги им платят просто за грозный вид и чёткий строевой шаг...

Теперь, углядев понравившуюся вещь, Катарина смело и нагло начинала торговаться, но превзойти в этом искусстве Марию, ей, похоже, не удастся никогда. Поэтому вскоре они выработали следующую тактику: она сообщала няне, так, чтобы не видел продавец, что именно ей нужно, и та, добросовестно работая языком, ругала выбранную вещь, а Катарина, поддакивая продавцу, нахваливавшему кровное, вроде, сомневалась – оно, как бы, дескать, конечно, ничего – но вон

там... (неопределённый кивок) он (в смысле – мессир) видел дешевле, и, вроде, получше...

На что возмущённый продавец ожесточённо доказывал, что лучше его товара нету, и обычно, сыграв на тщеславии, или с помощью грубой лести, им удавалось приобрести нужное за полцены, или ещё дешевле. Словом, ролевые игры помогали и развеяться от скуки, и сэкономили деньги. Сильно облегчало дело то, что французский знали абсолютно всё. Ещё бы – Франция здесь, в Европе, точно играет Первую Скрипку... Молодец все-таки чёртов Филипп – похоже, сильный Король. Жесткий. Жестокий. Как не вспомнить себя, любимую...

Поработали они от души. Шум и суэта большого города с непривычки сильно утомили Катарину – в Реймсе она ещё не осознавала себя своей, и не могла полностью отдаваться покупочной заразе, этому пресловутому шопингу. Зато сейчас они базара получили по полной.

Но покупками она осталась довольна. Особенно ей нравились широкие чёрные плащи из толстой прочной ткани, тонкие белые батистовые рубахи, и от души надраенный медный котелок литра на четыре. Да и всё остальное пригодится – ехать ещё далеко...

Таким образом часов в восемь вечера, нагруженные, наюхавшиеся и наговорившиеся, они вернулись в свою комнату, шумно восторгаясь и ругаясь – ну, точно, два бездельника-гуляки.

Пьер, запиравшийся изнутри на засов и мирно спавший, открыл только после минутного стука и криков, поскольку, оказывается, просто забыл, что теперь он – Тьеры, и игнорировал их призывы.

Увидев огромную охапку всякой всячины, которую они втащили, он только удивлённо поднял брови – дескать, как вы донесли всё это без меня.

Свалили они всё купленное просто грудой в углу. Достали только то, что хотели съесть сейчас. Снова заказали ужин в номер. Поужинав гостиничной едой и купленными деликатесами – Катарина не могла удержаться, чтобы не купить местных и иностранных продуктов переработки молока и мяса – и запив всё вином, принесённым из винного погреба гостиницы, они занялись ногой Пьера. Ткани на бинты у них теперь имелось сколько угодно.

Одно из отверстий на ноге прорвало – вышло немного гноя. Катарина, тактично отстранив подкатившую глаза и схватившуюся за рот Марию, сама всё выдавила, и наложила на очищенную рану свежую щедрую порцию чудодейственного бальзама. Вторая рана тоже, похоже, была на подходе: когда очиститься и она, у Пьера всё будет отлично. От души наложив бальзам и сюда, они всё снова забинтовали.

Использованные бинты, чтобы не вызвать подозрений, Катарина самолично выбросила в яму отхожего места. Кстати, раз уж речь зашла об этих местах – похоже, в эту эпоху их чистота и запах никого не волновали. Даже римляне могли

бы дать местным традициям в этом плане сто очков вперёд. Про личную гигиену и говорить не приходилось – кажется, никто кроме неё не то, что не мылся, а даже влажной тряпкой не обтирался...

Крысы и мыши считались чуть ли не домашними животными, и благоденствовали по ночам, несмотря на шумные своры кошек и котов, гонявшихся в это время друг за другом по черепичным крышам, и раздражавших Катарину шумом и ариями даже больше, чем грызуны нападками на их припасы и снаряжение. Про клопов и вшей сказать надо только одно – их не было, наверное, только на северном полюсе. Словом, нечего удивляться, что здесь случались всякие моры и чумные эпидемии. Поняв это, Катарина налегала на чеснок и лук...

Старалась она и обтираться, и мыться – но так, чтобы это было в каком-нибудь ручье, и никто (упаси Боже!) не увидел. Зубы же она приспособилась чистить разжёванной щепочкой, и долго полоскала каждый день на ночь рот. Да и вообще, она пыталась, разумеется, с оглядкой, придерживаться хотя элементарных правил гигиены, в силу привычки и чтобы уберечься от всякой заразы...

После того, как служанка убрала со стола и вышла, они обсудили дальнейшие планы.

Мария и Катарина настаивали на том, чтобы переждать хотя бы неделю, прежде чем снова трогаться в путь – за это время и нога заживёт, и сами они отдохнут. Пьер же утвер-

ждал, что с ногой всё будет у него нормально, и надо быстрее – уже завтра – снова двигаться вперёд, чтоб к холодам добраться куда надо, и что они и так вызывают подозрений больше, чем могут себе позволить. Однако он оказался в меньшинстве – в любом случае, пока нога полностью не зажила бы, Катарина категорически отказалась трогаться из такого отличного места. Шансов, что их раскроют, или найдут здесь, практически не было.

Поэтому, взяв бразды правления в свои руки, Катарина решила так: они будут жить в гостинице ещё как минимум пять дней. На том и легли спать. Пьер тактично повернулся носом к стене, чтобы дать им возможность переодеться и обтереться мокрыми тряпками. Оставив на столе одинокую свечку, они забрались под одеяла.

Наконец она смогла достать и спокойно, без помех рассмотреть загадочный подарок, который сделал ей Гийом, и который она вначале просто спрятала в тот же потайной карман, где хранила драгоценности матери.

Это оказался цельный, монолитный кусок жёлто-белого, похожего на старую кость, прочного нетяжелого вещества в виде правильного шестиугольника.

Дюйма два в диаметре, и с полдюйма толщиной, плавно утончающийся к краям, он чем-то напоминая пудреницу, которая была у неё когда-то в юности, но куда меньше.

На обеих сторонах врезана вязь незнакомых Катарине знаков, напоминавших буквы какого-нибудь древнего во-

сточного языка. Они несколько поистерлись, но оказались ещё вполне читаемы, и если бы нашёлся владеющий этим языком человек, можно было бы узнать, что же это за загадочный «талисман», и из каких неведомых стран его занесло во Францию.

А пока он приятным внутренним теплом согревал ладонь, и своим древним таинственным видом будоражил воображение, заставляя думать о загадочно исчезнувших цивилизациях, и экзотических обрядах и ритуалах...

Рассмотрев его со всех сторон, и погладив, она не придумала ничего лучше, как снять с себя крест, который носила на тонком прочном шёлковом шнурке, развязать зубами узлы, и добавить к нему этот странный лёгкий медальон, продев шнурок в отверстие в одном из его углов. Более надёжного места она пока придумать не смогла.

Затем она, привстав, и подтащив к себе старый подсвечник, стоявший на столе, задула последнюю свечу, пожелав своей команде спокойной ночи, и мирно уснула.

Толстый железный засов, и дверь, подпёртая на всякий случай табуретом, вместе с чутким ухом Пьера должны были охранять их покой.

Ночью она проснулась – почувствовала, что надо.

И точно – Пьер не спал, хоть и мужественно помалкивал. Они зажгли с помощью огнива – Мария обращалась с этим высокотехнологичным устройством очень умело – все свои свечи, и сделали Пьеру очередную перевязку.

Теперь обе раны были очищены, и наложив из банки очередную порцию мази, и прикрыв её листом, она вздохнула спокойней – вроде, воспаления (тьфу-тьфу) удалось избежать. Теперь – только отдых и еда. И Пьер у них будет как новенький.

25

Утром она первым делом пошире распахнула окно – ночью этого не давали сделать комары, такие же противные, как блохи и клопы, но ещё гнусно прожужжавшие все уши.

Кожанные сапоги, не совсем (она назвала это так) свежая одежда, испарения, и разные другие продукты жизнедеятельности организмов, перерабатывающих сытную и непривычную пищу, создали за ночь довольно тягостную атмосферу в их небольшой комнате.

От свежего воздуха и гула снаружи все проснулись. Снова отвернув к стене Пьера, она оделась с помощью (уж попробовала бы она сделать это без!..) Марии, и в свою очередь помогла той принять снова мужской облик.

Отодвинули засов и табурет. И Катарина отправилась сама, оставив няню разбирать одежду, договариваться насчёт завтрака и прачки. Мария, хоть и пыталась опять убедить Катарину, что это вообще-то её обязанность, была вынуждена признать, что в мужском костюме, особенно вблизи и перед женщинами, даже близорукими, выглядела *далеко* не

так убедительно, и держалась пока не так раскованно, чтоб не сказать – нагло, как наострилась её хозяйка, и поэтому осталась на вахте в комнате.

Время от завтрака до обеда они провели, никуда не выходя, полёживая, отдыхая и разговаривая. В основном обсуждали планы будущей поездки: в каком направлении – северней или южней – принять, и в каком составе – снова чисто мужском или смешанном – лучше двигаться дальше. Решили всё же ещё хотя бы до границы Австрии остаться мужчинами.

Катарину в женское платье пока решили уж точно не наряжать – такую женщину трудно не заметить и не запомнить. С этим трудно было не согласиться, а перекрашиваться она отказалась. На её провокационное предложение состричь волосы, уже Мария высказалась весьма категорично.

После сытного обеда, ближе к вечеру, когда несколько спала жара, они с Марией снова отправились в город – теперь, скорее, развлечься, чем что-нибудь ещё купить.

Если не считать собора и пятиэтажной ратуши на главной площади, Бельфору особенно нечем было похвастаться: здания в-основном трёх- и четырёхэтажные, узкие, хотя и построенные капитально. Но, конечно, они не могли тягаться щегольством отделки и размерами со столичными, или даже с домами центра Реймса. А вот на окраинах Катарина ни за что бы не различила, где находится – не то в Реймсе, не то в Бельфоре, не то в какой-нибудь Наварре...

Но зато улицы здесь оказались кое-где гораздо шире, и не в пример чище, чем даже парижские – наверное, в связи с ярмаркой городское начальство позаботилось хотя бы о порядке (по ночам здесь ходили околоточные, и горящих на перекрёстках фонарей было предостаточно) и чистоте.

Так что Катарина смело цокала шпорами, к которым давно привыкла, по булыжникам мостовой, и выбивала пыль из незамощенных участков, гордо неся высоко поднятую голову с шикарной шляпой со щегольским пером, не без злорадного удовольствия отмечая недвусмысленные взгляды, бросаемые на неё некоторыми горожанками. Ей льстило, что она и в обличи мужчины выглядит привлекательно. Однако она оставалась реалисткой – на авансы старалась не отвечать, разве что широкой улыбкой и подкручиванием несуществующего уса.

А вот из-за подмигивания или щипания за мягкие места, или ещё каких проявлений *сильной* симпатии, можно было и вляпаться в историю с ревнивым мужем, а это в их планы не входило – хотя бы из-за неизбежного шума от скандала.

Побродив по улицам ближе к окраинам в поисках ещё чего-нибудь полезного, и даже зайдя в несколько десятков лавок и мастерских, оставшихся вчера в стороне от их маршрута, они, практически ничего не купив, зашли, наконец, в собор, не забыв почтительно снять шляпы и принять благочинный вид.

На осмотр много времени не ушло. Они помолились, по-

ставили несколько свечек.

Когда уже вышли, и совсем уж было решились двинуться домой, в гостиницу, заметили вдруг своих вчерашних попутчиков – странствующих актёров. Небольшое пустовавшее ранее пространство напротив собора, где не было палаток и лотков, теперь занимали их фургоны и оборудование, если можно это «добро» так называть.

Впереди же, отделяя актёров от зрителей, высился двухметровый помост из досок, размером примерно пять на пять шагов – похоже, использовался помост для экзекуций, чтобы не разводил лишней суеты, сейчас быстро приспособленный под предстоящее шоу.

Не заметить приготовлений к нему оказалось невозможно: три горластых зазывалы что было сил нахваливали его в разных концах ярмарочной площади, перекрывая гул уже подуставшей толпы, и народ, действительно, спешил, заполняя пустые места у «сцены».

Часть артистов уже переделалась, и теперь щеголяла, иногда как бы невзначай появляясь на несколько секунд из-за занавеса: кто в облегающем ярком трико, а кто и в пышных панталонах, или длинных облегающих платьях, фасоном совсем как у благородных дам – довольно красивых, и из хорошей дорогой материи. Другая часть, одетая в обычную одежду, ещё продолжала возиться на и за помостом, укрепляя столбы по его краям, что-то прибывая, привязывая, и занавешивая.

Толпа, собравшаяся уже вокруг, криками выражала нетерпение, всё уплотняясь.

Артисты-плотники же умело подогревали её интерес, выкрикивая явно заготовленные хохмочки и прибаутки, нахваливая «несравненных» артисток, акробатов и всё представление в целом, «вот только что из Парижа – всё лето сплошные аншлаги!».

Катарина, уговорив не слишком-то и сопротивляющегося «Шарля», выбрала местечко не так близко к помосту, зато повыше, и они решили всё же дожидаться спектакля. Постепенно к ним присоединились ещё несколько дворян, интересующихся предстоящим действием, но не желающих толкаться возле черни внизу. Некоторые оставались на лошадях.

Со всеми представителями «своего» сословия они с Марией вежливо раскланивались – чувство внутрикастовой солидарности определённо шло им на пользу, и спланивало, подразумевая взаимовыручку, случись какая-нибудь непредвиденная ситуация.

С возвышения помост был виден хорошо. Несколько факелов образовывали подобие рампы. Площадь уже была полна – стоял мерный гул ожидания.

Ждать пришлось недолго: очевидно, всё делалось с расчётом. Как только догорели последние отблески вечерней зари и сгустилась тьма, выгодно выделявшая освещённый островок сцены, плотники ушли к фургонам и тоже стали переодеваться, а на помост вылез предок конференсье.

Мерцающий свет факелов придавал его лицу, впрочем, как и лицам всех остальных участников спектакля, загадочный и необычно волнующий вид. Впрочем, пропитый и охрипший голос мужчины несколько портил это впечатление – или он переазывал почтеннейшую публику, или просто перебрал... Впрочем, начал он вежливо – с глубочайшего, чуть не до пола, поклона.

Поприветствовав ту же почтеннейшую публику, жителей, гостей и прочая и прочая славного города... э-э... Бельфор (как подсказали ему из-за кулис), он рассказал пару анекдотов, знакомых Катарине, и корнями, наверное, уходившим ещё ко временам Юлия Цезаря, и перешёл, наконец, к представлению артистов и их номеров, щедро сгущая краски на их редкостных достоинствах. Когда он, пошатываясь, наконец, удалился, большинство зрителей – она готова была поспорить! – испытали облегчение от того, что он заткнулся и ушёл.

Первой на сцену вышла немолодая, полноватая и наштуренная слоём, не меньше, чем в два пальца, женщина, которая спела неплохим, в принципе, голосом актуальные, надо думать, комические куплеты, при этом ещё танцуя и тряся во все стороны длинной пышной юбкой так, что становились видны её пухленькие ножки. В этом, очевидно, и заключалась вся соль данного номера. Юмор текста, в связи с некоторой некомпетентностью в области местной и столичной политики и политиков, Катарина оценить не смогла, но

зрители, судя по их реакции, были в восторге: такие куплеты явно заменяли им газеты и радио с телевидением, а показ частей ног – варьете. Но в целом толстушка и ей понравилась. Во всяком случае, она пела и танцевала сама, а не как многие в её время – только танцевали. Под «фанеру»...

Программа, последовавшая после этого, оказалась скучновата и слабовата, особенно в техническом отношении. Но это для Катарины, избалованной достижениями других веков. А у местных жителей и фокусник с его простыми, но помпезно обставленными трюками, и жонглёр, и акробаты проходили на ура. Так что она не роптала, а приобщалась к традициям и культуре.

Бригада из двух весёлых карликов и карлицы, одетая в костюмы вельмож, разыграли мини-сценку, в которой примерно за десять минут были охвачены все перепетии и сложноплетения сюжета фильма «богатые тоже плачут», и даже Катарина не удержалась от смеха – но не от карликов, а от ностальгических воспоминаний об этой части своей биографии.

Своё искусство показали и шпагоглотатель, и силач – здоровенный толстопузый мужчина с кучей железного инвентаря, который слегка задолбал присутствующих настойчивыми предложениями поднять «хоть что-нибудь» из его барахла. Желаящий, конечно, наконец, нашёлся, и, конечно, не поднял.

Но вот кто действительно понравился Катарине, так это

певица, выступавшая почти в самом конце. Молодая и, к сожалению, слепая девушка, которую вывела на подмости за руку маленькая девочка, чудесным, чистым и сильным, несмотря на свою хрупкость, голосом, спела какую-то старинную сентиментальную рыцарскую балладу (Рыцарь в конце-концов погиб, спасая короля! А его «дева-дама» так и не вышла замуж.).

И хотя девушка пела долго, все слушали, буквально затаив дыхание, (она видела на словно просветлевших лицах этих огрубевших и циничных работяг настоящие слезы!) а затем неистово хлопали и восхищались от души. Маленькая девочка снова вышла, и помогла певице спуститься и уйти за кулисы.

Потом выступал кто-то ещё – Катарина уже не смотрела, она думала о своём. Девушка навеяла на неё сентиментальное настроение и лёгкую грусть.

Примерно через полтора часа представление закончилось, и когда артисты стали обходить толпу со шляпами для сбора денег, Катарина приблизилась, и тоже кинула несколько денье – ей понравилось, и шоу всё-таки всколыхнуло в ней воспоминания о невозвратных Временах и Чувствах... Впрочем, кто знает – может, не таких уж невозвратных. Ведь она теперь – молода. Так что поживём – увидим.

Обратно решили двинуться, чтобы не толкаться, через боковую улочку. Пробираясь вдоль стен домов, опоясывавших центральную площадь, наткнулись на странную палатку в

глухом переулке. До этого они её здесь не замечали – или не обращали внимания. Правда, это было и не удивительно – палатка стояла на отшибе, скрытая углом какого-то длинного здания, и своим обтрёпанным видом мало кого могла бы привлечь.

Катарина однако решила-таки дойти до неё и посмотреть – что там.

У входа на циновке сидел мальчик лет восьми с грустно-потерянным выражением лица. Очевидно, на фоне мощной конкуренции цирковой труппы он отчаялся зазвать хоть какого-нибудь клиента. Заметив двух припозднившихся мужчин, он, почти отчаянно, с надрывной мольбой в голосе, заученной скороговоркой протараторил:

– О благородные мессеры! Не проходите мимо такой удачи! Специально для вас! Заходите и узнайте свою судьбу! Только здесь для вас приподнимут завесу над будущим, и откроют загадки минувшего! Прошу вас, посетите гадалку: всего одно денье! Ну пожалуйста, зайдите к нам! – к концу рекламного слогана слёзы явственно проступали в его охрипшем тоненьком голосе. Катарину проняло.

– Послушай, парень, – она не шутила, – Да ты больше заработал бы, если бы просто просил милостыню! У тебя настоящий драматический талант! Ты мог бы разжалобить и трухлявый пенё!

– Но днём, с позволения вашей милости, я так и делаю! А сейчас я должен помочь своей тётушке. Да и местные маль-

чишки-нищие бьют меня, если увидят, что я работаю на их местах... Вот и приходится то прятаться, то убегать.

Ага, подумала Катарина, нормальные рыночно-профсоюзные отношения. У каждого цеха, даже нищих, своя монополия на работу и конкретные рабочие места.

Но мальчишку жалко. Действительно, он мелковат – такого побьёт любой. И что там у него за тётушка?.. Зайти, что ли?

Повернувшись к своей спутнице, то есть, спутнику, она спросила:

– Ну что, Шарль, может, зайдём? Наверное, это весело?

Няня фыркнула. Затем довольно сердито сказала:

– Нет уж, любезный Готье! К гадалкам и прочим шарлатанам я ни ногой! Уж лучше я буду потом спать спокойно, без этих глупостей! Да и поздно уже – пойдём домой.

– А я, пожалуй, всё-таки попробую, – тронутая мольбой во взгляде мальчика, сказала Катарина, сделав шаг ко входу.

– Ну вот ещё! Что же мне, стоять тут, ожидая тебя?! – возмутилась Мария. Она явно была не в восторге от решения Катарины.

– О нет-нет, благородный мессир! – торопливо повернулся к ней мальчишка, – Вы тоже можете зайти, и подождать со всеми удобствами! У нас есть и кресло, и подставка для ног!

Это и решило дело. Мария, проворчав «ну ладно, раз так», и зайдя внутрь, поторопилась опустить уставшую от долгого хождения и стояния нижнюю часть туловища в удобное, хо-

тя и сильно обшарпанное кресло, которое стояло в передней половине палатки, образующей как бы прихожую. Катарина же, оставив ей сумку с покупками, поколебавшись, и подмигнув неодобрительно насупившейся няне, откинула плотную матерчатую перегородку заднего отделения, и вошла внутрь.

Помещение, оказавшееся перед ней, оказалось больше, чем можно было предположить, находясь снаружи. Освещалось оно одинокой масляной лампой, чадившей в центре стола, стоявшего ближе к дальней стене палатки, которая, так же, как впрочем, и все остальные, была разрисована несколько поблёкшими от времени мистическими изображениями: тут были и звёзды, и традиционные знаки зодиака, и стилизованные животные, и сказочные существа – русалки (очень симпатичные), единороги, драконы, и ещё много незнакомых и непонятных знаков, символов, фигур и букв...

Катарина не могла не подивиться искусству художника: всё вместе создавало атмосферу нереальности и таинственности. Если бы такая реклама была на наружных стенах, отбою от клиентов точно не было бы! Впрочем, маркетинг заштатной гадалки – не её дело.

За столом, уронив голову с лохматыми полуседыми волосами на руки, мирно спала пожилая, если не сказать старая, судя по дряблой, иссохшей коже рук, усталая женщина. Вот она чуть повернулась во сне, но шум, кажется, не разбудил её.

Катарина, ещё раз осмотревшись, и подумав, совсем уж

было решила уйти, не будя предсказательницу, и отдать немного денег изможденному мальчишке. Как вдруг послышался глубокий грудной низкий и мелодичный голос:

– Прошу вас, садитесь сюда, благородная... ой... прошу прощения, благородный мессер! – одна из рук указала на кресло напротив гадалки, от стола медленно поднялась голова с пышной, хоть и несколько спутанной шевелюрой. На Катарину взглянули два больших, тёмных, и несколько затуманенных глаза.

Хмыкнув, она подошла и села. Теперь она могла рассмотреть женщину подробнее.

Она того заслуживала.

Всё ещё довольно красивое необычной красотой, несмотря на многочисленные морщины, лицо. Черты его чем-то напоминали еврейские, но нос ровный, а не крючком, как это обычно бывает у женщин этой нации в преклонном возрасте – над верхней губой не топорщилось и черных усиков, так же присущих пожилым еврейкам...

Большие миндалевидные глаза. Правильные черты. Вообще, не вызывало сомнения, что в молодости эта женщина выделялась редкой и экзотической красотой. Однако время, и, возможно, невзгоды, взяли своё, и довершали впечатление упадка словно подёрнутые плёнкой, тускло и равнодушно глядевшие глаза с выражением, как у рыбы.

Катарина опустила взгляд ниже.

Платье из хорошего когда-то сукна. Стройный стан – по-

что как у девушки. Красивая, благородная форма рук, явно никогда не выдавших тяжёлой работы.

В наступившем молчании гадалка, ничуть не смущённая придирчивым осмотром, достала откуда-то из-под стола две толстых зеленоватого цвета свечи, и, засветив их от масляной площадки, вставила в подставки по обеим сторонам стола, после чего коптилку задула и убрала. Катарина почувствовала, что женщина взяла себя в руки. И есть в ней некая внутренняя сила.

Стало гораздо светлее, и в воздухе появился своеобразный приятный аромат – свечи явно изготовлены из специального состава с благовониями, или ещё чем...

Гадалка достала оттуда же, снизу, толстую колоду карт. Но это оказались не карты, а их подобие: на обратной стороне обычная рубашка, а вот на лицевой... Символы, буквы и рисунки – совсем как те, что покрывали стены палатки. Но – яркие и чёткие. Карт оказалось на вид не меньше пятидесяти.

Похоже, она столкнулась с настоящими *гадальными* картами... Странно – их же вроде изобрели – или ввезли? – из Китая, и – только в 16-м веке?!.. Кто напутал – историки, или её память?

Посмотрев на Катарину несколько более внимательно, но словно находясь ещё слегка под хмельком, женщина спросила своим густым приятным голосом:

– Что же вашей милости угодно будет узнать?

То, что осталось в прошлом, но скрыто от вас? Или что случится в будущем, и пока неизвестно никому?

Катарина, поколебавшись, решила всё же не ворошить «своё» прошлое, и ответила:

– Лучше поговорим о будущем.

– Прекрасно, благородный кавалер, тогда прошу вас сдвинуть колоду. – она перестала тасовать карты и, что-то пошептав над ними, положила перед Катариной на стол, рубашкой кверху.

Катарина, чуть нахмурившись, сняла.

Взяв карты, гадалка опять пошептала, на этот раз закинув глаза к потолку, затем стала раскладывать их на столе по какой-то странной системе: где – одну, где – две-три, а где и кучкой в пять-шесть. Однако больше половины колоды осталось не использовано, и остатки женщина просто убрала под стол.

На то, что осталось на столе перед ней, гадалка какое-то время молча смотрела. Затем, взяв-таки одну из кучек, перевернула, объяснив:

– Будущее. Ближайшие события. Хм-м. – она положила карты на стол перед собой.

– Так. Через короткое время... э-э... буквально несколько дней, вас ждёт путешествие. Я вижу здесь двух попутчиков. Они... Очень доброжелательны к вам... Все сделают, чтобы облегчить ваше... м-м... Путешествие! Да, можете смело им доверять... Хм. Да. – она взяла другую кучку.

– А теперь вижу ещё одного... Спутника. Он... э-э... его следует очень опасаться. Э-э... возможно, даже прервать... общение с ним! – она отвела глаза от карт, и, взглянув на Катарину, как бы подчеркнула значение последних своих слов. Затем продолжила:

– Из-за действий этого человека я вижу вашу встречу с... жадными и злыми людьми. Но если вы не потеряете присутствия духа, всё закончится благополучно... Хм. – после длинной паузы она добавила, – Для вас. – гадалка снова взглянула ей в глаза, и Катарину снова поразило умное и сосредоточенное их выражение. Чёрт! Неужели она и правда, что-то такое там видит?! – Вот, значит, что вам скоро понадобится: осторожность, присутствие духа, и... э-э... готовность к неприятным неожиданностям. Кто предупреждён – тот вооружён.

Женщина открыла ещё одну кучку, и посмотрела туда. На лице вдруг пробежало что-то вроде неприязни – словно она увидела дохлую крысу, или ещё что похуже. Остальные же карты и кучки, открываемые далее, по мере того, как она продолжила, такой странной реакции у неё не вызвали:

– Цели своего путешествия вы достигнете. Э-э... вместе с вашими друзьями. И вам придётся... Чёр... (О, простите!) Да, придётся снова проявить присутствие духа. Духа. Хм, да. Будьте смелы. И настойчивы. Но – очень осторожны.

Пожалуй, вам... э-э... Лучше скажу так: доведите то, что будет нужно, *до конца!* То есть, то, что будет нужно сделать

там, куда приедете. – гадалка перевела дух.

– Пожалуй, это всё с *этим* вашим путешествием.

Теперь более отдалённые события.

Здесь вижу... э-э... Опять путешествие. С... Хм... э-э... друзьями. Довольно далёкое путешествие. Опасность умеренная, но постоянная...

Затем... О-о!.. Довольно большая, да, *большая* опасность, – она выразительно посмотрела на Катарину, опять подчёркивая значение своих слов, – Из-за ваших же собственных неверных... э-э... действий. Но – вам... помогут. Я вижу: у вас есть могущественный враг. Пожилой, благородного происхождения, мужчина. Он... э-э... очень хочет... навредить вам. *Сильно* навредить. Он... Могуществен, но... э-э... слишком порывист и... э-э... непоследователен. Да, терпения и последовательности ему явно не хватает... (Блин. Похоже, женщина стесняется сказать проще: что ее враг – избалованный властью и вседозволенностью идиот!) Но – очень зол. На вас. И ещё... он вас сильно... э-э... опасается.

Словом, ни он ни вы своих целей пока не добьётесь. Да, можно так сказать про... э-э... эту ситуацию. И про этого человека. – она помолчала, почесав затылок. Вообще, складывалось впечатление, что гадалка сама не вполне понимает картину «отдаленного» будущего позднего «клиента».

– А, вот это где – словно с облегчением пробормотала она, как бы про себя, взяв очередные несколько карт, – Вы,

я вижу, всё же добьётесь своего, но несколько другим *способом*... Хм. И гораздо позже, чем предполагаете...

У вас появится... э-э... Надёжный помощник и друг. Молодой. Он... Живёт за морем. Пока – за морем... Вы встретитесь. Он поможет. Вы станете близки.

Катарина возмутилась такой категоричности до этого такого расплывчатого предсказания, и, несколько нетерпеливо спросила:

– Когда же это будет? И что это ещё за *друг*?! – гадалка даже вздрогнула от её напора:

– Пожалуйста, благородный мессер! Умоляю вас больше меня не прерывать, пока я не закончу с картами, иначе они... Перестанут работать... Прошу вас!.. – Катарина сдержалась, выдохнув.

– Хм. А насчёт вашего вопроса – трудно сказать точную дату... но... э-э... не позднее, чем через пять-шесть лет... А, возможно, и несколько раньше. Хм. Впрочем, скорее, всё же около пяти... – вздохнув, она осуждающе посмотрела на Катарину, словно та сбила её настрой, и взяла очередную кучку – вернее, уже просто пару карт.

– Чувства и привязанности... Любовь... Нет. – это уже как бы самой себе.

– К сожалению, любви я не вижу. В настоящее время сердце ваше свободно. И по крайней мере в ближайшем будущем это так и останется... И ваше теперешнее, – она интонацией выделила последнее слово, – путешествие в этом отношении

ничего не изменит. Но через довольно долгий срок... э-э... скорее, как я уже говорила, несколько лет... Я вижу возникновение у вас... Хм. Вначале – одних, а затем – и противоположных... чувств в отношении определённого лица. Да, я вижу и злость и ненависть... А уж затем – любовь и... Вот – всё переменится... и... Хм. Вижу вашу благодарность и привязанность к этому лицу.

Подозрения, вспыхнувшие у Катарини ещё в самом начале, когда гадалка, ещё не видя её, оговорила её и именовала её как даму, и усилившиеся затем по мере её оговорок и недомолвок, достигли почти уверенности: эта женщина знала – вычислила, или догадалась – что перед ней не мужчина. Но как? Ведь вначале она даже не видела её? Может, теперь она попытается вытянуть у неё побольше денег – за молчание?

Наверное, лучше встать, и уйти прямо сейчас? Или всё же дослушать? Вдруг что-то из услышанного не совсем конкретного (мягко говоря!) бреда всё же имеет смысл? Продолжая оставаться внешне спокойной и расслабленной, Катарина напряжённо размышляла, не переставая внимательно слушать и на всякий случай запоминать.

– Так... Опасаться и беречься вам следует... э-э... воды и... Да, огня. Я вижу так же много ран от железного оружия. Хм... Они не очень опасны и серьёзны. А вот в отношении воды – э-э... вам следует особенно побережиться. Да, вода – не ваша стихия... – словно сокрушаясь, гадалка раздумчиво

покачала головой.

Очередные несколько карт. Женщина снова долго, и с явным недоумением их рассматривала. Словно видела в первый раз:

– Помощь. Помощь вам... э-э... Странно... – пауза подтянулась, – Из людей вам помогут три человека: пожилой мужчина, иностранец. Он... э-э... близок вам. Затем – совсем... юная девушка. И... Ещё один мужчина. За него... э-э... Ну, об этом я уже сказала. Да, он окажет вам помощь *во всём*. Это с ним вы станете... э-э... *особо* близки. Как ни с кем другим.

Взгляд предсказательницы остался потупленным, но Катарину словно пронзила молния: не на будущего ли *мужа* она ей намекает?!

Ещё две карты.

– Со здоровьем у вас... э-э... всё хорошо. Однако опасайтесь несвежей пищи. Вот здесь – она ткнула в карту – это... э-э... Нет, наверное, это всё же попытка вас отравить. Хм. Носите с собой противоядие: я вижу, через... э-э... наверное, год. Оно вам понадобится... Противоядие... Или сразу приучить вас... Впрочем, лучше поговорим об этом позже.

Ещё одна карта – последняя.

Катарине показалось, что на этот раз гадалка сама не на шутку удивлена. Но ей удалось взять себя в руки. Голос был так же спокоен и даже равнодушен, как и вначале. Но всё же какую-то неловкость или натянутость в её поведении можно

было уловить. Возможно, не такого конца она ожидала.

– Вы будете жить долго-долго и вполне счастливо. – она замолчала надолго, затем всё же, словно, нехотя, добавила, – если проявите осторожность и осмотрительность в ближайшие семь-восемь лет, или около того...

Затем она сгрэбла использованные карты со стола с недовольным выражением лица, сложила, спрятала и весьма нелюбезно буркнула:

– Это всё.

26

– Нет. Не всё. – после длинной паузы значительно сказала Катарина, сверля пронзительным взором прячущую глаза гадалку, – Объясните мне, что вы там увидели – в этой последней карте!

– Хм. Да просто очень долгую жизнь. – гадалка уже вполне овладела собой, и её мимика стала абсолютно нейтральной. Исчезли стыд, изумление и страх, которые столь явственно уловила, хоть и длилось всё буквально микросекунды, Катарина, и теперь истинное значение того, что заинтересовало её, можно выудить, пожалуй, лишь под пытками.

Всё же после ещё одной паузы, видя, что её продолжают буравить глазами, женщина нашла нужным пояснить свою мысль:

– При той... э-э... довольно бурной жизни, что вашей ми-

лости угодно будет вести... Такая... э-э... спокойная старость и... долголетие... Хм. Несколько удивительны. Вероятно, у вас хорошая звезда... и...э-э... Да... Звезда – покровительница.

Все эти «Хм», «Э-э», и постоянные паузы словно для раздумий, очень раздражали Катарину. Хотя, конечно, она понимала – даже если женщина реально что-то *видит*, сказать это клиенту в лоб, напрямую – не может. Только – намеками.

Как тут не вспомнить пресловутого Нострадамуса с его *настолько* завуалированными катренами, что даже лучшие учёные её века всё спорят – прав ли он, или нет, предвидел он что-то, или банальный шарлатан... И о каких всё же событиях конкретно шла и идёт речь!..

– Ну хорошо. – помолчав, пока переваривалось услышанное, произнесла Катарина, всё ещё подозрительно глядя на гадалку, – Вам здорово удалось меня... заинтриговать. Теперь расскажите мне о прошлом. Я заплачу.

– Как вашей милости будет угодно. – после крошечной заминки ответила та.

Показалось Катарине, или действительно предсказательница чуть вздрогнула и скривилась – словно задела больной зуб? Неужели она в самом деле что-то чувствует, или знает? Может, ей встретилась ещё одна телепатка? Которая реагирует не на мысли, а на ощущения, эмоции? Но как же проверить такое?

А может, впрочем, быть и так, что все её подозрения –

чушь. И перед ней просто хитрая профессиональная обманщица.

– Позвольте тогда правую руку вашей милости, – показав жестом, что ей нужно, женщина тем временем, запустив другую руку глубоко под стол, достала и поставила на него – о, Боже! – хрустальный шар на подставке. Катарину покорибило.

Сняв перчатку, и небрежно бросив её на стол сбоку, она протянула руку, ладонью кверху, гадалке. Та осторожно взяла её обеими руками – они оказались хоть и морщинистыми, но очень тёплыми и мягкими. Гадалка уставилась ей в ладонь, и рассматривала её довольно долго, ничего, впрочем, не сказав. Затем положила руку Катарину на шар сверху, попросив подержать её в таком положении.

Катарину наполнили дурные предчувствия и беспокойство.

Через пару минут гадалка попросила и левую руку, и Катарине пришлось снять и бросить и левую перчатку. После этого гадалка взяла мягко, но крепко обе её руки в свои, и не выпускала всю последующую сцену. За это время ладони её покрылись липким потом, и стали просто ледяными. Но это Катарина осознала только потом.

Потому что теперь-то и началось самое интересное. Если не сказать по-другому...

Позднее Катарине часто снилась эта сцена – как правило, перед каким-нибудь важными или опасными события-

ми, так что она научилась использовать её как своеобразное предупреждение, и в этом смысле гадалка оказалась права: осторожность и присутствие духа никогда ей не мешали... Особенно после предупреждения. Впрочем, незачем забегать вперёд.

Честно говоря, ей и наяву часто приходилось потом эту сцену вспоминать...

Гадалка, глядя широко раскрывшимися красивыми, уже совсем чёрными, глазами, как бы в самые таинственно-туманные глубины шара, начала читать нараспев какое-то заклинание на неизвестном Катарине языке. Очень певучем, с большим количеством странно произносимых гласных.

Закончив, она, на миг выпустив левую руку Катарини, что-то ещё быстро достала из-под стола – кажется, маленький пузырёк – и выпила, запрокинув голову и на миг закрыв глаза. После чего снова уставилась в шар, но теперь глаза её просто горели странным светом – блеск затмевал обе свечи...

Спустя какое-то время дыхание её ускорилось, зрачки расширились во всю радужку. Куда девался сонный и равнодушный вид! Дымка из глаз давно пропала, и теперь они сияли, как два бриллианта, и занимали, казалось, пол лица!

Теперь уже Катарине стало сильно не по себе, но отступить было невозможно: в конце-концов, она сама всю эту кашу заварила. Значит, ей и расхлёбывать. Но руки её от волнения тоже вспотели, а чувства обострились.

Гадалка теперь дышала часто-часто, глаза её вдруг оторвались от шара, и впились в Катарину, словно два бурава. Пронзительный взор, казалось, достал до самых потаённых и сокровенных глубин её души. Но опустить свои глаза Катарина теперь не могла – взгляд гадалки, словно гигантский сверхъестественный магнит, притягивал её к себе.

Сколько прошло времени, она затруднилась бы ответить. Но здраво оценивая случившееся позже, понимала, что вряд ли больше нескольких минут, хотя тогда они показались ей часами.

Время, словно сгустившись плотным саваном, стояло во круг.

Послышался голос. Но не тот равнодушный, наигранно-мелодичный, что был вначале, а какой-то детский – словно неуверенно, запинаясь, говорит девочка пяти-шести лет, по складам разбирающая трудную книгу, или подбирающая подходящие, простые, слова:

– Вы... убежали... И сейчас – вы тоже... убегаете. От опасности. Она... была... смертельной, а... сейчас... меньше. Но раньше – ещё раньше... её не было. Это вы... Нет, это из-за вас же... возникла в вашей жизни... эта опасность. Ваш близкий человек... умер – тоже из-за вас... А вы мстили... Неудачно. Потом вас схватили. Враги. Вы... отчаялись... сдались... Но сейчас – вы другой человек.

Я... вижу... Вы – сильная, смелая... Совсем другая, чужая, чуждая. Иностранка. Пришелица. Не боитесь убивать.

Да, вы убили несколько человек... ещё одного – заколдовали... Вам... много лет – вы думаете, как пожилая, опытная... бездушная... и циничная... Уставшая. И вы были... несчастны... там. Да, там, где были *до этого*... У вас и сейчас... нет семьи, нет... близких. Нет никого, кто был бы дорог вам... Ни любви, ни привязанностей... Да. Ничего.

Вы – одинокая... волчица, ушедшая из стаи. Ушедшая сама... Этот образ сидит в вас глубже и прочнее всего. Нет в вас любви к кому бы то ни было, её тепло не греет вашу душу.

Люди сейчас для вас... ничего не значат. Вы используете их, как пешки... Для своих каких-то целей... Вы... очень жестоки и расчётливы. Вы... готовы убить, и ещё убьёте многих – тех, кто... встанет у вас на пути... Без любви вы – словно заводной механический автомат-убийца, холодная и расчётливая... Машина.

– НЕТ!!! – вся её суть, все инстинкты и сознание встали на дыбы от нахлынувшего ужаса, липкой чёрной массой сдавившего её сердце. Но гораздо сильнее оказалась неистовая ярость, вскипевшая в ней от жестоких правдивых слов, разящих, словно беспощадные меткие стрелы...

Этот ужас и эта ярость затопили всё её сознание, её душу, и помогли выдернуть налитые, казалось, свинцом, руки из клешней этой страшной женщины, и отпрянуть назад, отвернувшись, и вырвавшись из плена огромных гипнотических глаз, что смогли вырвать и бросить ей в лицо её ужасную тайну!

Нет, она никому и никогда не позволит копаться в глубинах своей!..

Она зарычала, невольно хватаясь за меч.

Мистическая связь прервалась, она снова очутилась в полутёмной палатке.

Маленькая девочка слабо вскрикнула в испуге: «Ах!..»

Чтобы прийти в себя, Катарине потребовалось всего несколько секунд. Та самая сила духа, воспитанная философией боевых искусств, что помогала ей в любых жизненных ситуациях не сдаваться, не подвела её и сейчас. Плевать на липкий пот, заливающий спину и шею, плевать на прерывистое дыхание – оно уже восстановилось...

Она уже пришла в себя. Полностью контролирует тело... И дух.

Катарина выпустила рукоятку, которую инстинктивно схватила. Здесь не было внешнего врага, которого можно было бы поразить мечом... Только – внутренний.

А его так просто не возьмёшь.

Да и *нужно ли* ей что-то менять в себе? Ведь это именно её сущность, её убеждения помогли ей – помогли в этом враждебном мире выживать...

Так ли ей сейчас нужна эта самая пресловутая... Любовь?..

Нет, окончательно решил за неё трезвый и циничный наблюдатель внутри – пока она не может позволить себе такой роскоши! Враги многочисленны и сильны. Нельзя давать им

лазейки... Ничего она менять в себе, в своем поведении и мышлении, не намерена!..

Она вздохнула, и снова села. Только руки чуть дрожали.

Когда Катарина пристально взглянула на гадалку, та лежала на спине не полу, опрокинув табурет и широко раскинув руки. Похоже, была без сознания. Подойдя и пальцем приподняв её веко, Катарина обнаружила тусклый закатившийся зрачок – гадалка не притворялась, и, похоже, сеанс окончен...

Катарина покачала головой. Теперь она прекрасно осознала, что её поймали на её же собственный трюк с гипнозом. Достаточно было простого приказа – и она сама себе рассказала, что она думает о себе и о своём прошлом...

Однако так ли просто всё обстоит в действительности?

Может, гадалка всё же оказалась способна проникнуть в потаённые глубины её души? Похоже, сомнения нет – какая-то обратная связь у неё была... И, может, резкий выход ситуации из-под контроля мог навредить ей куда больше, чем Катарине?

Как теперь узнать правду? Да и надо ли? Могут ли медиумы действительно проникать в чужие души?..

Или, для разнообразия, вот более насущный вопрос: вспомнит ли, очнувшись, эта старая и усталая женщина то, что она вытащила наружу из неведомых глубин подсознания «клиентки» силой своих экстрасенсорных способностей, и, возможно, увидела, находясь в состоянии транса? Или она

сразу предпочтёт забыть обо всём? Ведь это было бы ужасно – помнить проблемы и грехи всех своих... Да, клиентов.

Как это она только что сказала? Что люди для неё ничего не значат, что она их просто использует?.. Может, и так. Хм. Да, она так и поступит.

Катарина опустилась на колени и расслабила шнурки корсажа, сильно стягивающего стан женщины – чуть злорадно подумала, что – ага, красота с возрастом обходится всё дороже.

Для этого пришлось женщину аккуратно перевернуть. Положив затем гадалку на бок, и согнув верхнюю ногу в колене – для опоры – она оставила её лежать, убедившись, что дыханию женщины ничто больше не препятствует.

Прагматик внутри неё знал, что делал: в положении лёжа обморок проходит быстрее.

Затем, подумав, Катарина взяла ненавистный хрустальный шар: ясно, что именно он в данном случае сыграл роль блестящей надраенной монеты, или же другим способом помогал медиуму сосредоточиться на воспоминаниях жертвы, лишив собственной воли, самоконтроля!..

Неважно, какая из версий отвечает действительности. Она знает, что сделать: хмыкнув, Катарина спокойно спрятала шар в стол – там даже нашлась специальная, обшитая мягкой тканью, чтоб не разбить, ниша. Ну вот, порядок.

Обойдя помещение, в углу она нашла узлы с вещами и кувшин с водой. Подойдя с ним к гадалке, она набрала в рот

щедрый глоток, и дунула его прямо той в лицо. Женщина застонала и скривилась, словно от зубной боли, но в сознание не пришла.

Пришлось смочить ей водой грудь, виски и шею, и похлопать ладонями по щекам.

Только что такие огромные и яркие, а сейчас самые обычные глаза, открылись.

В них была растерянность. И непонимание. Она уставилась на Катарину.

– Где я? – не очень оригинально спросила эта несчастная пожилая женщина, удивлённо оглядываясь. Пожалуй, так притворяться могла бы только великая актриса...

– На полу в вашем чёртовом балагане. – не менее оригинально ответила Катарина, тоном старого брюзги, – Может, соизволите теперь подняться, и объяснить, с чего это вам вдруг вздумалось хлопнуться в обморок?

– А что со мной произошло? Я упала... В обморок? – ещё растерянней спросила гадалка, беспомощно озираясь по сторонам, словно что-то искала, и ощупывая пол вокруг себя неуверенными движениями рук. Затем она попыталась было привстать.

– Ну прекрасно. Я бы даже сказал – очень мило... Да, вы упали в обморок, и как раз на самом интересном месте, уважаемая предсказательница! – Катарина недовольно покачала головой. Нет, пожалуй, так сыграть невозможно. Но осторожность не повредит.

Она помогла обмякшей – её словно совсем не держали дрожащие ноги! – женщине забраться в кресло, которое перед этим занимала сама, и подобрав валявшийся в углу табурет, поставила его к столу и уселась на него.

Таким образом они как бы поменялись местами, а, возможно, и ролями в этой маленькой комедии – теперь была очередь Катарина поудрить мозги.

Но если Катарина чувствовала себя уже вполне спокойно и уверенно, то гадалка казалась явно не в своей тарелке, а от такого расклада и распущенного явно посетителем корсажа смутилась ещё больше. Она как-то поникла, и заёрзав в кресле, опустила глаза:

– Простите, ради Бога, благородный мессер! Я, кажется, не смогла закончить предсказание.

Поверьте, такого со мной никогда прежде не случалось! Это правда – никогда ни один клиент не уходил от меня, не узнав того, что ему было нужно... – Катарина молчала, не перебивая.

– Это, наверное, от слабости – я в последнее время несколько... э-э... плохо питалась... (как же, от слабости, сердито подумала Катарина, скорее от винных паров – не учуять их, приводя в сознание эту странную худую и, кажется, совсем безмышцевую даму, было просто невозможно. Хотя в целом держалась гадалка молодцом – наверное, привыкла работать в таком состоянии. Интересно, как это сказывалось на качестве предсказаний? Впрочем, у каж-

дого – свои проблемы... И способы «вхождения» в «рабочее состояние...»).

– Ещё раз простите, мессер, и... Если пожелаете, продолжим. Напомните, пожалуйста, на чём мы остановились? – видя, насколько гадалка выбита из привычной колеи, и только что не рыдает, Катарина только вздохнула. Жалость к этой несчастной кольнула её прямо в сердце, и она сдержала грубые слова. Вместо этого она слабо улыбнулась, и произнесла:

– Нет уж, хватит предсказаний. Благодарю покорно. Вы всё вполне внятно рассказали. Я только не понимаю, почему вы не помните, на чём остановились...

– Ох, простите, простите, ваша милость! Это всё проклятая старость... Сейчас я уже не такая сильная, как раньше. О, я и вправду видела многое – и в будущем, и в... прошлом. Меня побаивались даже... э-э... Простите. Теперь же, чтобы хоть что-то разглядеть в прошлом, мне приходится прибегать к помощи магического шара и зелья... И я... О, Боже! Пресвятая Богородица!

А где он?!

Катарина, склонив голову на бок, с интересом посмотрела на гадалку. Похлопала глазами, как бы удивленно моргая.

– Может быть, сударыня, вам нужен лекарь? – спросила она беспомощно озирающуюся женщину. – Если вам плохо, я оплачу его услуги.

– Нет-нет, уверяю вас, любезный мессер, мне ничего не нужно! То есть, мне нужно – если ваша милость, конечно, не

возражаете – чтобы мы с вами поменялись... местами!..

Катарина, пожав плечами, встала и пересела.

Опустившись на свой табурет, гадалка испустила вздох облегчения, и любовно погладив поверхность старой зелёной бархатной скатерти ладонями. Залезла рукой в стол, и снова вытащила шар. Катарина изобразила лёгкое удивление, приподняв бровь.

– Итак, благородный мессер, – уже почти спокойно и даже несколько радостно, женщина взглянула в глаза Катарине, – вы желаете, чтобы я рассказала вам о прошлом?

– Конечно, хорошо бы... – замялась Катарина, – Мне было интересно слушать вас – вы явно необычная женщина. Но... Лучше я приду сюда завтра. Вы отдохнёте, подкрепите свои истощённые силы какой-нибудь едой. И мы сможем спокойно продолжить нашу, скажу честно – так меня заинтриговавшую! – беседу без досадных... перерывов.

Есть несколько вопросов, которые мне необходимо уточнить – ну вот, хотя бы, насчёт яда... И противоядия. Да и об остальном... Словом, закончим завтра.

Казалось, гадалка была обрадована столь любезным предложением. Из вежливости, она, впрочем, ещё немного поупиралась – дескать, как же благородному мессеру придётся ещё раз пробираться в такую даль, и прочее... Но довольно быстро позволила себя уговорить, не переставая извиняться за свой обморок.

Катарина давно сменила слегка брюзгливый тон на более

благожелательный – это было нетрудно, так как она уже полностью овладела собой, и держалась раскованно, демонстрируя снисходительное добродушие, и находя происшедшее, скорее, забавным.

Затем, когда она уже собиралась встать, чтобы удалиться, и попрощалась, гадалка всё же не удержалась, чтобы не попытаться выяснить беспокоившие её моменты случившегося:

– Не сочтите за дерзость, ваша милость... Извините, я... позвольте вас спросить! – Катарина милостиво кивнула, снова чуть вскинув бровь, – Спасибо! Я хотела спросить вас – я перед тем, как... э-э... в обморок упасть... Никаких глупостей вам не наболтала?

– Да нет... – вроде как бы помявшись, чтобы припомнить подробней, Катарина смело поглядела в глаза, снова ставшие мутноватыми и тусклыми, – Вы закончили с картами, убрали их...

Я обдумывал то, что вы изволили предсказать... Потом вы попросили мою правую руку, я снял перчатку. Вы взяли эту руку, посмотрели на ладонь, и мне в глаза... Я ещё подумал – ну и глаза у вас – чёрные, огромные... Они словно открылись ещё больше – и вдруг вы грохнулись прямо на пол. Я даже не успел вас удержать... Пришлось распушить вам слишком тугой корсаж... Уж не обессудьте – должен же был я привести вас в себя! Но всё равно – пришлось воспользоваться водой. И вот – вы очнулись.

– Вы уж простите, ради Создателя, сударь! Такое со мной точно в первый раз. Ручаюсь, завтра такого не случиться! Не сердитесь на меня – я что-то плохо себя чувствую в последнее время – годы уж не те...

– Ничего. Надеюсь услышать не менее интересное, чем сегодня, продолжение. Всегда, знаете, любопытно узнать что-нибудь новенькое о себе, любимом! – заржав, как глупая лошадь, (хочется верить, что это получилось натурально), Катарина вынула из кармана серебряную монету, и аккуратно положила её на стол, – Но, надеюсь, вы понимаете – историю обо мне должен знать только я. Я – и никто другой. – теперь в её холодных пронзительных глазах не было и искры наигранного веселья.

– Разумеется, мессер! Конфиденциальность гарантирована! Будь это не так – меня бы уж давно на этом свете... Тайны своих клиентов я храню так же надёжно, как могила – то есть: тьфу-тьфу! – женщина сплонула через плечо, и истоиво перекрестилась, – Я хочу сказать – надёжно. А клиентов у меня было... Да, много... И кого только мне... Словом – не волнуйтесь, ваша милость, я не болтлива – себе выйдет дороже.

– Прекрасно, – несколько покровительственно позволила себе высказаться Катарина, – Надеюсь, что рассказанное вами завтра будет не менее оригинально и занимательно, чем то, что я услышал сегодня. И пройдёт... без неожиданностей. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, благородный мессер! Благослови Господь ваше доброе сердце – да, теперь мы сможем купить немного еды... Вы уж простите слабую женщину за эту... – она запнулась, Катарина увидела в краях глаз заблестели подступившие слезы.

Затем словно прорвало невидимые внутренние шлюзы гордости и достоинства:

– Ах, ваша милость, если б вы знали, как трудно одинокой гадалке, которая больше ничего не умеет в этом жестоком мире, в наши нелёгкие времена хоть как-то прокормиться!..

И нигде-то нам нет приюта! – неподдельное отчаяние и безысходность вдруг прорвались в задрожавшем красивом голосе. Казалось, его обладательница доведена тяготами своего образа жизни и каким-то внешним давлением до последней черты! Ну... во всяком случае, она к ней очень близка. Не иначе, как предсказала что-то не то кому-то очень злобному и могущественному... И заступиться за неё некому. Да и возраст...

Наигранное иронично-снисходительное отношение Катарина к женщине как-то сразу исчезло. Осыпалось, словно грязная и пошлая шелуха.

Кристалльно чётко стало понятно, словно она видела это внутренним зрением, что перед ней ещё одна жертва чьих-то интриг, злобы и зависти. Покинутая друзьями и родными – а были ли они? – затравленная и гонимая женщина, которой незнакомо ни одно ремесло, или ещё какой-нибудь не

слишком опасный или криминальный способ добывания денег, которая, тем не менее, не стала шлюхой, или побирушкой. Сохранила гордость. Не сдалась...

Н-да, трудно, наверное, женщине одной прокормиться в этот дикий век...

Впрочем, как и в любой другой. Уж про тяготы и проблемы одиночества Катарине было известно не понаслышке. Пауза затянулась дольше, чем она бы хотела.

И гадалка, почувствовав в ней эту перемену – нет, она точно экстрасенс! – вновь подняла свои теперь печальные и блестящие от медленно сочащихся слёз глаза.

Но теперь они блестели уже только от них – слёз бессилия! И осознания этого бессилия...

Слёзы не сдавшейся, но всё же проигравшей женщины. Ситуация тяготила Катарину тем, что чем-то слишком напоминала ей... Ладно.

Смотреть дольше на несчастную было выше её сил. Катарина тихо произнесла:

– Я... Понимаю. Да, я понимаю. Женщине... вы правы – очень тяжело одной.

Она не могла больше выносить этот пронзительный молчаливый крик о помощи. Тяжело шагнула к столу, и севшим голосом добавила:

– Надеюсь, вы не истолкуете превратно моё... искреннее желание помочь вам.

Это: во-первых – вот эти золотые... – она положила свер-

кавшие монеты прямо в центр стола, – И во-вторых – просто совет: или выверните вашу палатку наизнанку, или нарисуйте что-нибудь подобное, – она, слегка усмехнулась и указала рукой на рисунки и иероглифы, – снаружи. Ваша «реклама» никуда не годится...

Помолчав, она всё же высказала беспокоившую её проблему:

– И вот ещё что: я знаю, это ужасно трудно для женщины, но... Бросьте пить!

Уж *мне-то* можете поверить – *никогда* ещё вино никого не спасло, и никому не помогло! Если у вас осталось ещё что-то, или кто-то, кто дорог вам, сделайте это ради него!..

А сейчас – прощайте!

Она быстро кивнула женщине, и, стремительно развернувшись, вышла.

Гадалка осталась стоять, изумлённо глядя ей вслед, и заломив руки на груди.

На три сиротливо лежащие на столе монеты она так и не взглянула.

Уж если что-то и осталось в памяти Катарини от этого визита – так это чувство неловкости из-за чужого горя, и взгляд этих чёрных, столь разных и изменчивых, глаз...

Занавес за её спиной качнулся, отгораживая её от странной и тягостной сцены, произошедшей между ней и гадалкой. Правильно ли она поступила? Помогут ли в такой ситуации деньги? Сможет ли эта женщина действительно бро-

силь?..

И что теперь делать ей самой?

Взглянув вбок, Катарина невольно улыбнулась: Мария, вытянув ноги в тяжёлых для неё сапогах, и откинув голову на спинку кресла, мирно спала, приоткрыв рот. Снаружи было тихо. Видимо, пёстрая толпа на улицах давно разошлась – или по кабакам, или по домам...

Осторожно и нежно потряся няню за плечо, Катарина разбудила своего «спутника». Подождала, пока та потянется и зевнёт. Знаком пригласила на выход.

Мальчишка всё так же сидел на страже у входа. Увидев их, он вскочил, почтительно кланяясь, и выражая надежду, что благородные мессеры остались довольны. Пришлось подтвердить это, сунув ему пару денег, после чего он прямо-таки рассыпался в благодарностях. Даже неудобно.

Кивнув на прощание мальчишке, и подхватив ещё сонную няню под руку, она неторопливым шагом повела её по улице. Оглянувшись, заметила, как мальчик зашёл в палатку.

Сразу после этого она что было сил потянула растерявшуюся Марию в первый попавшийся переулок, и какое-то время они чуть ли не бежали по лабиринту пустых улочек и перекрёстков, всё время сворачивая и оглядываясь. Убедившись, что теперь их можно найти разве только с собакой, Катарина вздохнула свободней, и повела свою опешившую спутницу домой, на ходу сочиняя, почему это ей взбрело в голову носиться по улицам, как угорелой.

Пришлось, конечно, всё же сказать, что ей не хочется, чтобы гадалка узнала, где они остановились. А причина... Ну, мало ли!.. Вот не хочет она этого пока раскрыть, и всё!..

Она не могла не заметить, что любопытство Марии разрастается, как на дрожжах. Однако ей пришлось потерпеть до дома.

Только в их комнате, заперев дверь, и задвинув её столом, она смогла перевести дыхание и окончательно успокоиться.

27

– Что случилось? Вы... Опять кого-то убили, и вам пришлось убежать? – от наблюдательного и как всегда спокойного Пьера не укрылось ни их частое дыхание, ни возбуждённый вид, ни придвигание стола. И вопрос он как всегда поставил актуальный и конкретный. Но вот его юмор в сложившейся ситуации показался Катарине несколько неуместным. Впрочем...

Может, он и не шутил.

– О, да! Убежать пришлось... – кивнула Катарина, и, подумав, добавила, – Но не от человека. Скорее, от прошлого. От своего прошлого...

– Что вы хотите этим сказать, сударыня? – от удивления он даже сел на постели, на всякий случай посмотрев на меч, висевший в портупее рядом на стене.

– Нет-нет, всё нормально, – жестом она разрешила ему

снова лечь, сняла шляпу и парик, тряхнув пушистыми после очередного мытья волосами, – Нам никто не угрожает. Это просто такое образное выражение... Как бы объяснить попроще...

Словом, сегодня меня сдуру угораздило зайти к гадалке. И она, похоже, неплохо запудрила мне мозги... Впрочем, и я в долгу не осталась.

– К гадалке? – переводя взгляд с неё на Марию и обратно, он явно ждал объяснения.

Ей придётся рассказать им – а то Мария в ответ на его взоры только пожимает плечами, выразительно раскрывая глаза. Ведь они, всё-таки, одна команда. Возможно, кое-что из предсказанного может сбыться, и предупреждение не помешает и им...

– Да, к гадалке. – повторила она, – Мы с Марией гуляли... Затем посмотрели выступление наших попутчиков – ну, помнишь, бродячих артистов, которых мы нагнали у ворот?

А на обратном пути случайно набрали на палатку предсказательницы будущего...

И чёрт меня дёрнул зайти туда!

Она достала гребень, уселась на табурет у стола, и принялась расчёсывать и без того пышные пряди. Сейчас это действие просто помогало ей снять напряжение и успокоиться. Быстро поняв её состояние, Мария перехватила гребень, зайдя сзади. Катарина благодарно взглянула на неё, вздохнув

и печально улыбнувшись.

– Нечего теперь бросать на меня масляные взгляды, – ворчливо заметила няня, – А лучше расскажите-ка вы нам, во что это вы опять умудрились вляпаться?

– Ну вот – захотелось мне узнать будущее... – она довольно глупо хихикнула.

– Хихикает она! А ведь только что мы убегали и петляли так, словно за нами черти гонятся! – Мария осуждающе покачала головой.

– Похоже, сударыня, будущего вам насыпали полную корзину. – отметил Пьер, выжидающе глядя на неё, – Свидетелей... Или врагов... ликвидировать не надо?

– Да Господь с тобой, что ты такое говоришь! Можно подумать, я такая кровожадная и злопамятная – только и ищущая, как бы кого убить! Нет, я скромная и милая, безобидная женщина... – закончить ей не дал дружный смех её спутников. Мария от смеха даже присела, – Нет, вы только посмотрите на них... Хватит ржать, а то не буду дальше рассказывать!

Смех поутих, Мария поспешила заверить, что они – само внимание. Но рот до ушей Пьера и озорная улыбка няни говорили о том, что они оценили её... скромность.

– Ладно, расскажу. Будущего мне действительно теперь хватает с избытком... Было интересно. Не то, чтобы эта гадалка предсказала что-нибудь такое страшное, ну, или там опасное – нет.

Почти нет. Но сама она здорово испугала меня – чего сто-

ят одни эти горящие глаза – в поллица! И голос – детский голос. Это у пятидесятилетней-то старухи!..

Нет, она явно не от мира сего – способности и волшебные силы в ней точно есть! Но предсказывала всё вполне конкретно – и про вас сказала, и про дорогу. Вот, послушайте.

Минут десять она подробно рассказывала, как бы вновь окунувшись в атмосферу странной палатки и зелёного полумрака: как вошла, что увидала, и что ей рассказали. Пропускала только моменты, которые могли бы указать на её подлинную сущность, и в конце представила всё так, словно гадалка действительно грохнулась в обморок от перенапряжения и слабости – от голода, или вина, теперь уже не узнать. О той искре, что проскочила между ними, она промолчала.

Пока Мария переваривала и комментировала услышанное, как всегда перескакивая с пятого на десятое, Пьер напряжённо думал и хмурился. Это не могло не обеспокоить Катарину, и в конце-концов она не выдержала, потребовав объяснений.

– Да вот, думаю – уж не Красавицу ли Марту вы встретили на свою голову. – ответил он на её вопрос. Вид его не позволял усомниться в том, что ничего хорошего от такой встречи ждать не приходится.

– Я не знаю, как её зовут, – отозвалась Катарина, – но лет двадцать назад она наверняка была очень красива. Очень!

– Она высока и стройна?

– О, да!

– Пышноволосяя шатенка?

– Ну... наверное, да. Только сейчас, скорее, седая.

– У неё огромные миндалевидные карие, или почти чёрные, глаза?

– Да! Когда она выпила своего зелья, они такими и стали.

– И мелодичный, очень нежный голос?

– Наверное, в молодости он таким и был. А сейчас он несколько хрипловат... Впрочем, довольно приятен, и... глубок. – она подумала, что и правда, голос гадалки напоминал больше всего голос профессиональной оперной примадонны, – Да, запоминающийся голос.

– Что ж. Воистину мир тесен. Похоже, вам, сударыня, повезло. Или не повезло – это уж как посмотреть... Думаю, это и правда, Красавица Марта. Как это она не боится... Хм.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Только то, что она действительно очень знаменитая гадалка. Была.

– Вот жалость-то! А я даже одним глазком на неё не взглянула! А что, она действительно такая красивая? И предсказывала точно? – влезла Мария, но Пьер не торопился отвечать, так как в это время выдерживал пристальный взгляд Катарины. Он, как тактичный джентльмен, сдался первым, подняв глаза к потолку, и почесав сильно заросший подбородок.

– Ну хорошо. – тоном прокурора сказала Катарина, – Любопытство наше ты разжёл просто замечательно. Теперь рас-

сказывай. Наше внимание гарантировано.

Пьер посмотрел теперь в пол, словно надеясь найти там подсказку, как теперь выкручиваться. Ничего там не обнаружив, вздохнул. Произнёс, адресуясь тоже к полу:

– Она знаменита, да уж... – после паузы он всё же продолжил, глядя уже на них:

– Она была очень известной гадалкой и предсказательницей уже лет в тридцать. А особенно знаменитой она стала после скандала с его высочеством Карлом Валуа. Говорят, трибунал святой церкви даже приговорил её потом к сожжению на костре за колдовство. Заочно.

Уж его высокопреосвященство постарался: приговор, материалы дела – всё было подготовлено в лучшем виде. Однако она смогла скрыться. Наверное, её дар помог ей избежать ареста или поимки.

И вот с тех пор о ней не было ни слуху, ни духу, пока вашей милости не стало угодно снова набрести на неё. Хм. Поговаривали, она предсказала какую-то гадость Людовику Святому – насчёт его детей. Дескать, век их правления будет недолгим...

Она была смела и довольно беспечна вначале – наверное, надеялась на высокое покровительство: всё-таки сам брат нашего теперешнего короля – его высочество Карл Валуа, я почти уверен, был её любовником. И, говорят, она даже родила ему... Правда, в этом я не так уверен... Но их связь длилась долго: несколько лет – поэтому к концу она расхрабрилась.

Однако его высочество, когда дело дошло до скандала, открестился от неё. Хотя, опять-таки по слухам, сам же и помог ей с ребёнком скрыться в Германии. Это всё было лет двадцать... нет, чуть меньше, назад. И с тех пор, как я уже сказал, её никто не видел, и не слышал ничего о её судьбе...

– А я-то почему ничего этого не знаю?! – возмущённо перебила Мария.

– Это просто. Суть скандала знали лишь несколько человек, до остальных дошли только искажённые слухи. Помнишь, лет восемнадцать назад я ездил по делам в Тур?

Там я встретил земляка, который тогда находился в услужении у конюшего его высочества мессера Валуа. Он был кое-чем мне обязан. Мы хорошо... отметили нашу встречу, и он, чтобы показать, какая он теперь важная шишка, похвастался – рассказал мне обо всей этой истории.

Интересных и пикантных подробностей оказалось много. Но они к *нашему* делу не относятся. А тебя, – видя, что Мария опять собирается влезть, он остановил её жестом, – я предупреждаю: ещё раз перебеёшь, и с моей памятью что-то вдруг случится, или пошлём тебя вниз, за вином или ужином!

– Ну, извини, извини мой дорогой! Пожалуйста, рассказывай – я буду молчать!

Пьер с Катариной, иронически улыбаясь, переглянулись. Они уже вполне обходились без слов, когда Мария в очередной раз обещала помолчать...

– Ладно, тебе повезло. Молчать не придётся. – смилостивился Пьер, – Рассказывать-то, собственно, больше нечего. Только слухи и сплетни от разных людей – поговаривали, что она будто бы видит людей насквозь, читает, словно книги... И не было случая, чтобы то, что она предсказала, не сбылось так или иначе... И вот ещё что: я помню, как наш земляк описывал её: что она чертовски хороша, очень умна. Но – со странностями. Настоящая ведьма, одним словом. Хотя... если бы не дурацкое предсказание, могла бы и дальше тянуть денежки с мессера Карла, оставаясь ещё долго его содержанкой, и забросив подальше опасное ремесло гадалки.

Он, хоть и брат короля и вельможа до мозга костей, в свои двадцать пять совсем потерял из-за неё голову... А так – получается, что она потеряла всё: и деньги, и связи, и кров. Словом, как в поговорке: язык мой – враг мой.

Впрочем, по слухам, Германия – её родина. Значит, ей и там было бы неплохо.

– Как это, Германия – родина? Ведь она так чисто говорит по-французски? – видя, что он не собирается продолжать, спросила Мария.

– А ты-то откуда это знаешь? – возмутилась Катарина, – А-а, так ты подслушивала?

– Н-н-у... был грех, – ничуть не смутившись, ответила её няня, – Должна же я знать, каких глупостей она вам понапредсказывает?!

– И ты всё слышала? А я-то распинаюсь, рассказываю ей!..

– Нет, ну не всё, конечно... То есть, в начале-то её голос было слышно хорошо. Потом всё тише, тише, слов уж не разобрать... А потом я слышала словно какой-то гул, монотонное бормотание... И оказалось, что на этом кресле так хорошо спится... Особенно, после целого дня на ногах!

– Так. С вами, благородный рыцарь, всё понятно. – Катарина снова повернулась к Пьеру, – Похоже, с тех пор она не очень-то разжилась, раз ей приходится опять работать гадалкой. Палатка у неё совсем ветхая, вещи, которые я видела, годятся только для помойки, и сама она, к сожалению, выглядит старой, бедной и больной. К тому же она... пьёт.

– Ничуть этому не удивляюсь. Пила она и в молодости, причём явно больше, чем надо. Может, поэтому и сболтнула лишнего... Да и предсказания её всегда были мрачноваты и неприятны – кому ж приятно про себя правду слушать. Поэтому, если она продолжает предсказывать в том же духе, что и двадцать лет назад, у неё не может быть много клиентов... Или поклонников.

– Это почему ещё? – Мария явно была удивлена бедностью такой сильной колдуньи.

– Как – почему? Кому же приятно слушать о гадостях и неприятностях, которые с ним случатся, да ещё знать, что сделать с этим ничего нельзя! Да ещё платить за это деньги? Нет, люди любят слушать о приятном и радостном... А она, кажется, считала, что главное – не поливать мёдом, а предупредить.

– Да, это правда... Лишний раз убеждаюсь, что это она. – Катарина помолчала. Затем всё же решила уточнить, – А все её предсказания сбываются, или, всё же, случалось, чтобы она хоть в чём-то... ошиблась?

– Не знаю. Нет, правда – не знаю. По слухам, – он подчеркнул это слово, – сбываются.

– А... Предсказание о детях короля?

– Да вроде (тьфу-тьфу!) ещё нет! Правда, срок-то никому не известен точно...

– Да что же это было за страшное предсказание-то такое?

– Ну... не знаю. Вроде, ерунда. Но вы всё равно никому этого не передавайте – мало ли... Нам лишние неприятности не нужны. – он знаком пригласил их приблизиться, и полупрошепотом объяснил, – Так вот. Она сказала тогда, вроде, что-то насчёт того, что сын Людовика Святого, наш теперешний король – Филипп Красивый, произведёт на свет трёх сыновей и дочку. (ну, это-то сбылось...) И у всех будут большие проблемы и неприятности в личной жизни и браке... И – ранняя смерть. И ещё из-за дочки – произойдёт война: на долгие годы, и с могущественным соседом. Которая страшно разорит всю нашу страну...

А самое, наверное, неприятное – что очень скоро его династия прервётся... Сменится.

– Неужели она брякнула *такое* самому королю?! – Мария была в ужасе.

– Ну, нет! *Настолько* она не глупа. И не смела... Она, по

слухам, будучи сильно пьяна, под большим секретом поведала об этом своему любовнику – наверное, хотела похвастаться – вот, мол, от меня ничто не скрыто... Ну а он... Про него все знают... Он ничего не может сохранить в тайне.

Да и всякие политические интриги плести обожает.

Через кого-то из окружения короля эти сплетни и дошли по адресу. Надо думать, его высочество-то и сам не прочь бы... Посадить своих собственных детишек на трон, (он же *ближайший претендент!*) так что вряд ли слухи дошли случайно...

Только, как сказал мне наш земляк, самые главные сплетники... уже мертвы.

Ну, вам-то объяснять не надо: несчастные случаи, болезни. Дуэли. И прочее такое. Так что охотников говорить обо всей этой истории заметно поубавилось!

– Ох, в таком случае как же ей повезло, что она осталась жива! У Людовика Святого руки-то легко достали бы и до Германии! Удивительно, как её там не нашли... Но почему же она теперь решила вернуться?

– Ну, может она была и не в Германии... Кроме того, наверное, она надеется, что время изменило её внешность, да и узнать её теперь некому. Времени-то прошло... Хм...

А, может, просто хочет заработать здесь денег.

– Да, может быть. Но пока она явно не процветает.

– А может, она что-то натворила и там, где была?

– Вот это, пожалуй, вернее всего.

– Ладно, Бог с ней. – подвела итог окончательно успокоившаяся Катарина, – Давайте лучше ужинать! Со всей этой беготнёй мы и забыли про еду.

Стол, конечно, пришлось вернуть на место. Полусонная служанка принесла только сыр, хлеб и вино – на кухне в этот поздний час не осталось ничего горячего или мясного. Ну, у них нашлось и своего – из купленных накануне деликатесов. Поели вполне прилично.

Во время еды Катарине пришла в голову странная мысль. Конечно, она плохо помнила историю средних веков, но ведь правда, где-то в это время случилось какое-то несчастье в королевской семье, приведшее к знаменитой столетней войне. Суть несчастья, или повода войны она не помнила, а помнила только Жанну д'Арк, удобную для официальной социалистической науки о классовой борьбе «народную героиню, спасшую свою страну от разгула грабителей – иноземных захватчиков, и затем подло преданную королём...» и так далее.

Но правда и то, что где-то здесь и произошла смена правящей династии – кажется, на Бурбонов, породивших серию Людовиков. Или она что-то путает?..

Но в её положении справочник с полки не возьмёшь.

Раньше надо было всю эту «никому уже не нужную скучищу» учить... Однако, если она хоть что-то помнит правильно, есть смысл серьёзней отнестись к предсказаниям этой скандальной гадалки.

Например, действительно, как и советовала мать, пожить

пока в другой стране...

Да, вот ещё интересный момент: если Капетинги падут, потеряет ли поддержку и силу её основной враг – архиепископ Нарбоннский? Это было бы кстати...

Но будет ли всё это? И если будет – то когда? Может, лет так через двадцать?..

Нет уж. Лучше рассчитывать, как обычно, на свои силы.

Она причмокнула, обмакнув кусок колбасы в острый соус. С едой было просто. Никакого этикета: ешь, как удобно – хоть руками, хоть ложкой. Рай для гурманов.

Что ж. Пожалуй, придётся всё же посетить милую женщину с седыми волосами ещё раз. Возможно, и Пьеру есть смысл «погадать» – хотя бы лишь для того, чтобы посмотреть на эту знаменитость. А может, и какие-нибудь события у них совпадут – мало ли, путешествовать-то предстоит ещё долго... Вроде.

Да и противоядие, которое гадалка ей обещала, тоже не помешает. Согласно поговорке, запас карман не тяготит, а бережёного Бог бережёт.

Здесь её вновь посетила оригинальная мысль о средневековье: наверное, близость к природе и её чистота даёт возможность развиваться фантастическим талантам и экстраординарным способностям людей.

Женщины, с их тонкой чувствительностью ко всему связанному с чувствами и эмоциями, могут здесь *такое*, что их «цивилизованные» и «правильно» воспитанные «современ-

ной наукой» потомки и во сне представить не могут...

Те, кого во времена инквизиции, да, собственно, и в наше время, справедливо назвали бы ведьмами, здесь пока действуют в полную силу. Однако стараниями ли этой самой инквизиции, или испортившейся экологией, или модой на «цивилизацию», или ещё какими-то неизвестными причинами, женщину как носительницу сверхчувственного восприятия и невероятных способностей, здорово ограничили, и затолкали в узкие рамки условностей, в рамки «добропорядочного» поведения...

Число ведьм, сохранившихся к двадцать первому веку явно меньше, чем могло бы быть, если б им дали развиваться так, как, скажем, алхимикам. И кто знает, может, наряду с химическими факультетами сейчас во всех университетах всю работу бы факультеты ведовства и магии... И разве *это* было бы плохо?..

Но как объяснить местным монахам, по какому принципу проводить отбор жертв на костёр? Ведь она готова поручиться, что одна стерва (да простят её за правду на базе личного опыта!) отравляет жизнь большему количеству людей, чем полдюжины ведьм...

В результате в её время имеется то, что имеется. Ну это так, к слову. Ведь не сжигать же, в самом деле, стерж? Так ведь можно и совсем без женщин... Хм.

Закончив трапезу, она с наслаждением потянулась всем телом. Теперь неплохо бы лечь, и получше выспаться. Завтра

их ждёт интересный день.

Вот уж воистину человек привыкает ко всему: на клопов она теперь внимания почти не обращала – спокойно думала о своём.

28

Глаза гадалки оставались всё такими же тускло-безжизненными, как в самом начале, хотя самообладание к ней полностью вернулось. Голос не изменился, интерьер тоже. Наплыва клиентов вновь не наблюдалось, и Катарина смело заняла знакомое кресло.

Однако то, что прорицательница предложила ей теперь, показалось Катарине хоть и странным, но отнюдь не пугающим. Помощь и защита никогда не помешают слабой женщине в этом жестоком мире – ну, то есть, *настоящие* помощь и защита. Так что она подумала, и приняла решение, зная, что Пьер и Мария надёжно прикрывают её тылы.

Она спокойно подождала несколько минут, пока гадалка смешивала жидкости из пузырьков и колбочек, и добавляла в смесь шипящие при растворении порошки. Сама прорицательница, по губам которой скользнула странная улыбка, первой выпила половину кубка, над которым предварительно пошептала. Катарина, выждав с полминуты, и внимательно глянув ей в глаза, допила то, что осталось.

Вкус волшебного напитка оказался пряным, терпким.

Скорее, противным, чем приятным. Вид – мутным, цвет – зелёно-серым. Бр-р-р...

После того, как кубок опустел, гадалка натёрла ей и себе виски, мочки ушей, тыльную сторону ладоней, и центр лба у переносицы каким-то ароматным составом такого же зеленовато-бурого цвета. Пах он точь-в-точь как бальзам – «вьетнамская звёздочка...»

У Катарини закружилась голова. Она сказала об этом гадалке. И та, мягко улыбнувшись ей, и нежно поддерживая, уложила Катарину на жёсткое низкое ложе, очевидно, служившее постелью в этой походной палатке. Кроме тонкого одеяла на нём ничего не было, и корявые доски впивались в копчик и лопатки. Она поёрзала, устраиваясь.

– Всё будет хорошо. Только ничего не бойтесь, и, главное – помалкивайте, что бы вы ни увидели. Там, куда мы попадём, мы должны вести себя тихо – чтобы духи Земли, Воды и Воздуха не помешали нашему путешествию. Так что молчите, сударыня, и... Ничего не бойтесь! – напутствовав Катарину таким образом, она сама легла на спину рядом с ней, и взяла её за руку своей мягкой рукой, – Смотрите в небо и дышите глубоко. Расслабьтесь – силы здесь не нужно. – гадалка сама поерзала, устраиваясь. Удовлетворенно вздохнула:

– Вот, так хорошо. Ну, отправляемся. – от равнодушного голоса не осталось и следа, теперь он был полон радостного предвкушения чего-то волшебного, приятного и волнующе-

го. Катарина подняла взор к матерчатому потолку.

– Какое в палатке может быть небо? – хотела было она переспросить, но вспомнила, что нужно молчать.

Однако ответ на её невысказанный вопрос скоро пришёл сам: ткань потолка прямо на глазах становилась всё тоньше и прозрачней, как бы таяла... И вот, непонятно как, исчезла совсем! Над ней оказалось небо: чистое, глубокого лазурного цвета, всё пронизанное тёплыми лучами солнца, и с мягкими, пушистыми нежно-розовыми облаками. Воздух был приятно свеж и потрясающе пах – похоже на... корицу?

Почему-то Катарина почувствовала, что небо ей родное: оно доброе и хорошее, оно понимает и принимает её. Остатками рационалистического мышления она ещё осознавала, что это, скорее всего, просто результат воздействия наркотических веществ, содержащихся в питье и мази. Но это не мешало ей наслаждаться потрясающим чувством единения с небом, солнцем, ветром – и всей природой!..

Не удивилась она и тогда, когда тело её, наполненное воздушной лёгкостью и покоем, за руку увлекли прямо вверх – к этим бело-розовым, точно снег на вершинах гор, освещаемый восходящим солнцем, нежным, как перина из лебяжьего пуха, прогретым летним солнцем, облакам...

Это Марта (да, она – Марта!), всё ещё хитро улыбаясь, увлекала её за собой – прямо вверх, к небу, к солнцу, к звёздам, которые очень скоро стали хорошо видны на фоне почерневшего неба. И как-то само-собой получилось, что

она... Оказалась без одежды, абсолютно нагой, в своей женской сущности, и знала, что и Марта это знает. И ничуть не удивлена! Краем сознания она отметила, что и Марта абсолютно обнажена.

Когда же они успели раздеться?!

Оглянувшись, она вдруг увидела под собой землю: чудесный ковёр из мягких красочных мазков. Тут было всё: насыщенно-зелёные – леса, и нежно-зелёные – луга и виноградники. Жёлтые – поспевшие нивы с пшеницей. Голобые и синие – реки и озёра, серо-стальные – горы, и коричневые – уже вспаханные после уборки тяжёлых колосьев, дышащие тяжёлыми земными испарениями, поля.

Виден оказался и город: небольшая кучка беспорядочно набросанных детских кубиков с красными черепичными крышами и серыми кривыми лентами улочек...

Вся эта красота быстро удалялась, и вскоре почти совсем скрылась из глаз. И осталось только чёрное, мёртвое пространство вокруг, и яркие, холодно-равнодушные точки звёзд. Солнце продолжало светить так же ярко, но его лучи не согревали здесь, а как бы обтекали тело со всех сторон, удерживая его в коконе из ярких лучей – словно птицу в клетке, не давая убийственному холоду космоса проникнуть к двум смелым путешественницам, легко несущимся над огромной планетой.

Она хотела спросить у своей спутницы – как ей избавиться от этого кокона? Он сковывал, стеснял, сдавливал клеща-

ми её душу и тело, не давал раствориться в бесконечных и прекрасных просторах Вселенной, не позволял приобщиться к её сокровенным тайнам, отдаться чувству бесконечной свободы и радости безвременья, Вечности...

Однако та, что настойчиво и сильно тянула её сквозь пространство, словно почуяв её желание, обернула к ней своё теперь юное и прекрасное лицо, и, нахмурившись, сделала ей знак молчать, приложив пальчик к губам. Катарина поняла, и кивнула, промолчав.

Они очень быстро промчались над освещённым диском земли, где всё теперь было нерезко от расстояния, и видны остались только бесконечные голубовато-зелёные пространства мирового Океана и белый, кое-где сероватый покров облаков, скрывавших континенты.

И вот они влетели в тень планеты.

Оковы солнечного света, так мешавшие ей ощутить себя полностью раскрепощённой и свободной, наконец, исчезли. Она счастливо засмеялась, ощущая силу юношеских мышц, упругость и бархатистость нежной кожи, шелковистость копны чистых волос, и аромат чего-то сугубо земного: свежеспаханной земли, навоза, парного молока, мёда, хлеба только что из печи, и даже еле уловимый запах свежемолотого кофе. Свобода полёта и чувство окружающей бесконечности захлестнула её с головой. Хотелось находиться здесь вечно, и не двигаться больше никуда!

Марта, вновь обернувшись к ней, грозно нахмурила бро-

ви, и сильно потянула за руку.

Катарина, с трудом оборвав смех, вздохнула, и подчинилась своей проводнице, хотя ей так хотелось отдохнуть, и насладиться блаженным покоем и мудростью вековечной всезнающей и всепрощающей пустоты. . .

Они, обнажённые, юные и прекрасные, подлетели наконец к огромному, смутно белевшему в темноте внизу, континенту.

Могучим нерушимым монолитом он загадочно мерцал и переливался во мраке полярной ночи, играя всеми оттенками серого, чёрного и синего. Таинственно отсвечивали и поблёскивали гранёнными поверхностями, словно увеличенные в миллионы раз и рассыпанные чьей-то щедрой рукой ограненные алмазы, вековые ледяные поля и утёсы, пока они, спустившись теперь совсем низко, на захватывающей дух скорости проносились над ними.

Но вот и цель их путешествия – колоссальных размеров воронкообразный провал прямо в центре Антарктиды, на её полюсе. Дальняя кромка гигантской воронки, похожей на исполинский, увеличенный в десятки раз угольный карьер, почти терялась в фиолетовой дымке. Она понимала, что дыхание холода здесь должно быть сильнее всего, но, к счастью, не ощущала его, защищённая могучими чарами.

Смело подлетели они к бездонному отверстию, в которое плавно переходили стены, и устремились вниз – прямо к сияющему вечному пламени в центре земли.

Круглый туннель с отполированными бело-голубыми стенами казался около полулье в диаметре, и вновь расширился в воронку через несколько минут сумасшедше-стремительного полёта. Марта явно спешила покинуть это наводящее тоску место.

И вот они над внутренней поверхностью земли. Она, освещённая мягким опаловым светом, происходящим, кажется, отовсюду и в то же время ниоткуда, плавно загибаясь вверх, уходила во все стороны насколько видели глаза!..

А они видели здесь очень далеко – на десятки и сотни лье, и только там, совсем уж вдали, поверхность, и всё, что было на ней, скрывала нежная серо-голубая дымка.

Однако её проводница прекрасно ориентировалась в этой невероятной местности. Они устремились над ледяными и океанскими просторами в глубину подземной шаровидной полости. Катарина оказалась потрясена – она обнаружила, что внутри земли тоже есть льды, океаны, континенты с реками, горами и лесами: похоже, всё это как бы зеркально повторяло те природные образования, что находились на наружной поверхности.

Но кто же населяет все эти необозримые пространства?! И населяет ли?..

Вот они пролетели над Африкой – её буйные джунгли сочно-зелёного цвета и саванны с пасущимися животными не спутать ни с чем иным. А вот и пески Сахары, и лазурно-тёплое Средиземное море. Вот, наконец, и Франция.

Они вернулись...

Но где же города, сёла, виноградники и вспаханные поля?

Ничего этого не было видно – следы воздействия трудолюбивых человеческих рук на внутренней поверхности земли полностью отсутствовали. Первозданная нетронутая Природа во всём величии представляла перед ними.

Но было и ещё что-то, что отличало эту поверхность от той, оставшейся наверху и в тысячах миль позади: здесь тоже бурлила жизнь! Но – своя: странная, чужая, заставлявшая широко раскрываться глаза, и учащённо биться сердце – невероятная, нереальная жизнь!

Она обнаружила её, когда они с Мартой, плавно снижаясь, пролетали вдоль одной из рек, широко и мощно нёшей свои воды к загибающемуся кверху горизонту.

Хоть здесь и не было солнца, гладь воды играла разноцветными бликами, и из-за них Катарина вначале не могла хорошо рассмотреть их – движущиеся в воде тела. Она подумала, что это дельфины. Но в это время группа этих существ, вдруг, разогнавшись ударами мощных хвостов, взмыла из реки прямо в воздух, и, со смехом и криками, образовав весёлую кучу-малу, рухнула обратно в воду, поднимая тучи брызг, переливавшихся всеми цветами радуги.

Это оказались русалки.

Вернее, не совсем русалки – ведь среди них были и самцы: с короткой щетиной на голове и широкой мускулистой грудью. Они казались и гораздо крупнее...

Катарина хотела выразить вслух своё удивление, но успела прикрыть себе рот свободной рукой – слова не прозвучали. Оглядывалась она теперь с огромным интересом.

Вскоре она смогла разглядеть и другие странные создания: они ходили и лежали по берегам, и даже летали в воздухе – теперь, когда они быстро теряли высоту и скорость, все эти немыслимые создания стали видны гораздо лучше, во всех неземных и прекрасно-ужасных подробностях.

Марта крепче сжала её руку, и они, наконец, опустились на огромный остров, словно корабль, горделиво воздымавшийся над просторами широкой реки, деля её на два неравной ширины рукава.

Здесь Марта отпустила, наконец, её руку, и вытерла со лба обильный пот. Её всю трясло от усталости и напряжения. Она укоризненно взглянула на Катарину:

– Уф-ф, еле дотянули. Какая же ты тяжёлая... Или это я давно не практиковалась – устала с непривычки. Извини – забыла предупредить тебя об искушениях Космоса. Кто остаётся там – домой не возвращается никогда! Их души потеряны для всех... Хорошо хоть, ты почти не говорила – а то бы мы точно не добрались. Ладно, я вижу – тебе не терпится. Можешь спрашивать – мы на месте!

– Где мы? – с интересом и удивлением осматриваясь, спросила Катарина.

– Мы в Стране вечной молодости, на Острове Праздников. Это священное место.

Там, наверну, – она махнула головой, – на этом месте располагается теперь собор Парижской Богоматери. А раньше там было наше святилище. Впрочем, своё Святилище есть и здесь. И когда предстоит обряд Посвящения, все окрестные обитатели собираются в нём. Впрочем, внутри Святилища вообще могли бы поместиться все, кто жил, живёт и будет жить...

– Но ведь местные обитатели – не люди?– полувопросительно-полуутверждающе переспросила Катарина, продолжая с интересом осматриваться.

– Почему – не люди? Нет, дорогая моя, *здесь* – только люди. Ведь душа есть только у людей. А форму и вид тела каждый выбирает себе сам!

– Что это значит?! Уж не хочешь ли ты сказать...

– Да-да, я именно это и хочу сказать. Но ещё лучше – смотри на меня, я просто покажу тебе. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем... Ну, ты сама знаешь!

Марта чуть отступила назад, пригладила волосы, сосредоточилась, нахмутив брови, и что-то прошептала. И тело её буквально на глазах стало изменяться!

Стройные ноги чуть укоротились, покрылись волосками, превратившимися тут же в длинную рыже-чёрную шерсть, ступни как-то сразу сжались в копыта, икры утончились и искривились, а бёдра стали массивней, и по форме напоминали теперь лошадиные.

В довершение всего между прелестных и не изменивших-

ся ягодиц вырос длинный, с пикантной кисточкой, хвост – его Марта продемонстрировала, со смехом развернувшись к Катарине задом, хитро поглядывая через плечо, и соблазнительно извиваясь.

– Господи-помилуй, да ты же настоящая чертовка! – воскликнула потрясённая, но ни капли не напуганная Катарина.

– Нет, это не так называется! – весело отозвалась её проводница, – Я теперь вакханка – то есть почитательница Вакха. Ну, того самого, весёлого божества виноделов!

Она повернулась так, чтобы Катарина могла рассмотреть её со всех сторон. Ого!

– Конечно, для некоторых, – она выделила это слово, – развлечений такое тело очень удобно. – она хитро подмигнула, – Но ходить в нём, особенно выпив, тяжело: на этих проклятых копытах никак не устоишь! – и она за каких-то пять-шесть секунд вернулась к прежнему человеческому облику. – Идём, праздник скоро начнётся.

Снова взявшись за руки, они двинулись вперёд по мягчайшей траве изумительного бирюзового цвета – туда, где в середине острова возвышалось что-то, показавшееся Катарине вначале огромной сверкающей скалой или горделивым утёсом, но оказалось гигантским волшебным замком – с сотнями ажурных сверкающих и переливающихся ярчайшими красками полупрозрачных башенок, галерей, балконов и скульптур.

Всё сверкало и искрилось, словно сделанное из алмазов,

рубинов, сапфиров и изумрудов, огранённых искуснейшими мастерами, и производило впечатление изысканной строгости, стройности и пропорциональности. Кто бы ни был архитектор этого чуда, дизайнер он гениальный! Да, в *такой* Храм хочется возвращаться и возвращаться...

Вокруг замка, на сотнях лужаек, и в сотне бассейнов с фонтанами и потрясающими скульптурами – отдельными и групповыми – и в огромном количестве крытых галерей и беседок, оплетённых плющом и виноградом, спелые ягоды которого переливались, подобно огромным жемчужинам, – гуляли, лежали, играли в любовные игры, ничего не стесняясь, или просто мирно беседовали, тысячи и тысячи созданий самых разных форм. Вели себя они так, словно и правда, жили здесь, и будут жить целую вечность...

Они с Мартой не торопясь проходили мимо, и Катарина могла отчётливо рассмотреть, как устроены те, или иные тела и создания.

Вот, без сомнения, кентавры. Кто бы мог подумать, что они не крупнее мула, и что передние ноги вдвое толще задних. Наверное, это от удвоенной нагрузки, приходящейся на них... Вот дриады – их шелковистые волосы похожи на тонкие плети лиан, украшенных безумно красивыми и яркими, явно живыми, орхидеями и ещё какими-то цветами. Вот сатиры и вакханки – как раз такие, как показала ей Марта, но уже, похоже, совсем пьяные от сока, который они выжимали в кубки и чаши, срывая виноград, густо оплетающий их бе-

седку – и виноград тут же выросал снова, и земля поглощала остатки отжимков, и вокруг снова было чисто и зелено.

В одном из бассейнов с небольшим искусственным водопадом Катарина заметила водяного – поразившее её изображение невероятное создание: получеловек-полулягушка. Правда, он был без самки – наверное, трудно уговорить женщину превратиться в такое страшилище!.. Может, поэтому скользко-зеленый тип и выглядел как углубившийся в созерцание собственного внутреннего мира, печально-сосредоточенный буддист...

А вот и совсем незнакомые существа: одно похоже на гигантскую сороконожку, только ног поменьше, а сегментированное туловище точно как у насекомого: верхом на нём с криками и смехом, целуясь друг с другом через плечо, проехали две дриады, все увитые плетями каких-то экзотических лиан, и цветами, и предпочитавшие, судя по страстно-жгучим поцелуям, стонам и объятьям, однополюю любовь.

Другие чудища, спустившиеся с небес, отдыхали на бортике одного из фонтанов – кошмарная на первый взгляд помесь летучей мыши с птицей, с туловищем, покрытым мехом и перьями, но с человеческим лицом. Ещё два таких создания стоя, о чём-то мирно беседовали с женщиной, у которой прямо из лопаток росли крылья, а ноги были короткими и тонкими. Из её копчика рос длинный хвост, совсем как у археоптерикса, и, судя по движениям их крыльев, они обсуж-

дали лётные достоинства и возможности своих тел – женщина быстро повернулась задом, и вместо стержневого хвоста вдруг появилось несколько огромных перьев, раздвинутых веером, как у павлина. Не переставая разговаривать, троица тут же взлетела, опробуя новую конструкцию в разных фигурах пилотажа. Перепончатокрылые явно были подвижней и маневренней.

Выше в воздухе она увидела и ласточкоподобных. Те носились и пикировали, в последний миг меняя направление, и снова взмывая к небесам... Вот они точно наслаждались самим Полётом!

Пока Катарина, буквально разинув рот, наблюдала за всеми этими летунами, дорогу им перебежали, деловито семени восьмью ножками, несколько пауков и паучьих – головы и туловища у них уже только отдалённо напоминали человеческие. За ними, расплёскивая вино из полной чаши в мускулистой руке, и что-то выкрикивая, бежал сатир.

Несколько очнувшись от диковинного окружения, Катарина спросила:

– Как вы делаете это – я имею в виду изменение тела?

К этому времени они прошли половину расстояния до волшебного замка. Вблизи он казался ещё роскошней, а размеры просто ввергали в трепет – там, на *той* земле, построить такое здание было бы немыслимо! Дворец буквально застилал полнеба.

– О, это просто. Я и привела тебя сюда, чтобы научить.

Нужно просто чётко представить себе то, во что хочешь превратиться, или тот орган, или часть тела, которые ты хочешь изменить. Сосредоточиться на этом. Ну, и произнести заклинание, конечно!

– А что это за заклинание?

– Узнаешь, когда пройдёшь, как и все мы, обряд Посвящения.

– Обряд... Посвящения? – она испытала лёгкое беспокойство.

– Ну да, обряд Посвящения. Ты же новенькая, тебе нужно будет сбросить оковы людских обычаев, предрассудков, законов и привычек, освободить своё тело и Дух от вбитых с детства установок воспитания, и сомнений! Свободный Дух может всё – запомни: ВСЁ!

– В каком смысле – всё?

– В любом. Не бойся, – она весело засмеялась, видя смущение Катарины, – Скоро ты поймёшь! Я представлю тебя Магистрам и Королеве, и они сделают всё, что надо.

И ты сможешь защищаться от любых врагов там, наверну...

Звучало это всё немного пугающе – про Магистров и Королеву с их обрядом Посвящения у них речи не было, и она теперь чувствовала себя несколько неуютно.

Но раз уж назвался, как говорится, груздем – отступать поздно. Посвящение – так Посвящение!

Сама согласилась: хотелось быть более... сильной. И за-

щищённой.

Да и любопытство одолело – ну как же, средневековая «экзотика»! Захотелось поучаствовать в шабаше, который, как сказала Марта, венчает собой Церемонию.

Колоссальный дворец нависал теперь над ними своей поистине неземной громадой – портал главных дверей был, наверное, размером как раз с футбольное поле. Если бы кто-нибудь догадался поставить такое поле вертикально, и приделать створки...

Они вошли. Вместе с ними в дверной проём широким потоком входили, вползали, влетали сотни и тысячи человекоподобных, или хотя бы человеколицых существ.

Невероятных размеров зал представлял собой подобие цирка: все рассаживались по сиденьям, или непринуждённо ложились на мягких ложах, ряды которых бесконечными кольцами опоясывали не только нижнюю часть здания, но и стены – там, на огромных балконах и галереях размещались в-основном крылатые.

В центре, на широком пустом пространстве арены, ещё больше усиливающей ассоциации с цирком, стояла высокая трёхступенчатая пирамида с широкими уступами. При внимательном взгляде на неё Катарина почему-то вспомнила пирамиды древних Центральноамериканских цивилизаций – вроде инков, ацтеков, майя, и других...

Всё огромное помещение заливал яркий, но не слепящий мягкий свет, выгодно подчеркивая богатейшую лепни-

ну, изящные канделябры, драгоценные драпировки, занавеси из прекраснейших тканей и гобелены, украшавшие стены и балконы.

Стоял тихий, но ровный гул тысяч голосов. Пахло цветами (правда, непонятно, какими), духами (изысканнейшими!), и озоном.

Подобравшись поближе к арене, они с Мартой опустились на свободные места.

Прямо перед ними шёл узкий кольцевой, как и ряды сидений, стол, и на нём лежали подносы с самыми разнообразными яствами, фруктами, закусками и сладостями, большая часть из которых оказалась ей незнакома. Здесь же стояли кубки, кувшины и чаши с разными напитками – они пенились и вкусно пахли. Такие же кольцевые столы были устроены перед каждым рядом сидений.

– Можно... попробовать? – спросила Катарина, выбрав кубок поменьше, с аппетитно выглядевшим и приятно, хоть и незнакомо, пахнувшим напитком.

– Конечно! Можешь пробовать и есть всё, что только пожелаешь! Для этого и существует Остров наслаждений. Здесь каждый может делать всё, что хочет! Впрочем, это относится и ко всему Подземному миру – здесь доступно всё! И – всем!

Катарина осторожно пригубила. Затем отодвинула кубок от себя, восхищаясь искусной и тонкой работой. Напиток она смаковала, задержав его во рту.

Вкус приятный и нежный. Как описать? Привкус яблока и кофе, клубничного мороженого и парного молока... И пузырьки – как у шампанского. Непривычно, но вкусно. Она выпила до дна.

Все краски словно стали ещё ярче, сил прибавилось. Кровь резвее побежала по венам, и тело стало сильным, лёгким, и словно прозрачным – она ощущала его здоровье и красоту каждой клеточкой.

Поставив кубок на место, она не удивилась, когда он сам собой наполнился вновь.

Она хотела было попробовать и из других сосудов, но потом решила не смешивать ощущения. Ей понравилось состояние, в котором она находилась сейчас.

Однако, несмотря на разнообразие новых ярких ощущений, она оставалась сама собой, чувствовала и контролировала своё тело и сознание. И хотя она знала, что всё окружающее её – не более чем иллюзия, это не мешало ей наслаждаться новыми впечатлениями. Она собиралась смело вкушать всего, что эта иллюзия может ей подарить.

Вдруг грянули фанфары. Мгновенно гул голосов умолк. На нижней ступеньке пирамиды словно из ниоткуда возникли существа – большинство таких видов и форм, которые ей здесь уже встречались. Собравшиеся приветствовали их криками и аплодисментами.

– Кто это? – шёпотом, нагнувшись к подкреплявшейся каким-то блюдом рядом с ней Марте, спросила Катарина.

– Это Посвящённые, – так же шёпотом отозвалась та, – То есть те, кто учится на Магистра, и уже доказал свои способности каким-нибудь полезным для Страны делом.

– Ну а кто тогда Магистры?

– Магистры – это то же, что на земле – Правительство.

Только там оно заботится обычно о набивании своего кармана за счёт работы других, а здесь – тяжело трудится, добиваясь всеобщего достатка и процветания. Поэтому им нужно быть очень сильными магами, и заняты они почти всегда. Ну, я же говорила тебе: это страна веселья и счастья, а Магистры всё делают для того, чтобы у нас всё это, – она широко повела рукой – было!

Поэтому здесь есть любые вещи и ощущения, которые человек только способен изобрести и вообразить. Любые! И они всё время работают над новыми!

На второй ступени возникли Магистры – около ста довольно пожилых мужчин и женщин, – что было удивительно, и резко контрастировало с вечно юными лицами и разноформенными телами остальных местных обитателей. Ещё на них – опять-таки удивительно – была и одежда: длинные, до пола, снежно-белые хитоны, совсем как у древних греков.

Их приветствовали ещё более громкими аплодисментами, криками и фанфарами. Однако Магистры вели себя скромно – лишь поклонились.

Но вот всё замерло, утихло и застыло, и в наступившей, даже какой-то жутковатой абсолютной тишине, особенно

странной после звуков беззаботного веселья и непринуждённости, в самом центре верха пирамиды возник роскошный трон из золота, отделанный огромными и ярко сверкающими разноцветными драгоценными камнями. На троне восседала Королева – статная высокая женщина средних лет, с властным и красивым лицом.

Одета она была в длинное, богато расшитое алое платье, подчёркивающее её великолепное сложение: высокая грудь, очень тонкая талия, какие бывают только в американских мультфильмах, стройные бёдра, изумительной формы руки. Лебяжья шея поддерживала гордо сидящую голову с пышной копной длинных, чёрных, как вороново крыло, переливающихся волос, водопадами обтекающих свою хозяйку, и увенчанная небольшой алмазной диадемой.

Сзади до пола спадала горностаевая мантия. По всему залу пронёсся вздох восхищения. Катарина тоже замерла, очарованная и потрясённая.

Когда Королева поднялась, по залу пронёсся настоящий шквал восторженных криков и аплодисментов. Все дружно вскочили. Подняв правую руку, Королева призвала всех к молчанию. Властным и звучным голосом она произнесла:

– Приветствую вас, мои возлюбленные подданные!

Ответом был не менее громкий, чем вначале, взрыв приветственных криков.

– Я рада сообщить вам, – продолжила Королева, когда вновь, как по мановению волшебной палочки всё стихло, –

что в нашем королевстве всё благополучно. – голос её свободно достигал самых дальних уголков гигантского зала, да и, Катарина могла бы поспорить, всех концов этой удивительной страны. Казалось, он, словно круги на воде от брошенного камня, волнами проникает в самые отдалённые места и потаённые уголки.

– Сегодня наш праздник украшает своим присутствием одна новоприбывшая.

Она нуждается в нашей защите и наших тайных знаниях. Магистры рассмотрели её дело, и пришли к выводу, что она достойна этого дара! – все загудели и захлопали.

Королева вновь подняла руку, призывая к спокойствию:

– Поэтому сейчас состоится обряд Посвящения, после чего наш Праздник продолжится, как и всегда! – она вскинула к небу обе руки, и высоко у потолка сверкнули огромные разноцветные молнии, рассыпавшиеся разноцветным огненным фейерверком, зазвучал могучий рокот грома и острее запахло озоном и дождём, хотя воздух оставался сух и свеж.

Вновь раздались приветственные крики, мгновенно смолкшие, когда Королева повернулась в ту сторону, где сидели Марта и Катарина, и сделала приглашающий жест. У Катарини спёрло дыхание, она застыла, скованная внезапной слабостью.

– Пошли, пошли! – шепнула Марта, и, схватив Катарину за руку, поспешила по проходу между рядами вниз, – Не бойся ничего! Магистры согласны – всё в порядке!

В молчании они пересекли под внимательными взглядами огромное открытое пространство арены, и поднялись по одной из пологих лестниц, соединяющих оказавшиеся гигантскими вблизи, уступы пирамиды.

Она чувствовала на себе взгляды – оценивающие, одобрительные, настороженные – и ощущала страшную свою открытость и незащищённость из-за отсутствия одежды... Ноги всё ещё ёдрожали, но Марта, понимая её состояние, вела её! Скорее, правда, всё же – тащила...

Вот и Королева... Что она сделает с ней?..

По мере приближения к загадочной женщине сердце Катарини поневоле стучало всё сильнее, и дрожь предвкушения чего-то необычного охватила всё её существо. Теперь ей уже не казалось, что всё это – только сон...

Подойдя к властительнице, они остановились в трёх шагах, и склонились в почтительном поклоне. Здесь Марта наконец отпустила её руку.

– Встаньте. – мягко сказала Королева, – Спасибо, Марта, я довольна. Если наши знания помогут ещё одной достойной женщине, это будет прекрасно.

Марта ещё раз поклонилась, и молча, не поворачиваясь спиной, удалилась.

Теперь Катарина смогла рассмотреть Королеву вблизи.

Странно, но лицо её показалось очень знакомым. Правильные, благородные черты. Прямой нос. Чётко очерченные чувственные губы. Высокий лоб мыслительницы. Власт-

ное, но и в то же время доброе и всепонимающее выражение огромных чёрных бездонных глаз. Казалось, взгляд их легко пронзает всю её душу насквозь, и видит всё, даже самые потаённые уголки её сознания, её метущееся «Я».

В этом взгляде светилось и понимание и сочувствие.

Королева вдруг сама сделала два шага к ней навстречу – наверное, знала, что Катарина не в силах сделать и шага – и положила руки ей на предплечья. Она была чуть выше Катарины, поэтому смотрела на неё сверху.

Полминуты молчания показались Катарине вечностью под взором этих добрых и умудрённых тысячелетней мудростью Вселенной, глаз.

Наконец Королева нарушила молчание:

– В прошлой жизни тебе пришлось нелегко. Но я вижу, что ты волевая женщина.

Возможно, поэтому мой Брат и дал тебе второй шанс.

Единственное, чего он не может – это дать тебе новое сердце.

Дух твой силён... Но он же и не даёт тебе полностью раскрыться!

Пока ты не способна искренне любить и отдаваться радостям жизни. Ты одинока и несчастна. – пауза как бы подчеркнула значение сказанного. Катарина судорожно вздохнула – она совсем забыла, что нужно дышать.

– Сейчас ты попала как раз туда, куда нужно. Я постараюсь помочь тебе. – взгляд огромных глаз светился сочувствием

и добротой, – Я разбуду дремлющие в глубине твоей Души силы. Освобожу твоё Сердце от оков, которые наложил на него твой Разум.

Но – развивать эти силы, и научиться пользоваться ими ты должна сама. Ибо человек – сам хозяин своей Судьбы. Возможности же для достижения Гармонии у тебя будут! И как ты распорядишься ими – зависит только от тебя!

Только запомни главное: ты – женщина! Не воин, не мститель, не машина разрушения – но: **ЖЕНЩИНА!** А главное предназначение Женщины – *давать Жизнь!*

Катарина внимательно слушала – слова проникали в мозг, словно впечатывались туда, горькая истинность их заставляла её то краснеть, то бледнеть.

– Нет, не казни себя! То, что я сказала, не значит, конечно, что женщина не может быть сильной и смелой, и не должна сражаться за свою жизнь зубами и когтями – как раз в этом я тебе тоже помогу. Ты сможешь защищаться так, как ни одна женщина там, наверху.

Но ты всегда должна помнить – женская сущность твоей Души не должна быть подчинена навсегда грубой силе и жажде разрушения. Самозащита не должна перерастать в агрессию!

И не прячь в себе Женское начало. Выпусти его из кокона. Любовь спасёт тебя, и даст настоящую вторую Жизнь!

Вот и всё! Ты очень умна и поймёшь. И всё сможешь. Смелее, Дочь!

Сказать, что Катарина была потрясена, значило ничего не сказать.

Она была разрушена до основания.

И не удавалось убедить себя, что это только сон.

Ей показали всю её мужскую сущность.

Ведь когда она сказала Пьеру и Марии, что в ней живёт душа самурая, она была недалеко от истины. Вся её психология была – она это знала – гораздо ближе к мужской, решающей свои проблемы зачастую с позиции грубой силы, а не слабости, проявлявшейся в слезах, и унижающих – как она считала – скандалах.

На занятия по боевым искусствам она и пошла – для укрепления Силы Духа... и тела.

Она знала и видела, что сильно отличается от многих и многих женщин, но продолжала уверять себя, что ничего страшного в этом нет, и нужно жить дальше. Там, в *той* жизни, она никогда не плакала – не... могла? Или считала – всё тем же проявлением слабости и бессилья?..

И вот, та самая сила духа, что вела её сквозь жизненные невзгоды и не позволяла сдаваться даже в самых отчаянных ситуациях, вдруг оказалась и её самой главной слабостью и проблемой. Она, конечно, знала, давно чувствовала, что лишена то ли от природы, то ли из-за строгого воспитания, че-

го-то важного, жизненно важного... Женского?..

Способности любить? Любви? Любви...

Возможно.

Любила ли она? Были ли те чувства, которые она когда-то испытывала к сёстрам, дочери, мужу – Любовью?

Странно, но гораздо большую теплоту и уважение она испытывала к зятю – за то, что он такой спокойный и надёжный, и твёрдо знает, чего хочет – совсем как она сама.

А мать? Любила ли она свою мать? Как это ни дико звучит, но честно ответить на этот вопрос трудно – она не знает ответа. Как узнать такое, с чем сравнить?

Опять перед ней эти странные и страшные вопросы, которые она столько лет носила в себе, стараясь заглушить нарастающее отчаяние от невозможности ответить на них. И от невозможности... Полюбить?

Сможет ли она здесь узнать радость любви, радость материнства?

Она была в смятении. Но даже сейчас она не могла поступить по-женски.

Разрыдаться!

– Да, ты поняла меня. – задумчиво произнесла Королева. – Познай себя, и ты познаешь весь Мир!

Только теперь Катарина, наконец, осознала, кого напоминает ей Королева.

Это же лицо глядело на неё из зеркала там, в Париже, в доме старой графини, в комнате, где она примеряла мужской

камзол и рисовала себе усы...

Но насколько выразительней и женственней было у Королевы всё: от малейших движений стана, до чувственной пластики лица. Несмотря на общие черты, она отличалась от этой Женщины, как цветок дикого шиповника от розы...

Взгляд бездонных чёрных глаз словно бы ещё потеплел.

– Да. Ты поняла о чём я говорила. И *что* тебе предстоит исправить в себе...

А сейчас опустишь на колени, Дочь моя, и ничего не бойся! – тёплый певучий голос наполнял её душу надеждой, и Катарина сама не заметила, как опустилась на пол.

Королева убрала руки с её плеч, и возложила обе ладони, одна на другой, ей на голову. Тепло от ладоней, словно рентгеновское излучение, проникало в её тело аж до пяток!

– Слушай и не шевелись! – приказала Королева своим властным и сильным голосом. Затем стала читать нараспев какое-то заклинание. Язык был совершенно не знаком Катарине, но от слов веяло седой древностью и невероятной силой: они проникали сквозь уши, глаза, грудь, живот, и всё тело. От них пробирала дрожь до самых кончиков пальцев...

Словно холодный ветер пронёсся по залу. В мёртвой тишине всё громче звучали резкие непривычные слова и вовсе незнакомые звуки, которые уже не были словами...

Всё стало словно бы контрастнее, чётче! Зрение обострилось до невероятных пределов – так, что стали видны тончайшие нити, из которых была соткана драгоценная материя

платья Королевы, и ворсинки, из которых состояли эти нити, и они всё приближались...

Вот взгляд Катарины проник и между ними – туда, в глубину под тканью, в чёрную бездну... И зрение вдруг исчезло. Но она продолжала, хоть и в полной темноте, всё слышать, чувствовать, обонять.

Затем выключились обоняние.

Осязание – словно у неё нет, и никогда и не было тела!..

Последним пропал слух.

Она потеряла связь с реальностью.

Потеряла тело.

Но...

Так уже было однажды. Она помнила.

Помнила слишком хорошо то страшное путешествие по тёмному коридору к яркому свету – туда, к вечности, к забвению, к небытию.

Сейчас же не было вообще *ни-че-го*... Только темнота и безликость.

Но нет – себя она помнила, осознавала... Сознание и память остались при ней.

Приказав себе успокоиться, она стала делать попытки выбраться.

Нет, не сюда. Какой-то инстинкт подсказывал ей, в какую сторону (сторону ли?!) должен двигаться (да и двигаться ли?..) её бесплотный и невесомый Разум.

Но что-то или кто-то ещё помогал ей! Она явственно ощу-

щала помощь и поддержку тысяч друзей. Она продолжала двигаться на зов – он зазвучал сильнее. Она удвоила свои усилия. И что-то вдруг подалось, изменилось. Она рванулась ещё сильнее, ещё, изо всех сил! Её Разум пробивался к свету, к людям! И вот она словно прорвала невидимую стену!

Она вновь стала слышать. Да, она слышит!

Вначале это был, скорее, намёк на звук. Шёпот. Затем, по мере того, как она приближалась (она – приближалась?!), он действительно стал звуком, усилился, загремел.

И вот уже аккордами стотысячной единой глотки звучит мощный хор голосов. Хор, повторяющий тысячеликим эхом, и несчётное количество раз, единственную фразу:

– ХОРЭСТ АМРИ, УНЭСТ ВИРИТЭ!*

*Произношение изменено. Любое совпадение с другими заклинаниями случайно.

Она открыла вновь обретенные глаза.

Она находилась на вершине пирамиды, у ног Королевы. И руки той всё так же лежали на её голове.

Могучий рёв тысяч и тысяч человекообразных существ продолжал греметь, дружно повторяя магическую формулу, вырвавшую её из вязких объятий небытия. Огненными всполохами она отдавалась в мозгу, и навечно запечатлевалась в памяти, словно написанная буквами километровой высоты! Навсегда!

Она глубоко вздохнула, вновь ощущая себя единой со своим телом.

Тогда Королева вдруг отняла свои руки от её головы и вскинула их кверху. Тотчас могучий хор голосов разразился бурей приветственных криков.

Это приветствовали её – новопосвященную! Вернувшуюся вновь в своё тело, чтобы владеть им на новом уровне – на уровне созидательницы самой себя!..

Она чувствовала это, она знала – что стоит ей только пожелать, и тело её, прекрасное, послушное теперь её воле тело, примет любую форму, любой вид: магические слова навеки запечатлены в мозгу!

Это новое ощущение наполнило всю её чувством бесконечного восторга и свободы!

И в этот миг тёплые сильные руки подняли её с колен, и бездонные добрые глаза вновь заглянули в её ликующую Душу. Королева улыбалась.

– Теперь ты – свободна! Ты – одна из НАС! Возвращайся же сюда, когда захочешь. И помни: только ты сама вправе распоряжаться своим телом и Духом!

Ты – Женщина! Всегда и везде будь ею! – Королева чуть кивнула.

Катарина смогла только слабо улыбнуться и кивнуть в ответ. Любые слова были бы неуместны – слишком велик был тот невероятный Дар, что был теперь у неё, чтобы слова могли выразить всю степень её благодарности за это чудо...

Но она знала, что Королева и так читает это в её Душе – как в открытой книге.

Королева, ещё раз кивнув, подтвердила, что всё поняла: Боже, как прекрасна эта Женщина, эта подлинная Мать для своих Детей – как она понимает их всех!

– Поздравляю тебя – ты посвящена! А теперь прими участие в нашем Празднике!

Веселись, развлекайся, радуйся новым возможностям – они изменят твою жизнь! Будь самой собой, и ничего не бойся! – Королева махнула рукой, указывая вниз, и одновременно приветствуя толпу, затопившую свободное пространство арены, и волнами накатывающую на пирамиду, – Иди же к твоим Братьям и Сёстрам, они ждут тебя!

Катарина только успела поклониться и сделать три шага назад, как её подхватила и подняла на руки восторженно ревущая и кричащая толпа.

Её подбрасывали вверх, и, передавая с рук на руки, бережно несли по безбрежному океану людских рук, унося всё дальше и дальше от Королевы. Повернув голову, когда её подбросили в очередной раз, Катарина увидела Королеву уже очень далеко – она смеялась, и, прощаясь, махала ей рукой. Затем водоворот рук развернул и унёс её ещё дальше.

Передавали и подбрасывали её долго – словно каждый хотел коснуться её рукой, при этом чувство единения с этими созданиями каждый раз становилось острее и разнообразней, словно каждый передавал ей свою радость и частичку опыта, а она в ответ давала свои!..

Каждый и каждая радовались, дотронувшись до её неж-

ного тёплого, и такого прекрасного тела, и её всё несло по неутихающему волнению океана рук, наполняя и её новой радостью и новыми ощущениями и знаниями. Здесь были только её Братья и Сёстры, сами прошедшие Обряд, и радующиеся за неё!

Но вот наконец она услышала знакомый звонкий голос:

– Сюда! Сюда! – и её, раскрасневшуюся и запыхавшуюся, опустили возле Марты, которая, радостно смеясь, заключила её в объятия, чуть не раздавив:

– Ты просто молодец! Так быстро нашла верный путь, и вернулась к нам! Поздравляю, Сестра! – Марта восторженно кричала, перекрывая могучий рёв окружавших их созданий.

– Спасибо. – отозвалась, вновь обретя дыхание, Катарина, улыбаясь в ответ окружавшим её весёлым и довольным лицам. Забравшись на бордюр, она привстала на цыпочки и приветственно помахала руками. Затем что было сил закричала:

– Спасибо!!!

Восторженный рёв толпы был ей ответом – все махали ей и поздравляли.

Однако спустя довольно короткое время большая часть бурлящее-кипящего людского океана разошлась и расселась по своим местам, и вокруг них осталось лишь насколько созданий, как позже поняла Катарина, близких друзей Марты.

Пока та знакомила с ними новопосвященную, на арене, с которой таинственным образом пропала пирамида, началось

шоу – другим словом назвать эту развлекательно-распаляющую программу было бы неправильно.

Тут были и танцы, и пение, и хоровод драконов, грифонов и ещё каких-то чудесных ручных сказочных созданий, и откровенно эротические выступления сатиров, нимф, дриад и кентавров. Перед её удивлённым взором проходили сокровища морских глубин, волшебным образом вызванные над пространством арены – тут правили бал русалки и другие водные создания!

И пещеры-подземелья: усеянные разноцветными зубьями сталактитов-сталагмитов гроты с их странно выглядящими, причудливыми обитателями, и сокровищами.

И затем, она готова была поспорить, с инопланетными существами, затерянными в бесконечных глубинах Космоса. Последние, конечно, особенно поразили Катарину – о таких формах никто из местных явно не мечтал и не стремился повторить: они были дики, невероятны, но – отнюдь не чужеродны...

Однако всё же основу представления составляла эротика – экзотическая и невероятная в своём разнообразии: Катарина и не представляла себе, что существует столько способов и возможностей наслаждаться своим телом. Разумеется, слегка – а иногда и не слегка! – изменив его.

Но всё это Катарина запомнила плохо, так же как и большинство представленных ей Мартой новых знакомых, хотя лица их и оказались вполне человеческими. Как объяснил ей

Кристиан, человек-минотавр – вполне, впрочем, милый! – почти все местные обитатели оставляли лица неизменными, чтобы их друзья и подруги всегда могли узнать их в очередном ново-воплощенном теле. Что ж. Это казалось вполне понятно...

Напитки и еда, которые Катарина попробовала, придали телу ещё больше лёгкости и свободы, и подняли и без того прекрасное настроение. Впрочем, радостное чувство беззаботного веселья владело здесь всеми. Вскоре их соседи по ряду, никого нисколько не стесняясь, занялись любовью прямо здесь же, на мягких сиденьях, а кто и прямо на столе, сдвинув в сторону подносы и кубки.

Кое-кто из новых знакомых намекал, или, не смущаясь, говорил ей, что почтил бы за честь встретиться с ней, новообращённой – в любом теле и любым способом, какой она выберет. Но она ещё не чувствовала себя... готовой. Она слишком многое пережила за этот день: сознание буквально бурлило от впечатлений!..

Никто, впрочем, не настаивал – мужская половина общества была здесь очень вежлива и тактична. Возможно, потому, что только такие достойные и могли попасть сюда. Катарина была очень рада этому обстоятельству.

Она продолжала свои расспросы, изредка поглядывая на арену. Там одно феерическое зрелище сменялось другим – и всё под чудесную неземную музыку – то нежную и плавную, то взрывную и зажигательную, но всегда очень гармоничную

и мелодичную. Большинство мелодий были незнакомы, но звучали и смутно знакомые...

Праздник торжествующей любви, однако, вскоре захватил и почти всех её новых знакомых. И все присутствующие в огромном зале предавались этому действу со стонами, выкриками и вздохами – со всем азартом, трансформируясь, смеясь, меняясь партнёрами и образуя живые клубки страсти, не переставая ни на минуту двигаться...

Это зрелище и захватывало Катарину, завораживая какой-то мистической, и поистине прекрасной бесстыдностью, и одновременно пугало её.

Испытывая некоторую неловкость от своей раздвоенности, она повернулась к Марте, которая ещё была с ней, хотя и держала нежно за руку одного из кентавров:

– Марта, что мне делать? Я... Как-то не совсем ещё готова полностью раскрепоститься и... в-общем – я стесняюсь! Но я не хочу портить Праздник тебе и другим.

– А, ничего! Вначале всем страшновато, или непривычно. Но это быстро проходит! Ты тоже привыкнешь! Ну а пока, наверное, с тебя, действительно, хватит. Извини – я немного увлеклась собой, да и друзей давно не видела... Ты можешь не бояться испортить другим Праздник – Посвящение уже позади и все заняты шабашем. Можешь, если хочешь, вернуться домой в любой момент, скажи только три раза «Аминь!»

– Спасибо! Я чувствую себя отлично – то есть так, как ни-

когда прекрасно, но всё же... Мне немного неловко – наверное, это ещё сказывается то, прошлое воспитание... И я не могу пока вот так, сходу, присоединиться к вам. Но я чувствую, как это волнует и... Заводит меня!

И, конечно, ужасно привлекает. В следующий раз я, наверное, смогу! – Да, мне очень понравился Кристиан... Да и вообще – все-все!

Я счастлива, и благодарна – тебе и всем! Спасибо!

– И тебе спасибо! Этот Праздник – твой! В твою честь. Так он теперь и будет отмечен в Хрониках – Праздник Посвящения Катарины. И помни вот что: прийти сюда ты можешь теперь в любой момент, Сестра! Удачи тебе и счастья!

– Спасибо! Благодарю вас всех! До свиданья! – она, встав, помахала всем, кто мог её видеть. От избытка обуревавших её чувств она даже подпрыгивала!

Но для первого раза она получила ощущений и впечатлений – выше головы. Теперь всё это она должна переварить и обдумать. Здесь здорово – пожалуй, даже слишком здорово. Всё же слишком похоже на волшебный сон, чтобы быть правдой. И как же не хочется просыпаться! И возвращаться в опасные и трудные будни того, *земного*, существования...

– До свиданья! Счастливо! Возвращайся скорее! – откликнулись те её новые друзья, кто ещё не был полностью поглощён друг другом и соседями.

– Обязательно! – улыбнувшись им всем, и ещё раз помахав на прощание, она произнесла три раза магическое и в

этом странном мире слово.

Без всякого перехода она оказалась сидящей на постели.

Где это она?!

О, Господи, да ведь она в гостинице, в том же номере, с Пьером, мирно сопящим носом к стенке, и Марией, удивлённо моргающей на неё заспанными глазами со своей кровати.

Освещает всё только серебристый свет огромной круглой луны, заливая комнату неправдоподобным полуволшебным сиянием серых и серебряно-синих тонов.

– Что Беллочка, опять кошмары? – горестно вздыхая, спросила няня, вылезая из-под одеяла. Подойдя, она присела к ней на постель, притянув к себе её чуть вздрагивающие плечи. Умные сочувствующие глаза старались проникнуть в её душу: поддержать, успокоить...

Далёкий крик петуха прогнал ощущение жуткой, мистической пустоты и тишины, царящих вокруг: словно во всей Вселенной существовала только одна их комната, но вдруг, вместе с этим гимном нарождающейся заре весь остальной мир заново родился, возник вокруг них...

А может, так и было?!

– Нет. – поколебавшись, ответила Катарина, – Этот сон был, скорее, приятным. Да, хороший сон. Жаль, что только сон.

Она опустила голову, прижавшись опять к няне.

Да, жаль. Ах, если бы и вправду она могла изменять своё тело, и участвовать в беззаботных празднествах Волшебной

Страны! Или...

Или *это* даже с Мартой происходит только во сне? Чудесный самообман?..

Посмотрев на свои ладони, она представила себя царицей зверей. Усмехнувшись, машинально произнесла про себя волшебные слова, огненными всполохами впечатавшими-ся в её память.

Но что *это*?!!!

Пальцы почти мгновенно уменьшились, ногти превратились в огромные острые когти, рука покрылась густой коричнево-рыжей шерстью!..

Перед ней оказалась лапа львицы!

Того самого животного, в которого она всегда хотела превратиться, чтобы стать сильной и независимой. Ещё не совсем сознавая, что делает и как, она поторопилась вернуть рукам первоначальную форму, быстро ещё раз произнеся про себя заклинание!..

Стук сердца громко отдавался в ушах. Она постаралась успокоить дыхание и унять дрожь, которая была теперь её тело. Мария забормотала:

– Ничего, ничего, Беллочка, вот всё и прошло... Я с тобой, мы в безопасности. Всё хорошо... – на своё счастье – да и на её тоже! – Мария ничего не видела, так как продолжала обнимать её за плечи, и лицо её было обращено за спину Катарины.

Катарина почувствовала, что глаза её полыхнули по ком-

нате – ярким магическим светом, озарив на миг вспышкой, как от молнии, дальние углы! Хитро улыбнувшись самой себе, она окончательно расслабилась.

Нежно прижавшись к тёплой няне, она раздумчиво про-изнесла:

– Да, няня, *теперь* всё хорошо...

Мило улыбнувшись, и зная, что лица её никто не видит, она подмигнула самой себе.

30

Решив ещё немного поспать, они улеглись, и вскоре Ката-рина слышала своим обострённым слухом мирное посапыва-ние из двух углов комнаты. Сама она, как ни крутилась, по-вторить свой смелый эксперимент не решилась. Что, впро-чем, не мешало ей думать...

Заснула она лишь под утро, когда первые лучи солнца нежно трогали черепичные крыши начинавшего оживать го-рода. Гул вернувшихся на улицы торговцев, стук ставней и скрип телег и крики развозчиков немного мешали.

Однако вряд ли она проспала больше часа. Почувствовав, что всё равно больше не заснёт, она решительно встала, и начала одеваться, стараясь не шуметь.

– Куда это вы в такую рань, сударыня? – проворчал Пьер, не поворачиваясь, и не поднимая головы с подушки. Ага, значит, он тоже проснулся. Тем лучше.

– Да вот, хочу навестить свою вчерашнюю подругу. Есть у меня к ней парочка вопросов. Хочу кое-что выяснить – и чем быстрее, тем лучше.

– Ах она, старая чертовка. Я сразу понял, что вчера ваши неприятности не закончились. Скажете, когда будете готовы. Я иду с вами.

– И я иду! – сердитый тон Марии не позволял усомниться в том, что у неё тоже есть претензии к гадалке. Поднявшись с постели, она стала помогать Катарине. Та с удовольствием отметила, что няня уже не слишком возмущается, когда она одевается сама.

– Ну хорошо, не возражаю. Идёмте всей толпой. Но вначале всё равно позавтракаем. Голод – плохой советчик.

После торопливо съеденного завтрака – всё того же сыра, и хлеба с молоком, которое поставщики уже принесли на кухню – все вооружились мечами и нацепили плащи, чтобы защититься от утренней прохлады и тумана, сегодня упорно не желавшего покидать улицы там, внизу, и неправильными рваными клочьями стлавшегося над мостовыми.

Пьер уже вполне уверенно мог ходить: три дня покоя и чудодейственная мазь братьев-отшельников сделали своё дело.

Внизу, в общем, ещё пустом, зале, ждала, подрёмывая, жена хозяина – не потребует ли ещё кто завтрак в номер.

По дороге, стараясь идти помедленней, словно они вышли на прогулку – чтобы Пьеру было не больно – она напряжённо обдумывала, что ей сказать Марте, и как поблагодарить за

роскошный, но и страшный дар. И что ей делать дальше?

Пьер и Мария шли рядом и чуть сзади. Даже удивительно – но её няня хранила молчание. Наверное, ощущала напряжённость и важность момента.

На полупустых ещё улицах попадались только торговцы. зеленщики, молочницы, разносчики свежего хлеба. Лавочники ещё даже не все пооткрывали ставни – основная торговля даже на рыночной площади начиналась куда позже. А пока все товары были либо укрыты чехлами из плотной грубой ткани, либо оставались в палатках, или под прилавками, или в складах на окраинах.

Редкие ночные сторожа рынка, охранявшие за малую мзду прилавки и узлы, почёсываясь и позёвывая, сдавали вахту прибывавшим торговцам. Судя по многим признакам, народ здесь гораздо порядочней, чем в её время, и даже откровенное жульё соблюдало какой-то кодекс чести, ведя себя вполне достойно: по ночам цех попрошаек и нищих не работал. Что, впрочем, не смущало цех домашних воришек... Ну а в «её» время «бизнесмены» каких-то норм и принципов уже не придерживались.

Или она ещё не все местные стороны жизни узнала достаточно хорошо...

Обойдя рынок, они миновали фургоны и помост артистов, ещё не встававших, и вошли в ту улицу, где вчера была палатка.

Была.

Сейчас, конечно, её там не было. Катарина осмотрелась – да, место то самое.

Палатка исчезла. Зато, прислонившись к стенке дома напротив, на крошечной деревянной лавочке, спал, широко раскрыв рот, чумазый мальчишка лет десяти в лохмотьях нищего. Он настолько хорошо вписывался в общий ансамбль улицы, что, казалось, и родился на этом самом месте.

Когда они подошли, он, приоткрыв один глаз, бойко спросил:

– Ищете кого-то, благородные мессеры?

Рассудив про себя, что это неспроста, Катарина прямо ответила:

– Да, гадалку. Её палатка вчера стояла здесь. – про себя она уже не сомневалась, что, хотя личная встреча не состоится, но что-то её здесь ожидает: ценная информация... Или вещь.

– Тогда назовите пароль, и вы кое-что получите, – потягиваясь и поднимаясь со скамеечки произнёс чумазый почтальон.

– Что это значит, какой ещё пароль? – Катарина и вправду была удивлена.

– Ну, она сказала... Вы должны мне, короче, сказать, зачем вы сюда к ней пришли.

– Ах, вот оно что. Ну хорошо. Противоядие.

– Точно! Вот то, что она велела вам передать. Всю ночь здесь сидел, чтоб вас, значит, не пропустить. И чего только

не сделаешь, чтоб заработать пару денье – даже честно поработаешь! – он показал маленький свёрток, не спеша, впрочем, с ним расстаться.

– О,кей, – пробормотала себе под нос Катарина, и, порывшись в карманах, вручила посыльному требуемое, после чего тот немного торжественно передал ей свёрток.

– Ну, большое спасибо вашей милости, да сохранит вас Господь! – он, повернувшись, поднял свою скамеечку, явно собираясь уходить.

– Постой-ка! А на словах она ничего не передавала? – задержала его за плечо Катарина. Он поскрёб нечёсаную щетину волос, щурясь.

– Н-е-е-т, про это я ничего не знаю. Она сказала передать – я передал. Вроде, всё правильно.

– И когда это случилось? Ну, я имею в виду, когда она тебе дала вот это?

– Да вчера вечером. Можно сказать, уже ночью. Я уж спать собирался – я ночью тут, на площади, под одним фургоном. А тут меня её мальчишка будит – он знает, где я ночую. И говорит: так, мол и так, заработать хочешь? Так кто ж не хочет-то?! Ну и вот я здесь... А что?

Что-то не так?

– Да нет, всё так... А палатка? Она долго ещё оставалась здесь?

– Какая палатка? Ах, палатка... Нет, она уже была собрана, ну, упакована, и навьючена на мула! Да ещё на другом она

собиралась ехать сама. Зелёная такая. В-смысле, палатка...

– Понятно. Ладно, спасибо. Ты всё передал верно. – жёстком она отпустила его, напряжённо размышляя: если гадалка ночью ехала, разумеется, никакого шабаша быть не могло.

Значит, ей всё приснилось.

А как же ночное превращение – во львицу? Или оно – О, Господи! – тоже всего лишь сон?! Ведь спала же она потом до утра? То есть, после «превращения» она снова засыпала. Не могло ли и это «пробуждение» тоже быть частью сна?!

От разочарования она просто готова была расплакаться, как обычная женщина. Но вспомнив, что она всё ещё в костюме мужчины, сдержалась.

Какая была прекрасная сказка!

Или всё же... Не совсем сказка?

Секунды ей было довольно, чтобы взять себя в руки. Что это с ней случилось? Где её трезвый аналитический ум? Ничего нельзя принимать на веру. Нужно всё проверять!

Вот ночью, когда её никто не будет видеть, она и попробует!

Просто нужно немного подождать – до ночи. Ерунда. Она подождёт! О, *она* – подождет!

Пьер и Мария подошли к ней ближе, с интересом рассматривая свёрток в её всё ещё сжатой ладони. Взглянув вниз, она подняла руку и развернула его.

Это оказался старый грязный пергамент, и в него был завернут маленький флакончик из темно-зеленого стекла.

Выкрутив туго притёртую пробку, Катарина понюхала. Нет, жидкость, которая оказалась внутри, ничем не пахла. Это – точно не тот волшебный эликсир, что унёс её на Посвящение и Шабаш. А впрочем – был ли сам шабаш...

Ну хорошо. Она снова заткнула пробку поплотней, и спрятала пузырёк в потайной карман – к звёздочкам. Стекло толстое, и не должно разбиться. Да и вылиться не сможет – пробка очень тугая.

Разгладив получше пергамент, на одной из сторон она нашла-таки послание.

Впрочем, многословностью оно не грешило: «Противоядие. Начать принимать сегодня.

Одна капля в стакане воды. Завтра – две. На третий день – три. И так далее, пока не опустеет.»

Вот это да! Вот за это – спасибо. Если это действительно оно, то честь и хвала Марте!

Она, даже исчезнув из её жизни, держит слово. Катарина уже твёрдо знала, что будет следовать инструкции. Ведь жить стоит. Жизнь, она *очень* стоящая и интересная штука!

И за магические слова она теперь была спокойна – работают.

Конечно, они обсудили и противоядие, и бегство Марты. Но так как Катарина кое о чём умолчала, её друзья никак не могли взять в толк, что произошло с гадалкой. Они, постояв немного, двинулись, уже не торопясь, назад.

В гостиницу вернулись через оружейную лавку при боль-

шой кузнице, практически на окраине города. Её обнаружила Катарина по густым клубам дыма и звону молотов.

Кузница уже вовсю работала – огромный задний двор был весь завален углём, дровами, сырьём и металлическими полуфабрикатами. Здесь же гудели мехами три подмастерья с красными и потными лицами, голые по пояс, изо всех сил раздувавшие огромную, словно настоящая домна, печь. Подбегавшие к ней время от времени другие подмастерья то совали, то забирали раскалённые заготовки, которые обрабатывали мастера постарше, стоявшие у наковален, вооружённые молотами, и покрикивающие недовольно на нерадивых. Ковали здесь всё: от гвоздей до кольчуг и кирас. Впрочем, виднелись и вполне мирные плуги и бороны...

Как объяснил Пьер, цеховые правила гильдии кузнецов, да и любых других профессий, ставят всех мастеров, имеющих патент на свою профессию, и право ставить личное клеймо на свои изделия, в одинаковые условия: не больше, чем определённое количество подмастерьев строго определённого возраста. Работа – от столько-то – до столько-то. Печей – столько-то, и не больше. Инструменты – такие-то, и никаких других...

И так далее – ограничений типа профсоюзных, имелось очень много. Чтоб, значит, все мастера цеха этого города были в равных условиях. Но самое главное – строгий контроль качества изделий. Про себя Катарина усмехнулась: надо же, столько лет пройдёт, а почти ничего не изменится. Прямо

первичная профсоюзная ячейка – наверняка и взносы дерут со своих членов, и корпоративные праздники справляют. И завидуют более умелым...

Однако она не могла не признать разумность и преимущества такой организации работ. Особенно в вопросах качества. И стандартных (ну, всё же, более-менее) цен.

Они купили ещё несколько стрел, пару хороших стилетов. Катарина, покопавшись под грудой в углу, подобрала себе ещё один хорошо сбалансированный кинжал для метания. Кольчуги оказались тяжеловаты и сильно полнили фигуры – пришлось отказаться от мысли нарядить Пьера и Марию в эти бронежилеты средневековья, спрятав их под одеждой. Расплатился Пьер – была его очередь.

Пооткрывались лавки и лотки с продуктами.

Домой они опять вернулись с массой вкусной еды: кое-что предстояло взять с собой, а кое-что предназначалось к съедению на месте. Им они и полакомились в гостинице, заказав вина и устроив себе второй завтрак, уже с паштетами и салатами.

После еды Катарина, чувствующая, несмотря на вроде бы нереальность своего сна, необъяснимую усталость, прилегла поспать, Пьер же, решив потренировать ногу, да и осмотреть город, не торопясь отправился снова на рынок, уже вовсю бурливший людским гомоном и толчеей.

Мария осталась с Катариной, и, хотя спать не легла, сидела тихо, что-то заботливо подправляя в их одежде с помощью

иголки с ниткой. Катарина смело проспала три часа.

Все послеобеденное время посвятили сборам. Нога Пьера, хоть и побаливала при хождении, особенно долгом, особых проблем не создавала. Опухоль прошла, повышенной температуры не наблюдалось, и рубцы выглядели хорошо зажившими, хоть ещё и свежими. Нет, эти братья – спасибо им! – определённо знали своё дело!..

После дневного сна Катарина выпила одну каплю противоядия в стакане воды.

Вкуса она не ощутила. Хотя где-то через час почувствовала нечто вроде легкого головокружения... Ладно, терпимо.

Мысли продолжали вращаться вокруг реальности сна. Дождаться глубокой ночи, чтобы повторить опыт, было тяжело. Да и червячок сомнения погрызывал...

Возможно, конечно, что всё это именно сон, вызванный сильным стрессом от воздействия на неё впавшей в транс гадалки, которая просто высказала вслух то, что подсознательно Катарина знала, чувствовала и сама. Но боялась и стыдилась самой себе в этом признаться... Комплекс «омужичившейся» женщины?..

И вот теперь во сне её собственное, заглушаемое до сих пор подсознание взбунтовалось, и высказало всё, что до этого Катарина отказывалась принять и признать... Или... Это её женская суть начала, наконец, пробуждаться и требовать: «Ну-ка, ты, вояка – подвинься! Пришла Я – Женщина!»

Ох. Как она может, и сможет ли принять и признать такие

вещи и мысли, как будет жить с ними? Разве она не ведёт себя и не чувствует, как женщина? Ну, хорошо, будем честней хоть перед самой собой – не всегда, далеко не всегда.

А как тогда должна вести себя и что должна чувствовать *настоящая* женщина?

Ладно, будем действовать по обстоятельствам – как только переоденемся в женское платье, сразу и начнём переосмысливать манеру поведения, и стараться придать себе женственности, беззащитности и прочих капризов...

Стоп. Не будем так, с иронией, пренебрежительно, подходить к этим «женским штучкам» – всё равно осваивать их придётся... Придётся. И – не осваивать, а жить с ними. И – ими.

А что до любви...

Здесь тяжелее. Вряд ли её замужество и несколько случайных, ни к чему не обязывающих связей сильно обогатили в этом плане её душу. Наверное – правда, что эта часть её чувств пока спит. И Королева из сна наглядно показала ей, насколько пластично, выразительно и чувственно может быть её тело и лицо, когда их направляет Женская сущность Души... Кстати, это можно тоже принять на вооружение: на мужчин такое не может не подействовать.

Стоп!

Вот, она опять поймала себя на желании применить свои даже «женские» качества в чисто практических целях самообороны. Что это? Отсутствие смелости? Смелости перед

самой собой? Смелости осуществления действительных перемен в жизни и мировоззрении? Ведь она опять хочет не *жить*, не *чувствовать* по-женски, а только симулировать такое поведение – опять-таки для достижения своих целей...

Нет. Ей нужно что-то другое. Нужно, чтобы женское поведение, женская грация, женский стиль и дух вошли именно в плоть и кровь, стали неотъемлемой её частью, глубинной сутью всей её жизни. Но как же этого добиться? Тренировкой? Самовнушением?

Подойдут ли для развития *таких* качеств методы У-шу и Айкидо?

Нет, пожалуй, вряд ли. А, может, ей тогда... Или...

Ага, отметила она про себя – вот уже зачатки женского мышления появляются: она колеблется и сомневается. А сомневаться тут нечего. Раз родилась в женском теле – и снова в него же воплотилась, придётся стать настоящей...

О, Господь! Ей придётся попробовать. Ей придётся попробовать всё. Она может, и должна сделать это.

Нельзя всю жизнь провести, глядя на мир из-за забрала доспехов.

Ведь мир не всегда воюет с ней. Он даёт такие разные возможности – особенно ей, женщине – Любить, рожать, путешествовать. Создавать семью и воспитывать детей...

Уж если произошло такое чудо и она вновь жива, по-крайней мере глупо – не использовать все те возможности, которые подарил ей Создатель!

Решено. Она попробует. Попробует так, как всегда подходит к решению всех вопросов – вдумчиво, серьёзно, обстоятельно и кропотливо. Работы намечается много.

Поэтому начать её можно будет не раньше, чем они окажутся в безопасности.

Она чувствовала свою ответственность за жизни этих славных, ставших ей такими близкими, людей. Нельзя допустить, чтобы они из-за неё пострадали – расслабляться рано!

31

Выехали ранним утром следующего дня.

Уже очень явно ощущался конец лета – утром опять было сыро и прохладно, хоть обошлось и без тумана. Пьер морщился, но молчал. Катарина по опыту знала, что сырость и движение вызывают боль в его ране – как, впрочем, и в любых шрамах – старых, или новых. Поэтому коней и нового мула они не торопили – ехали спокойным шагом.

Передвигались они теперь открыто и где-то даже нагло – прямо по дорогам, соединяющим крупные города. Честно говоря, состояние этих дорог было зачастую куда хуже, чем у любых сельских: разбитая копытами, колёсами и ногами широкая и ухабистая пыльная яма, зимой, скорее всего, превращалась в непроходимую топь, вынуждая прокладывать другое ложе – рядом. И с такими же последствиями. И так – до бесконечности... Ну, или до изобретения асфальта.

Как же не хватает несчастному Средневековью древне-римских инженеров, дороги которых служат до сих пор! И не было римских императоров – которые приказали бы эти дороги проложить: за счёт, и для укрепления центральной единой власти.

Здесь же или нет такой власти, или, (что вернее!), у неё нет на это денег и людей. Что по меньшей мере глупо: расширившаяся торговля быстро покрыла бы все затраты, даже за счёт одних налогов и таможенных сборов... Ладно, не ей критиковать правительство.

Всё равно большинство их попутчиков, да и встречных путешественников, ехали и шли по обочине петлявшей дороги, ведшей сейчас примерно на восток – по траве.

Сами они направлялись напрямик в Базель, до которого по прямой было не более двенадцати лье, но ведь дорога не шла по прямой. Теперь им приходилось двигаться по предгорьям – то вверх, то вниз, и скорость, конечно, упала. Однако к вечеру они добрались куда хотели, пару раз отдохнув и перекусив по дороге.

И вот они уже в другом государстве.

Народу по этому пути ездило много, и именно поэтому они и пересекали чисто условную, и никем не охраняемую, кроме трёх таможенников, сердито требовавших только одного – денег, границу по большой дороге, и вполне добились своей цели – никто на них внимания не обратил, и среди прочих путешествующих они ничем не выделялись.

Она уж постаралась, чтоб у их команды не было особых, или запоминающихся примет. Да, честно говоря, у всех и своих забот хватало – даже у трактирщиков.

Вообще-то, Катарина давно поняла, что здесь очень редко путешествовали ради развлечения. Для туризма как такового ещё не было предпосылок: ни комфорта роскошных отелей, ни разрекламированных и подретушированных красот природы, ни местных экзотических замков, обросших старательно придуманными легендами, ни ресторанов с местной едой, ни других достопримечательностей. (Про накатанные высококлассные шоссе уж и говорить не приходится!)

Переезжали с места на место только когда действительно имелась в этом необходимость: будь то коммерция, или личные дела, или дела государственные – гонцов и сборщиков налогов они пару раз встречали. При этом с тяготами пути все просто мирились, как с необходимым злом, даже не думая, что всё это можно изменить ко всеобщей выгоде, и достаточно быстро и просто.

Впрочем, это не её дело. Главное – что всем было не до них. Ну и прекрасно.

Местные же крестьяне, если и присматривались к ним в тавернах и трактирах, особой угрозы не представляли – они пожизненно и намертво прикреплены к своим наделам!..

К концу пути, уже в виду Базеля, у них появился спутник: одинокий пожилой дворянин на уставшей и тоже пожилой лошади. С ним не было даже слуги. Нагнав его, они

очень мило побеседовали, причём беседу вполне свободно и непринуждённо направляла Катарина, со знанием дела теперь рассуждавшая о: дороге, погоде, природе, урожае, ярмарке, и войне всё с той же Фландрией. Не пропали даром случайно услышанные, или добытые специальными расспросами, сведения. Они церемонно представились друг другу и Катарина почти без усилий узнала, где лучше всего заночевать.

Поэтому они не стали перегонять нового знакомого, а поехали вместе с ним и были вознаграждены вкусной пищей и дешёвыми гостиничными номерами.

Они взяли три комнаты. Одну – для виконта Армана де-Ковиньяк, как звали их опытного в путешествиях по Швейцарии попутчика, одну – для барона Роже деКрозье, (так представилась Катарина), и третью – для Анри и Жана: Катарина всё время боялась перепутать, кто из них – кто. Именно они старались менять с утра, и каждый день.

Путешествие было долгим, да и подъём на высокогорье сказывался – спали они как убитые. Катарине и в голову не пришло проверять свои новые, возможно обретенные способности. Да и то сказать, здесь, уже в другой стране, среди других людей и традиций, происшедшее казалось ей далёким волшебным сном. Нет, разумеется, когда-нибудь она этот свой дар проверит и опробует, но в более спокойной обстановке и не так вымотавшись. Тут нужно действовать методично, и чтоб никто не мешал.

Ночь прошла спокойно, и выспались они хорошо. За завтраком в общем нижнем зале оказалось, что их новый знакомый уже уехал. Катарина не расстроилась по этому поводу: он был немного глуховат и часто переспрашивал, да и собеседником оказался скучноватым – почти все его интересы сводились к достоинствам и продаже его коней (он содержал конезавод, если можно это так назвать в четырнадцатом веке), и недостаткам коней конкурентов, и сложностям заготовки хороших кормов. А так как в этих вопросах Катарина разбиралась гораздо хуже, чем, например, в оружии или одежде, поддерживать беседу было неинтересно. Всё же конспирацию она пока соблюдала – о своих планах не распространялась, и хоть соблазн был велик, о предстоящей дороге и возможных препятствиях не расспрашивала.

Полдня они снова ехали по большой дороге, но после обеда в очередном трактире Катарина решила придать жизни разнообразия, и снова начались блуждания по лесам, лугам и холмам.

Кстати, леса теперь выглядели совсем по-другому – привычные раскидистые дубы и платаны сменились грабом и хвойными, и даже запахи были совершенно не теми, что во Франции. Чувствовался некий «горный» природный «стиль»...

К закату прибыли как раз туда, куда стремились – на маленький, редко посещаемый, типично швейцарский постоялый двор.

Здесь уже возникли языковые проблемы. Пришлось вспомнить школьные уроки немецкого – немного же они помогли! – и подключить Пьера, который с интересом наблюдал, как она жестикулирует.

Не без злорадного удовлетворения она понаблюдала и за его жестикуляцией – он тоже немецким не особенно владел. Всё равно договорились они обо всём без больших проблем. Золотые же монеты везде были универсальной валютой.

Сняли одну комнату для Марии, так как в очередном лесу её преобразили в дворянку, пожилую и стеснённую в средствах, и другую – для слуг, то есть для Катарины и Пьера. Он, хоть и качал головой, и вздыхал, но вёл себя с ней, пока она была в его комнате, как истинный джентльмен.

И эта ночь прошла спокойно.

На следующее утро они имели возможность наблюдать Швейцарские Альпы во всём великолепии. Ярко светило солнце, и туманная дымка, стлавшаяся последние два утра над землёй, полностью исчезла. Катарина поразилась, как далеко и быстро они заехали в уже сугубо горную страну, и полдня только и делала, что восторгалась великолепием природы и чистотой ручьёв и воздуха. Здесь даже (вот ведь сила самовнушения!) запах воздуха оказался совершенно чужой, непривычный...

Теперь она с интересом приглядывалась ко всему, что их окружало: жители предгорий выглядели совсем по-другому. Одежда, дома, и даже куры во дворах отличались от привыч-

ных, а дворовые собаки были теперь не мелкими скандально-гавкучими шавками, а солидными, лохматыми и крупными – словом, те ещё волкодавы: укусит – мало не покажется. Несущие балки крыш были куда более массивны – явно на случай толстого слоя снега.

Хозяин очередной гостиницы, на их счастье, немного говорил по-французски, хоть и со страшным акцентом и коверкая слова, но всё же гораздо лучше, чем они с Пьером вместе взятые – по-немецки. Его румяная жена, подававшая им еду, «по-французски» знала только одно слово: «битте» – его она и произносила, мило улыбаясь, и выставляя на стол местные деликатесы, снимая их с огромного почерневшего от времени подноса.

Еда теперь тоже стала другой. Но не в смысле блюд, а в смысле вкуса: варенное мясо неизменно было недоварено (опять-таки, наверное, из-за условий высокогорья – вода кипела, скорее всего, при плюс девяносто пяти), и они налегали на жаркое. Но и его вкус казался совсем иным, возможно, из-за местных трав, добавляемых вместо специй, или из-за кормёжки скота на местных пастбищах, принимавшим опять-таки местные травы, но уже вовнутрь.

Нельзя сказать, что вкус от этого проигрывал – скорее наоборот. А вот жёсткость мяса заставляла пережёвывать его лучше. Катарина справлялась, Мария помогала себе ножом. Запах и привкус для Катарины, всё ещё страдавшей от отсутствия перца, зры, кинзы и прочих приправ, был настоящим

праздником: хоть что-то, после однообразно-пресной пищи равнин.

Мария же кривилась и жаловалась, что всё «горькое» и «недожаренное», и что у неё будет болеть живот: играла ворчливую хозяйку из всех сил. К счастью, пока хоть с этим проблем не было – расстройство желудка могло здесь обернуться настоящей катастрофой.

Из народных средств Катарина помнила только марганцовку, кожуру граната (интересно, где её здесь достанешь!) и толчёные сушёные куриные пупочки – слава Богу, пока воспользоваться не пришлось (тьфу-тьфу!).

Вино здесь стоило дороже, и вкус его Катарине не понравился, поэтому они пили пиво. Всё-таки влияние и близость Германии и Чехии ощущались.

Кстати, о Германии, Швейцарии и Австрии – Катарина продолжала про себя их так называть, хотя в действительности таких стран ещё не существовало. Так, Швейцарией имели право называться только три Кантона – Швиц, Ури и Унтервальден, только двенадцать лет назад, в 1291 году заключивших союз в многовековой борьбе их свободного (не прикреплённого к земле, а реально свободного!!!) крестьянства против правящей тогда династии Габсбургов, и к которому, очевидно, впоследствии, присоединятся остальные – числом около двадцати.

Конечно, приятно присутствовать при образовании независимого Государства... Но оставаться при этом лучше в

другом. Это Катарина отлично усвоила при развале другого, не менее великого, государства...

Однажды она даже спросила кого-то из местных пожилых трактирщиков о Вильгельме Телле, но тот только пожал плечами – скорее всего, этот замечательный и патриотичный народный персонаж ещё не родился. Или не был «выдуман».

Это – в зависимости от того, с чьей стороны на него смотреть – угнетаемых, или завоевателей.

Однако люди, которые встречались им здесь, явно не слишком напоминали мирных земледельцев, или скотоводов: эти продублённые ветрами и ярким солнцем суровые здоровяки могли дорого продать свои жизни, особенно за стоящее дело. Насколько она помнила, именно они-то, свободные и независимые профессионалы, и составляли основную массу наёмников во всех позднейших вооружённых разборках в старушке Европе. Ну а нанимал их тот, кто имел больше денег.

Просто, но эффективно.

Австрия (вернее, народы, её составляющие) амбиций ещё не проявляла, в результате была герцогством, где как раз и заправляли всем пресловутые Габсбурги, под чьё крылышко теперь так стремилась Катарина, надеясь, что длинная и достаточно могущественная рука Филипа Красивого не сможет её оттуда вытащить, даже если станет известно, где она укрылась.

И хотя политика и связанные с ней безобразия и интри-

ги мало интересовали её сейчас, приходилось запоминать и откладывать в памяти те сведения о существующем Статус Кво, чтобы воспользоваться при необходимости, и не сесть в лужу, брякнув что-нибудь из положения стран Европы в её время. И, особенно – не дай Бог, о Новом Свете, которого нет и в помине, и даже легенды про что-то такое пока не существует.

Через два дня неторопливой езды они достигли Цюриха. Зрелище этого города наполнило её ностальгией – почти так же он выглядел на фотографиях, целую пачку которых ей подарили отдохавшие здесь знакомые. Вот это строители! Возводили на века. И – красиво и практично.

Отдыху и экскурсии по этому «историческому центру» Катарина посвятила целый день.

С утра её сопровождал в неторопливом обходе беззлобно ворчавший Пьер, после обеда – тоже ворчавшая Мария. (Их-то достопримечательности нимало не интересовали.) Ей же город понравился.

Местные жители, впрочем, могли бы быть и поприветливей. Сразу видно – туристов привлекать ещё не надо, деньги и так есть. То, что они есть, недвусмысленно доказывали добротные дома и хорошие товары. Впрочем, покупать она не стала ничего. Багажа и так везли достаточно...

На всякий случай они продолжали придерживаться схемы два плюс один, да и Мария уверенней себя чувствовала в женской одежде. Сердито брюзжать «на нерадивых Поля и

Анри» получалось без проблем, единственное, что ей ещё не слишком хорошо удавалось – командный дворянский тон в обращении со слугами, имена которых она всё время к тому же путала.

Ещё бы: Катарина иногда и сама не помнила, как её зовут сегодня с утра. Впрочем, они с Пьером были вполне дисциплинированы – у «хозяйки» не было причин пожаловаться на их исполнительность.

Более-менее наладилось с общением – Катарина и Пьер выучили несколько десятков самых ходовых слов на местном диалекте, и заказывали комнаты и еду без мучений первых попыток, почти всегда умудряясь получить то, что хотели.

Катарина теперь с интересом и волнением готовилась к новым приключениям и впечатлениям, как ложась спать, так и собираясь в дорогу утром.

Ведь то, что она пережила здесь, в консервативно-спокойном, буржуазно-добропо-рядочном Цюрихе, по яркости и адреналину не уступало тому, что они пережили в дороге.

Началось всё вполне невинно – просто они, или от усталости, или от плохой погоды (с утра было пасмурно и весь день покрапывал ранний осенний дождичек) поужинали плотнее обычного, как всегда отдав дань местной замечательной чесночной колбасе и прочим мясным и молочно-сырным дели-

катесам, и спать легли довольно рано. Катарина обнаружила что Мария, спавшая с ней в одной комнате, да и Пьер, погружены в глубокий и спокойный сон.

Что ж. Лучших условий и не придумаешь. Да и сама она вполне созрела.

Хотя, наверное, ничего бы всё-таки она не «выкинула», если бы крыша соседнего дома не приходилась прямо под окнами их комнаты на втором этаже...

Соблазн оказался слишком велик!..

Около одиннадцати ночи, когда мирные обыватели видели уже второй или третий сон, а няня и Пьер мирно посапывали, она, на всякий случай положив на крышу под их окном свой огромный чёрный плащ, скинула ночную рубашку и встала на циновку посреди комнаты. Кусочек убывающей луны освещал комнату тускло, но ей свет и не был нужен.

Мысленно глубоко вздохнув, она сделала это.

Впрочем, почти тут же ей пришлось кое-что подправить.

Во-первых, не львица – а пантера, а во-вторых, цвет – всё-таки чёрный...

Первое, что навалилось, буквально ударило в ноздри – запаха!

Гос-споди (прости, что поминула все!), чем тут, в комнате, только не пахло! Немытые потные тела. Пот коней, впитавшийся в платье и штаны. Пыль. Прогоркшее масло снизу, из кухни. А из их седельных сумок в углу так и бьет! – разумеется, колбаса...

Но оказалось, что имеется и еще один, странный и непривычный запах – она быстро убедилась, что это пахнет *она сама!*

Ах, вот почему все кошки вылизываются... Чтоб никто не знал об их присутствии. Хотя бы те же мыши.

Ладно, она вылизываться точно не будет! Во-всяком случае, сейчас...

Осматривая своё новое тело, она могла думать только одно: обалдеть!

Действительно, было от чего прийти в восторг. Мало того, что всё получилось, и получилось быстро – за пять-шесть секунд. Так ещё и всё получилось, как надо – видать, не зря она ещё *там* увлекалась документальными фильмами про природу и животных: тело пантеры оказалось именно таким, как она себе его представляла. Поджарым, крепким, без единого пятнышка чёрным! И с роскошной мягкой шерстью.

Когда она сдвинулась с места, пришлось поглубже втянуть мощные когти – они цокали по доскам пола.

Катарина взглянула ещё раз на спящих спутников замечательным ночным зрением – наверное, раз в десять лучше, чем человеческое. Убедившись, что даже чуткая няня не проснулась, мягко и бесшумно вспрыгнула на подоконник, а с него – спустилась на предательскую черепицу крыши, стараясь наступать так, чтобы ничто не сдвигалось.

Зрение теперь располагалось не совсем удобно – слишком низко, непривычно, но её это не пугало: она сможет это при-

нять и освоиться. Зато было много проблем с ногами – никак не удавалось заставить их двигаться как надо. Подавить в себе дурацкое желание выпрямиться и встать на ноги (в смысле – задние) тоже оказалось трудно. Поэтому она преодолела спуск со всё ещё скользкой после дождя крыши до её нижней кромки, пару раз чуть не грохнувшись – вот было бы дело!

Спрыгнуть с кромки на крышу небольшого сарая уже было проще. Она обнаружила, что легко может преодолевать в прыжке три-четыре метра, а то и побольше, а руки с новыми мышцами отлично принимают нагрузку удара! Затем она соскочила и на землю. Тоже отлично прошло. Она огляделась, прислушалась.

Вроде, никого. Неторопливо, привыкая к новому способу хождения, Катарина двинулась к окраинам города, запомнив как следует ориентиры вокруг окна и гостиницы. Впрочем, если бы случилось заблудиться, она легко нашла бы обратную дорогу лишь по одному запаху – ошибиться в Пьере или Марии было бы невозможно!..

Навстречу никто не попадался – и хорошо, а то бы она не знала, куда бежать. Пока же двигалась прямо по одной из, судя по всему, главных улиц, сходящихся к центру города, к его ратуше и, естественно, базарной площади, как спицы у колеса.

Немного привыкнув к новым ногам, она пустилась бежать: хотела посмотреть, насколько быстро сможет передвигаться в случае нужды.

Быстро. Куда быстрее человека. Жаль, что немного неуклюже – задние лапы так и подбрасывало в воздух. А то, что они вылетали вперед дальше ушей, выглядело диковато... Ладно, не стыдно – всё равно зрителей нет. Вот дьявол! Оказывается, всё-таки есть.

Она заметила, как, пробегая по перекрёстку мимо одного из переулков, оставила позади застывшую фигуру человека, держащегося одной рукой за стену, а второй быстро осеняющим себя крестным знамением... Да, ему нашлось чего испугаться – наверное, подумал, что допился до галлюцинаций. Катарина своим новым обонянием даже с двадцати метров легко различала запах вина, выдыхаемого в тихий безветренный воздух переулка. Она, не задерживаясь, промчалась дальше – плодить легенды и сказки о колдовстве вовсе не входило в её планы. Припозднившийся пьяница вскоре остался далеко позади.

Координация движений стала гораздо лучше – всё-таки человек может приспособиться... ко всему! Вспоминая те же фильмы, она смогла существенно улучшить технику бега – но бежала всё же не как пантера, а, скорее, как гепард.

Через минут пять быстрого бесшумного бега Катарина оказалась на окраине. Она даже почти не запыхалась! Как хорошо быть молодой и здоровой...

Ну, здесь-то её уж никто не должен заметить: и народу нет, и маскировка хороша. Теперь можно и попробовать, на что способна она в новом обличи, и велика ли её сила...

Первый опыт лазанья по деревьям едва не оказался и последним. Она в прекрасном прыжке допрыгнула до ветки могучего платана на высоте не менее четырёх метров, но позорно оттуда свалилась, не удержавшись.

Когти, разумеется, оказались намного крепче, чем ногти – и она соскребла кору со всего пространства, куда дотянулась! Хорошо, хоть инстинкт не подвёл: приземлилась чётко, на все четыре...

Так, деревьев с неё пока хватит.

Высматривая, к чему бы ещё применить свои новые возможности, она увидела еле замётный огонёк у моста – кажется, там стоял небольшой трактор. Что-то как потянуло её.

Не запах, нет – скорее, некое странное ощущение... Словно там, рядом – тоже кто-то охотится, и... Словно... А что – *это?* Паника жертвы?.. Ладно. Подберёмся поближе и узнаем.

По пыльной дороге переступать лапами было противно – она пошла по траве рядом. Вот и окошко. Луч пробивается через неплотно пригнанный ставень – ну правильно, занавесок ещё не изобрели. Большая кошка поднялась на задние лапы (без сложностей), и заглянула, не без любопытства, в окно...

Ого-го! Вот тебе и мирный тихий городок!..

Здесь действительно был трактор.

И стоял он на отшибе – криков точно никто бы не услышал! Да и невозможно кричать, если у тебя заткнут рот.

К кровати в маленькой комнате оказался привязан человек. Он издали очень походил на её старого знакомого – вилконта-коне заводчика. Привязали его капитально: за руки – к одной спинке, за ноги – к другой. Костюм несчастного состоял из длинной рубахи и ночного колпака, каким-то образом ещё державшегося на лысоватой голове – непонятно каким, так как несчастный корчился, словно червяк: его пытали.

Она рассмотрела обоих пытающих. Здоровенный мужик в одежде трактирщика, и даже с фартуком (наверное, чтобы не запачкаться), держащий в руках здоровенные щипцы, которыми он прижимал пальцы ног несчастной жертвы, и его жена – тоже дородная женщина со злыми глазами.

Послушав немного (для этого пришлось напрячь даже её новый слух), Катарина поняла, что именно женщина и является главой банды. Грабят они своих же, одиноких и слабых постояльцев, и поскольку и так знают, где всё добро и багаж приезжих, пытаются тех только для личного удовольствия хозяйки...

Катарина подивилась бессмысленному садизму: тут же, возле кровати, стояла и приготовленная жаровня с раскалёнными железками внутри. Но, судя по-всему, вида крови палачи не любили. Или не хотели отмывать потом комнаты, и стирать свои же простыни. Так она подумала потому что открытых ран на жертве не увидела.

Как объяснял в это время словоохотливый трактирщик беспомощному старику – торопиться некуда, до рассвета, ко-

гда пойдёт народ на рынок, ещё часа четыре. Тот только мычал, выпучив глаза. Хозяйка, приблизившись к жаровне, помешала угли и поправила железки.

Свирепое выражение её ярко блестящих глаз подтвердило, что она не первый раз наслаждается «оригинальным» способом придать изюминку банальному разбою.

Катарина осмотрела комнату: зоркость глаз большой кошки позволила видеть куда чётче – мельчайшие щёлки... Вот она и нашла всё, что хотела.

Вспрыгнуть на крышу сарая – дело пары секунд. Попасть оттуда на крышу основного строения оказалось ещё проще. Просочившись сквозь слуховое окно на чердак, она осторожно прошла, не касаясь старых сёдел, узлов и тюков, сложенных здесь, очевидно, чтобы продать их позже, к люку комнаты с несчастным постояльцем.

Повозиться, как ни странно, с ним пришлось: он не желал открываться даже её новыми когтями. Справившись с этим, наконец, она осторожно заглянула в комнату – её никто не заметил и не ждал. Резко отбросив крышку, Катарина метнулась в мощном прыжке прямо на трактирщика – он оказался ей более сильным и опасным противником.

Он, однако, оказался так шокирован, что даже не попробовал закрыться огромными щипцами, которые как раз держал...

Сбив мужчину спиной на пол, она не остановилась, и закончила дело.

Наученная горьким опытом с мерзавцем виконтом и его шайкой наймитов, и твёрдо убеждённая, что горбатого могила исправит, она прижала врага к полу могучими лапами, и перегрызла горло.

Получилось это у неё быстро и просто – словно всю жизнь практиковалась. А может, ей двигала злость на гнусных садистов, и жалость к старику...

Хозяйка, как это ни странно, никакого колдовства явно не боялась, и если и растерялась, то буквально на долю секунды. Пока Катарина разбиралась с её мужем, шустрая женщина успела выхватить из жаровни толстый прут с красным раскалённым концом, и, отгораживаясь им, начала медленно двигаться к двери, другой рукой пытаясь нащупать щеколду.

В планы Катаринины это не входило: убежать гнусная тварь не должна.

Двинувшись к женщине вдоль стены со стороны двери, она вынудила ту остановиться. Её поразило то, что даже сейчас та не крестилась, не молилась, и не делала ничего лишнего – только старалась изо всех сил спасти свою драгоценную шкуру, перехватывая поудобней раскалённый прут, и прикидывая, как бы получше воткнуть его заостренный, сверкающий малиновым светом конец, в противника.

Сильная соперница. И мыслит рационально. Совсем как она сама.

Пораскачивавшись для того, чтоб найти хороший упор и оскалив полную пасть шикарных зубов, Катарина всё же за-

метила признаки страха: женщина стала остро пахнуть потом и мочой!

Порядок, можно атаковать: враг напуган, хоть и не растерян...

Прыжок с четырёх метров удался. Одной лапой она отбила руку с прутом, вскинутую к её морде, другой же въехала в лицо зарывавшей противнице, и расплосовала его от уха до рта, прорезав щеку насквозь. Сила удара опрокинула женщину, и пока Катарина смогла перевернуть ту на живот, её-таки обожгло – через толстую шерсть и шкуру в живот ткнули калёным железом. Ах, ты так со мной, мерзкая тварь!..

Убедившись, что прут выпал из почти откушенной ею руки, и противник обездвижен, Катарина превратилась в себя, и точно рассчитанным ударом костяшками пальцев за ухо, отключила злобно извивавшуюся и вывщую противницу.

Теперь она встала на ноги и взглянула на кровать. Старик вполне жив, но жутко напуган – он бубнил, судя по полудушенным звукам, молитву, пялясь на неё во все глаза.

Однако развязывать его рано – нужно вначале кое-что докончить.

Она поискала и нашла несколько верёвок – видать, программа пыток предусматривалась обширной: некоторые были с узлами, другие с гвоздями. Оставив трактирщицу лежать лицом вниз, она связала ей руки за спиной, одну ногу привязала к кровати, другую – к ножке стола, чтобы раздвинуть их пошире. Жалости она к этой садистке не испытыва-

ла, противно только применять к ней её же методы. Впрочем, как аукнется... Так и воздастся.

Она открыла щеколду, вышла в большой обеденный зал, а затем и в кухню. Поискала.

Принесла в комнатку кувшин с водой.

Полила на голову распластанной женщине. Та затрясла головой, стала ругаться по-немецки. Значит, очухалась. Подобрал с пола остывший прут, Катарина сунула его в жаровню, а сама взяла новый, не такой толстый, но ярко-красный. Подойдя, она задрала юбки извращенке на спину.

Сев верхом на пояс трактирщице, Катарина легонько прикоснулась кончиком прута к её ляжке, ближе к колену. Поток ругательств усилился, жертва под ней забилась, пытаюсь освободиться. Стараясь говорить без акцента, Катарина спросила:

– Сколько человек вы убили?

Прослушав ещё много немецких непереводаемых выражений (наверное, ни один другой язык для проклятий и ругательств так не подходит!), Катарина решила не ждать: хотя время не поджимало, но прут остывал. Пододвинув его ближе к внутренней стороне ляжки, она спокойно повела им в сторону ягодиц. Несколько сантиметров не дойдя до логической цели, она остановилась, и повторила вопрос.

Трактирщица, забившаяся в истерике и напуганная её решительными действиями, сорвавшимся на писк голосом закричала:

– Девятнадцать! Девятнадцать – без этого!..

– Где спрятано золото?

Чтобы добиться ответа, пришлось подвинуть прут немного выше...

– В погребе! Во втором погребе – под сараем!..

– И где именно в погребе?

– За бочками! За бочками с вином!.. Там прорыт ход – всё сложено там!

Мысленно вздохнув, она отложила прут.

Крепко схватила за густую копну седых волос, и, уперевшись коленом в основание шеи, резко дёрнула, повернув. Смерть от перелома позвонков наступает мгновенно – жертва только раз дёрнулась под ней.

Встав, она забросила шипевший на досках пола прут обратно в жаровню.

Закутавшись в свои волосы, подошла к замолчавшему старику – смотреть на себя она запретить не могла, поэтому просто закрывала лицо и грудь волосами.

Вынула привязанный тряпкой кляп из беззубого рта. Затем тихо спросила:

– Ты всё слышал? – при ближайшем рассмотрении это оказался всё же незнакомец.

– Да, всё. – для пережившего пытки и только что видевшего колдовство, он держался совсем... Неплохо. Или просто решил, что всё это ему снится... Неважно.

– Ну так слушай дальше. Внимательно. От этого зависит

твоя... Судьба. Жизнь.

Тебя спас от смерти молодой парень. Сам придумай его приметы. Парень перерезал горло трактирщику, и пытал женщину... Хотел узнать, где они с мужем прячут награбленное. На тебя внимания не обратил. Убив женщину, просто ушёл. Через этот люк. Как и пришёл... Меня ты никогда не видел. *Никогда*. Ты видел только парня...

Ты всё понял? – свет её гипнотических глаз мог убедить и не таких свидетелей.

Добившись кивка в ответ, она присела за широкой спинкой кровати, и снова стала сильной и красивой. Только теперь её здорово нервировал запах палёной шерсти. Её шерсти. Правда, боли она уже не испытывала. Возможно, она инстинктивно пожелала, и... Уже почти всё зажило!

Затем она, вспрыгнув без труда на стол, влетела и в темноту люка, быстро исчезнув из глаз всё ещё привязанного старика. Спрыгнув наземь, она галопом направилась в город.

Где находятся казармы, они узнали ещё накануне.

Уже перед ними она решила, что вид сенбернара будет уместней.

Так она и предстала перед дежурившими рядовыми. Глухо и солидно гавкая, она крутилась между ними и дорогой, по которой предлагала пойти за собой – то убегая на несколько шагов, то возвращаясь. И приветливо махала при этом хвостом.

Это последнее давалось труднее всего.

Всё равно её труды пропадали даром, пока один из караульных не разбудил дежурного офицера. Тот, спросонья хоть и обругал «придурка», однако быстро понял, чего от него хочет необычная собака, и отдал краткую команду. За ней пошли человек семь в полном вооружении, и во главе с ефрейтором.

Доведя их до окна, и даже став на задние лапы, она поскулила, и ещё помахала хвостом. Затем в окно заглянул и ефрейтор. Произнеся «Матерь Божья!», и ещё другие слова, он приказал ломать дверь.

После этого Катарина очень технично скрылась в ночи, предоставив бравым воинам самим разобраться с двумя трупами и золотом в погребках. За первым же сараем она превратилась снова в кошку – быть псом ей не понравилось. Словно в сказке: на неё уже напрыгали блохи, и чесать задней лапой за ухом оказалось выше её возможностей.

Зато запахи *так* стали словно сильнее – похоже, не зря люди используют для поисков чего-либо всё-таки именно собачек...

До гостиницы она добралась галопом. Внимательно оглядевшись, вскочила на сарай, а с его крыши – на крышу дома у их окна. В себя она превратилась на этой же крыше. Потом аккуратно замоталась в плащ, и, осмотревшись вновь свежим человеческим зрением, осторожно влезла в окно. Всё, вроде, спокойно.

Она положила плащ на место и влезла в рубашку. Шрам

всё ещё побаливал, когда она зацепила его материей. Лёжа на спине, Катарина, произнося мысленно волшебную фразу, попробовала представить на его месте здоровую кожу, как бы вылезавшую изнутри – словно выворачиваемая перчатка... Прекрасно. Вроде, получилось.

Ладно, завтра на свету проверим: не осталось ли шрама. А сейчас – спать.

33

Утром шрамов не оказалось – только еле заметная светлая полоса на животе. Просто потрясающе. Вот уж спасибо, так спасибо!

Выспалась она тоже неплохо. Думать о том, что привело её ко вчерашнему приключению, не хотелось. Противно вспоминать, как ей пришлось поступить вчера с трактирщицей-душегубкой, и несчастным стариком, чтобы обеспечить себе алиби.

И ещё она опасалась за рассудок последнего: если он не придержит язык, трибунал Святой Инквизиции точно развяжет ему рот... В любом случае им нужно убираться отсюда поскорей.

Пока Мария ходила вниз заказывать завтрак, и ждала их там, Пьер, довольно долго переминавшийся и странно поглядывавший на неё, вздыхал.

– Ладно, спрашивай, – буркнула она, поняв, что он точно

что-то слышал, или видел.

– Ваша милость, покорнейше простите... Сказать вам хотел... Только одно – не ходите вы, пожалуйста, ночью – одна. Да ещё без одежды. Люди здесь чужие. Могут что-нибудь не то подумать...

Она невольно фыркнула: можно подумать, если бы она выкинула *такое* в родной Франции – они бы поняли её правильно и подумали – то!..

Почесав затылок, она рассмеялась:

– Ладно. Спасибо за добрый совет. Пожалуйста: не говори няне. Я больше не буду!

Теперь настала очередь Пьера фыркнуть, почесать затылок и усмехнуться:

– Да, как же! Вы и в три года такое обещали – толку-то!..

Они двинулись в путь, сразу как позавтракали – благо, собрались на всякий случай накануне. Слухов о ночном происшествии ей удалось избежать: ни няня, ни Пьер ничего не узнали. Ну правильно: пока ведётся следствие, представители Закона вовсе не заинтересованы, чтобы по Добропорядочному и Солидному Городу ползли порочащие слухи...

Дальше двигались без приключений – Катарина вела себя прилично, больше ничего не проверяла, и новых тел не осваивала.

Всего поездка по Швейцарии заняла у них недели две с небольшим. Запомнилась она в основном прекрасной суровой природой и мерзкой – пасмурной и ветреной – погодой.

На перевалах не спасали даже тёплые плащи, хотя лето формально ещё не кончилось. Горы в белых снежно-ледниковых шапках гордо стояли в своём первозданном величии, равнодушные к копошасьимся внизу людишкам – какая им разница, копошатся они в четырнадцатом веке, или в двадцать первом, или...

Быстрые холодные реки несли к равнинам кристально-чистую воду. Зелёные холмы и редкие ровные участки долин обязательно включали в интерьер белых (это – теоретически. А на самом деле – грязно-белых) овец.

Красочные восходы и закаты, суровые скалы и обрывы чем-то напоминали ей Кавказ. Но люди – люди оказались другими. Вели себя совсем не так, как развращённые туризмом и социалистической идеологией кавказцы. Нет, они были тоже независимы и горды... Но как-то по-другому.

Может, меньше было рисовки и демонстративного презрения к другим людям.

В общем-то, Катарине не пришлось особенно много общаться с местными жителями: те были заняты собой, своими стадами, своими делами и своей борьбой за независимость, вмешиваться в которые она не имела никакого желания. Так что разговаривали они только в гостиницах и трактирах, а на остальных просто смотрели с высоты седла, проезжая мимо. Языковой барьер, хоть и стал куда меньше, всё же не способствовал «задушевному» общению. Вот когда она оценила то преимущество, что было у неё в Понтуазе...

Деньги, которые дала им старая графиня, быстро таяли. Они старались экономить их, но всё равно пришлось купить тёплые вещи – одежду, и кусок материи. Багаж их разросся до неприличных размеров: лошади и мул осторожно шагали по каменистым осыпям, балансируя нетяжелыми, но объёмными тюками. Направлять их теперь не было нужды, тропинка была обычно одна, и узкая, так что оставалось только слепо довериться инстинкту животных, которые лучше их знали, как проходить опасные места.

Ветер, невзирая на последние деньки августа, завывал вечером и ночью в трубах огромных печей, а днем – в ущельях, и старался сбросить путешественников с отвесных, узких и плохих дорог прямо в шумящие пенящимися потоками пропасти. Перины и тонкие одеяла почти не грели, а отсутствие тёплого нижнего белья причиняло реальные неудобства. В довершение неприятностей у Катарины вдруг начались критические дни.

А она-то и забыла, что ещё может рожать – со всеми вытекающими проблемами и последствиями!.. Она так быстро обессилела, что пришлось сделать крюк в сторону от большой дороги (это явное преувеличение – больших дорог здесь не было, но они умудрились найти совсем уж тропку), забравшись в глухую деревеньку на пять-шесть домов, и снять один из этих домов на три дня. Кстати, это обошлось дешевле гостиницы. А о приготовлении еды они не заботились – столовались в другом домике, у хозяев арендованного. По-

сколькy они не поскупились, готовили им сытно и вкусно.

Здесь Катарина и Мария преобразились в портних, и, под мудрым руководством Катаринy-дизайнера-модельера, сшили, немного помудрив и испортив несколько метров сукна, приемлемые тёплые рейтузы и бюстгальтеры. Пришлось сказать (да простят её японцы!), что это их национальная одежда. Впрочем, Мария сразу положительно оценила это новшество в их туалете, да и Катарине теперь было гораздо теплей и спокойней. Жаль только, что резинок ещё не изобрели: пришлось всё делать на завязывающихся шнурках и тесёмках. Ерунда – даже так эти принадлежности оказались очень полезны. Ещё бы – средств народной медицины, да и просто медицины, от простуды было – минимум! Да и задержка, неизбежная при простуде, им была бы ни к чему...

Пьер, от которого они свои портновские эксперименты не скрывали, всё же был вынужден выходить на время каждой примерки. Он как всегда молчал, но весело и хитро усмехался себе в сильно отросшую бороду, чем мгновенно заводил Марию. Однако когда она начинала заводиться по-настоящему, он быстро поднимал руки кверху, и делал постно-непропускаемое лицо, закатив глаза к потолку. Тогда наступала очередь Катаринy хихикать. Марии приходилось сдаваться. Чтобы не мучиться позже, сшили сразу по два комплекта.

Хоть производство нижнего белья и отсутствовало, искусство вязания было на высоте: они ещё раньше приобрели замечательные тёплые и сносно прочные носки и чулки из нити

домашней (а какой же ещё!) выделки, так что ноги были согреты. Да и кожаные (кожаные!) сапоги и камзолы с толстыми плащами всё-таки теперь (с «японскими» аксессуарами) хорошо защищали от ветра и сырости осенних Альп. Правда, пришлось уже льняные нижние рубахи поменять на шерстяные. И добавить к ним шляпы из толстого сукна.

В-общем, к счастью, за те две недели, что они провели, поднимаясь по извилистым каменистым дорогам на кручи седловин, и спускаясь по предательским оползням в узкие живописные долины с крохотными огородиками, никто из них не простудился. Этому способствовала и отменно сытная жирная пища, с преобладанием в меню жареного мяса, которое здесь готовили как-то по-особому, и очень вкусно, и, разумеется, обилие в трапезах неизменного чеснока. Однажды Катарина даже попросила Пьера посмотреть, как происходит приготовление, но из этого ничего не вышло: хозяин конкретно объяснил: чья обязанность – готовить, а чья – только есть!

Словом, Пьера вежливо выпроводили с кухни, оберегая «ноу-хау».

Сыры и прочие молочные продукты тоже отличались насыщенным, жирным вкусом – не поправиться бы! А то она не влезет в платья, которые они купили в расчёте на будущее – на её женский вид.

Котлеты, как оказалось, уже тоже были в ходу – но только отбивные. Мясорубку ещё не изобрели. Да и многих других,

казавшиеся ей раньше незаменимыми орудия домашних хозяек – тоже. Что не мешало вкусно готовить, и много, и со вкусом есть всем. Хотя, как она не могла не отметить – толстяков здесь куда меньше! Хотя бы чем в той же Америке её времени, с «фаст-фудом», и обширнейшей индустрией «здоровой» еды...

Вот единственное, с чем в горах имелась проблема – это рыба. Но и без неё было неплохо – наверстают, если захочется «фосфора» на равнинах.

Подумав, Катарина решила по возможности не вмешиваться в технический прогресс и не исказить таким образом ход истории. Она ведь многое могла подсказать теперешним мастерам, портным, кузнецам, да даже плотникам и каменщикам, и другим специалистам: как что сделать лучше. Но не хотела: чтоб не мешать естественному развитию инженерной мысли. А то мало ли как исказится ход истории. Вот, сделают, например, сегодня с её подачи мясорубку, а завтра, глядишь, какой-нибудь ретивый умелец и пулемёт сварганит. Впрочем, нет – пороха-то ещё не применяют. Но – уж дудки, здесь-то она точно сообщать рецепта не будет. Чревато: больше крови, больше конфликтов. А совсем уж глобальные войны способствуют развитию средств уничтожения, и дальнейшему прогрессу. В этом самом уничтожении...

Могут и атомную бомбу слепить на пару веков раньше, чем положено. Тогда и она, и миллионы других людей могут просто не появиться на свет: кто сможет поручиться за здра-

вомыслие и нравственные устои правителей с менталитетом, скажем, восемнадцатого века, в ядерном противостоянии...

Хотя о чём это она?

Ведь история уже *свершилась!*

И она рождена – в своё время, и на своём месте. Но вот – она здесь. Возможно, этот факт доказывает, что изменить в прошлом она ничего не сможет, даже если сильно постарается.

Но вот стараться она точно не будет: это было бы свинством, и плохой благодарностью за волшебно-чудесный факт появления её тут, в её второй жизни. И вообще, как хорошо, что она именно *сейчас*. Достаточно близко к цивилизованным временам, чтобы прижиться и приспособиться сравнительно легко к людям, и их мировоззрению. Уже почти приблизившемуся к зарождению света новых Гуманистских идей, и первичной демократии эпохи Возрождения...

Ведь окажись она, скажем, у древних шумеров, или среди варварских племён Скандинавии, а ещё хуже – в Китае, ещё неизвестно, как бы всё сложилось: их традиции, культура, образ жизни для неё – тёмный лес. Тут и знание языка не спасло бы: слишком велика пропасть веков, обычаев и всего уклада жизни...

С другой стороны, она достаточно далека и от своей эпохи, чтобы какой-нибудь глупостью нарушить естественное развитие общества и ход истории, или навредить своим далёким потомкам: семьсот лет и несколько тысяч километров

скроют и выровняют её парадоксальные и вневременные поступки.

Другое дело, что она сама должна по возможности таких поступков избегать...

Ну, об этом она уже думала много раз. И как хорошо, что она плохо помнит историю этого периода – она никому ничего не сможет предсказать. А с тёплым нижним бельём уж как-нибудь обойдётся. Оно-то, вроде, никому особо навредить не должно!

Да, пусть всё развивается естественно. Так для всех будет лучше.

Например, с местной точки зрения, существование оборотней естественно. А вот мясорубки – нет. Потому что в ведьм, чертей и прочую нечисть местное население безоговорочно верит, с умно-загадочным видом пересказывая свои и чужие «случаи» по вечерам, у очага, а в железное, дробящее мясо механическое чудище – нет. Вот и хорошо. Пользоваться, значит, возможностями своего тела она может, и имеет полное моральное право, а двигать вперёд технический прогресс – никакого.

На то она и женщина – техника не её дело.

Ну вот: хороший признак – она опять поймала себя на женских мыслях.

Теперь такие философские мысли вызывали у неё только усталость и чувство раздражения, хотя посещали они её теперь чаще.

Скорее всего, это было связано с прекращением волнений и лихорадочной спешки и гонки первых дней здесь, когда ей постоянно нужно было что-то решать и делать – причём быстро, словно при аврале... Тогда это нужно было просто, чтоб выжить – выжить в этом новом. и таком чуждом для неё в те, первые дни, мире.

Теперь же, когда она более-менее освоилась (тьфу-тьфу!), когда у неё есть деньги, друзья и цель, и её жизни не угрожает непосредственная опасность, она всё чаще задумывалась над тем, как ей жить, как вести себя, и к чему стремиться в будущем.

Иногда ей казалось, что пробудить в себе полностью женское начало будет очень тяжело.

А иногда – особенно, когда попадалось хорошее зеркало – что наоборот, женского в ней даже слишком много.

Наконец, чтобы не мудрить, она для себя решила, что не будет себя ограничивать какими-то надуманными стереотипами поведения, а будет просто сама собой: тогда в любых обстоятельствах она сможет найти наилучшее и простое решение всем возникающим проблемам. Надо просто быть естественной, жить и радоваться дарованной жизни, не усложняя её философскими изысками и беспочвенными угрызениями.

Что же до любви – время покажет.

Она готова и к этому... Приключению.

Закончилась живописная, но холодная и малогостеприимная Швейцария. Началась так называемая ей про себя, Австрия.

После спуска с нагорий в долины сразу вернулось лето. Границу миновали, вообще не встретив никого из представителей властей.

Да оно и понятно: здесь под эгидой иногда чисто номинальной центральной власти семейства Габсбургов царил фактический произвол десятков местных владык: князьков, баронов и маркизов, все владения которых иногда можно было проехать минут за двадцать, и которые драли со своих крестьян три шкуры налогов, чтобы сунуть что положено центральной чиновничьей машине. Ну, и самим не пропасть.

Каждый из них устанавливал свои законы, порядки, границы, налоги и пошлины на въезд-выезд. Некоторые имели право даже чеканить свою монету. Периодически они объединялись в союзы, женили детей, воевали, заключали «вечный» мир с соседями, ссорились, разъединялись, и снова воевали – уже со вчерашними союзниками. Словом, обычные «милые» развлечения благородной Знати...

Разобраться во всём этом гадюшнике не было никакой возможности. Да и желания.

Но такой нищеты и бесправия у простых людей, Катарина ещё нигде не видела. Что ж удивляться, что то здесь, то

там попадались целиком брошенные или сожжённые деревни: народ всем скопом куда-нибудь бежал, или был полностью выбит или угнан – своим или чужим феодалом.

Попадались, впрочем, и полностью выгоревшие развалины замков и поместий – там, значит, народ не бежал, а расплатился за притеснения. Хотя вряд ли это ему помогло – земли захватывал сосед, что посильней, и всё начиналось снова. Но, конечно, попадались и вполне благополучные провинции: в таких местах и поля были обработаны, и дома ухожены, и жители глядели поприветливей.

Нет, что ни говори, а «добрые и хорошие» феодалы встречались – а вернее, умные и практичные. Они-то прекрасно понимали, что с богатого населения можно и взять побольше, и не убежит оно никуда от земли-кормилицы, если сыто... Это не было заботой о людях – просто грамотный способ поднять свои доходы и престиж. За счёт умелого «менеджмента».

Языковой барьер, несмотря на сильно расширившийся словарный запас, иногда здорово мешал, так как кое-где и по немецки-то не говорили. А то, на чём говорили, было, скорее, венгерским, словацким или чешским. Впрочем, может и мадьярским – в языках они трое не так преуспели. Приходилось общаться больше старым добрым «дедовским» способом – жестами, и с применением денег. Хорошо хоть, постоянные дворы, трактиры и гостиницы всё ещё попадались – остановиться было где. Правда, кормёжка и обслуживание

оставляли желать лучшего...

Радовало то, что снова вокруг сравнительно тепло. Здесь, в прогретых и непродуваемых долинах, осень ещё не вступила в свои права, а сквозняки ущелий и перевалов остались позади и наверху. Продукты были даже подешевле, чем во Франции и Швейцарии, и французские деньги, к счастью, ходили наравне, или даже ценились выше местной валюты, так же, как, впрочем, и испанские, и немецкие, и любые другие: если универсальный определитель качества – зубы! – показывал их подлинно золотую сущность. Беспокойство за эту часть поездки отпало – денег должно было хватить.

На четвёртый день после перехода очередной условной границы якобы Австрии, у них появился молодой и симпатичный, если не сказать больше, попутчик.

И произошло это при довольно романтически-драматических обстоятельствах.

Катарина и Мария, поразмыслив, и несколько наивно решив, что теперь-то уж они в безопасности, уже второй день путешествовали в нормальных женских костюмах и в женских сёдлах – чтобы и привыкнуть, и замести следы.

Катарина надумала получше вжиться в образ небогатой дворянки, перед тем, как они прибудут в замок друга своей матери. Мирный и сравнительно спокойный пейзаж полей, лугов и лесов тоже способствовал вопиющему падению бдительности и боеготовности. Она как-то упустила из виду, что в неблагоприятных и разобщённых многонациональных

государствах большинство денежных проблем часть населения решает криминальным способом – будь то хитроумные аферы, или элементарный грабёж. И эпоха тут значения не имеет.

Поэтому нападение бригады бойких ребят, действующих по второму способу, явилось для их команды неприятной неожиданностью.

Нет, не то чтобы они были совсем захвачены врасплох: арбалеты с новыми тетивами взамен растянутых были взведены, мечи и кинжалы наготове! Просто они расслабились, и не готовы были (в частности, она) морально – снова убивать людей. Пусть даже снова плохих.

Главарь банды, первым выскочивший из-за деревьев на дорогу, проходившую сквозь густой холмистый бурелом, заорал что-то про деньги и сохранение жизни. Однако он так недвусмысленно смотрел на низкий вырез платья Катарины – вот разве только не облизывался! – что было ясно: потерей денег не отделаться. Особенно ей.

Четверо неопрятных (нечёсанных и в грязной одежде – ну, а чего она ждала: смокингов и накрахмаленных воротничков?!) молодчиков, которые окружили их тут же со всех сторон, судя по развязно-беспечному виду, сопротивления не ждали, так как пара луков, имевшихся у них, была даже не наготове. То есть, не натянута и не нацелена.

Зато наивные ребята бойко махали кривыми мечами, уже, скорее, больше напоминавшими классические сабли. Непо-

нятно, на что они надеялись – ведь саблю с пяти шагов не метнёшь.

Конечно, их сыгранной команде такое презрение со стороны врага давало выигрыш в несколько секунд драгоценного времени.

Согласно договорённости о таких нападениях, Катарина начала первой: убила как раз одного из лучников – стрела из быстро вскинутого арбалета прошла сквозь его грудь навывлет – на беднях даже не было элементарных кольчуг. А вот Пьер несколько подвёл: он умудрился промазать во второго лучника. И поэтому пока Катарина соскочила с коня, чтобы быть под прикрытием его корпуса, и отвлечь на себя внимание остальных, они лишились коня Пьера – стрела шустрого разбойника вонзилась тому в шею, когда Пьер уздечкой вскинул его голову кверху.

Бедняга, жалобно заржав, и зашатавшись, завалился на бок, подмяв седока, запутавшегося больной ногой в стремяни, под себя. Ладно, лучше – в коня, чем...

Выстрел опомнившейся, наконец, Марии, пришёлся как нельзя более кстати: поражённый в живот, лучник упал на колени и принялся дико орать, этим он на долю секунды отвлёк на себя внимание, позволив ей выхватить метательный кинжал. Вся последующая схватка проходила под этот душе-раздирающий аккомпанемент.

Одного из оставшихся негодяев, подскочившего к Пьеру, ещё не выбравшемуся из-под лошади, она утихомирила на-

всегда как раз этим удачно брошенным кинжалом. Другой же бандит, тоже наивно считавший мужчину из их команды главным противником, получил кинжал в правую руку, и хотя бы временно выбыл из борьбы, так как ругательства и угрозы, которые он щедро расточал в адрес Катарины, особого вреда не причиняли.

Тут Катарине пришлось туго, так как кинжалов больше не осталось, а к ней с трёх сторон кинулись ещё трое здоровенных ребят с саблями, до этого бывшие в засаде (судя по их нетрезвому виду, они до последнего надеялись, что обойдутся без них), и озверевший предводитель, который ругался даже громче, чем тот балбес, что получил кинжал в руку, а теперь, бросив саблю, пытался выдернуть его оттуда.

На фоне утробного воя врага со стрелой в животе, их ругательства, да ещё на немецком, создавали своеобразный музыкальный эффект – словно шла рок-опера. Хорошо ещё, что она не понимала большинства немецко-венгерско-мадьярских ругательств: не надо было отвлекаться, чтобы вникнуть в их своеобразие и тонкий юмор.

Боковым зрением она успела заметить, как Мария, доставшая запасной арбалет с мула, чтоб не возиться с перезарядкой большого, застрелила в спину приотставшего бандита, собиравшегося-таки разделаться с Пьером, всё ещё лежавшего на земле, но уже выбравшегося из стремени, и вытащившего меч (ага, значит, слава Богу, он почти в порядке – в смысле, Пьер, а не меч!), и тут ей пришлось туго.

Её-то, как явно знатную даму, очевидно и стремились нападающие заполучить любой ценой. Вероятно, чтобы потом потребовать выкуп... Наивные придурки.

Платье сильно сковывало её движения, поэтому она, никуда не двигаясь, отбивала удары, сыпавшиеся с трёх сторон мечом, а затем и пластиной, укреплённой на внешней стороне левой руки, и прикрытой сверху рукавом платья.

Это здорово помогло – когда она закрылась от удара предплечьем, и сабля отскочила, противник, нанёсший мощный удар, был так поражён этим странным фактом, что её меч без проблем пробил его грудь насквозь. Однако главарь и оставшийся, разом протрезвившийся бандит, оказались опытными бойцами, и вдвоём сильно наседали на неё, пользуясь тем, что могли нападать с двух сторон.

Она работала на совесть, дыша, словно кузнечные меха, однако скользкая тропа и предательский гравий, попадавшие под чёртовы женские тапочки, никак не давали надёжной опоры. А уж как мешал длинный тяжёлый подол!.. Вертаться во все стороны со всей возможной скоростью, она дала себе зарок – больше женскую обувь не надевать!

Приближающийся топот копыт заставил-таки её развернуться лицом к новой возможной опасности. Этим она вынудила главаря встать к новому действующему лицу спиной.

Что сулит ей появление на сцене этого нового персонажа – нового врага или спасенье?!

Теперь она отбивалась из последних сил – меч всё же был

тяжеловат.

Оказалось, к счастью, что всадник всё же принёс спасенье.

Мужчина, очевидно быстро разобравшийся в ситуации, не теряя времени и не тормозя летевшего во весь опор коня, на всём скаку рубанул атамана.

Даже ей показалось, что его меч сверкнул быстро, словно молния.

Слишком быстро – для простого человека.

Атаман упал, уже не ругаясь! Да и не удивительно: трудно ругаться, если голова разрублена практически пополам.

Неожиданный спаситель ещё не успел затормозить и развернуться, как оставшийся противник Катарины со всех ног кинулся под спасительную защиту деревьев и кустов, и его, в принципе, можно было не опасаться. Однако стрела Пьера, очевидно желавшего реабилитироваться, или имевшего своё представление о ситуации, возникла прямо у того между лопаток, не успел бандит сделать и десяти шагов. Скорее всего Пьер не стрелял до этого, опасаясь попасть в неё.

Почти тут же прикончили и мерзавца с раной в руке: он оказался довольно-таки злобной и мстительной личностью. С мечом в левой руке он пытался подкрасться, уже не ругаясь, к Марии, и той пришлось убить его из вновь взведённого арбалета.

Катарина порадовалась за няню: тренировки по самообороне и морально-волевые установки не пропали даром – врага Мария застрелила, не поморщившись. Позже, возможно,

у няни будет шок, слёзы и раскаяние... Но во время боя – молодец! – она была на высоте, и для первого раза справилась на отлично!

Плотно ухмыляясь, Катарина оглядела поле боя. Затем развернулась к единственному оставшемуся в сознании противнику – тому, что со стрелой в животе. Он ещё стонал.

Заметив обращённый на него недюмысленный взгляд, он задёргался, попытался подняться, и, наконец, схватившись за горло, рухнул в траву без сознания. Вопль его, скорее всего, послуживший ориентиром неожиданному спасителю, оборвался чуть раньше – когда пал атаман шайки.

Над лесом воцарилась блаженная тишина.

Ладно, подумала Катарина, хоть по этой дороге люди теперь смогут ездить спокойно – пока не соберётся новая шайка. Впрочем, это уже будет не её забота.

А в принципе, хорошо ещё и то, что не осталось свидетелей, видевших, как их команда дерётся. Собственно говоря, не очень порядочные мысли возникли у неё вначале и в отношении неожиданного спасителя...

Но потом угар боя прошёл, и она передумала.

Во-первых, он всё-таки спас их. А во-вторых...

Во-вторых он был почти божественно красив.

Чёрт – да он просто великолепен! Само обаяние. Прямо какой-то предок Джорджа Клуни.*

Рассмотрев его цепким взглядом она... Почувствовала странное ощущение в... Сердце.

Да что же это с ней такое?!.. Впрочем, позже будет время разобраться. Сейчас – речь о нём.

Открытое приветливое лицо. Статная, сильная фигура. Уверенная, гордая посадка головы. А как он держится в седле!.. Увидев, что всё уже кончено, он подъезжал, не торопясь. Значит, умён.

Нет, за себя она, конечно, не волновалась – недаром провела утром перед зеркалом целый час, пытаясь по советам няни, и своему опыту, придать себе вид, достойный дворянки.

Но он... Он и вблизи, без дураков, был неотразим.

Сразу чувствовался характер и какая-то внутренняя сила, делавшая его движения сейчас неторопливыми, но благородными – словно у породистого животного. Лёгкая асимметрия только подчёркивала неповторимый шарм его лица. Загар выгодно оттенял бесподобные ровные зубы.

А против его открытой восхищённой улыбки вообще невозможно было устоять.

Когда он приблизился, она разглядела небольшой зарубцевавшийся шрам на щеке – ну и что, он только придавал ему мужественности!

Катарина снова почувствовала словно укол в сердце и сильнее стало странное смущение, которого она раньше не испытывала никогда ни перед одним мужчиной, и поймала себя на том, что улыбается глупой, но самой лучезарной улыбкой, на которую способна, ему в ответ.

А вот Пьера, наверное, беспокоили совсем другие мысли. Во всяком случае, он вновь зарядил арбалет, и держал в руке, готовый по первому её знаку убрать нежелательного свидетеля. Смотрел же он на мужчину крайне подозрительно и хмуро.

Сделав Пьеру жест, чтобы не стрелял, и надеясь, что Пьер поймёт её, а незнакомец – нет, она, как была, с окровавленным мечом в руке, двинулась навстречу приостановившему коня в нескольких шагах от неё, незнакомцу. Тот спешил, и теперь стоял, держа своего чёрного, как смоль, жеребца, под узцы. При её приближении он снял шляпу и отвесил великолепный поклон.

Сделав в свою очередь реверанс, она вздохнула.

– Позвольте поблагодарить вас, мессер, посланный нам самим Провидением, за столь своевременную помощь! – начала она своим звучным голосом, постаравшись вложить в интонации как можно больше мёда. Глаза её – она знала! – горели, словно бриллианты.

– Ну что вы, миледи, какие пустяки! Это вы мне позвольте выразить своё безмерное восхищение! – на чистейшем французском тут же отозвался мужчина, – Клянусь деяниями Апостолов, я никогда ещё не видел столь прелестной и столь опасной, – он обвёл рукой вокруг, как бы подчёркивая результаты её работы, – амазонки!

Однако приношу и свои искренние извинения – на тот случай, если вы хотели всё закончить лично, и я этому

невольню помешал. – вот зараза, он явно понял, что Пьер со всё ещё взведённым арбалетом не сводит с него глаз, и что она могла, и правда, всё закончить сама...

– Ах, мессер, перестаньте шутить! Если бы не ваше столь своевременное появление, все ваши столь благодарные теперь друзья и преданные слуги, – жест в сторону спутников, – уже не смогли бы вам эту благодарность выразить! – она обворожительно улыбалась, наслаждаясь его улыбкой и тем, что явно должно было быть – да, собственно, и было! – изысканным комплиментом, мучительно думая в то же время, не слишком ли у неё кровожадный и опасный вид, куда бы засунуть свой необычный меч, и не испачкано ли кровью её платье.

То, что волосы, высвободившиеся из-под упавшего куда-то дурацкого женского кокошника, растрепались и пышным ореолом обвивали голову, должно было только украсить её – накануне они помыли их ромашковым отваром для пышности и блеска.

– Очень приятно слышать! И вдвойне приятно оказать услугу моей соотечественнице. И её друзьям, конечно, – он опять учтиво, с достоинством поклонился в сторону Пьера и Марии, подошедших за это время ближе, – Разрешите ещё раз выразить восхищение вашим мужеством и столь великолепным владением оружием! – он приветливо улыбнулся Марии, – Однако, что это я! С вами, миледи, – он опять обворожительно улыбнулся, – совершенно забыл правила хо-

рошего тона!

Позвольте же представиться: виконт Джон де Монтеспан. И – ручаюсь своим словом! – ваш покорнейший слуга!

– Мне не менее приятно воспользоваться вашей, как вы её слишком уж скромно называете – услугой. Я баронесса Бланка де Вильнев. – они опять церемонно раскланялись.

– Для меня большая честь, баронесса, познакомиться с вами. Позвольте ещё раз выразить своё восхищение вашей, мессер, и вашей, мадам, – он снова учтиво поклонился Пьеру и Марии, – преданностью. И подивиться столь редкой в наши испорченные времена, отваге...

Что же до вашего необычайного искусства – так биться с превосходящими силами противника! – ему бы могли позавидовать и профессионалы!

– О, у нас были превосходные учителя! Благодарить за предусмотрительность нужно моего отца, барона Шарля де Вильнев. Позвольте же, мессер виконт, представить вам Анну – она моя фрейлина, и Жана – он конюший моего отца. Если бы я не выпросила их на время этой поездки, она могла бы закончиться слишком... печально.

– Очень рад знакомству, – он слегка тронул снова одетую шляпу за поля. Мягкая дружелюбная улыбка не сходила с его лица. Казалось, он будет чувствовать себя так же уверенно и раскованно в любой обстановке и с любыми людьми. – Но простите, Бога ради, мою рассеянность – вы, кажется, ранены! – он указал рукой на её платье. – У вас кровь! Позвольте

вашему покорнейшему слуге предложить вам свою помощь – у меня тоже были неплохие учителя, и я умею останавливать кровотечения и перевязывать любые раны.

– Кровь? – переспросила она, оторвав наконец, свой взгляд от магически притягательных глубин его голубых, как небо, глаз, и взглянула вниз, изящно изогнув стан. После чего нарочито медленно осмотрела себя со всех сторон, грациозно двигая лебяжьей шеей и стройным телом.

Чёрт! Так и есть. Лучшее дорожное платье безвозвратно загублено. Всё в брызгах и потёках крови. Как ни печально, но кровь не отстирывается. Ничем.

– Ах, вы об этом... – она с беспечным видом пожала плечами и снова улыбнулась, блеснув, как бы невзначай, ещё раз жемчужинками своих зубов, – К счастью, она не моя! Конечно, это удивительно, но на мне нет ни царапины, хвала Пресвятой Богородице! Как вовремя вы успели!

– Я рад. Было бы крайне прискорбно видеть раны, нанесённые благородной дворянке какими-то жалкими мужланами. Значит, ваша победа ничем не омрачена! Ваш боевой отряд полностью разгромил врага. О, как хотел бы я служить под началом такого командира! – его взгляд красноречивей любых слов дал понять, что он не шутит.

А так как только недавно похожий взгляд на неё кидал атаман бандитов, это сразу как-то отрезвило её. Но шевелить языком надо – всё же она благородная дама!

– А я ещё раз хочу подчеркнуть, что без вашего, мессер

виконт, меча, воистину столь сокрушительно разящего, результат нашей маленькой битвы мог бы быть совсем иным!

Спасибо, и... Я готова, пожалуй, принять вас в наши ряды – по крайней мере до того момента, когда мы доберёмся до ближайшей гостиницы – эти леса так опасны...

– Сударыня! Я целиком и полностью в вашем распоряжении! Если вы оказываете мне честь, и позволяете сопровождать вас, я сочту за счастье показать вам более безопасную дорогу, и провожу вас до гостиницы – она не так далеко – да и до края света!..

– Благодарю, любезный спаситель! Я с удовольствием принимаю ваше предложение... Но пока – только до гостиницы! Под защитой такого рыцаря, как вы, виконт, мы будем чувствовать себя в полной безопасности! – послав очередную, уже чуть более сдержанную ослепительно-обворожительную улыбку, она с облегчением подумала, что со взаимными похвалами, благодарностями и прочим расшаркиванием, наконец, покончено. И дальше можно будет разговаривать нормально.

Помпезно-вычурная манера вести светскую беседу и соответствующий слэнг ещё не вошли намертво в её привычки, и долго вести обмен ничего не значащими любезностями было несколько утомительно – даже драться было проще...

В принципе, примерно так и оказалось.

Они осмотрели поле боя. Если не считать погибшей лошади Пьера – пardon, Жана – потерь, действительно, не бы-

ло. Поэтому перегрузив багаж с неё на любезно предоставленную в их распоряжение благородную лошадь виконта, и пошутив по поводу «весёлой» поездки Жана на муле, тронулись дальше, в поисках ближайшего ручья. Трупы бандитов просто оставили лежать на месте нападения.

То, что на лошади мессера Джона – как он попросил называть его для простоты – не оказалось неизбежного в любых, даже недалёких, путешествиях, багажа, ещё больше насторожило Катарину: похоже, этот человек разместил свои вещи на какой-то базе, и, следовательно, находится в этих местах давно. И с какой-то определённой целью.

Вот, к примеру, вполне возможно, что его цель – как раз встретить, или следить за ними.

Конечно, нельзя быть слишком мнительной, но... И слишком наивной – нельзя.

Но пока их новый спутник ни в чём не разочаровал Катарину.

После бурного обмена комплиментами вначале, беседа пошла гораздо прозаичней и конкретней. Естественно, в первую очередь он пожелал узнать, кто же научил прелестную баронессу (которая могла бы, по-идее, поражать кого угодно одним только взглядом – ах, спасибо!) столь блистательно владеть мечом. И Катарине пришлось сходу дополнить заготовленную легенду воинственным папочкой, слегка помешанном на крестовых походах, и жутко расстроенным отсутствием отпрысков мужеского пола, и как в конце кон-

цов ей пришлось отдуваться в фехтовальных залах по полной боевой программе.

Рассказывать пришлось погромче, чтобы Анна и Жан тоже были в курсе, где и когда они прошли обучение. Похоже, это смелое враньё удалось – если виконт и не поверил, то на его честно-открытом лице это никак не отразилось: он внимал действительно с интересом – прямо всё по тому же Карнеги...

Вообще, держался он с большим достоинством, и был на редкость невозмутим и спокоен. Беседу вёл непринуждённо. Катарину почти ни о чём больше не спрашивал – даже о том, куда они направляются. И этот факт тоже заставлял её задумываться и не расслабляться.

Когда в беседе наступала пауза, или еле заметное напряжение, он очень умело и дипломатично направлял её в другое русло. Даже слишком умело. Будь она поглупее, или не настороже, или не проживи она четыре с лишним десятка лет, ни за что не уловила бы его игры.

Поэтому очень естественно вновь возникла мысль о том, что он знает об их команде больше, чем хочет показать, и явно хочет сам казаться не тем, кем является в действительности. Однако в искусстве притворяться она не собиралась уступать пальму первенства.

Поэтому разговор у них потёк, как по маслу.

Прикинувшись провинциалкой, что было на руку им обоим, она спрашивала его и о большой политике – эта те-

ма действительно интересовала её, и она слушала с неподдельным вниманием, что возможно, было ошибкой: политика вряд ли могла интересовать молодую женщину в такой же степени, как более доходчивые и насущные дворцовые интриги, скандалы и романы высокопоставленных особ.

Сплетни, пикантные истории, мода, другие дамы – вот о чём она должна была расспрашивать компетентного в жизни столицы обаятельного мужчину, а вовсе не о влиянии Габсбургов на балканские страны, или о раздробленности Италии и подлинных причинах затяжной кампании с Фландрией. Однако она поздновато спохватилась: мессер Джон был великолепный рассказчик.

Он явно хорошо разбирался в теме. Причём, увлёкшись закулисными подробностями, рассказывал порой о таком, что простому виконту знать никоим образом не полагалось. Даже о сложных вещах он мог рассказывать с юмором и просто, так что её знания о ситуации – подлинной и закулисной – в Европе здорово пополнились и стали куда глубже.

Именно такой, критической и вполне достоверной информации ей до сих пор и не хватало: у предыдущих собеседников просто не имелось объективного и реального объяснения тем или иным политическим ходам и махинациям, их гораздо больше интересовали внешние проявления действий власть имущих: войны, скандалы, сплетни, альковные истории отдельных, пусть и выдающихся, личностей.

Виконт в этом плане вполне соответствовал, наверное,

статусу политического обозревателя, или какого-нибудь атташе.

Он оказался буквально прямо-таки «набит» и интересными фактами, и комментариями к ним: она почувствовала, что это не домыслы: он действительно вполне верно мог осветить любое политическое движение или событие. На таком уровне информированности мог бы быть, скажем, министр иностранных дел, посол, или чрезвычайный порученец при высших – коронованных – особах. Это если говорить о её времени. И про каждое достаточно значимое событие он мог, похоже, весьма правдоподобно объяснить – «откуда в действительности растут ноги».

На её «наивный» вопрос, мессер Джон не краснея объяснил, что он и является чем-то вроде полуофициального посла – разрешает мелкие дипломатические проблемы, или ведёт предварительные переговоры о крупных «разборках» власть имущих, когда им самим статус не позволяет вступать с врагами в прямые контакты. То есть старается мирным путём утрясти то, что без его дипломатичных усилий могло бы вылиться в вооружённое противостояние, или даже войну.

Этакий получился челночный дипломат-миротворец, усмехнулась про себя Катарина.

Как же, поверит она. Скорее, он напоминает местного Джеймса Бонда. Он, несомненно, очень умён и ловок. Отлично тренирован, и владеет, наверняка, любым оружием. А если к этому присовокупить неотразимую внешность и мо-

ре обаяния в комплекте с прекрасными манерами, он должен пользоваться неограниченным доверием у этих самых власть имущих при выполнении разных «деликатных» поручений, и бешеной популярностью у женщин любого круга, могущих оказаться полезными при выполнении таких поручений. Словом, помесь Бомарше и Казановы. Не поддастся на его чары могла бы только... Мужчина.

Короче, говоря современным ей языком, они встретили Шпиона. Агента. Киллера.

И, похоже, всё в одном лице. А ещё более вероятно, что это он их встретил.

35

Эта мысль не удивила её, так как была вполне естественна и логична.

Ведь шпионы, авантюристы и искатели приключений были во все времена. Просто ей, как, впрочем, и обычно – не стоит расслабляться и болтать лишнего в его обществе, даже случись у них роман. Эта последняя мысль тоже всплыла у неё так естественно, что она поразила её самой себе – она готова? О, да, она вполне готова. К роману. Особенно с ним.

И даже мысль о том, что она может являться очередным заданием этого средневекового ноль ноль семь, не останавливала её, а, напротив, придавала остроты, и заставляла кровь быстрее струиться по венам – от чувства постоян-

ной близости к опасности гипофиз вырабатывал повышенные дозы адреналина, и обострение всех чувств и мышления похоже, ей нравилось.

Оказывается, она сама авантюристка ещё та. Она прямо-таки жаждала приключений на свою прелестную... Хм. Но – только с ним!

Здоровое размышление, впрочем, говорило о том, что вряд ли такой резидент получит столь мелкое задание, как она. Скорее, для него это будет просто мелким приятным дорожным происшествием. Даже если он и слышал когда-то о Катарине Бланке де Пуассон, то только в связи со скандалом о покушении. А связать путешествующую к дяде баронессу с мятежной мстительной графиней у него нет никаких оснований. Вроде бы.

Так что она слушала и расспрашивала, стараясь теперь не выглядеть такой заинтересованной, а, скорее, уже слегка скучающей, о внутренней и внешней политике покинутой второй родины, не забывая использовать стандартный набор провинциальной, и поэтому слегка наивной, оболъстительницы.

То, что она узнала, было, несомненно, полезно. События, в освещении и с комментариями мессера Джона, приобретали глубину и смысл, явно указывая, какие имперские Цели преследует король. И как он этого добивается...

Так вот, его Величество Филипп четвёртый, прозванный за выдающуюся внешность Красивым, управлял страной с

1285 года железной безжалостной рукой. Он всемерно стремился укрепить свою власть, и сосредоточить все рычаги в своих руках. (Глядя на те безобразия, которые творили местные феодалы в своих и чужих владениях в разобщённой Австрии, и нищете, являвшуюся прямым следствием этого, Катарина не могла не признать грамотность такого подхода, и достоинства централизации на данном этапе полудикого неграмотного общества, для пользы бизнеса и роста могущества страны.).

Однако средства и способы, которые король применял для этого, были довольно... круты.

Он обложил всех «трудящихся» непомерными налогами и безжалостно подавлял любые народные бунты, возникающие из-за голода и нищеты. Однако он же дал крестьянам возможность выкупить себе личную свободу, хотя и за огромные – разумеется, для крестьянства! – деньги. Для короля признать за крестьянством даже *возможность* быть свободным – уже, по её мнению – первый шаг к демократии, пусть и навязываемой сверху. С другой стороны, что свободные, что нет – работали и платили налоги...

Жена Филиппа, королева Жанна, принесла ему, помимо королевства Наваррского в приданном, трёх сыновей и дочку-красавицу. Можно было не сомневаться, что этой дочкой король воспользуется грамотно. В смысле, для пользы государства. Воевать он тоже не стеснялся. Так что границы Франции были расширены и укреплены.

Похоже, больше из принципиальных соображений, Филипп регулярно воевал и с пресловутой Фландрией. И хотя реальных доходов с этого пока не имелось, престиж страны укреплялся, и в Европе, пожалуй, сейчас сильнее Франции, страны не было.

Всячески король поощрял и торговлю, этот суперисточник прибыли страны. Привлечённые разными льготами и заманчивыми обещаниями и гарантиями свободного ведения любых дел, крупнейшие итальянские торгово-ссудные конторы спешили открыть во Франции свои филиалы. Их хозяева – так называемые ломбардцы – прочно обосновались здесь, и глубоко запустили свои золотые сети в хозяйственный механизм страны. Приток денег, которыми они ссужали дворянство и даже центральную власть, реально делал Францию и её жителей богаче – пусть даже и в долг. Ну вот и зачатки кредитно-банковской системы...

Процветало рыцарство – Катарина не без удивления узнала, что ещё проводятся крестовые походы: настоящие, а не пропагандистские – эти прикрытые красивыми словами и высокими идеалами чисто грабительские набеги на богатые восточные страны. Так, последний, состоявшийся всего несколько лет назад, принёс небезызвестным рыцарям-тамплиерам сказочную добычу, а казна ордена хранилась тоже во Франции. Этот огромный даже по теперешним меркам «золотой запас» надёжно покоился в кладовых мрачной громады здания ордена, дворца Тампля, прямо в центре Пари-

жа. Разумеется, такая финансовая подстраховка и такой контингент кадровых военных ни одному государству повредить не могут – враги поостерегутся от провокаций и конфликтов.

Но всё же главное достижение короля, конечно, состояло в том, что он жестокой и твёрдой рукой обуздал, наконец, произвол мелких феодалов: любые междуусобные войны и разборки подавлялись безжалостно и неотвратно. Законы и налоги устанавливались едиными для всех. Государство из рыхлой каши, в которую оно «растеклось» после кончины небезызвестной исторической личности Карла Великого, за несколько лет превратилось в единый могучий монолит, способный справиться с любым внешним и внутренним врагом.

Вот и верь после этого бреда, который она учила в школе, о том, что, дескать, всем историческим процессом управляют народные массы... Ни фига они за предыдущие двести лет не управляли, пока не пришёл сильный и амбициозный руководитель, который всё сделал, как хотел, и чихать хотел на «социальные» процессы и народные протесты.

И ещё поневоле вспомнился великий и «нерушимый» Советский Союз: пока все были вместе, никакой внешний враг *ничего* не мог сделать. А стоило прийти к власти только *одному* безвольному болтуну... Который вместо решительных действий по обузданию центробежных поползновений всё создавал «Комиссии»...

Проехали. Время собирать камни, и время разбрасывать камни. Каждый забрал свой маленький камушек, и думал,

что – вот, сейчас, он из него кашу-то сварит... Сварил? Возможно, так и будет, но ценой каких жертв и страданий опять-таки – кого?

Тех самых народных масс.

Впрочем, эк, куда её завело...

Она, потрянув в очередной раз гривой (своей, а не коня), задала очередной вопрос.

В Италии происходило почти то же, что и в Австрии и Германии: не существовало единой центральной власти, как при римлянах, а был непрочный союз отдельных независимых провинций, или, скорее, городов, которые постоянно грызлись между собой в нескончаемой гражданской войне. И часто по пустяковому поводу. Но чаще – из-за торговых прибылей, путей, и преимуществ.

Катарина удивлялась, как же таким государствам удавалось как-то существовать, и сохранять хотя бы видимость единой страны! Татар бы сюда – они бы поживились от души: пограбить в «солнечной» было чего.

В принципе, Филипп четвёртый как раз и воспользовался такой слабостью, и отсутствием единой, или хотя бы согласованной политики, и захватил под свой контроль мощнейший религиозный инструмент: резиденция римских Пап теперь была в Авиньоне.

Такого исторического момента Катарина не помнила, но он только лишний раз подтвердил силу и прозорливость французского короля. Переоценить влияние религии на

средневековое общество было невозможно – поэтому авторитет короля поднялся до небес!

Однако, похоже, раз она такого момента не запомнила – он будет краткосрочным. Скорее всего всё вернётся на круги своя когда на троне окажется очередной самовлюблённый слабак-сibarит...

Многие факты, конечно, были известны Катарине и до встречи с «информационно подкованным» виконтом, но её больше интересовала его оценка тех или иных событий – комментарий специалиста, так сказать.

А в том, что он – специалист, сомнения не было. И ещё какой обаятельный специалист. Если бы не обострённое чувство опасности и кое-какой опыт, она полностью поддалась бы его неповторимому шарму и гипнозу беседы – недаром же говорится, что женщины любят ушами... Сердцеед он точно был профессиональный. Как бы со стороны она следила за его изошрённой, действующей незаметно, исподволь, тактикой обольщения. Но не сопротивлялась, а подыгрывала – пусть считает, что она очарована!.. Это было тем более легко, что она, и вправду, была очарована.

В интересном разговоре время прошло незаметно, останавливались только один раз – у ручья, где Катарина с Марией сделали, что было возможно, с испачканным платьем, и вымылись частично сами. С учётом поведения «настоящей» дворянки на это ушёл час. Но результат оказался удовлетворительным: теперь встречные крестьяне не пилились на неё

с испуганным видом. Хотя, честно говоря, по этим дорогам их ходило немного.

Ещё часа через полтора они остановились на ужин и ночлег в более-менее приличной на вид гостинице-харчевне. Она обнаружила, что сильно проголодалась – стресс отнял много энергии.

Оставив Пьера заниматься всеми лошадьми, они с Марией, извинившись, ушли переодеваться в снятые комнаты. Виконт, как знаток местной кухни, вызвался заказать ужин и подобрать вино получше.

В комнате, едва закрылась дверь, Мария поразила её:

– Умоляю вас сударыня, будьте поосторожней с этим типом! Никакой он не виконт! – глаза няни лихорадочно горели. Видать, слишком долго пришлось сдерживать накопившееся, – Уж повидала я на своём веку виконтов! Все они ему и в подмётки не годятся – у этого и выправка, и осанка, и одежда, и конь: словом, ставлю два золотых против денье, что он по-меньшей мере маркиз! А уж как медоточиво разговаривает!.. Такой весь коварно-любезный, ну прямо как патока... Наверняка королевский шпион... Или подсадная утка его Высокопреосвященства!

– Это он только тебе таким показался, или и Пьер так считает? – Катарина, как раз вылезавшая из платья, приостановилась, и пытливо посмотрела через плечо на помогавшую ей няню.

– Нет, Пьер считает по-другому.

– А-а, ну, слава Богу, а то уж я было подумала, что вы оба просто ревнуете. Так что же считает Пьер?

– Пьер считает, что этот тип – наёмный убийца, посланный за вами.

Катарина так и застыла с юбкой, накрывшей голову. Затем всё же быстро сняла её, чтобы спросить, понизив невольно голос:

– Почему?..

– Он попросил рассказать вам сразу, как останемся наедине. А он пока будет потихоньку приглядывать за этим... Виконтом. Так вот, что было: когда этот неожиданный... Спаситель... Рубанул по голове атамана, парень с кинжалом в руке, который ваша милость так нелюбезно воткнули в него, стоял близко к Пьеру. И Пьер увидел, что он... Ну, как бы жутко удивился – не тем, что он появился, нет, тут он не удивился совсем, а тем, что он, вроде, как выступил на нашей стороне!

Словом, не умею я объяснить – Пьер сказал, что вроде бы, по его мнению, этот... виконт кажется, знал, что здесь они на нас нападут, а он... ну, Пьер – думает, что он их и нанял!

Так вот – когда, как я вашей милости говорила, он рубанул по голове этому... Тот, с кинжалом-то в руке, потом, так удивлённо сказал: «Вот подлец!» А затем тише вроде добавил: «Предатель...». Но за это Пьер не поручится, а за подлеца – вот вам крест! Уж в немецких-то ругательствах он толк знает! Да вы и сами рассудите – с чего бы это бандитам нападать среди бела дня?

А он – он-то как быстро прискакал, якобы нам на помощь! Скорее, просто сидел где-то поблизости в засаде, чтобы потом подъехать и убедиться, что нас – сохрани Святая Троица! – убили!..

Вот точно вам говорю – его это работа, и его наёмники! А как подъехал, да как увидал, что его мерзавцы-то почти все убиты, так и решил переметнуться – чтобы, значит, втереться к нам в доверие! Он очень умный и расчётливый – уж поверьте старой няне!..

Катарина слушала не перебивая. Кое о чём она была схожего мнения, но кое-что у няни всё же не стыковывалось, о чём она и сказала ей:

– Нет, я думаю, дело не в этом. Да, он умён. Если бы он нанял этих бедолаг, чтобы просто убить нас, они спокойно стреляли бы из засады. А они явно хотели захватить нас живьём.

Возможно, он им посулил деньги за то, чтобы припугнуть нас, и стараться, вроде, захватить живыми... А сам с самого начала предвидел, что мы будем драться, и хотел прийти к нам на помощь, и таким образом – правильно ты говоришь! – стать нашим спасителем и другом. Но, наверное, он всё-таки не рассчитывал, что мы сможем так быстро поубивать почти всех: помнишь, те, трое, до последнего сидели спрятавшись.

Вот я и думаю – они вообще не должны были появляться, а он прискакал бы к нам во всей боевой красе, «на белом коне», и прогнал тех, напавших первыми – с ними он ско-

рее всего об этом и договорился. В любом случае, они все должны были остаться в живых: предвидеть, что две женщины и пожилой мужчина смогут серьёзно навредить профессиональным грабителям не смог бы даже он.

Но права ты в одном: он слишком быстро прискакал, и очень быстро сориентировался в ситуации: убив оставшихся бандитов, с ними не надо будет расплачиваться, и свидетелей его хитрости не останется. Да и в доверие к нам он уж точно влезет.

Мария с недоверием посмотрела на неё:

– И раскусив всё это, вы продолжаете мило строить глазки этому коварному пройдохе?

– А почему нет? Раз мы раскрыли его игру – что подтверждает услышанное Пьером – почему бы нам этого парня не использовать? В-смысле, не попробовать узнать – кто и за-чем его нанял? Пытать его, конечно, бесполезно, но может, он проболтается во время... Занятий любовью!

Особенно, если будет пьян. Разве мужчина не теряет бдительность в постели?

– Господи – Боже Всемилостивейший! Да что вы такое говорите-то!!! Слышать *такое* от ВАС?! И как у меня уши не отсохли!.. Сударыня, побойтесь Бога – уж не *вы ли* собираетесь ложиться с этим дьяволом в постель?!

– Ну разумеется! Согласись, я гораздо моложе тебя и местами привлекательней! – она кокетливо повертелась перед няней, потерявшей от удивления дар речи, покачав этими

самыми местами, – А почему не воспользоваться таким шикарным орудием для допроса, если природа мне его дала? – её чёрная, как смоль, бровь изящно приподнялась.

– Я... Вы... О, Господи! – только и смогла выдавить задохнувшаяся Мария, плюхнувшись на табурет и в отчаянии всплеснув руками.

– Ха-ха-ха! – Катарина бросилась перед ней на колени, и схватила похолодевшие руки пожилой шокированной женщины в свои, – Ну, прости, няня! Ну пожалуйста! Клянусь, больше никогда так не буду шутить! Уж и не знаю, какой чёрт меня дёрнул за язык – брякнуть такое! Всё-всё, больше не буду! – она, расцеловав вспотевшие ладони, честным лучезарным взглядом посмотрела в глаза всё ещё не пришедшей в себя Марии.

Затем уже серьёзным тоном сказала:

– А теперь – шутки в сторону. Слушай внимательно и запоминай. Он – очень хитёр. Я расскажу, что вам с Пьером надо сделать. И не вздумайте что-нибудь сделать не так, как я скажу...

От этого зависит моя жизнь!

36

Представ за ужином-обедом во всём возможном блеске, она сразу начала последовательно претворять свой «коварный» план в жизнь.

Нет, не то, чтобы она вульгарно тарасилась, хлопая длинными ресницами, или томно вздыхала, или наступала невзначай на ногу виконта, сидя с ним за действительно хорошо сервированным столом со вкусной едой. Ничего подобного.

Она вновь действовала строго по Карнеги. (Спасибо великому американцу – до его рождения ещё шестьсот лет, а методика шикарно работает!) Катарина продолжала с неподдельным интересом (и это было нетрудно) слушать мессера Джона, как она его теперь всё время тепло называла, очень ненавязчиво и аккуратно выясняя, чем он ещё интересуется и увлечён, кроме политики. К счастью, это оказалось нетрудно, и всплыло само собой, так как таких, если можно так выразиться, хобби, оказалось всего два: женщины и оружие.

И если первую тему обсуждать Катарине было, что вполне естественно, не совсем с руки, то уж во второй-то она развернулась, как хотела.

Недаром говорят: чего хочет женщина – того хочет Бог. Не прошло и часа, как виконт, как она про себя продолжала его называть, даже забыл о еде: так увлёкся рассказом о своей коллекции оружия и способах его применения. При этом он даже не заметил, как выложил, что она развешана по стенам трёх залов его родового замка в Божанси.

Катарина запомнила этот факт, и не заостряя на нём внимания, сразу перехватила инициативу – стала описывать достоинства и тонкости производства восточных сортов стали,

и сравнивать их кондиции с классическими западными – для кинжалов, мечей, кольчуг, так как в эту эпоху никто не мог бы похвастать большими знаниями в этой области (ну ещё бы – Японию ещё даже не открыли!). Виконт оказался полностью захвачен её рассказом, особенно о самурайских (у неё хватило мозгов так их не называть) мечах и кинжалах для метания. В частности, она похвасталась «подаренным» мечом, который мог перерубить даже более толстый классический западный меч.

Она, конечно, тоже несколько увлеклась, позже сообразив, что здесь многое из тонкостей техники и технологии ещё не могут быть известны, да притом – ей. Но Джон, к счастью, оказался так заинтересован, что не обратил внимания на то, откуда его собеседнице известны все эти обычно столь тщательно оберегаемые фирменно-фамильные секреты...

Или, что казалось вероятней, он тоже всё мотал на ус, не подавая виду.

Словом, беседа у них приняла очень активный и взаимнополезный характер. Немало этому способствовало и приличное вино, которое он щедрой рукой подливал ей и себе. Но так как Катарина в предвидении такой ситуации съела натошак большой кусок сала из их дорожных запасов, опьянение было ей не так страшно, хотя притворялась она весьма умело. Виконт тоже держался молодцом – словно пил воду. Мысли формулировал чётко, мимо бокала не наливал, мутным похотливым взглядом не смотрел. Ничего не скажешь –

профессионал.

Как бы невзначай она закинула пробную удочку – спросила, куда он направляется в данный момент, и не помешает ли его важным международным делам, если он немного проводит таких... беззащитных (она просто не смогла «спяну» подобрать более удачного слова) путешественников. Если бы она не следила за ним из-под пушистых ресниц, делая вид, что ковыряется в рагу, ни за что бы не уловила секундного колебания, но только – в глазах. Тон его оставался неизменно спокойно-обаятельным. Лицо же... Увидеть даже крошечную фальшь было абсолютно невозможно. Такому бы в покер играть. Впрочем, «классических» карт, как она поняла, все-таки ещё не завезли из Китая... Или откуда там их завезли?..

– Сейчас мне нужно добраться до Вены, а дальше я поеду, только уладив кое-какие дела. Но ничто не сможет помешать мне проводить вас куда пожелаете – дела подождут. Конечно, только до того момента, как моя скромная персона не наскучит вам!

– Ха-ха-ха! Наскучит – скажете тоже... Нет, это и в самом деле лучше, чем я могла надеяться, дорогой мессер Джон! Значит, мы по крайней мере ещё два дня будем попутчиками – опять-таки, разумеется, если ваши дела не так спешны. В противном случае я просто не смею вам навязывать нашу медлительную компанию. Ведь у столь ценного и занятого человека время – самое драгоценное сокровище.

– Ну что вы, дорогая баронесса! Ни о каких делах и речи быть не может, если вы только позволите сопровождать вас, и постараться хоть в какой-то степени скрасить и обезопасить ваше путешествие своим присутствием! Скажу без капли преувеличения: если вы позволите разделить с вами тяготы этих двух дней, я буду счастливейшим из смертных!

– Мне весьма... лестно слышать это из уст столь выдающегося мужчины. Откровенно говоря, милый Джон, вы настолько приятный собеседник и галантный кавалер, – она позволила себе озорной взгляд и похихикивание (типа, уже хороша от вина), – Да и просто сильный и... – она вздохнула, томно улыбаясь, – настоящий мужчина, что путешествие в вашем обществе было бы для скромной... (она вроде как икнула!) И совершенно необразованной... Провинциалки вроде меня и приятно... и полезно. Конечно, я принимаю ваше любезное предложение – сопровождайте! – паузы в её речи, когда она, якобы, формулировала мысль, подбирая слова, стали чаще.

– Благодарю, миледи, за честь, оказанную мне! Но должен сразу честно признаться – провинциалки, как вы со свойственной вам скромностью себя назвали, со столь выдающимся знанием и владением оружием я ещё не видывал! И это позволяет мне думать, что скорее, это ваше общество будет более... Полезно и познавательно для меня!

– О-о, дорогой виконт, – она погрозила ему точёным пальчиком, – Вы мне льстите! Причём так неприкрыто, что я счи-

таю себя окончательно смущённой и покорённой!.. На мой взгляд я вовсе не какая-то грозная амазонка. Признайтесь же: что вас больше привлекает во мне – возможность поухаживать за... симпатичной дамой... Или возможность поговорить об оружии?

– Ах, баронесса, это нечестно! На такой вопрос существует только один ответ, и вы его прекрасно читаете в моих глазах, как знаете и то, что вы поистине неотразимы – и как женщина, и как воин!

– Благодарю за искусный комплимент, любезный кавалер! Однако я вижу, что как любой... ловкий дипломат вы-таки уклонились от ответа! – она, подперев якобы клонящуюся к столу голову белой изящной ручкой, улыбнулась ему самой недвусмысленной улыбкой из тех, что нашлись в арсенале.

– Дорогая Бланка – как вы можете!.. – он укоризненно покачал головой, – Умоляю вас, перестаньте! Я высказал свои чувства вполне откровенно, без всяких недомолвок, а вы умудрились и *это* поставить мне в упрёк?! Или вы напрашиваетесь на ещё один комплимент? Пожалуйста, вот он: если б вы были мужчиной, я почёл бы за честь пасть от вашей руки, так же, как сейчас пал от света ваших чудесных глаз!

Медоточивый сукин сын. Красиво излагает.

– Нет уж, дорогой Джон! Я, конечно, предпочитаю, чтобы вы пали... Но при этом чтобы и я оставалась той, кем являюсь в данный момент, и вы тоже – оставались в вашем мужественном обличи! И чтоб мы пали... где-то рядом, –

она смотрела ему в глаза не отрываясь, и внимательно следила за реакцией на откровенную провокацию, – И произошло это не на поле брани, а на чём-нибудь не столь возвышенном, скорее даже... Прозаическом! Но гораздо более мягком и удобном! – ну уж более недвусмысленно, пожалуй, даже в её время трудно было бы выразиться!.. Да и что вы хотите от наивной провинциалки, слегка (слегка!) подпившей и слегка (да, только слегка!) очарованной!

– Смею надеяться, миледи, что в моём нынешнем облики я не разочарую вас ни в чём! – судя по действительно загоревшимся глазам, наживка даже этим хитрым и расчётливым циником проглочена целиком – вместе с леской и удилицем! Но не слишком ли она форсирует события? Может, приличной даме из средневековья полагается ещё покобениваться?

Загадочно блеснув на него глазками из-под взлетевших на миг ресниц, она скромно проворковала:

– Пожалуй... У вас появится шанс дать мне убедиться в этом. Особенно, если вы и дальше будете услаждать меня столь изысканными комплиментами, обаятельный вы сердцеед! Признайтесь честно – скольких наивных дамочек вы покорили своими изящными манерами... И неотразимой улыбкой?!

– О, дорогая Бланка! Ну как вам не совестно – ревновать к тому, чего никогда не было да и не могло быть! При такой работе, как моя, на флирт и ухаживания у меня просто не

остаётся ни времени на сил! Клянусь спасением души: вы – первая и единственная женщина, ради которой я готов пренебречь порученным мне делом, и сопровождать вас хоть до скончания веков и на край света!..

Неизвестно, (вернее – очень даже известно!) до чего бы они ещё договорились прямо здесь же, за столом, но их излияния прервало появление ещё одной группы путешественников, прибывших поужинать и переночевать: троих угрюмо-торгового вида старцев явно итальянского, судя по загару и строению лиц, происхождения. Катарина какое-то время смотрела на них, затем, как бы потеряв нить разговора, вновь обратилась к виконту:

– А почему нам не подают такого же чудесного жаренного гуся?

– Если бы я только знал, дорогая баронесса, что вы пожелаете отведать такого, с позволения сказать, не совсем изысканного и... Хм... Питательного блюда, я непременно распорядился бы! Угодно ли приказать вашему покорному слуге?... – он повёл рукой.

Ей оказалось угодно. И вина ей наливайте не стесняясь. Итак, после бульонов и дичи с разнообразными (пикантными и своеобразными на вкус) соусами, они перешли к прозаическому гусю на вертеле, от которого, кокетливо работая изящными пальчиками, Катарина лишь отщипнула несколько ломтиков аппетитного мяса, основной упор сделав на нарочито замедленном облизывании этих самых пальчиков от

жира.

На протяжении последующего получаса виконт, пожирая глазами – её, а ртом – многострадального гуся, продолжал развлекать её последними дворцовыми анекдотами и сплетнями, а она старательно симулировала плавный переход от средней степени опьянения к сильной.

А поскольку он пил даже больше её, вскоре они почти не переставая хихикали, переглядывались и любезничали. На этой стадии она ещё воспринимала комплименты галантного характера и могла довольно связно поддерживать беседу, лишь иногда теряя её нить, и как бы удивлённо похлопывая ресницами при этом – мол, о чём это мы?..

Она чувствовала, что щёки у неё покраснелись, кровь заструилась по жилам быстрее, глаза сверкают, словно угли, весёлый смех сам так и рвётся на уста при каждой шутке остроумного собеседника.

Однако холодная наблюдательница в глубине её жёстко контролировала всё.

Она замечала и подмигивание Пьера, и недовольное качание головой Марии, когда сама она закатывалась какой-нибудь очередной шутке виконта. Так как они сидели в углу у очага и находились за спиной виконта, тот их сигналов и недовольства видеть не мог.

А вот наблюдательница в ней видела и холодный блеск расчёта в глазах милого собутыльника, и, самое главное – засекала она и тот момент, когда любезный Джон, полагая,

что она, отвернувшись от стола – чтобы сделать знак хозяйки – насчёт упавшей (случайно, конечно, она совсем не хотела смахнуть её со стола широким рукавом) тарелки, – выпустила из поля зрения его руки, быстро и ловко сыпанул что-то ей в бокал.

Продолжая как ни в чём не бывало играть беззаботную соображаемую женщину, она непринужденно выпила это тут же почти до дна (про себя уповая на то, что неведомая гадость растворяется не мгновенно), икнула (уже неприкрыто), после чего, скромно извинившись, попросила «милого Джона» самого подобрать в винном погребе безмозглого хозяина вино другого – достойного! – сорта. А то у этого... Хмм... странное послевкусие... Да оно и слишком... э-э... Слабое – словно разбавлено... и... и... Совсем без букета. Вот именно – совсем без букета!

Разумеется, столь галантный кавалер поспешил выполнить повеление своей королевы, как он, не мудрствуя лукаво, теперь называл её, и отодвинув табурет, поднялся.

Стоило слегка пошатывающемуся виконту скрыться на кухне, где и находилась дверь, вернее, люк в винный погреб, как от опьянения Катарины не осталось и следа.

Выплеснув под стол остатки из своего бокала, она вскочила, и как молния пересекла, возможно, несколько удивив, если не сказать сильнее, остальных, мирно кушавших, или беседовавших постояльцев, всё помещение.

Она выбежала во двор, планировку которого отлично за-

помнила. Забежав за угол ближайшего сарая, она быстро, ещё на бегу, засунула в глотку два, а затем и три пальца.

Вся хорошая и вкусная еда, так мило переваривавшаяся часа полтора в её желудке, оказалась под каким-то кустом. Она рассчитывала на то, что если «дорогой» Джон подсыпал ей яд, за пару минут тот не успеет рассосаться в желудке, наполненном пищей. Ну а если это только снотворное, что было гораздо вероятней – тем более не успеет.

Поскольку она была абсолютно трезва – сало, и адреналин от предвкушения опасности сделали своё дело – ей удалось не испачкаться и сделать всё быстро. Остаётся надеяться, что дворовые собаки не передохнут.

Она успела в последний момент.

Вошедший с двумя бутылками в руках и победной улыбкой на лице Джон застал её скучающей за столом, уже двумя руками подпиравшей прелестную отяжелевшую головку. Но при его появлении она всё же приветствовала его, кивая и улыбаясь.

Удивлённых взглядов, обращённых на сверхскоростную женщину мирными путешественниками, виконт заметить не мог, потому что она сразу посмотрела ему в глаза, притягивая его, словно двумя магнитами всё время, пока он шёл к ней.

Когда он опустился на табурет, едва не опрокинув его, и принялся, извинившись, что так долго, откупоривать и разливать, она взглянула на своих. Пьер жестом показал, что всё

отлично: виконт не заметил её манёвров.

Под пятое или шестое блюдо, которое уже якобы сытая Катарина уже только пробовала, а больше всё ковыряла жирным пальчиком, и двузубой вилочкой, они смело выпили и эти две бутылки, продолжая всё более бессмысленный и смелый обмен шутками и намёками (да, впрочем, какими там намёками – уже в открытую!..), вполне, впрочем, характерный для предпоследней стадии опьянения. Несмотря на невероятное здоровье Джона, видно было, что, наконец, разобрало и его.

Заметив первый его озабоченно-недоумённый взгляд где-то через пятнадцать минут, она решила, что пора уже снотворному и раствориться... Хотелось надеяться, что это всё же именно снотворное – ведь не может же такой мужчина быть настолько низок, или глуп, чтобы отравить её, не воспользовавшись вначале ситуацией в свою пользу?!..

Или – может? В любом случае хорошо, что она защищена противоядием, а тылы прикрывает надёжный и проверенный гарнизон.

Зевая, и даже не давая себе труда прикрывать ротик ладошкой, она попросила, несколько бессвязно, милого Джона – проводить её... э-э... в её комнату. Что-то она устала – да, только устала... и ещё... Немного переволновалась – она деланно возмутилась на его мягкую полуироничную улыбку – а кто бы на её месте не устал и переволновался от *такого*?!

Джон поспешил заверить, что именно это он и имел в виду

– конечно, такие события...

Он с удовольствием предложил ей руку, на которую она опёрлась – то есть повисла всей тяжестью! – и повёл, покачиваясь, на второй этаж. Прочие постояльцы опять-таки с интересом наблюдали, но не комментировали. Краем глаза она увидела Марию, и успела ей подмигнуть. А вот Пьера за столом уже не было.

Почему-то (интересно, почему?) «виконт» привёл её не в её, а в свою комнату.

Через порог ему уже пришлось её заносить – ноги почему-то (опять-таки интересно – что это с ними?) не двигались. Она указала ему и себе на это междометиями, мычанием и слабыми жестами руки...

Заперев дверь на щеколду, он развернул её к себе и начал страстно и в то же время нежно целовать, бережно придерживая от падения, и прерывисто дыша. Он покрывал её плечи, шею и лицо, горевшее нездоровым румянцем, обжигаящими поцелуями – такими чувственными, что оживили бы и каменную статую. Катарина, однако, подумала, постанывая, словно от наслаждения, почему он молчит? Где, чёрт его возьми, комплименты и слова любви? Он что, думает, что она совсем без сознания, и хочет удовольствия только для себя?!..

Ну так ничего подобного! Внезапно подняв руки, и засопев, она нежно, но крепко обняла его за мускулистую загорелую шею, не то зарычала, не то – замычала от страсти, и

прижалась жадным ртом к его губам. Возможно, она чуток перестаралась, и как-то, вроде, случайно, обрезала острыми зубками его горячие губы!

Но чего вы хотите от пьяной женщины? Во-всяком случае, поцелуй получился ну очень страстный – дорогой Джон тоже зарычал. Наверное, тоже от страсти.

Тут она решила, что хватит инициативы, и, расслабившись с глубоким вздохом, окончательно обмякла в его сильных руках – словно тряпичная кукла.

Благородный рыцарь, пробурчав что-то, слишком уж похожее на «вот чёрт!» с трудом поднял её на руки – а что вы хотите, в ней не меньше шестидесяти пяти килограмм отлично тренированных мускулов! – и перенёс, отдуваясь, на кровать. Конечно, кровать он приготовил заранее.

Нахал.

Положив её почему-то поперёк, он первым делом скинул с себя португезию с мечом, метнув её в угол, и сапоги. Затем, ворочая Катарину словно мешок с картошкой, перевернул её лицом вниз, и очень быстро, куда быстрее Марии, расшнуровал весь корсаж.

Да, явно чувствовалась богатая практика и профессионализм...

Впрочем, грех было жаловаться: он вынул её из платья очень бережно и аккуратно.

Ну, спасибо. В рубашке, разумеется, спать гораздо удобнее. Она хотела было высказать ему эту смелую и оригиналь-

ную мысль, но потом решила не подрывать его веры в качество снотворного, и только слабо что-то промычала, словно во сне.

Но вот он наконец уложил её как надо, и разделся сам.

Даже сейчас, наблюдая сквозь полуопущенные пушистые ресницы, Катарина не могла не восхититься мужественной красоте его великолепной фигуры. Можно было подумать, что он занимался на спецснарядах в тренажёрном зале. Красавчик. Аферист чёртов.

Расслабив все мышцы, она приготовилась получить удовольствие.

Очень внимательно он осмотрел её полностью обнажённое тело. Странное начало для любовных игр. Ах, вот оно что. Очевидно, он искал каких-то врождённых отметин, чтобы убедиться, что перед ним именно та, что ему нужна. Заодно проверяя, нет ли где искусно припрятанного оружия, или каких-нибудь амулетов... Она похвалила себя за предусмотрительность – весь богатый арсенал был сдан Марии на хранение.

Кажется, осмотром он остался доволен, найдя небольшую родинку на её правой ляжке. Во-всяком случае, он удовлетворённо хмыкнул.

Успокоенно – или ей так показалось? – вздохнув, он с плотоядной улыбкой осмотрел её уже как предмет сексуальных вожделений.

Нежно провёл горячими руками по телу сверху вниз, лас-

кая точёную шею, упругую грудь, тёплый мягкий живот, подчёркнуто тонкую талию и крутые бёдра.

Она знала, что хороша, но всегда приятно получить лишнее подтверждение: от восхищения он даже причмокнул (вот свинья – вернее, хряк!), покачав головой. Катарина чувствовала дрожь возбуждения в его руках, которые остались на внутренней поверхности её бёдер. Впрочем, гораздо больше его возбуждение проявилось в другом месте – так как он стоял между её ног на коленях, и ей это было прекрасно видно. Ну, давай, бессовестный Джон.

Смелее, жеребец ты этакий!

Однако проявить свои, явно незаурядные качества, ему не дали.

Да и чего ещё она могла ожидать от ревнующего мужчины, которому к тому же сама приказала выбрать «наиболее подходящий» момент.

В центре груди виконта вдруг возникло окровавленное остриё арбалетного болта.

Какую-то долю секунды он глуповато таращился на неё, в смысле, на стрелу, а затем раскрыл рот, явно собираясь выразить бурный протест.

Ну уж это ей совершенно ни к чему.

Мгновенно вскинувшись, она одной рукой обхватила его за шею, а ладонью другой надёжно заткнула ему рот. Ноги её при этом крепко охватили его торс.

Сказать, что он сильно удивился, значило бы ничего не

сказать.

На пару секунд, несмотря на страшную боль, он прямо-таки застыл, вытаращив глаза, и являя собой скульптурную миниатюру «не ждали».

Но затем жажда жизни взяла своё: он стал бороться изо всех сил – то есть так же, если не более яростно, чем она сама. Ведь он прекрасно понимал теперь, что его раскусили и провели, и если он не позовёт на помощь, или хотя бы не призовет каких-нибудь свидетелей, здесь же, на месте, и умрёт! И исчезнет, скорее всего, бесследно, в безымянной яме, вырытой в местных лесах...

Уж в чём-чем, а в прагматизме ему нельзя было отказать.

Конечно, он был гораздо сильнее Катарины, и если бы не стрела, легко справился бы с ней.

Но она, гибкая, как лиана, и быстрая, словно молния, к тому же владевшая неизвестными здесь приёмами борьбы, вцепилась в него, словно дикая кошка, и какое-то время успешно справлялась.

Однако, когда они грохнулись на деревянный пол, и её рука оказалась насквозь прокушенной, ослеплённая мгновенной яростью от дикой боли она на секунду забыла о присутствии Пьера, и превратилась в то, что выбрала с самого начала для такого случая – чёрную пантеру.

Вряд ли можно было удивить виконта сильнее, чем в первый раз, однако это произошло.

За доли секунды, пока он застыл, являя на этот раз компо-

зицию «Горгона-Медуза», она, вернувшись в человеческий облик, костяшками сжатых в боевой хватке пальцев левой руки что было сил вбила ему в горло его же кадык.

Кроме хрипов, после этого звуков от него не было, но какое-то время он ещё честно пытался задушить её, даже не делая попыток сбросить захват и добраться до двери.

Ничего не скажешь – в мужестве и упорстве отказать Джону было никак нельзя.

Настоящий боец. Жаль только, что он оказался не на той стороне.

Несколько секунд, пока длилась агония, и ей приходилось удерживать его руки, чтобы они не раздробили её горло, показались ей вечностью, и шею пришлось вернуть – у пантеры она помощнее... Когда же он, наконец, обмяк, и адреналин перестал поддерживать его феноменально живучее тело, она последним усилием, со стоном, столкнула его с себя, и он замер, обмякнув и вытянувшись на полу, и глядя в вечность полными ненависти остекленевшими глазами.

Зрелище не для слабонервных.

Впрочем, в их команде таких и не было.

Она так обессилела, что чуть не забыла вернуть шею в нормальный человеческий вид.

Перекатившись на спину, и на минуту расслабившись, она лежала, жадно хватая воздух ртом, не в силах даже застонать. Затем, всё так же лёжа на спине, попыталась остановить хлещущую кровь, и зализать рану на руке. Хорошо, что он на-

верняка не страдал бешенством.

Хотя – как сказать...

В таком положении её и застал Пьер, влезший в окно, через которое он и следил за ними всё это время, держа под прицелом кровать с крыши сеновала. А сейчас подставил к нему длинную лестницу, взятую из конюшни.

Окно Пьер открыл снаружи, ещё до того, как Катарина с виконтом поднялись наверх. Её расчёт оказался верен: виконту было в тот момент не до окна.

Ей повезло – в момент превращения Пьер явно потерял их из виду, так как они упали за кровать. Можно было не волноваться – её тайна не раскрыта. Однако по этой же причине Пьер не смог и пустить вторую стрелу из запасного арбалета: он боялся попасть в неё, столь тесно переплелись их тела, а затем они вообще исчезли – тогда он и кинулся ей на подмогу, уже с ножом в зубах. Теперь же он переложил его в руку, держа как корсиканец – лезвием к себе.

Некоторое время они, тяжело дыша, молча смотрели друг на друга.

Затем она криво усмехнулась:

– Похоже, вкусить прелести любовных игр мне сегодня не удастся.

Пьер, как давеча Мария, открыл было рот. Снова его закрыл. И вновь открыл:

– Вольно же вам так шутить, сударыня! – укоризненный тон обычно такого сдержанного и непробиваемого верного

друга показал, что он поражён её цинизмом. А юмор не оценил вообще, – Как вы можете сейчас думать об *этом*?!

– Да нет, конечно... Это я просто пытаюсь шутить, потому что сильно нервничаю. Но эта шутка, согласна, получилась... неудачной. Прости.

Со стоном она села, прислонившись спиной к кровати, и здоровой рукой стянула оттуда простыню, чтобы прикрыть наготу.

Чёртов виконт. Всё тело болело, словно по нему проехал дорожный каток. Единственное, что утешало, так это неприкрытый восторг в глазах её верного помощника. Вздохнув, она откинула голову на матрац, отбросив растрепавшиеся волосы с глаз.

– Вам не за что просить прощения... Сударыня, – смущённо пробормотал полыхающий до ушей Пьер, – Ведь вы опять сделали почти всю работу – и какую работу! – Сами! Но я вижу, вы ранены? Позвольте вам помочь!

– Это пустяки! – отозвалась Катарина, внимательно приглядываясь к нему.

Он явно был очень сильно встревожен за неё, и переживал больше, чем хотел показать. А по тому, как этот закалённый и сдержанный пожилой мужчина мило засмутился и зарделся, увидев её, обессилено лежащей на голом полу, она безошибочным женским инстинктом сразу поняла бы его подлинные чувства, даже если бы не догадывалась о них до этого.

И сейчас её жестокий аналитический ум говорил ей о том же: нет сомнения, что Пьер её любит. Бедняга.

– Рана неглубокая. – продолжила она, – Оторви мне кусок простыни, или ещё чего-нибудь, перевязать этот укус, а то я запачкаю кровью всё вокруг даже больше него. – она продемонстрировала Пьеру укус, кивнув головой на виконта.

– Пресвятая Богородица! Ну и сволочь! Он укусил женщину!..

– Хм. Не могу его винить... Да и ты бы укусил, если бы от этого зависела твоя жизнь... – проворчала Катарина, меняя позу, так как что-то в доске впивалось ей в копчик, а подняться сил ещё не было. При этом она поневоле опять закричала и замычала, ощупывая ссадины и синяки, – Вот здоровый, чёрт. Я уж думала, мне конец.

– Вот это точно, сударыня, и я так подумал! Больше всего разозлился на себя! И как это я позволил вам уговорить меня на такой рискованный... – подхватил Пьер, доставая из кармана предусмотрительно приготовленный кусок чистой ткани для перевязки, опускаясь возле неё на колени и бережно, словно хрустальную вазу, беря её за руку, – Позвольте мне...

Да, честно говоря, я так и подумал, когда вы упали за постель! Видали бы вы, как я сиганул с крыши этого проклятого сарая! Вы, конечно, оказались правы, и позиция там была прекрасная... Но я как-то не подумал, что если не уложу его сразу, помочь вам никак не смогу! – очень аккуратно и нежно он бинтовал её руку, из которой ещё шла кровь, распол-

заясь ярко-алыми пятнами на белой материи.

Они находились в опасной близости, и она не отрываясь смотрела на него. Наконец он поднял глаза, но тут же опустил их, с преувеличенным вниманием занимаясь её рукой. Но она продолжала в упор требовательно смотреть на него пронзительным взором.

Наконец, не выдержав, он вновь поднял свои глаза.

После долгой паузы неохотно выдавил из себя:

– Ну да, это правда. Я знал, что рано или поздно вы догадаетесь. Ведь вы теперь очень умны и наблюдательны... – он помолчал, затем продолжил со вздохом, – Я, в-общем-то, любил вас всегда. А сейчас, когда вы стали совсем другая – особенно...

В вас стало так много всего... Ну, не знаю... Какого-то нового, непонятного – женского и... кошачьего! Не знаю, правильно ли я говорю, но чувствую я так. – он словно запнулся, затрудняясь сформулировать мысль. Но – продолжил-таки:

– Однако ваша милость не должны обращать на мои чувства никакого внимания! Я прекрасно осознаю своё место, возраст и положение. Никогда и ни за что я не выдал бы своих чувств, и, ручаюсь – больше не выдам!.. Но смотреть, как этот похотливый, мерзкий наемник-убийца будет...

О, Пресвятая Дева! Это уж было слишком... – для молчаливого и всегда сдержанного Пьера такая речь была верхом красноречия и многословия. Однако, оказалось, что он может очень ясно излагать свои мысли и чувства.

Достойный и верный мужчина. Вот он – настоящий рыцарь.

Придётся сказать ему правду – он это заслужил.

– Спасибо, Пьер, – она говорила просто, без выкрутасов жеманницы, которой признались в любви, – Ты всё сделал правильно.

А насчёт другого... Я тоже должна быть откровенна с тобой. – теперь уже замялась она, – Я... пока не испытываю ни к тебе, ни к кому-нибудь другому подобных чувств.

Я даже не уверена, смогу ли я теперь вообще их испытывать! Ведь я теперь не женщина и не мужчина – а так, нечто... Непонятное. Автомат для мести.

Машина – убийца.

Смертоносная, как сталь. Я не хотела, чтобы так получилось. Хотя... Нет, хотела.

И вот, так и получилось... И сейчас у меня нет ни сомнений, ни угрызений совести по поводу сделанного, – она повела рукой в сторону виконта, – Только холод и пустота...

Вновь мучительная пауза. Отвернувшись, она произнесла, сдержав слёзы:

– Не знаю, поймёшь ли ты меня. Но чувств нормальной женщины во мне нет. Не знаю: ещё нет, или – уже нет... И я не знаю, смогу ли я когда-нибудь отвечать на чувства других людей. – потупившись, она умолкла, закусив губу.

Он мучительно размышлял. Затем складки на его лице разгладились:

– Сударыня! Умоляю вас, не считайте себя как-то связанной моими чувствами!

Поступайте только так, как считаете нужным, и забудьте о том, в чём я только что признался! Да и в любом случае, человек в моём положении и возрасте, честно говоря, и не рассчитывает на взаимность такой молодой и знатной дамы! Признаюсь честно: мне нравится любить вас, но...

Вздумай вы действительно ответить мне взаимностью, я просто не знал бы, что и делать!

Поэтому давайте просто оставим всё, как было до того, как вы вытащили из меня это признание... По-моему, так будет лучше для всех!

– Ах, Пьер!.. Ты самый умный и галантный мужчина из всех, что я встречала! – чувство глубокого облегчения охватило её. Действительно, его реализм и рассудительность позволяли избежать больших проблем в их сплочённом отряде, где они чувствовали себя просто семьёй – дороже и ближе людей у неё сейчас и не было!

От избытка нахлынувших чувств – благодарности, облегчения, да и, наконец, радости, что они перехитрили и избавились от коварнейшего врага, – она бросилась ему на грудь, рыдая, но успев пробормотать:

– Спасибо!

– Ну что вы, сударыня! А если вам ещё что понадобится – ну, там, перестрелять половину Парижского гарнизона, или, скажем, спуститься в пекло... Вы не стесняйтесь, говорите –

и мы всё сделаем! Главное – руководите нами!

– Спасибо! Вы оба у меня просто из чистого золота! – теперь она и рыдала и смеялась одновременно. Пьер же нежно, по-отечески, поглаживал её по голове, где в это время рас-судок никак не мог прийти к соглашению с бурей эмоций – таких непривычных...

Но и таких – мучительно-приятных!

37

Пока она не выплакалась, Пьер продолжал бережно и нежно обнимать её.

Пожалуй, всё же больше он любил её как дочь – недаром же он знал её ещё с пелёнок... Но теперь она уже взрослая девочка. Нужно закончить начатое.

Нервная разрядка длилась не больше двух минут.

Утерев слёзы тыльной стороной здоровой руки, она мягко, действительно по-кошачьи, выскользнула из его объятий. Улыбнулась. Вздохнула. Завернулась в простыню.

– Тебе пора убрать эту лестницу. Да и окошко надо закрыть. Я замёрзла. – она действительно дрожала от холода и пережитого стресса, и зябко поёжилась.

– Да, ваша правда. Сейчас я вылезу и всё уберу. А как быть с... этим? – он кивнул в сторону трупа.

– Пусть полежит. А ты пока достань лопату. Лучше всего, конечно, в деревне, подальше отсюда. Часа в три мы с Ма-

рией спустим его из окна, а потом поможем тебе положить его на лошадь. Лошадь потом нужно будет расседлать и отпустить. Его же, и все его вещи надо будет отвезти подальше и закопать поглубже. Найти его ни в коем случае не должны.

– Хорошо. Часа за три-четыре я как раз успею достать лопату, и выкопать достаточно большую яму. Но не хотите ли вы сказать, что всё это время пробудете с ним?

– Но ведь он же уже не кусается?! Не возмущайся – опять пошутила... Нет, конечно. Мы сделаем всё, что надо, и уйдём к себе. Как будешь готов, кинешь камушек в окно.

А сейчас убери лестницу и закрой окно. За Марией я схожу сама. Ну, удачи тебе!

– И вам – счастливо оставаться! – пару секунд смущённо поколебавшись, Пьер кивнул ей и осторожно вылез в окно, прикрыв его за собой.

Теперь она смогла встать и хотя бы накинуть на себя платье. Порывшись в одежде виконта, она достала из его кармана ключ, и отперла замок и задвижку. Свеча, зажжённая предусмотрительным Джоном ещё до того, как они сели ужинать внизу, лишний раз напомнила ей, как хорошо он всё продумал.

Ну, ничего. Не зарекайся, что хитёр – встретишь более хитрого... Как говорилось в одной детской сказке. Сожале-ния при взгляде на то, что осталось от галантного кавалера, она действительно не испытывала. Стыда – тем более.

Вид мёртвого виконта не шокировал Марию – ведь че-

го-то подобного они и ожидали, и оговорили даже, как избавиться от трупа. Однако в первую очередь Марии пришлось помочь ей с платьем – зашнуровать его самой Катарине было несподручно.

Потом они занялись злополучным совратителем. Забинтовали на всякий случай раны в груди, чтобы они не кровоточили после того, как Катарина выдернула стрелу. Одели, пока трупное окоченение не сковало члены, одежду, обратно на её хозяина. Уложили его в такой позе, чтобы удобно было позже погрузить его на лошадь – конечно, не сидя, а лёжа, вроде согнутого мешка.

Крови, к счастью, вытекло мало, и с ней они справились быстро, затерев и замыв все потёки. Перевязали ещё раз её рану, уже наложив незаменимого бальзама братьев-отшельников. Грязные тряпки с руки и от приборки Мария выбросила в отхожее место. После этого они занялись багажом вилконта.

В одежде, которую обыскали ранее, ничего не нашли. Перешли к его маленькой седельной сумке. Мешочек, плотно набитый золотом, очень порадовал Катарину. Завязав его обратно, она оценивающе подбросила его на руке – здесь было больше, чем у неё осталось.

Щедро же платит его Высокопреосвященство своим шпионам и убийцам. А в том, что это именно так, она очень скоро убедилась. Ведь только одна вещь в его багаже была ей действительно важна – её они и обнаружили, после того как

распорол подкладку его запасного камзола.

Письмо. Аккуратно расправив его на столе, она прочла:
«Мессер граф!

То, что Вам надлежит сделать, вы уже знаете. Подтверждаю этим письмом Ваши чрезвычайные полномочия и разрешаю действовать так, как Вы сочтёте необходимым. Последние инструкции передаст на словах мой курьер.

На расходы, связанные, вне всякого сомнения, с таким хлопотным делом, он же передаст Вам ещё двести ливров золотом. Хочу напомнить Вам только одно: результат должен быть достигнут любой ценой. И если Вам понадобятся дополнительные средства, вы можете безусловно на них рассчитывать. Однако не ранее, чем представите доказательства, что выполнена именно та работа, что была оговорена при нашей последней встрече.

Ещё раз хочу напомнить, что огласка, даже деталей, совершенно недопустима.

Чтобы не произошло ошибки, вот уточнённые сведения: маленькая родинка не на левой, а на правой стороне правого бедра. Надеюсь, как всегда, на Ваш ум и находчивость. На этот раз они будут нужны Вам, как никогда, ибо дело, кажется, будет сложнее, чем мы предполагали вначале. Впрочем, ничто так не обостряет Ваши несомненные таланты, как встреча с достойным противником.

Остаюсь уверенным в Вашем уме и находчивости, которые Вы столь блестяще продемонстрировали нам так недав-

но.»

В письме не было указано ни адресата, ни даты, ни подписи, но Катарина не сомневалась ни секунды, что оно написано лично его Высокопреосвященством. Хотя если бы оно и было найдено, как например, сейчас, его врагами, использовать его как улику против него было бы невозможно: попробуй докажи, что речь в нём идёт не о закупке, например, лошади – родинки бывают и у них!

Ладно, неважно – Катарина всё равно не собиралась подавать на своего высокопоставленного врага в суд, пусть даже королевский. А предпочитала, как всегда, рассчитывать на свои силы. Зато теперь у них был образец его почерка. Может, это и пригодится когда-нибудь.

Конечно, этот «виконт-граф» явно неординарный агент. Хорошо бы иметь образец и его почерка. Так, на всякий случай. А ещё её интересовал вопрос, во сколько её враги оценили её голову. Нет, не то, чтобы она хотела повторить проделку Робина Гуда, а просто было любопытно – сколько бы выколотил Джон из её лютого врага за женскую головку.

Упаковав все вещи – их было немного, явно постоянная база виконта находилась в другом месте – обратно в суму, они с Марией тихо заперли дверь снаружи, и ушли к себе, где, не раздеваясь, прилегли на постели.

Что делала Мария, осталось неизвестным, скорее всего, ворочалась, молилась и переживала. Сама же Катарина, приказав себе поспать три часа, приказ чётко выполнила. Всё

равно, ей пришлось целый час прождать Пьера у открытого окна, словно в ожидании серенады.

Так как дворовые собаки уже познакомились с Пьером, а некоторые и с виконтовским снотворным, две из оставшихся на вахте шавки не сильно возражали, твякнув, словно для приличия, лишь пару раз, когда Пьер оседлал и вывел из конюшни лошадь виконта. Мирно спящий на сеновале чердака конюшни дежурный конюх даже не пошевелился – ага, вот, значит, как здесь относятся к своей работе?..

Они с Марией по предательски поскрипывавшему полу коридора пробрались вновь в комнату виконта. Там ничего не изменилось. Обвязав его за пояс самодельной верёвкой из связанных простынь, они вдвоём, пыхтя и упираясь в раму, спустили тяжеленное тело до половины высоты, после чего Пьер подвёл под него испуганную и упиравшуюся лошадь, и каким-то образом умудрился уронить труп прямо в седло.

Только благодаря его навыкам (позже он признался, что самолично напоил бедную животину изрядной дозой... вина!) и силе лошадь не заржала и не вырвалась.

Катарине даже не пришлось спускаться, чтобы помочь ему – отлично, особенно, если учесть, что хозяин с семьёй живут на нижнем этаже.

Сумку они сбросили прямо в руки Пьеру, после чего он махнул рукой, что всё, мол, в порядке, и увёл лошадь с её страшной ношей, только недавно такой самоуверенной и опасной.

Никто не появился и не проснулся. Очевидно, хозяин, домочадцы и конюх целиком полагались на своих собак. Вот и хорошо, что Катарина заранее приказала Пьеру прикормить их колбасой из дорожных запасов. Хотя большинство, судя по-всему, отведали-таки предназначенного ей снотворного. Лишь бы не сдохли...

Проверив ещё раз, не осталось ли каких следов – всё уже подсохло – Катарина положила на стол золотую монету, и вышла, плотно прикрыв за собой дверь, и вставив ключ снаружи.

Вот виконт и уехал.

Вернувшись в свою комнату, она попросила Марию ещё раз наложить ей бальзам и перевязать рану. От усилий при спуске вновь выступила кровь. Да и сам укус сильно разболелся – не то, что раны от стали. Видать, коварный Джон занёс-таки ей инфекцию.

Конечно, ведь он не чистил зубов «Колгейтом», усмехнулась она про себя, терпеливо подставляя прокушенную руку заботливым мягким рукам няни. Та переживала гораздо больше её самой. Покончив, наконец, с перевязкой, Мария вдруг сказала:

– Скотина этот виконт, то есть – граф! Нельзя так поступать с женщиной, особенно такой красивой, даже если она тебя и убивает!

Катарина фыркнула. Однако Мария вполне серьёзно продолжила:

– Я всё хотела спросить вас, сударыня – а что это за чёрные короткие волосы были у него самого в руках?

Собрав всю свою волю в кулак, чтобы казаться равнодушной, Катарина пожала плечами:

– Не знаю, няня. Я ничего не заметила.

Мария подозрительно посмотрела на неё, но больше ни о чём не спрашивала, а Катарина немного погодя перевела разговор на братьев-лесовиков и их чудодейственный бальзам. Боль стала потише.

Так как делать им, в общем-то, оказалось нечего, можно было бы, конечно, лечь спать, однако Мария вызвалась дожидаться возвращения Пьера. Чтобы, значит, самой открыть входную дверь, а не ждать его камушков в окно. И переволновалась она, мол, так, что всё равно не уснёт – уже пробовала! Да и виконт этот – тьфу на него! – как закроешь глаза – а он тут как тут со своей жуткой, перекошенной рожей...

Катарина не настаивала, и легла сама, хотя проспала опять не больше часа: Пьер разбудил её. Она с интересом выслушала его отчёт.

Пьер, как всегда, поработал на совесть – за троих.

Лопату он купил в кузнице большой второй деревни – туда доскакал за полчаса.

Яму выкопал глубокую, в середине маленького лесного массива между второй и ближайшей деревнями. Засыпав её и утрамбовав землю, он аккуратно заложил всё снятым предвзрительно дёрном. Следов не осталось. Лопату же он на вся-

кий случай сохранил. По этому поводу Катарина, покачав головой, усмехнулась, а Мария, закатив глаза, перекрестилась.

Затем Катарина рассказала о том, что сделали они: заменили испорченную простыню в комнате виконта, привели постель в состояние, близкое к полному хаосу – словно любовные игрища всё же состоялись... И смыли начисто всю кровь.

Все вместе они подумали, не упустили ли чего. Нет, даже лошадь проблем не создала – ускакала куда глаза глядят, слегка вихляясь. Вроде, следов не осталось. По этому поводу Катарина разрешила своему верному и терпеливому воинству отдохнуть.

Однако у Пьера было другое мнение на этот счёт.

– А что прикажете делать с этим? – спросил он, вынимая из-за пазухи смятый и замызганный свёрток бумаги.

Катарина взяла его так осторожно, словно это была ядовитая змея.

Да так оно, в-общем-то, и оказалось.

Виконт чуть было не укусил их даже после смерти.

В руке у неё было письмо. Обвязанное шнурком и запечатанное воском с оттиском печати – похоже, от перстня.

– Откуда?... – произнесла она только одно слово после долгого молчания.

– Вы же сами приказали глаз с него не спускать. Вы же и предвидели что-то подобное? Ну так вы оказались правы. Когда он в кухне, якобы, давал указания повару – это когда

вы наверху переодевались! – я заметил, как хозяйка понесла туда бумагу и чернильницу. Я подобрался поближе.

Он написал прямо там это письмо, запечатал своим перстнем, а затем отдал мальчишке-поварёнку, сунув ему золотой, и второй – его папаше.

Пока шустрый паренёк седлал в конюшне коня, я убедил его отдать письмо мне, в качестве веских доводов приведя пять золотых – за письмо и адрес, по которому он должен его доставить. И за его молчание. К счастью, или к несчастью – смотря для кого! – народ здесь жадный: совесть не стоит и четырёх золотых. Так что мальчишке я велел поездить где-нибудь до завтрашнего – ну, то есть, уже до сегодняшнего – вечера, и никому, даже папаше (конечно, если он не хочет лишиться денег!) ничего не рассказывать. Так что теперь у нас есть письмо и адресат. Его мы тоже... Утихомирим?

– Мне нравится твоя постановка вопроса! Сразу чувствуется – моя школа...

Это я сделала из вас... Хм. – она с интересом посмотрела в их расстроенные лица, – Нет, не сердитесь! Больше не буду так шутить! Правда-правда! Это я просто сильно удивилась...

Увидев, что они успокоились, и поток упрёков остановлен, она мило улыбнулась.

– Ладно, а теперь – к делу. Нет, я вот подумала, что, возможно, этот адресат будет полезней нам живым. Нужно, впрочем, ещё подумать, как его использовать... В любом

случае – ты вдвойне молодец! Очень предусмотрительно и вовремя всё сделал. Когда у меня будет свой замок, свита и охрана, ты будешь у меня комендантом гарнизона. Наверное, только в этом случае мы с Марией сможем спать совершенно спокойно.

– Спасибо на добром слове, сударыня! Я рад, что вы продолжаете шутить. Значит, настроение у вас хорошее и дела наши в порядке.

– Дела в порядке, но я и не думала шутить. Всё это у нас будет, я уверена – с такими друзьями было бы стыдно этого не добиться.

– Тогда тем более – спасибо. А заместителем я возьму, с вашего позволения, Марию. По части отваги она любому мужику фору даст. Что скажешь, дорогая? – его тяжёлая рука от души шлёпнула зардевшуюся няню по широкому героическому заднему месту, – Чтобы было кому присматривать за моими тылами!

– Что? Быть твоей подчинённой?! Благодарю покорно! – она возмущённо фыркнула, – Я лучше буду командовать фрейлинами. С женщинами мне всё как-то привычней! Да и строем ходить они могут не хуже мужчин! А уж как военные марши поют!.. – улыбка говорила о том, что она продолжает считать предложение Катарины шуткой. Очевидно, такого же мнения придерживался и Пьер, трезво оценивающий их незавидное положение опальных беглецов без средств и связей.

– Вот и договорились! – подмигнула Катарина обеим, про себя, однако, не сомневаясь, что осуществит эти мечты, – А пока, похоже, нам предстоит поработать ещё...

Разломив печать, она вскрыла письмо и развернула его на столе.

38

«Монсиньор!

Спешу сообщить, что вопреки моим сомнениям, Ваш осведомитель не солгал. Их действительно трое, и все крайне опасны. Ловушка, подготовленная мной, сработала, хотя и не совсем так, как я рассчитывал. Теперь мы путешествуем вместе, и вскоре я надеюсь добыть то, что Вас так интересует. С ней же самой будет сложнее – она чересчур умна, вопреки Вашим заверениям. Не уверен даже, она ли это, хотя приметы все совпали – точно смогу сказать, надеюсь, ночью, взглянув на родинку.

Как может человек за какой-то месяц стать умнее? Кстати, она – ещё и отличный боец.

Однако буду придерживаться первоначального плана.

Прошу Вас в случае неприятных для меня последствий не отказать посодествовать за меня перед местным правосудием и задействовать Ваши связи.

В случае же совсем неприятных для меня последствий умоляю Вас не оставить без Вашего участия крошку Жозе-

фину.

Если от меня не будет вестей больше двух недель, действуйте самостоятельно, и знайте: наши друзья направляются в Вену, затем в Ингрию, вероятней всего, в Буду.

Как всегда, молю о Вашем Благословении, и остаюсь Вашим преданнейшим слугой.

P.S. Она явно гораздо умней, чем Вы считали.»

Прочитав во второй и третий раз послание без подписи, написанное плохо разборчивым от спешки, словно летящим, почерком, Катарина вздохнула:

– Нас вычислили, или предали. Интересно, кто этот чёртов осведомитель. Возможно, он остался в доме матери... Жаль, что мы сейчас не можем им заняться. – она кровожадно сверкнула глазами, – Но придёт время и для него. А сейчас приходится признать: его Высокопреосвященство знает, куда мы направляемся.

– Не уверен в этом, сударыня, – задумчиво сказал Пьер, почёсывая бороду, – Тогда бы он послал солидный отряд нам наперехват. Наверняка он знает только одно: нас трое. И, скорее всего, он просто разослал по наиболее возможным направлениям нашего бегства своих самых ловких шпионов, надеясь, что кто-нибудь из них хоть что-то и хоть когда-нибудь да обнаружит, и сообщит ему...

Ведь мы вынуждены где-то останавливаться, что-то есть, где-то ночевать и тому подобное. Ничто так не освежает память хозяев гостиниц и трактиров, как золотые монеты. Ви-

конту просто повезло – вот и всё.

– Что ж. Возможно, ты и прав. – взяв письмо, обнаруженное в камзоле графа-виконта, она перечла его сама и дала Пьеру, – Хозяин Джона не может быть, конечно, наверняка уверен, что мы проедем именно здесь, но рассчитывает на ловкость и расторопность графа. Однако я оскорблена: если он действительно так опасается нас, и... Того, *что* у нас – хотя я, честно говоря, не представляю, что это может быть! – он должен был бы прислать кого-нибудь ему на подмогу.

– Я что-то не совсем поняла вас, сударыня... Вы что же, входите во вкус? Вам мало одного убитого графа, вам подай ещё человек десять-двадцать дворян, чтобы за нами тянулся этакий кровавый хвост из... трупов?! И уж тогда наверняка вся страна знала бы, что здесь проехала благородная и неукротимая Катарина-Изабелла? – Мария была искренне возмущена, и даже отдувалась.

– Нет-нет, я не это имела в виду! А только то, что, похоже, Пьер прав: наш маршрут неизвестен нашему главному врагу, и он ждёт известий от каждого из своих агентов – не проедем ли мы где-нибудь сквозь раскинутую им паутину... Но я смотрю, что на деньги и людей он не скупится. Сколько же ещё его агентов затаилось в других странах!

– Да уж не меньше, наверное, нескольких десятков! А для нашего захвата уж точно приготовлена рота гвардейцев...

– Пьер! – она притворно вздохнула, – Скромней надо быть, скромней! Особенно в нашем положении. Мы, конеч-

но, ребята смелые и семеро одного не боимся, а уж в коварстве поспорим с гремучей змеёй, – Но!.. Против стрелы из-за куста, или яда в вине очередного трактира и мы ничего сделать не сможем...

Наше главное оружие – то, что... Нас сейчас здесь нет. Поэтому предлагаю подумать, как нам отвести подозрения монсиньора архиепископа – будь он неладен! – от австрийского направления.

– А чего тут особенно думать! – обрадовалась Мария, – Надо просто отправить вместо этого письма другое, где говорилось бы, что граф ничего не нашёл, поэтому хочет ещё денег, чтобы, значит, поехать поискать где-нибудь ещё! Для нас главное – чтобы подальше отсюда!..

– Что ж, устами... хм. – оборвала себя Катарина, – Идея в целом кажется мне разумной. Тем более, что у нас есть и посыльный, который отвезёт наше письмо, и ему известен адресат. И появится он здесь сегодня, – она кивнула Пьеру, – к вечеру.

Взглянув в окно, где непроглядная темень уже сменилась аквамариновыми тонами приближающегося нового дня, она оптимистично прокомментировала:

– Значит, у нас впереди целый день, чтобы научиться подделывать его почерк, и придумать подходящий текст... Чтобы, значит, было не слишком подозрительно: с некоторой долей недовольства, что, мол, столько времени потерял... Ну, и, конечно – чтоб слали побольше денег. – она вздохнув, по-

смотрела на Пьера, – Дорогой Пьер, уж извини, но, похоже, завтрашней ночью тебе придётся откопать «любезного вивонта» обратно! Нам нужен перстень этого шустрого мерзавца.

– Уж не этот ли? – проворчал Пьер, вынимая из кармана перстень-печатку с причудливой монограммой.

– О, Господи! Вот это да! Как ты догадался, что он нам понадобится?!

– Ха-ха... Конечно, хотелось бы прикинуться умнее, чем я есть, и сказать, что, мол, я это сразу понял, как увидал его письмо... – он хитро усмехнулся в бороду, – Но нет, на самом деле всё было по-другому. Просто я подумал, что если всё же кто-то когда-нибудь обнаружит нашего друга, то по этому перстню... и вещам он сможет запросто опознать его!

Поэтому, уж извините, милые дамы, я снова раздел его – так что ваши старания пропали даром – снял этот перстень и образок, а все вещи вместе с большим камнем утопил в озере. Оно, кстати, достаточно глубокое, и расположено недалеко. Не хотите ли искупаться, как это сделал я?

– Ну, нет! Благодарим покорно! В такую холодищу что-то не хочется... Но ты – молодец! Очень правильно и мудро всё сделал. Спасибо.

– Всегда пожалуйста. Можете на меня рассчитывать и дальше, любезные фрау, – он раскланялся с обеими, – Кстати, может в дополнение к лопате прикупить ещё и кирку?

Мария надулась, Катарина рассмеялась. Впрочем, повор-

чав, Мария признала, что он прав – лопату выбрасывать не стоит, она может ещё пригодиться.

Порассуждав ещё о деталях, решили, что почерк попробуют подделать Мария, или Катарина, так как у Пьера не было достаточной практики в письме. Обсудив наиболее правдоподобное содержание письма, надумали лечь спать. За прошедшие сутки дел наворотили достаточно, поэтому устали и проголодались – как хорошо, что запас копчёного мяса, сала или колбасы всегда теперь был под рукой, поскольку его регулярно возобновляли: так, на всякий случай...

Спали хорошо.

Проснулись часов в двенадцать – солнце как раз стояло в зените.

Катарина какое-то время лежала молча, обдумывая как быть дальше. Затем, кое-что вспомнив, занялась рукой. Сняв повязку, она внимательно посмотрела на раны. Представила, как они затягиваются: от глубины – к поверхности кожи... Действовала по проверенной с ожогом методике: представляла, что разрезы словно выворачиваются наружу, вынося из тела всю заразу и оставляя после ран монолитные мускулы...

Магическое заклинание не подвело. Было страшновато, но в то же время так замечательно смотреть, как прямо на глазах выплывают страшновато выглядящие сгустки черно-желтого цвета (их она поспешила завернуть в кусок тряпки – мало ли!) и растерзанная плоть затягивается и срастается... И вскоре даже шрамов почти не осталось: только свет-

лые полоски новой кожи!

Впрочем, нет. Это было уже слишком. В смысле, слишком подозрительно.

Сосредоточившись, она вызвала на месте полосок красноватые выпуклые рубцы, словно от зажившего ранения. Повертев ладонью так и эдак, она решила, что всё выглядит достаточно правдоподобно, чтобы объяснить чудодейственным бальзамом, и дня через два-три можно будет показать руку всем – мол, какие молодцы братья! А сейчас рука ей очень нужна как раз в рабочем состоянии: ведь подделывать чужой, да ещё мужской почерк – не шутка.

Руку она, разумеется, вновь забинтовала.

Но так как как раз перевязанная рука могла вызвать ненужные толки, да и запоминалась легко, она растолкала Марию, и той пришлось принести завтрак к ним в комнату.

Что, собственно, было вполне нормально для изнеженной дворянки. Но хорошо, что никто из посторонних не смотрел, как завтракает эта дворянка: ела она с волчьим аппетитом: наверное, организм требовал материала для восстановления – сил, руки. И вообще, всего! Да и продукты были и свежие и вкусные, особенно сливки – о, сливки!..

Позже, когда пришла прислуга в виде рябой дочери хозяйина, чтобы убрать посуду, Катарина, сев на свою руку с повязкой, сердито-повелительным тоном спросила на отвратительном немецком, почему это не заходит пожелать ей доброго утра мессер виконт? Ей ответили, что ещё ночью ви-

конт отбыл в неизвестном направлении.

– Даже не попрощавшись?! Швайн! И это называется – галантный кавалер! – от души возмутилась Катарина, – Ну пусть ещё когда-нибудь попробует показаться мне на глаза! Он узнает, как я страшна в гневе!..

Она пофыркала и понадувала губки ещё пару минут, про себя думая, не переигрывает ли, затем потребовала перо, чернила и бумагу.

Когда всё было доставлено, они с Марией попробовали свои силы в уголовно наказуемом деянии по изготовлению поддельных писем.

Выяснилось, спустя пару часов препирательств и разных «нет, а давайте теперь так!..», что у Катарины всё равно получается лучше, несмотря, а, может, как раз благодаря повязке. Именно такой торопливо-небрежный почерк им и был нужен. Поэтому после обеда, ещё трёх часов тренировки, и кучи испорченных листков, она смогла, наконец, воспроизвести почерк и стиль достаточно хорошо:

«Монсиньор!

Сожалею, что пока ничем не могу Вас порадовать.

Как поиски, так и ожидание не принесли никакого результата. Возможно, Ваш информатор что-то неверно передал, или сам был введён в заблуждение. Однако не желая быть обвинённым в недостатке рвения или терпения, и стремясь оправдать Ваше высокое доверие, я намерен провести здесь ещё не менее двух недель, после чего, если не получу новых

указаний, перенесу свои усилия южнее. Так мне в настоящее время подсказывает чутьё, столь высоко ценимое Вашей милостью.

Как всегда, молю о Вашем благословении, и остаюсь Вашим преданнейшим слугой.»

Ей казалось, что она достаточно верно уловила немного ироничную манеру талантливого, в меру (ну, то есть, в соответствии с оплатой!) преданного, но с определённой долей гордости и независимости, авантюриста-наёмника, по отношению к своему вышестоящему, обладающему деньгами и властью, но гораздо менее храброму работодателю-покровителю, каким, несомненно и являлся епископ Нарбоннский.

Несмотря на некоторый риск, им казалось, что это в любом случае лучший вариант, чем полное отсутствие как ответа на высочайший приказ, так и самого агента. Если не выходить на связь с «шефом» слишком долго, то розыск пропавшего неизбежен. Тогда всплывут и они...

Ладно, они честно постарались отправить «виконта» на юг. Ход за противником.

Некоторое время она колебалась: какую поставить дату. Потом решила не мудрить, и поставить сегодняшнее число – одиннадцатое сентября.

Мария, как прагматичная женщина, продолжала утверждать, что письмо стоило бы дополнить благодарностью за деньги. Однако Катарина убедила её, что агент такого уровня не допустил бы подобной бестактности. Тем более, не вы-

полнив задания.

На этом и порешили.

К вечеру вернулся довольный поварёнок в новой одежде и щегольских сапогах, и ему дали возможность отоспаться дома. Сами тоже отдыхали. На следующий день, пообедав, и выложив золотой отцу и ещё один, плюс (уже наедине) четыре, отправили через Пьера довольного мальчишку на новое (вернее, подправленное старое) задание, подробно разъяснив ему, что отвечать, чтобы у резидента его Высокопреосвященства не возникло подозрений, но и не было возможности позже разыскать юного связного – последняя предосторожность показалась Катарине более чем разумной.

Кстати, не без интереса она узнала, что резидент живёт в городке Халлойн, где у него приход. А что – отличная «крыша». И «рядом»: даже на лошади до городка как раз почти день пути.

Кстати, о лошади – Пьеру удалось купить себе неплохую. С некоторым волнением остались на ещё одну ночь в гостинице.

К вечеру следующего дня, убедившись, что мальчишка благополучно вернулся, и все их инструкции выполнены, они отправились дальше, накинув щедрые чаевые хозяину – хорошо, что теперь, благодаря взятым с боем военным трофеям, в средствах они не были так стеснены.

Однако следующие два дня Катарина с Марией снова щеголяли в мужских камзолах, штанах и шляпах. Так как они

отнюдь не собирались ехать в Венгрию, как Катарина сообщила милому Джону, имело смысл до самого конца маршрута оставаться неузнанными – уж три-четыре дня, пока они делали очередной сбивающий со следа крюк, можно было и потерпеть. Однажды они даже целый день ехали вдвоём с Марией и ночевали сами – Пьер нагнал их на следующее утро, с облегчением, как показалось Катарине, узнав, что они за это время никого больше не «утихомирили». Честно говоря, облегчение почувствовала и Катарина – она тоже переживала. За Пьера.

К своему «любовному» приключению она теперь относилась с изрядной долей иронии.

Ну, вот не судьба ей пока, похоже, познать эти самые – женские чувства... Может, и к лучшему. Ведь они – ещё не в безопасности!

Места, по которым проходила дорога, становились всё живописнее. Так как они в своём «конспиративном» крюке захватили часть Германии, теперь дорожные впечатления обогатились достопримечательностями и видами ещё одной страны.

Холодные, продуваемые ветрами высокогорные луга Швейцарии сменились ещё не совсем прохладными сонными равнинами и предгорьями с неизменной утренней дымкой и росами, обильно выпадавшими на всех низко расположенных предметах: траве, камнях, кустах. Здесь, на туманных равнинах и пологих холмах, урожай ещё только-только

убрали, так как он созрел позднее, чем на тёплых и низменных восточных пространствах Франции. Да и Гольфстрим, как помнила Катарина, внутри континента уже не так оказывает своё благотворное согревающее влияние.

Но дремучие сумрачные леса и ухоженные поля, и, конечно, зеленовато-голубые угрюмые горы создавали своеобразную атмосферу, некий романтический настрой. Такой странной, щемящее-приятной грусти, и в то же время – восторга от окружающей первозданной природы, она не испытывала больше нигде. Словом, настоящий рай для будущих поэтов-романтиков...

Но вот народ здесь, совсем как в Швейцарии, жизнерадостностью и приветливостью не отличался. Возможно, из-за непомерных налогов, или неуверенности в завтрашнем дне. Разрушенные, сожжённые и просто брошенные селения ещё попадались.

Даже на свадьбе, справляемой в одной из деревень, через которую они проезжали как-то под вечер, той особой атмосферы беззаботного веселья, которая почти всегда царит на подобных празднествах, (тем более, когда и урожай собран) не ощущалось. Скорее, было похоже, что люди просто на совесть отработывают очередную повинность под названием «праздник».

Но всё равно, Катарина специально задержалась, чтобы посмотреть обряды, одежды и танцы, которые проходили под незамысловатую музыку хиленького оркестра: сплош-

ные рожки, дудочки, бубен, и что-то вроде предков скрипок – во всяком случае, по струнам водили смычком.

Так как в мужских костюмах они продвигались порезвее, на завтра Германия осталась позади, и они снова заехали на территорию так называемой Австрии. Проехали Вельс и Штейр – маленькие чистенькие сугубо провинциальные городки, где они даже не задерживались на осмотр достопримечательностей: все они прекрасно просматривались с холмов, окружавших эти крошечные центры своих феодалов.

Ещё через два дня добрались до Винер-Нейштадта, от которого до пресловутой Ингрии было не более десяти-двенадцати лье: город Шопрон находился всего в одном дне пути.

Здесь провели сутки, окончательно договорившись о возможных вариантах поведения, если с бароном фонХорстманом что-то выйдет не так, как хотелось бы, или... Ну, словом, в его преклонных годах всякое случается (тьфу-тьфу – не дай Бог!). Заодно отдохнули, снабдились провизией и раз узнали дорогу. Сразу в замок к барону и направились, решив в столицу пока не заезжать – вначале дело, а развлечения уж потом...

Через день цель их путешествия оказалась перед ними: на скалистом мысу, выдающемся в небольшое озеро с почти чёрной неподвижной водой, и окружённое скалами и лесом, возвышался замок Кирхштайн: дом барона Карла фонХорстмана, благородного дворянина с собственным гербом и официально зарегистрированной родословной с двенадцатью по-

колениями сложного генеалогического древа. Словом, типичного мелкопоместного феодала.

В тусклом свете облачного дня это место отнюдь не выглядело приветливо: лес скорее следовало назвать буреломом – стволы стояли тесно, так, что даже упавшие погибшие деревья, застряв кроной среди других, оставались как бы висеть здесь же. Рухнувшие же в озеро, там и гнили, дополняя впечатление запустения. Дикие, отвесные чёрно-серые скалы с ржаво-кирпичными потеками от, вероятно, рудного железа, и зелёными наплывами лишайника и мха на дальнем берегу озера, так же были покрыты корявыми живыми и погибшими стволами. Что тоже яркостью палитры глаз не радовало. Тут не было даже птиц...

Откровенно говоря, и сам замок нуждался если не в капитальном, то хотя бы в косметическом ремонте: сторона, выходящая на озеро, явно давно не использовалась – крыша башни провалилась, стены повывкрошились. В узких, больше похожих на бойницы, окнах, не было и следов рам, не говоря уже о стёклах. Даже фамильный вымпел, которому полагалось бы гордо реять, (или хотя бы скромно висеть) над обиталищем столь родовитого клана, почему-то отсутствовал. Дома ли вообще хозяин?

– Похоже, господин барон не слишком-то процветает. – мрачно подвела итог наблюдениям Мария, почёсывая в давно немойтой голове. Они с Катариной стали снова дамами только в лесу перед озером, и там же, запомнив как следует

место, воспользовались сохрaнённой лопатой, закопав в аккуратной яме часть ненужной теперь одежды и снаряжения – вроде мужских сёдел, мечей, сапог и подобного. Впрочем, свой-то меч Катарина всё же оставила – спрятала только в багаж поглубже.

– Не могу не согласиться. Ремонт был бы нужен хотя бы для престижа владельца. Но может, у него просто нет на это денег?

– Зачем это ему деньги?! Ведь у него должно быть полно крепостных, которыми он волен распоряжаться шесть дней в неделю! Да и материала под рукой сколько угодно, – Пьер обвёл рукой покрытое валунами и упавшими стволами побережье, – Нет, тут что-то другое. Здоров ли он сам?

Только больной может запустить своё родовое гнездо до такого состояния.

– Состояние, действительно, плачевное. – отозвалась Катарина, пока их лошади и мул осторожным шагом то опускались, то поднимались по каменистой, неудобной тропе, называть которую дорогой и язык-то не поворачивался, и которая через лес вела в обход замка, очевидно, к его парадному въезду. Ей всё время приходил на ум странный, какой-то печально-сожалеющий взгляд хозяина последнего трактирчика, которого они расспрашивали о дороге – замок Кирхштайн явно не числился здесь гвоздём программы достойных достопримечательностей.

И что-то было в этом взгляде ещё – такое, что поневоле

у неё возникло желание расспросить подробней и выяснить побольше об этом месте. Явно местные жители знали о нем что-то недоброе... И, возможно, она совершила ошибку, не попытавшись выяснить это.

Предчувствие чего-то дурного постепенно нарастало. У Марии, похоже, тоже:

– Сударыня! (Господи помилуй!) Я хочу сказать – а вдруг он – упаси Боже, всё-таки!..

– Ты права: от этого – упаси Боже! Ну, мы уже обсуждали это – пришлось бы возвращаться, и плыть в Англию. А проезжать сейчас снова через родную и горячо любимую Францию... Что-то не очень хочется. Да и не перевалах теперь наверняка снег. Нет уж. Давайте будем надеяться на лучшее.

– Да, давайте! Будем надеяться, что он жив, и что он здоров, и помнит одну из десятков своих старых, тридцатилетней давности, пассий... И что он сможет и захочет оказать нам гостеприимство на годик-другой!

– Мария, перестань! Твои шпильки нам сейчас по достоинству не оценить... Так всё будет, или не так, всё равно мы скоро это выясним. А для этого нужно только доехать туда и спросить. Мы проделали такой путь, что уж полмили как-нибудь одолеем. Согласна?

– Конечно, сударыня! Не принимайте старую брюзгу вроде меня слишком серьёзно... Ну, с Богом, вперёд! – и няня, подав пример, первой перепрыгнула на своём коне через неглубокий ручей, пересекавший дорогу.

– Вперёд! – отозвалась Катарина бодрым голосом, хотя испытывала совсем другие чувства.

Она тронула повод коня, и последовала за Марией. Пьер, внимательно осматриваясь по сторонам, и чутко вслушиваясь в царившую вокруг почти полную тишину, замыкал их отряд, прикрывая тылы как всегда со взведённым арбалетом под рукой. Хотя, возможно, это было и излишней предосторожностью: после стычки с наёмниками графа, у них не было неприятностей в дороге. Да и сейчас, вот уже три-четыре мили не встретилось ни души.

Что тоже казалось странным. Похоже, старый барон вёл довольно замкнутый образ жизни. Или местные сами старались избегать его замка...

Впрочем, к его воротам могла вести не одна только эта дорога.

Подъехав к замку ближе, они обнаружили заросший камышом и кувшинками ров с такой же как в озере чёрной стоячей водой, и похожий, скорее, на болото. Кое-где и в нём валялись упавшие деревья, что ещё больше усиливало гнетущее впечатление от столь вопиющего запустения.

У опущенного подъёмного моста сходились три дороги, но вид у остальных двух оказался ничуть не более наезженный, чем у той, по которой прибыли они.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что среднюю дорогу, похоже, всё-таки не так давно расчищали – стволы, лежащих поперёк, не было, и подлесок рос не так густо.

Массивные ворота из почерневшего от времени и дождей дерева, разумеется, оказались заперты. Нарядные когда-то медные заклёпки, крепившие толстенные брусья к железным полосам каркаса, совсем позеленели. Подъехав к воротам через мост с полусгнившим настилом и оторванными цепями, Пьер громко постучал прикладом арбалета.

Ну вот и первое доказательство обитаемости замка: не прошло и минуты, как послышалось чье-то шарканье и ворчание, открылось маленькое окошко в воротах, и в нём показалось недовольное пожилое лицо. Оглядев троих путешественников так, словно они должны ему денег, оно ворчливо и довольно неприязненным тоном осведомилось по-немецки, чего им угодно.

Катарина, сдерживая эмоции, надменным тоном ответила, что им угодно узнать, проживает ли ещё в этом замке барон Карл фонХорстман.

– Ну да, всё ещё проживает. – ничуть не приветливей отозвалось лицо.

– В таком случае, не угодно ли будет барону принять гостей, привёзших ему привет от старых друзей из Франции?

– Возможно, – поколебавшись, выдавило из себя лицо, – Впрочем, если милостивая фрау и её спутники изволят подождать, я спрошу это у него. – при этом привратник дёрнулся было назад, явно собираясь закрыть окошко.

– Уж не придётся ли нам ждать его ответа здесь?! – возмущённо и громко сказала Катарина, уже полностью освоив

имидж раздражённой дворянки.

– Э-э... Нет, конечно, сударыня. Вы сможете подождать в малой приёмной. Сейчас мы... откроем ворота. Одну минуту.

Судя по всему, ворчливому старичку пришлось позвать кого-то на подмогу, так как его хриплый раздражённый голос донёсся до них снова – слов было не разобрать.

Да и понятно: один бы он точно не сдвинул просевшую от времени и скребущую по ложбине в булыжнике внутреннего двора, створку, которая через пару минут со страшным скрипом и скрежетом приоткрылась, не больше, чем наполовину, пропуская их вовнутрь. Не торопясь, с гордым видом, они въехали.

Большой, сильно вытянутый внутренний двор, к счастью, всё же являл взгляду следы обитаемости. На верёвках, натянутых на уровне второго этажа, сушилось довольно много белья. Из кухни – судя по дыму из кривоватой трубы это была именно она – доносился звон посуды и чья-то визгливая ругань на немецком. Да уж, для этой цели немецкий язык подходил просто замечательно, как она уже имела случай убедиться...

Прямо по всему двору, совершенно игнорируя прибывших, разгуливало штук тридцать пёстрых и каких-то растрёпанных кур, что-то выбиравших из щелей неровно лежавшей крупной брусчатки, и не слишком удалявшихся от кухни – очевидно, в ожидании каких-нибудь очистков или объедков.

Где-то глухо гавкали собаки.

Здоровенный парень, помогавший сухонькому и сгорбленному старичку-привратнику отодвинуть створку ворот, подошёл к ним, знаками показывая на себя, на их лошадей, и в глубину двора, где, наверное, была конюшня. Хотя Катарина прекрасно могла слезть и сама, она с царственным видом опёрлась на руку Пьера, подыгравшего ей в этой маленькой интермедии.

Встретить глухонемого Катарине оказалось почему-то не очень приятно.

«Благородно» сгрузив с лошади и Марию, Пьер огляделся и вздохнул ещё раз.

Они передали лошадей и мула на попечение здоровяка, настроенного, впрочем, вполне дружелюбно – он всё время мило улыбался, не сводя широко раскрытых глаз с Катарины, и жестами приглашал их проходить к большому дому в глубине и несколько справа от ворот.

Они и двинулись в указанном направлении: Катарина с Марией церемонно придерживая платя пальчиками, Пьер – без выкрутас, пытливо оглядывая колодец двора.

Запыхавшийся от усилий старичок-привратник, подойдя к ним чуть прихрамывающей походкой, виновником которой, как сразу намётанным глазом определила Катарина, мог быть только хронический суставный ревматизм, предложил им, уже не так свирепо, следовать за собой. Вблизи он уже не выглядел таким недовольно-сердитым, а, скорее, просто

больным и грустным. И ещё усталым.

Впрочем, и всё здесь казалось старым и словно больным: здания явно нуждались в ремонте, ворота – замене, ухаби-стая брусчатка – в подсыпке и перекладке, крыши – в новой черепице взамен битой и раскрошившейся. Даже продолжавшим ругаться на кухне служанкам не помешала бы хорошая выволочка, хотя бы за их неопрятный внешний вид – обе, конечно, вылезли на несколько минут поглазеть на прибывших. После чего, как ни в чём не бывало, вернулись к прерванному скандалу. Катарина заметила ещё как минимум двух слуг, пялившихся на них через немытые стёклышки в свинцовых переплётках окон разных этажей.

За массивной и такой же просевшей, как ворота, входной парадной дверью под аркой, справиться с которой старичку помог на этот раз Пьер, оказался небольшой коридор, одна дверь из которого вела в чулан, где хранились сёдла, доспехи, алебарды и прочая походно-охотничья амуниция (пахло здесь... как в конюшне!). Другая, та, в которую они прошли, привела их в высокий и холодный холл, где они и остались ждать, пока их проводник похромал доложить хозяину о прибытии гостей – вряд ли это происходило здесь часто...

За те десять минут, что он отсутствовал, Катарина и её друзья успели вдоволь насмотреться на унылый интерьер, вполне, впрочем, гармонировавший с угнетающей картиной общего запустения старого замка.

Поскольку и без того тусклый свет осеннего дня проникал

только через узкие вытянутые вверх бойницы, в помещении царил полумрак, что опять-таки усиливало чувство запустения, неухоженности, и какой-то пропыленности всего окружавшего их.

Катарине почему-то вспомнилась родная эпоха – подобные ощущения у неё возникали при посещении разорившихся предприятий.

Вот: только недавно цеха и лаборатории кипели деятельностью и гулом голосов...

Но внезапно исчез интерес к отрасли, и живительный родник финансирования иссяк – и люди ушли, а здания и машины остались. Мёртвые и угрюмые, пылятся и разрушаются они в напрасном ожидании тепла заботливых рук наладчиков, рабочих и строителей. Но нет хозяина. И вскоре всё будет продано за долги.

И завод, или цех окончательно прекратит своё существование, не найдя новой рачительной метлы и руки... Если, конечно, не найдётся другой хозяин. Но сохранит ли он завод, или захочет на его месте построить очередной ресторан или казино – кто знает.

Здесь было почти то же: ощущалось отсутствие заботы и равнодушие к судьбе всех этих реликвий, накопленных трудами предыдущих поколений: доспехов и оружия, развешанных на стенах, добротной, но какой-то покорёжено-поцарапанной мебели, выцветшим и кое-где рассыпающимся прекрасным старинным гобеленам, в обвешанной фестона-

ми пыльной паутины, люстре. В колоссальном же, на полсте-
ны, камине, огонь не разводили, похоже, со дня сотворения
мира.

Первой поделилась своими соображениями Мария:

– Похоже, барон остался без хозяйки. Ни одна женщина
не потерпела бы такой пыли и грязи.

– Я думаю, ты права. Вопрос только в том, была ли эта
хозяйка вообще. А то вдруг он закоренелый холостяк, наш
барон.

– Так вроде, он в молодости, как я поняла, здорово увле-
кался женщинами... Неужели ему не попалось ни одной ум-
ной – чтоб убедила его, что он действительно, любит только
её?!

– Не знаю, не знаю. Ведь увлекаться – это одно, а вот свя-
зать себе руки женитьбой – совсем другое. – пробурчал себе
под нос весьма задумчиво Пьер, вертевший в руках один из
мечей, снятых со стены.

– Ах, вот как ты, значит, на это дело смотришь, старый
брюзга! Так стало быть жениться – это связать себе руки?! Да
без женщин вы же зароетесь в грязи, словно свиньи! Только
женщина может сделать из вас, нерях и лентяев, нормальных
мужиков: хозяйственных папаш, добытчиков для семьи – до-
стойных Отцов Семейства! А не гулящих транжир и распут-
ников с ветром в голове!

– Да, сразила ты меня своими аргументами, прямо на обе
лопатки положила, – усмехнулся Пьер, хитро поглядывая

на пузырившуюся няню, – Один только вопросик. Почему же это вы, такие хозяйственные и домовитые, так норовите выйти замуж за нас – бессовестных обормотов и безмозглых транжир?

Да ещё гуляющих налево-направо с разными бабёшками?

– Да всё из жалости! А то прямо сердце кровью обливается смотреть, как вы губите сами себя – то передерётесь, как придурки на какой-нибудь попойке, то деньги зря выбросите на какую-нибудь дрянь, которая и в хозяйстве-то ни на что не годна! Я уж не говорю, что если вас не покормить и не обстирать вовремя, так и будете ходить пьяные, полуголодные и по уши в грязи – вот совсем как здесь! – она возмущённо обвела рукой, указывая на стены и пол.

– Да, круто ты всех мужиков отделала, – легкомысленно хихикнула Катарина, – Но согласись, кое-какие положительные... черты и свойства у них всё же есть?

– Ну... да, есть. Однако пока приручишь и приспособишь мужика для домашнего хозяйства, пока воспитаешь из него примерного семьянина, семь потов сойдёт, это уж точно! А нервов потратишь – и не говорите! Да и времени уходит прорва: не успеешь оглянуться – а вот она старость! Словом, сударыня, тяжёлая это работёнка – быть женой!

– Знаешь, дорогая няня, в твоём описании мужчина превращается просто в какой-то предмет домашней утвари – что-то среднее между казаном и буфетом!

– Ну так оно же так и есть! А чем, скажите, мужчина луч-

ше, например, шкафа? Откроешь дверцу – сам не закроет. Повесишь что-нибудь – сам не подошьёт и не пригладит. Чуть не доглядишь – в нём моль завелась. А он знай себе молчит и не чует! Или чует, но ленится ловить её. За всем надо смотреть самой!

– Большое спасибо за сравнение. – отозвался Пьер, почёсывая лысеющую голову, – Особенно мне понравилось про моль. Почему не проследила за моей-то головой?

– Ох, так ты уже хочешь, чтоб я тебя присыпала нафталином, или мазала лавандовым маслом? Что ж, тогда ты вполне готов. В смысле, готов к использованию в домашнем хозяйстве – набегался, угомонился, и по бабёшкам и кабакам таскаться не будешь!

– Да, пожалуй... Но хозяйку мне бы лучше поспокойней, и не такую ворчливую. И, конечно, хотелось бы поновей и пофигуристей.

– Нет, вы только посмотрите на этого хама! Ах ты старый кобель! Небось, когда я молодая к тебе на сеновал бегала, совсем по-другому говорил! Прямо соловьём заливался! Это тебе-то помоложе подай? Да кто на тебя, старого лысого хрыча, из молоденьких-то позарится?! Нет, тебе надо постарше, поопытней! Чтобы знала, как с такой старой развалиной справиться, и песок сметать за тобой! Ну, короче, ты понял, да? Только такая, как я! Или даже ещё постарше – чтобы только греть тебя в постели смогла, а уж приласкать – ни-ни! А то ты ещё рассыплешься на кусочки! – Мария лихо

уткнула руки в боки, чуть наклонив голову, и грозно притопывая ногой.

– И вот так всё время! Унижения, подколки, оскорбления! Смотрите, сударыня, что мне приходится терпеть. И это – за всё хорошее, что у нас было. Как я благодарен Господу, что не женился на тебе!

– Нахал! Да тебе никто и не предлагал такой чести! Я слишком молода и хороша для такого ворчливого обормота!

Катарина, выслушивая примерно триста пятьдесят вторую весёленькую перепалку, только посмеивалась их милым разборкам, которые велись обычно больше по привычке, чем от действительного взаимного недовольства. Она давно поняла, что они просто жить друг без друга не могут, хотя это и не любовь, а какое-то другое, более сильное, и постоянное чувство. Наверное, Дружба.

Переругивались и дразнились они обычно от скуки, или когда нервничали.

В минуты же опасности действовали слаженно и чётко, как единый боевой механизм. И в такой слаженности и отличном взаимопонимании вовсе не было её заслуги – их дуэт был создан явно ещё до рождения младенца по имени Катарина-Изабелла.

– Ну хорошо, молодая ты моя козочка, – перешёл в наступление Пьер, – Придётся, наверное, такой хозяйственной, умной и опытной девушке, – он выделил это слово, – дать проявить свои таланты в деле. Вот, бери меня в своё пол-

ное распоряжение. Или хотя бы во временное пользование. Может, действительно, сможешь наладить старый скрипучий механизм. Да хотя бы сегодня ночью и попробуем!

– Ох, нет! – вспыхнула Мария, – Только не сегодня! Я вся такая надёрганная с этим переездом! Вначале отдохнуть надо, устроиться, в порядок себя привести. Ну, там, морщинки разгладить, пыль вытереть. Потом ещё из разных мест, которыми давно не пользовались, паутину убрать! Да и вспомнить надо, как что делается-то, чтобы не ударить, стало быть, лицом в грязь!

Что придумал бы Пьер достойного в ответ на заросшие паутиной места, осталось, к сожалению, не выясненным, так как за дверью в дальнем конце холла наконец раздалась звонкие торопливые шаги.

Дверь распахнулась.

На пороге возник и на секунду замер, вглядываясь в них, пожилой, но ещё крепкий на вид человек с гордой, величественной осанкой. Лицо его до сих пор хранило следы мужественной красоты. И если большинство красивых в молодости людей под старость становятся слащавыми и неприятными, то в этом случае было, скорее, наоборот: его возраст прибавлял к красоте респектабельности и благородства, как бывает только у действительно смелых и глубоко порядоч-

ных людей. Строгая одежда, выдержанная в тёмных тонах, лишь подчёркивала его достоинства, и говорила о хорошем вкусе.

Да, его лицо выделялось даже из потомственных аристократов, и притягивало: мужественный, открытый орлиный взор ясных глаз, благородные, утончённые черты лица. Несколько сглаженные морщины, высокий лоб, арийская внешность, пышные и волнистые, седые, но явно свои волосы.

В глазах светился неподдельный интерес. А вот послышалось и радостное волнение: возглас «О-о!» – он явно обрадовался им самим, и не только потому, что они были из Франции.

– Приветствую вас, сударыня, и вас, сударыня и мессер, в замке Кирхштайн! – голос барона оказался ясен и звонок, словно годы не смогли отобрать его обертонов и насыщенности. Тон был неподдельно радушным, – Добро пожаловать! С вашего позволения, я – барон Карл фонХорстман. Прошу располагать мною и моим домом как вам будет угодно!

Катарина отметила прекрасный французский, хотя и с лёгким жестковатым акцентом. Возможно, у мессера барона давно не было практики в общении на языке любви. А может, он всегда так говорил. Она, чувствуя себя снова остриём клина, в который её воинство автоматически построилось, сделала шаг навстречу, сохраняя принятую заранее царственную осанку, и, открыто улыбаясь, слегка присела в изящном

реверансе в ответ на поклон и улыбку хозяина:

– Благодарю за гостеприимство, любезный господин барон, от себя и от своих друзей! Позвольте их вам представить: это Мария де Аррас, моя главная фрейлина, это Пьер д'Анжар, мой конюший. А я, с вашего позволения, графиня Катарина-Изабелла деПуассон.

Прежде всего я хотела бы пожелать вам, и вашему дому благополучия и счастья.

И передать вам сердечный привет и такие же пожелания от моей матери, графини Анриетты деБуа-Трасси!

– О, Боже! Вы – дочь Анриетты! Вы... О! – на какие-то неуловимые доли секунды что-то огромное и волнующее мелькнуло в его глазах. – Ну конечно же! Как я сразу... Ведь вы так похожи – стан, посадка головы, улыбка! Пресвятая Богородица! – он перевёл дыхание, – Огромное спасибо за добрые пожелания! Как же я рад вас!..

Быстро пройдя разделявшие их два шага, он взял её руки в свои. И снова что-то блеснуло в его глазах – то ли искра неподдельного счастья, то ли слеза, то ли воспоминания о давно минувших счастливых днях юности. Катарина не смогла бы поручиться, что это было: он сдержал свои эмоции огромным усилием воли. Но она отметила, как дрожат его сильные ещё руки, нежно сжимавшие её похолодевшие пальчики.

Жадно всматриваясь в черты её лица, он, сдерживая дрожь в голосе, произнёс:

– Дорогая моя, умоляю вас, не сердитесь на меня за это... э-э... несколько несдержанное проявление чувств. Но я так рад видеть вас, и слышать, что милая Анриетта ещё помнит обо мне!

Ну, расскажите, умоляю вас, расскажите: как она, кто ваш муж, что у вас нового?

О, впрочем, прошу прощения, я слишком тороплюсь! Разумеется, здесь не место для подобного разговора! Может быть, если вы не против, мы перейдём ко мне в кабинет? Хотя что я говорю! Извините ещё раз: от волнения я совсем забыл свои обязанности хозяина! Может быть, вначале вы хотели бы переодеться и отдохнуть?

– Нет-нет, любезный господин барон! Это может и подождать. Тем более, что мы не так уж и устали. Мы с удовольствием последуем за вами – и всё расскажем!

– В таком случае – прошу. Там гораздо уютней и светлее. Я распоряжусь, чтобы подали напитки, и больше никто не помешает нам беседовать.

Проходя за бароном по большим и малым комнатам и крутым лестницам, и изгибающимся коридорам, Катарина с интересом осматривалась.

Замок поражал хаотичностью и непродуманностью планировки. словно кто-то ленивый набросал кубиков с комнатами внутри, а затем пробил в самых неподходящих местах отверстия и понастроил переходов, чтобы хоть как-то соединить между собой разноуровневые и разноразмерные поме-

щения. Большинство комнат вообще никак не использовалось. Явно, тут строило несколько поколений хозяев. И строило так, как считало нужным. Явно и то, что и дом и хозяин знавали лучшие времена. Впрочем, это не её дело. Каждый имеет право жить, как хочет.

Второй и частично третий этажи, однако, являли несколько иную картину. Они были несомненно обитаемы, и хорошо обжиты.

Здесь было чисто, уютно, мебель и гобелены в порядке, окна помыты. В тёмных переходах и на лестничных маршах горели факелы в железных держакках, при виде которых она невольно содрогнулась – не прошло и двух месяцев, как она... Но эта история, к счастью, позади. Вроде бы.

Окна, выходящие во двор, были достаточно широки, чтобы освещение в больших комнатах оказалось хорошим. Катарина отметила высокие потолки и толстые стены – конструкция замка несомненно была рассчитана на века и возможную осаду. Однако зимой наверняка уходила масса дров на отопление хотя бы жилой части дома. Размеры каминов, имевшихся почти в каждой комнате, поражали воображение: казалось, туда поместятся целиком огромные брёвна хоть трёх метров в длину. Интересно, какие же в таких каминах трубы? И сколько этих труб там, на крыше?

В небольшом и светлом, уютном, как и было обещано, кабинете, у барона оказался даже шкаф с огромного размера книгами – такой роскоши Катарина ещё ни у кого здесь не

видела.

Ну, это и понятно: ведь до изобретения книгопечатания ещё пара веков, а рукописные книги наверняка безумно дороги. Только действительно интересующийся и богатый человек мог позволить себе такое сокровище – несколько книг.

– Прошу, располагайтесь. – барон любезно указал Марии и Пьеру на угрожающе массивный диван у стены, а Катарине – на одно из кресел у нерастопленного камина. Сам же, когда все расселись, устроился в кресле напротив Катарины и протянул руку к колокольчику на столе.

Однако Катарина, успевшая переглянуться со своими, жестом мягко остановила его:

– Нет-нет, мессер барон, прошу вас – напитки и прочее подождут.

– Как прикажете, сударыня. Тогда – умоляю: не томите, рассказывайте! – он был возбужден, глаза сверкали. И он явно радовался возможности узнать новости о матери Катарины и остальных, оставшихся там, в далёкой Франции, друзей и близких... Значит, старые чувства ещё не совсем угасли, не покрылись пылью долгих лет разлуки – не то, что замок.

Катарина помолчала. Все домашние заготовки перед лицом этого симпатичного и очень понравившегося ей мужчины сразу представились надуманными и пошлыми.

Впрочем, оригинального ей в голову тоже ничего не пришло. Поэтому она сказала:

– Мессер барон! Дело в том, что мы находимся в несколь-

ко затруднительном и щекотливом положении. И в вашей ли власти и силах помочь нам, или нет – решить можете только вы. В настоящий момент мы – беженцы из собственной страны. Здесь виновата и любовь... И политика.

Поэтому если вы окажетесь не в силах предоставить нам гостеприимство и помощь, прошу вас сказать об этом не стесняясь, и не испытывая никакой неловкости. Ведь лично нам вы ничем не обязаны, и мы вполне можем позаботиться о себе сами.

– Простите, сударыня, к чему такое грозное и печальное предисловие! – перебил её удивлённый и несколько обиженный барон, – Не знаю, в чём у вас там дело, но что бы вы не натворили – да хоть бы и мятеж подняли против вашего чёртового Филиппа! – мне-то что за дело?! Нет такой услуги, которую я не оказал бы дочери дорогой Антиетты! Я был бы последней свиньёй и никудышним рыцарём, если бы в трудный час не оказал всей возможной помощи в любой – повторяю: в любой! – беде вам, сударыня, и вашим друзьям! – он коротко поклонился каждому.

Поэтому – если не хотите – можете мне вообще ничего не говорить. Если же решитесь посвятить меня в ваши тайны – умоляю: не ходите вокруг да около, а говорите. Повторяю: нет такой услуги, которую я не оказал бы своей... Дочери своей подруги!

– Благодарю вас, любезный хозяин за сочувствие и понимание. Поверьте, нет ничего приятней, чем слышать, что вы

готовы оказать нам поддержку... Она нам очень нужна! И не сердитесь, – она грустно улыбнулась, – за хождение вокруг да около. Мы, конечно, всё расскажем. Но, наверное, суть вы поймёте, прочитав это письмо, – Катарина протянула барону письмо матери, загодя спрятанное в потайном кармане рукава, где обычно она хранила сяринкены.

Барон, чуть нахмутив кустистые брови, взял письмо, и без лишних вопросов и комментариев быстро вскрыл его и прочёл. Озабоченное лицо его просветлело. Он поднял на неё умные и ясные глаза.

– И это – всё? Только-то? Ей-Богу, Анриетте надо бы лучше меня помнить. Ведь она знает, плутовка этакая, что может рассчитывать, если понадобится, и на мою жизнь, и на всё, что у меня есть... А просит такую малость – спрятать вас на несколько месяцев, – задумчивый тон сменился на более оживлённый, – Сударыни и мессер! Вы можете целиком рассчитывать на меня!

Весь замок и все его обитатели полностью в вашем распоряжении. Вы можете жить здесь хоть всю оставшуюся жизнь! Вы можете даже не соблюдать своё инкогнито: здесь в Священной Римской Империи мы не слишком боимся короля Франции со всеми его войсками! Так что в защите ваших жизней и свободы даже нет никакой моей заслуги – её даёт наш император. Зато в моей власти предоставить вам своё гостеприимство, и... Себя! Я почту за честь быть полезным вам, и постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы хоть

как-то скрасить ваше изгнание!

– Благодарю вас от всего сердца, дорогой барон! – у Катарины свалился-таки с сердца здоровенный булыжник, что она и поспешила продемонстрировать, улыбнувшись во все тридцать два зуба, и поморгав, отгоняя непрошенную слезу, – Мы так рады вашему гостеприимству! С вашего любезного разрешения мы им воспользуемся! Видит Бог, ничто так не укрепляет дух, и не утешает страждущего, как дружеская помощь и поддержка!

– Разумеется, дорогая вы моя! Я сделаю всё, только чтоб вы не чувствовали ни малейшего неудобства. Повторяю: всё в вашем полном распоряжении – и замок, и слуги, и я!

Сейчас я прикажу приготовить вам комнаты поудобней, те, что недавно я отделал по новой моде, и где каминны восстановлены, – он позвонил-таки в колокольчик, стоявший на массивном рабочем столе возле окна, – Кстати, всё же могу ли я уточнить – для слуг – вы желаете сохранить инкогнито?

– Это... было бы желательно. Но – только в том случае, если это не создаст неудобств вам, дорогой хозяин!

– Ну что вы, какие неудобства! Наоборот, так даже интересней. И как же вас теперь зовут, прекрасные незнакомки, и мессер незнакомец?

Она едва успела назвать их новые имена и титулы, как вторая дверь кабинета отворилась после короткого стука, и на пороге возник молодой камердинер, или секретарь, до этого, судя по слегка мятому костюму, мирно спавший в смеж-

ной комнате. На его довольно симпатичном лице явственно читалось удивление: он буквально выпучил глаза на гостей. Впрочем, надо отдать ему должное – оправился он быстро, и поклонился учтиво.

– Господа, позвольте представить вам Гюисманса. – довольно торжественным тоном произнёс барон, – Он – моя правая рука! Секретарь, конюший, управляющий, и так далее – словом, уполномоченный по хозяйственной части. Если вам что-нибудь когда-нибудь понадобится, пусть даже трудно исполнимое, или невероятно редкое, смело обращайтесь к нему – он сделает, или достанет всё: даже такое, что в нашей глуши не встречается!

И, умоляю вас, не стесняйтесь: наши дела вовсе не так плохи, как могло вам показаться, глядя на... некоторое... запустение отдельных мест замка!

Молодой – лет двадцати пяти-шести – человек сконфужено потупил взор умных и живых – совсем как у самого барона – глаз, скромная, чуть ироничная улыбка растворилась в его пышных усах и аккуратно подстриженной бородке.

– Гюисманс! – продолжил тем временем барон, обращаясь уже к своей «правой руке», – Это мои самые близкие и дорогие друзья из далёкой солнечной Франции: баронесса Катарина де Венсан, её фрейлина, виконтесса Мария де-Каллас, и конюший, виконт Пьер Лефевр. Все их желания и приказы должны исполняться даже лучше и быстрее, чем мои! Предупреди об этом всех! А сейчас позаботься, чтобы

лучшие комнаты в гостевом крыле были подготовлены для наших дорогих гостей!

– Слушаю, хэрр барон. – приятным баритоном на вполне приличном французском отозвался молодой человек, продолжая с интересом, но не нахально разглядывать их троицу, и отступая к дверям задом.

– А вас, дорогие гости, ещё раз прошу не стесняться – так как я ужасно рад нашей встрече, и надеюсь, что вы окажете мне честь погостить подольше, умоляю: располагайтесь так, как вы привыкли дома, приспособливайте – с помощью моих слуг! – ваши комнаты для себя, переставляя и переделывая всё так, как найдёте нужным. Как переводчика используйте Гюисманса – или просто объясняйте, что нужно, ему. Помните: вы – дома!

– Почту за честь служить уважаемым гостям! Разрешите? – секретарь с достоинством поклонился хозяину, – И, если позволите, хэрр барон, я хоть сейчас готов проводить уважаемых гостей в приготовленные комнаты, – он поклонился и им.

– Так они... уже готовы? – в голосе барона явственно слышалось удовольствие от приятного сюрприза, – Как это получилось у тебя?

– Очень просто, хэрр барон. Я спустился к Томасу, узнать, что за шум, и он мне рассказал о прибывших. Ну а я взял на себя смелость распорядиться, чтобы на всякий случай лучшие комнаты были подготовлены. Только что Альберт доло-

жил мне, что всё в порядке.

Катарина не могла не подивиться расторопности и сообразительности молодого человека – на все приготовления у него было не более получаса. Похоже, барон взвалил все хозяйственные проблемы на нужные плечи – такой секретарь сможет поддержать дисциплину среди слуг, и сможет навести порядок в замке. Если будет время и соответствующий приказ. Одно неясно – если он знал, что они прибыли, почему так удивился, увидав их команду вблизи – что в них *не так?*

– Отлично! – просиял барон, – Ты молодец! Господа, ручаюсь – он и в дальнейшем не разочарует вас: он с детства в замке, и знает здесь всё!

Ну а сейчас не смею задерживать – вы, несомненно, устали с дороги, хотите переодеться и немного отдохнуть. Надеюсь, впрочем, вы окажете мне честь – и отужинаете со мной, скажем, около семи – вам это будет удобно? – Катарина ответила, что – «О да, конечно!» – В таком случае Эрих успеет приготовить своё фирменное жаркое!

Гюисманс – распорядись! А пока – ещё раз прошу вас располагаться, как у себя дома. И, пожалуйста, не будьте чрезмерно скромны в желаниях – или я буду чувствовать себя неловко!

Ещё раз витиевато, по мере способностей, но от души, поблагодарив барона, Катарина с друзьями поднялись, заверив, что к ужину они непременно будут, и, разумеется, полно-

стью удовлетворят любопытство барона относительно дорогой его сердцу Анриетты, да и о своих злоключениях тоже расскажут. После чего она величаво-торжественно поплыла во главе своих верных соратников вслед за любезно-предупредительным Гюисмансом в недра фамильной недвижимости, уже не такой чужой и страшной.

Гюисманс не торопясь вёл их по запутанным лабиринтам второго и третьего этажей, а затем через крытую галерею в другое крыло замка. Катарине оказалось достаточно один раз взглянуть на Марию, чтоб та поняла, что следует делать.

Сама Катарина, несколько приотстав, что-то спросила у Пьера, а в это время её верная няня вдруг споткнулась на очередном пороге, да так, что только бесчувственный чурбан не помог бы пожилой милой женщине, и не подал бы руку, на которую та с благодарностью во взгляде и поспешила опереться, воплотив эту благодарность и в слова.

Вскоре немного оттаявший от официоза Гюисманс просто и с юмором отвечал на её вопросы об истории и обитателях замка, их привычках и развлечениях, и почему старая башня выходящая в озеро не реставрируется – Катарина расслышала краем уха, что там, оказывается, живёт призрак предка хозяина.

Ну конечно! Что за замок без фамильных привидений!

Они пару раз останавливались, чтоб обозреть из окон – то двор, то – красоты природы снаружи – из высоких узких бойниц.

Но когда Мария подвела разговор к тому, когда и как барон остался без хозяйки, Гюисманс сразу помрачнел. Эта история, похоже, была достаточно драматична. И её няня сразу очень тактично и аккуратно увела разговор в другом направлении, и скоро их проводник снова улыбался. Таким образом к концу их степенного (ещё бы не степенного – Катарина-таки два раза наступила на дурацкий подол!) пяти-шестиминутного путешествия Мария спокойно и деловито обаяла ценного помощника барона.

Катарина признала, что ей самой – и с Карнеги, и без – нипочём не добиться подобного.

Но то, чего не может молодая красивая женщина, вполне по плечу весёлой и добродушно настроенной пожилой няне: ведь мужчина такого возраста невольно видит в ней как бы свою мать, и держится проще и свободней – без всяких сексуальных подтекстов. Так что дедушка Фрейд отдыхает...

Во-всяком случае, прощаясь после показа комнат, «уполномоченный» (а проще говоря – «зам. по хозяйственной части») улыбался какой-то её шутке открыто и весело, а вовсе не сдержанно и официально, как было вначале. Показав и рассказав им всё, и выяснив, что пока они больше ни в чём не нуждаются, он, пожелав всех благ, удалился.

В результате маленькой разведки они получили, кроме прекрасных комнат, потенциального союзника и небольшую порцию нужной и ценной информации.

– Да уж, один шпион внутри крепости полезней, чем целая

армия перед её стенами, – резюмировала Катарина, – Мария, ты у нас просто золото. Переключайся со старых и ворчливых – она хихикнула – на молодых и симпатичных. Их легче перевоспитать для... Домашнего хозяйства!

Пьер фыркнул, впрочем, делая вид, что осматривает резного дуба кровать под балдахином посреди огромной комнаты с высокими потолками.

– На что это вы намекаете, сударыня? – притворно надулась няня, – Я, значит, в поте лица стараюсь, обхаживаю изо всех сил этого милого и приятного – да-да, приятного! Во всех отношениях! – молодого человека, чтобы всё здесь раз-узнать... И что же я слышу вместо благодарности? Какие-то странные, если не сказать больше, намёки?!

– Нет-нет, ну что ты! Никаких пошлых, если ты это имела в виду, намёков! Ты – молодец! Но и парень... Такой симпатичный... И такой вежливый. Просто душка. – Катарина подмигнула, – И так нуждается в заботе и ласке... Материнской.

Поскольку подобные шутки и приколы достаточно часто употреблялись в их ставшей такой сплочённой и по-домашнему родной команде, Катарина знала почти наверняка, как няня прореагирует. И точно – Мария трогательно надула губки, но заметив хитрую улыбку переглянувшихся Пьера и Катаринины, не выдержала и рассмеялась. Но не раньше, чем огрела: Катарину – подушкой, а Пьера – тяжёлой рукой по загривку. Затем, глубоко вздохнув, ткнула его и кулачком в

бок:

– А ты, старый хрыч, видел ведь, что хозяйка толкает меня на растерзание прямо в пасть молодого, опасного соавтителя пожилых невинных женщин, и даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне!

– Ничего себе – не пошевелил! А кто прикрывал твои тылы?! Правда, конечно, не всё, а вот столько, – он развёл руки фута на два, показывая наглядно, – Больше тылов, – он вожделенно обвёл их горящим взглядом, – не поместилось под прикрытие!

– Фу, нахал, – хихикнула Мария, – Ну ничего, ничего. Надеюсь, здесь найдутся подлинные ценители прекрасного – я в смысле моих тылов! И они-то уж будут помоложе и повежливей!

И если уж на то пошло, то и господин барон ничего плохого не смог бы сказать о моих... Тылах и Достоинствах! – она покрутилась перед большим зеркалом, принимая весьма пикантные позы, ещё больше развеселив Катарину, и показав удивлённому Пьеру язык.

Про себя Катарина отметила, что действительно, барон с весьма заметным интересом отнёсся к... достоинствам её весёлой, бойкой на язык, и очень обаятельной няни.

Испытывая большое облегчение от благополучного разрешения проблемы с обретённым, наконец, убежищем, Катарина, слушая очередную милую перебранку, где Пьера было слышно лишь иногда, а солировала Мария, обошла все по-

мещения, пока не форсируя эту мысль.

Затем она подошла к их тюкам и баулам, уже аккуратно сложенным в углу большой комнаты. Здесь она открыла одну из седельных сумок, и бережно вынула то, что хотела.

Да, вот это платье она наденет сегодня вечером.

Всё остальное она подготовит потом.

40

Итак, барон был вдов. Жена его умерла ещё двадцать лет назад, при тяжёлых родах. Ребенок, к сожалению, тоже не выжил. И вот уже почти четверть века Карл фонХорстман и слышать не хотел о том, чтобы ввести в дом новую хозяйку.

Нет, женщины у него, конечно, были.

В молодые – да и в зрелые! – годы он изрядно повеселился и попутешествовал. Благо, экономный в других отношениях до скупости папочка Карла на нужды – будь то образование или развлечения – любимого чада, денег не жалел. Чадо же, приобщаясь к благам цивилизованных западных стран, упор делало, конечно, на развлечения.

Амурные интриги и дуэли явно входили в комплект его хобби, о чём свидетельствовали шрамы от этих дуэлей, вполне хорошо видимые на руках и лице. Однако они же, и то, что он жив и бодр, свидетельствовали и о его незаурядном мастерстве бойца, и о храбрости.

Но ни одну из многочисленных своих женщин он никогда

не приглашал в родовое гнездо. Ни до, ни после женитьбы. Так что единственной и полноправной хозяйкой Кирхштайна около четырёх лет была Ребекка фонХорстман, первая и последняя женщина, которой барон оказал честь, взяв её в жёны.

Затем около восемнадцати лет вести хозяйство барону помогала экономка – Гертруда Гессель, суровая и хозяйственная женщина чуть моложе сорока лет. Однако месяцев семь назад случился скандал, связанный с её исчезновением из замка. Вместе с ней пропал и один крайне важный документ, хранившийся в кабинете барона, и дающий право на владение половиной угодий барона его соседу, и с некоторых пор злейшему врагу, тоже барону – фонРозенбергу, по возрасту почти ровеснику Карла.

Так как спустя всего неделю после исчезновения Гертруды этот важнейший документ всплыл у главного заинтересованного лица, не замедлившего предъявить его в суде, фонХорстман не без оснований посчитал, что его предали. Впрочем, излить свой праведный гнев барону было не на кого: злосчастная экономка пропала, словно в воду канула. И даже спустя более полугода о ней не было ни слуху, ни духу.

Вот так в одночасье у фонХорстмана не стало половины владений, и толковой и хозяйственной помощницы. Впрочем, так как барон терпеть не мог хозяйственных проблем и хлопот, он тогда же, то есть полгода назад, спихнул всё это дело на Гюисманса.

На добычу этой и другой ценной информации ушло почти всё время до ужина, и добыл её, как ни странно, Пьер, откомандированный в конюшни, проверить, как устроили их лошадей.

Мария (ну конечно же!), через того же Гюйсманса, да и сама Катарина, расспросив симпатичную, но немного заикающуюся девочку – назвать её девушкой язык не поворачивался – приставленную к ним Гюйсмансом для разных поручений и услуг, преуспели несколько меньше.

По-французски девочка не понимала ни слова, и всё делала так, словно за ней черти гнались – торопливо, и мило похихикивая и извиняясь всякий раз, когда что-то падало, или получалось не так, как надо – а случалось это довольно часто.

Катарина даже хотела было попросить другую прислугу и посыльную, но потом раздумала, решив ещё поиспользовать этот потенциально ценный и достаточно наивный источник информации. Проблему с падением предметов она решила просто: запретила Электре – да, юную разиню звали именно так! – прикасаться к посуде и вообще любым бьющимся предметам.

Отослав, наконец, юное ходячее стихийное бедствие, они с Марией занялись собой: Катарина считала, что они обе должны выглядеть достойно. Ведь им предстоит провести под этими крышами как минимум несколько месяцев, и нужно добиться того, чтобы любезному хозяину не было с ни-

ми скучно. Для этого нужно не одно только обаяние, а, скорее, умение поддерживать разговор в интересном для барона русле.

К счастью, Мария и сама прекрасно могла разговорить любого, и без неприязни и предвзятости восприняла дополнительные мысли и советы по этому поводу, которые Катарина почерпнула всё у того же Карнеги.

Одеваясь, они обсудили примерный план, как не выболтать все свои приключения и новости за первый же вечер, и оставить что-то интересное и на потом: чтобы не дать заскучать милому Карлу в их обществе. После того, как они поработали и над внешностью друг друга, и осмотрелись придирчиво в настенном зеркале, Катарина осталась вполне довольна: дорогое, купленное вопреки сопротивлению хозяйственной Марии платье, сидело на няне прекрасно.

Немного крема и косметики тоже не повредило. Волосы Марии после укладки и запаковки в новомодную золотую сеточку, выглядели вполне на уровне. Няня у неё ещё хоть куда – тьфу-тьфу! Это она и сообщила зашедшему в этот момент Пьеру, а так же посоветовала вернуть на место челюсть, отвалившуюся ниже приличных пределов при виде их обеих в полной боевой готовности – во-первых, чтобы не потерять столь важную для пищеварения часть лица, а во-вторых, чтобы избежать комментариев.

Мол, они и сами знают, что – неотразимы!

Сама же Мария от своего убойного вида даже как-то сму-

тилась. Это она-то, которая не моргнув глазом, могла застрелить врага! Впрочем, неприкрытый восторг в глазах Пьера, и озорные напутствия Катарины быстро вернули ей боевой дух и гордую осанку. Поберегитесь, г-н барон!

Мы уже идём!

На ужин их проводил всё тот же Гюисманс. В данном случае это была не только вежливость, а, скорее, необходимость: без помощи провожатого они ни за что не отыскали бы зал для торжественных приёмов. Да и кроме того, некому было бы вести улыбающуюся и благородно выступающую Марию, на щеках которой играл подозрительный румянец...

С чего бы это?

Убранство зала оказалось вполне традиционно и торжественно: доспехи и боевое оружие, гобелены на нештукатуренных каменных стенах, массивная люстра и канделябры.

Однако, несмотря на то, что горело очень много толстых свечей из настоящего воска, дающих яркий и ровный свет, стрельчатые своды высокого потолка тонули в темноте, и, разумеется, никакого сравнения с электрическим освещением эта иллюминация не выдерживала. Что ж удивляться, подумала в который раз Катарина, что они понавыдумывали ведьм, привидений и оборотней: с таким освещением может запросто померещиться и чёрт в углу. Впрочем – тьфу-тьфу...

Да и ей ли возмущаться.

Чувствовала она себя уверенно и свободно – не то, что

месяц назад, когда всё окружающее её казалось лишь странной декорацией, построенной специально для неё. Так что стоит только потихоньку выйти из кадра, заглянуть за задник – и увидишь железные балки каркаса съёмочного павильона, курящих осветителей, и дверь с горячей табличкой. «Внимание! Идёт съёмка!»

Человек, воистину, привыкает и приспосабливается ко всему...

Торжественный банкет-приём в их честь прошёл хорошо. Вполне на уровне оказалось меню: три мясных и две рыбных перемены, отменное вино. За спинкой каждого кресла – троих гостей и хозяйского – стояло по два лакея: один подливал вино, другой нарезал и подкладывал еду.

Катарина, до этого не избалованная сервисом, посчитала, что это даже, пожалуй, чересчур.

Немного неуютно – хотя и пикантно! – чувствовать, как два незнакомых мужика сзади всё время с интересом пялятся в её декольте. Ну-ну... Разочарованными они не останутся!

После торжественно-пищевой части, с положенными тостами и обязательным отведыванием блюд, занявшей около часа, или чуть больше, наконец, перешли к так сказать «беседе без галстуков»: простому разговору-рассказу у зажжённого камина в уютном кабинете у хозяина, за бокалом вина (конечно, ни чая, ни кофе – ох, похоже до их открытия, или введения в моду она не доживёт!).

По-правде сказать, пятиметровая длина стола, за которым они восседали до этого, причём Катарина с бароном – визави в торцах, да и присутствие толпы слуг не слишком-то располагали к мирной беседе. Особенно, если учесть, что о некоторых моментах их приключений, или новостях она предпочла бы вообще умолчать, или сообщить только наедине.

Барон, будучи человеком разумным, прекрасно это понял, поэтому перебраться в кабинет предложил сам. Мирный уют небольшой комнаты с приятным домашним потрескиванием душисто-смолистых дров в камине, и удобные кресла и диван вполне устраивали всех. Слуг барон отпустил.

Она видела, что барону не терпится узнать, что же и как привело их сюда, и постаралась не разочаровать его. Вначале она попросила Марию подробно рассказать о том, что происходило в доме матери за последние годы, и, особенно, накануне их вынужденного отъезда. И о самой пожилой графине, сказав только предварительно барону, что сама она в этом просветить его пока не в силах. Барон, если и удивился, то выказал это только поднятием бровей.

Няню он слушал с интересом – та, хоть в начале и смущалась, быстро поборола робость и стеснение – Катарина и сама узнала много нового о традициях и жизни семейства де-Буа-Трасси.

Затем, когда няня добралась до их отъезда, она взяла беседу уже в свои руки. Рассказала всё. Ну, или почти всё: о своём бездетном браке, о внезапной милости его Высоко-

преосвященства – хранителя королевской печати, о переезде в Париж, о трагической кончине мужа и домогательствах монсиньора архиепископа, о своей неудачной попытке отомстить, которую интриганы смогли представить как покушение на короля, о суде, и о неминуемой казни.

Здесь она стала рассказывать осторожней. Во-первых, даже у стен, как известно, бывают уши. Во-вторых, совсем незачем знать кому бы то ни было, каким именно образом она сбежала.

Поэтому она просто и мило сказала, что коменданта удалось подкупить за огромные деньги, которые они достали, продав и заложив всё, что было можно. Далее она рассказала о незавидном состоянии своей матери, о своей частичной потере памяти (от волнений), о бегстве из Парижа, о том, какой крюк они сделали, чтобы сбить погоню со следа, о том, как под Бельфором на них напали бандиты, и Пьер застрелил троих, но и сам получил стрелу в ногу – выставила она его при этом героем, спасшего их всех, и сильно приуменьшила число бандитов.

Пьер и Мария только переглядывались. Она же рассказала, как после этого им посчастливилось найти знахарей, и пришлось жить почти неделю в дремучем лесу, пока рана не зажила...

При рассказе о путешествии по Швейцарии и Германии она старалась ограничиться лишь впечатлениями от увиденных красот природы и бытовых мелочей в плохих трактирах

и гостиницах. Ну, и о языковых проблемах.

О встрече с виконтом-графом и его наёмниками она не упомянула вообще, чем вызвала ещё серию переглядываний между Пьером и Марией, зато вполне правдоподобно восторгалась романтической и живописной обстановкой в Австрии вообще, и своеобразии окрестностей замка Кирхштайн в частности.

Пьер и Мария, конечно, были предупреждены заранее о том, какую легенду собирается их хозяйка преподнести мессеру барону (невинная оклеветанная слабая женщина), и, разумеется, помалкивали – пытались получше запомнить, что же с ними происходило по дороге «на самом деле».

Поскольку Катарина старалась рассказывать с деталями и интересными подробностями (иногда – смело – чтобы не сказать, нагло – выдуманными!), чтобы и барону было поинтересней, и друзьям нашлось что усвоить, и не брякнуть потом ненароком чего-нибудь лишнего, вниманием аудитории она владела безраздельно. Впрочем, если позже к её легенде они додумают что-нибудь своё, ничего страшного не случится: чем больше версий, тем лучше – труднее докопаться до правды, если кто-нибудь захочет это сделать...

Барон, о неподдельном интересе которого – особенно в первой части рассказа – говорили горящие глаза и раздувающиеся иногда ноздри, вздохнув, сказал, что более захватывающей и печальной истории он в жизни не слышал. Затем, вздохнув ещё раз, сокрушённо добавил, что в сравнении с

этим его собственные зловключения выглядят лишь комариными укусами. После естественно заданных вопросов, он поведал и свою историю.

Хотя в общих чертах о произошедшем они уже знали, Катарина старалась подыграть барону, и действительно слушала с большим интересом – они узнали много странных и интересных подробностей о перепетиях жизни клана фон-Хорстманов.

Дитрих фонРозенберг, сосед и давний друг семьи фон-Хорстманов, более шестидесяти лет претендовал на половину ленных владений Карла. Это было связано с брачным контрактом отца, Роланда фонХорстмана. Но без одного важного документа, хранившегося в тайнике кабинета барона, все иски, интриги и судебные разбирательства неизменно оканчивались ничем: подтвердить справедливость своих притязаний фактами сосед не мог.

Но полгода назад фонРозенберг сумел завладеть этим документом, и Имперский Верховный суд (проканителившись каких-то три месяца) вынес-таки решение в его пользу. С потерей половины земель, деревень и вассалов барон ещё мог как-то смириться – он признавал подлинность договора отца, и понимал, что приговор суда вполне законен – однако он был потрясён предательством, совершённым, как он считал, близким и дорогим ему человеком – экономкой, помощницей и другом Гертрудой Гессель.

Таким образом, деньги, потраченные на сам процесс и

взятки, пропали. Большая часть вотчины и вассалов оказались в руках непримиримого врага, который грозился, воодушевлённый успехами, отобрать и последнее достояние барона – родовое гнездо, замок Кирхштайн.

Впрочем, это было бахвальством чистой воды: денег на новый процесс у мессера Дитриха не имелось – деньги, или наличность, вообще были большой проблемой в этой части страны.

А с «безмозглым», как не стесняясь, назвал его мессер Карл, способом ведения хозяйства своего феода фонРозенбергом, приходилось удивляться, что ростовщики-ломбардцы до сих пор не распродают его владения за долги.

Как ни странно, экономическая база фонРозенберга с присоединением новых земель была не упрочена, а, скорее, наоборот: окончательно подорвана. Большинство новых вассалов, привыкших к относительной демократии (Катарина так поняла для себя, что и фонХорстман не особенно силён в рачительном отношении к феоде – он просто пустил всё на самотёк, довольствуясь тем, что мог собрать со своих крестьян), почуяв, что новый хозяин тиран и скотина (узнать это было нетрудно – ведь феоды соседствовали), разбежались, побросав и посжигав нехитрое хозяйство, да ещё подбили на такое же свинство – это по мнению обиженного в лучших чувствах мессера Дитриха! – и часть его собственных вассалов.

Естественно, большинство таких беглецов укрылось на

землях старого, и сравнительно «доброе» хозяина – фон-Хорстмана, у друзей и родственников в оставшихся у того деревнях. Естественно и то, что он официально этого не признавал, а неофициально, за большую взятку, оформил их задним числом под новыми именами в своё хозяйство. Это было, в принципе, нетрудно – ведь переписи подлежали только мужчины – главы семей.

Так что теперь у барона фонРозенберга имелся избыток земель с сожжёнными деревнями, и отсутствие работников для их обработки, и перспектива голода зимой (земли-то не засеяны!).

А у фонХорстмана работников было пруд-пруд... Но плодородных земель катастрофически не хватало. Договориться же полюбовно о каком-нибудь разумном и неразорительном для обоих компромиссе, мешала пресловутая родовая честь. Патовая ситуация. А для крестьян – катастрофическая.

Зимой, скорее всего, большинству придётся голодать. Однако эта проблема волновала барона куда меньше, чем потеря экономки – ведь она фактически вела всё его хозяйство. Управляла замком и поместьем. Да что там поместьем – всей вотчиной. За тот месяц, что барон попробовал взять власть в свои руки, он запутал всё, что было возможно, о чём и сообщил Катарине с милой и подкупающей откровенностью. Впрочем, осознав свою некомпетентность, барон поступил вполне грамотно: назначил на место эконома и управляюще-

го делами, Гюисманса. Месяцев за пять тому почти удалось вернуть быт и экономику замка и вотчины в старое накатанное русло.

Катарина, воспользовавшись паузой, возникшей в рассказе расстроенного барона, спросила, как это так получилось, что он мог доверить такое сложное и ответственное дело столь молодой женщине?

– Так ведь не просто женщине! Мало того, что она моя собственная дочь (да я этого и не скрывал никогда!), так ведь ещё и её мать все предыдущие годы благополучно управляла всеми делами за моего отца, а затем и за меня. То есть, фактически она свою должность получила по наследству. Так же, как я – свой титул...

И никогда у нас с ней не было ни серьёзных ссор, ни скандалов. Ну, то есть, мы, конечно, случалось – ругались, но, если так можно выразиться, в рабочем порядке – по мелочам. Всё управление вотчиной дедов было в её руках, и она умела доказать мне, что будет полезно для нас, а что – нет. Помому, обитатели замка, да и деревень, побаивались её гораздо больше, чем меня, – он невесело усмехнулся, – Ну и справедливо. Если кто-то был действительно в чём-то виновен – она наказывала, не жалея. Но всегда умела найти и компромисс, если обстоятельства этого требовали. Железная была женщина. И очень умная и порядочная. Не знаю... Просто ума не приложу, чем и как мог её переманить фонРозенберг: у меня она имела всё . Ну то есть – всё. Что только могла

пожелать. Кроме, разве что, титула.

Барон помрачнел, на минуту опустив голову.

– Да, этот мерзавец мог посулить ей свой титул. У него как раз есть неженатый старший сын, лет тридцати с небольшим, тот ещё оболтус... Но тогда бы они уже давно сыграли свадьбу – этот старый крючоктвор, надо отдать ему должное, всегда держит данное слово.

Однако моя бедная Гартруда куда-то пропала: уже больше полугода её никто не видел, и – вот чует моё сердце! – что-то с ней случилось.

– А не мог ли ваш сосед просто убить её, после того, как она сделала своё дело и оказалась ему не нужна? – Катарина, конечно, первым делом подумала об этом, но сильно сомневалась, что в этот век рыцарей возможны «деловые» отношения её сложного времени.

– Нет-нет, это совершенно исключено! Если он и вправду заключил с ней сделку, он выполнит свои обязательства, чего бы это ему ни стоило – он человек чести. А считать его способным на убийство женщины может только человек, совершенно его не знающий. Даже как его враг я признаю в нём рыцаря и человека слова.

– В таком случае, приношу ему свои извинения – я руководствовалась... Личным опытом. И я вижу, что даже несмотря на родовую вражду, вы отдаёте ему дань уважения... Значит, он чтит законы и рыцарский кодекс?

– О, да! Я достаточно хорошо его знаю. Ведь мы не всегда

враждовали. Их род во все века славился благородными и достойными мужчинами – они настоящие рыцари.

Поэтому мой дед и задумал с ними породниться. Он хотел с помощью хитро составленного брачного контракта своего сына – ну, то есть моего отца – прибрать к рукам их вотчину. Вернее, половину её, ту, что была оговорена в контракте. Однако он несколько просчитался... Или, правильной, – недоглядел при составлении, и потом – при подписании этого документа. И, как он позже признался, уже умирая, своему сыну, сунул слишком маленькую взятку стряпчему, составлявшему текст. А того, видать, перекупили.

Это уже я выяснил, что он оказался прав: перекупили... Но уже было слишком поздно – дед даже не дал себе труда прочесть текст: во-первых, считал, что всё куплено, а во-вторых...

У него было туго с чтением...

Вот и поэтому в том числе, – барон горько усмехнулся, – мой-то папочка озаботился моим образованием... Говорю и пишу на трёх языках. Ну, а дальше – случилось самое интересное.

К счастью – простите за пикантную подробность! – моему отцу удалось уничтожить – скушать! – их экземпляр договора, и выкупить – уже за огромную взятку – экземпляр, что хранился у поверенных. И оставался только наш – последний!

– Простите за несколько... бестактный вопрос, дорогой

мессер барон – так почему же вы попросту не уничтожили такой опасный документ сами, не дожидаясь неприятностей?

– Невозможно! Ведь если в следующем поколении фонРозенберг остался бы бездетным, в смысле, у его сына не было бы наследников мужского пола (а сын его до сих пор холост, и шансы на его женитьбу на дворянке невелики – что при его внешности и неудивительно!), то уже я мог бы претендовать на те самые земли, из-за которых разгорелся весь скандал!

– Тогда... Если я правильно понимаю, сейчас уже он заинтересован в уничтожении такого опасного для него в будущем документа?

– Ну... В-общем, да. Теперь, когда он отсудил то, что положено по одному из пунктов, он был бы счастлив, если бы остальные пункты были уничтожены. Вместе со всей бумагой. Пожалуй, так он и постарается сделать в будущем. Однако денег на взятку такого размера у него нет – документ надо выкупать уже из архива Имперского суда, куда были переданы все материалы дела...

Впрочем, сейчас это для меня не имеет особого значения – суд уже вынес решение, и без половины земель пока – я! – барон огорчённо и безнадёжно махнул рукой.

– И я смотрю, что теперь вы решили поручить управление делами мужчине? – решила сменить болезненную для хозяйина тему Катарина.

– Ну да, я был вынужден так поступить! Во-первых, Гюисманс тоже мой сын (простите, Бога ради, сударыня, за эти

интимные подробности, но на кого же можно рассчитывать, как не на своих родных и близких?!). А во-вторых, и это – главное: он хоть что-то понимает в делопроизводстве, расходных книгах, оставшихся от Гертруды, и всех этих стряпческих подвохах.

Всё же не зря я шесть лет назад отправил его в столицу – он был учеником в самой лучшей коллегии стряпчих при столичной магистратуре. Уж я оплачивал эту учёбу от души – как знал, что «доморощенный» крючоктвор мне понадобится... Ладно.

Ну, и, наконец, он с детских лет знал Гертруду, и кое-чему у неё научился.

Правда, сейчас его таланты расходуются впустую: ему негде развернуться. От всей нашей вотчины остался лишь жалкий клочок земли с Кирхштайном посередине. И земли под посевы совсем мало...

– Дорогой барон, но неужели нет никакого средства исправить это положение, и вернуть отсуженные земли... каким-нибудь другим способом?

– Есть, разумеется, такой способ. И даже очень простой. Это – деньги.

Старик фонРозенберг гораздо больше меня нуждается в наличности.

Ну, это и понятно: после стольких взяток, (а там, в столице, яйцами и зерном не берут!) многолетних тяжб и исков, его расходы на сам этот процесс были куда больше моих. Да

и хозяин он ужасный! Правда, – тут барон печально усмехнулся, – я-то и сам не лучше...

Но у меня хоть есть кому заниматься хозяйством. Вот он, я думаю, и хотел убить двух зайцев сразу – навести порядок дома, да и земли у меня отобрать. Впрочем, уже неважно. Словом, денег у него нет, и не предвидится: взять их сейчас не с кого, так как вассалы разбежались. Ну, и, разумеется, раз земли остались почти не засеянными, рассчитывать на продажу урожая тоже не приходится. Единственной надеждой был его сын. Дитрих.

Уж он так надеялся устроить ему выгодную партию с богатой невестой! Но желающих породниться пока не нашлось. Не подобает рыцарю злословить за глаза, но то же самое вам скажет любой: его единственный отпрыск мужского пола не блещет красотой. Это мягко говоря. Трое из кандидаток в невесты категорически отказались от брака после первой же встречи. Ещё одна сбежала после второй – или была очень мужественной, или подслеповатой: с первого раза не разглядела это... сокровище.

Поэтому матримониальные планы мой сосед сейчас отложил до лучших времён, и просто-напросто продаёт (простите за грубость – словно жалкий торгаш!) ту часть земель, что отсудил у меня. К сожалению, оспорить и подкопаться тут нельзя – теперь они принадлежат ему по закону...

– И что же, есть желающие купить?

– Нет, пока, к счастью, не нашлось. Он слишком много за-

ломил. Поэтому могу прямо сказать: вряд ли и найдутся. Во-первых, у местных феодалов благородных кровей, получивших свои вотчины семь, или даже десять поколений назад из рук самого императора, за храбрость, мужество, и заслуги на поле брани, считается плохим тоном приобретать земли *таким* способом – мы не торговцы, а дворяне!..

А во-вторых – и это, пожалуй, важнее – большинство моих соседей хоть и благородного происхождения, но тугой мощной не блещут. А богатым, но безродным, например, купцам, покупать эти земли, тем более, разорённые, смысла нет: права на титул они не дают. А заселить их людьми и обрабатывать для получения прибылей невозможно, так как владеть людьми могут только родовитые дворяне. Так что фонРозенберг может ждать своего покупателя ещё хоть сто лет – шансы почти такие же, как на выгодный брак его отпрыска.

– Вы хотите сказать, что эти земли сами по-себе, без людей для их обработки, не представляют... коммерческого интереса?

– Нет, я хочу сказать, что они и с людьми-то были не особенно ценны. Это в-основном предгорья и леса. Лишь незначительная часть в долинах расчищена для земледелия. Видите ли, здесь освободить землю от огромных валунов и деревьев очень сложно.

Как угодья для охоты они тоже не годятся – невозможно преследовать дичь через буреломы и овраги. Большинство

крестьян кормилось продажей дров... Ну, и, конечно, браконьерством. На которое я как бы закрывал глаза... Но и рубить и охотиться сейчас некому – вон, даже возле замка всё опять позаросло.

– Тогда за каким же дья... О, прощайте. Я хотела спросить, почему же ваш сосед тогда так стремился отобрать эти земли у вас, если даже не собирался их использовать?

– Ну, это просто. Из принципа. И в силу своего характера. Он на старости лет стал просто ворчливым и занудным крючкотвором. Говорят, он собрал целый архив старых документов – не гнушаясь подкупом и наёмными ворами! У него есть там и долговые расписки, и контракты, и завещания, и другие документы в таком роде – на всех наших соседей.

Из последних двадцати пяти лет он двадцать четыре обязательно с кем-нибудь судится – хотя бы даже из-за убитого на спорной территории рябчика. Собственно говоря, именно поэтому никто из старых друзей и не желает иметь с ним дела. А ведь какой был храбрый и достойный рыцарь до женитьбы... И как изменился всего за десять лет: простите, но и вправду, он теперь – какой-то старый крючкотвор и брюзга.

– Уж не хотите ли вы сказать, дорогой барон, что это его жена сделала его склочником и кляузником?

– О, нет! Сказать так – значило бы бросить тень на светлую память его вот уже двадцать лет как почившей Софии. Ведь она умерла в один год с моей дорогой Ребеккой. Одно время

я даже думал, что найду в Дитрихе родственную душу, хоть он и стал вдовцом не через четыре, как я, а через девять лет брака...

И успел, в отличие от меня, насладиться радостью отцовства: у него сын и три дочери. Но, к сожалению, барон больше прислушивался к советам своей тёщи – урождённой фон-Варбург.

Амбиции у неё под стать самой императрице. В результате у него не осталось друзей – только истцы и ответчики. Возможно, в начале он страдал от этого. А потом ещё больше озлобился.

– А что же его тёща?

– Да в том-то всё и дело, что она уж, почитай, лет девять как скончалась. Можно бы и успокоиться. Но – нет. Толчок она, похоже, дала очень мощный. ФонРозенберг всё никак не может остановиться: или судится, или подаёт апелляции, или пишет прошения и доносы в канцелярию местного бургомистра. Или сразу императору.

– Как печально... Такой настойчивости можно было бы найти лучшее применение.

– Разумеется. Но... Похоже, исправить горбатого может только могила. Да и все мои соседи думают, что Дитриха в его почти семьдесят лет уже не переделать.

Катарина поразила столь почтенному возрасту: она-то считала, что здесь и пятьдесят – глубокая старость. Да и не удивительно, раз замуж выходили в тринадцать-четырна-

дцать лет, а к тридцати годам успевали родить семь-десять детей, из которых двое-трое выживало, и уже всю нянчили трёх-четырёх внуков!

Крепкая же порода у этих австрийцев-арийцев. Может, горный воздух виноват. Или пища. А вот во Франции, дома, с продолжительностью жизни было, насколько она помнила, похуже. Как тут не вспомнить Гитлера, будь он неладен, с его идеями о голубой крови, тысячелетнем рейхе, и евгенике.

Она поспешила направить разговор в более приятное для барона русло: попросила вспомнить, какой была Франция тридцать лет назад, и поделиться хоть частью своих воспоминаний о её матери и приключениях барона в молодые годы.

Тот вначале вежливо отнекивался, но затем уступил настойчивым просьбам милых дам.

Рассказчик он оказался прекрасный, и направляемый как бы невзначай высказанными вопросами и замечаниями, поведал о Франции и о себе много интересного.

Одних его рассказов о способах охоты и правилах и традициях рыцарских турниров, хватило бы на несколько учебников, да ещё со сколькими красочными примерами! В силу живости ума и природной наблюдательности он многим фактам общественной жизни, политики – да и не только – мог дать чёткое и верное описание и объяснение. В нём пропал или талантливый писатель, или классный политический обозреватель – почти как в давешнем графе-виконте.

Хотя, конечно, у барона явно не было той авантюристической тяги к чему-то противозаконному, что она почуяла в Джоне... Нет, барон вряд ли смог быть реальным политическим лидером – ей показалось, что связано это с какой-то природной ленью, и, похоже, боязнью ответственности за свои хозяйственные и не только, решения. Он предпочитал лёгкие амурные похождения серьёзным и длительным связям, и штурмовщину – кропотливому и упорному труду. Может, здесь ещё была и... Нехватка терпения?

Во всяком случае, серьёзная и долгая сердечная привязанность у него была только с женой. А единственное dokonченное дело – коллекция оружия. Возможно, конечно, что он и просто избегал всяких страстей и волнений, связанных с длительными и серьёзными связями и отношениями: словом, современные latino-американские, и отечественные сериалы с их запутанно-страстными разборками популярностью у барона явно не пользовались бы. Детская беспечность и лёгкость характера проглядывали в этом миллом и жизнерадостном человеке и сейчас.

Установить круг его интересов для поддержания бесед в ближайшем будущем оказалось несложно. Это, разумеется, весёлые и не очень, любовные похождения, охота, оружие (ну конечно – какой рыцарь откажет себе в удовольствии увесить стены замка – благо, он есть! – такими привлекательными железками, с помощью которых благородные джентльмены благородно убивают себе подобных... Или – ни в чём не

повинную дичь!), путешествия, и...

Этнография.

Да! Барон страстно увлекался сказками, старинными легендами, былинами и балладами. И где бы ни путешествовал, неизменно искал новых рассказчиков и певцов-менестрелей. Любил он так же и всякие, сохранившиеся кое-где языческие обряды – вроде плясок вокруг Купальского шеста, или Масленицы. Большинство книг его библиотеки как раз и были посвящены такого рода обрядам у разных народов Европы, вплоть даже до финских (которые пока назывались суоми) и половецких, легендам, древним крепостям-замкам, оружию и медицине.

Что ж. Пожалуй, им будет весело с бароном. Да и ему скучать не придётся. Чем она не Шахерезада? Сказок знает много. И каких! В детстве у неё было не менее пятидесяти книг из серии сказок народов мира – от классических древне-греческих мифов до легенд аборигенов Австралии, Полинезии и той же Японии... Об оружии и охоте она тоже сможет поговорить. С обрядами и народными песнями и Мария сможет помочь, да и сама она «Золотую ветвь» Фрэзера не совсем забыла...

Увлёкшийся барон, растроганный потревоженными старыми воспоминаниями, которых он и поведать-то явно никому и никогда не мог, очнулся только около второго часа ночи – когда вокруг только ухали совы в полной тишине. Он как-то вдруг запнулся на середине фразы, обнаружив, что

дрова давно прогорели, так же, как и семь из десяти свечей, вставленных в чудесные канделябры на его рабочем столе и у дверей.

– Покорнейше прошу извинить меня, сударыни и мессер! Я как-то слишком... Увлёкся: всё о себе, да о своих проблемах. Такой... пожилой предмет для разговора, – он приложил руку к широкой груди, – не может быть интересен двум прелестным женщинам! Давайте лучше в следующий раз я расскажу вам о балах, охотах и празднествах, которые, хоть и редко, но происходят и в нашей глуши.

Катарина и Мария поспешили заверить дорогого хозяина, что напротив, им было очень интересно и познавательно войти в курс его дел и увлечений, а о нравах его соседей, балах и празднествах, и всяких там турнирах и охотах, им думать пока рано: нужно отдохнуть, привыкнуть, освоиться с местными модами и нравами. Да и гардероб сменить – чтоб больше соответствовал традициям Австрии – они ведь бежали налегке. А средства сейчас несколько ограничены – так как вся семья несколько поиздержалась на её (Катарины) освобождение. Поэтому шикавать особо не приходится – «вот, видите – одно из всего нескольких приличных платьев!».

– О, за это не переживайте, милые дамы! Хоть я, к сожалению, сейчас, как назло, тоже немного... стеснён в наличных средствах, но уж на несколько нарядных и модных туалетов для столь желанных и прелестных гостей найду! – ба-

рон любезно поклонился, – И прошу вас: никаких отказов! Или я посчитаю себя не выполнившим свой долг гостеприимного хозяина и рыцаря!

– Ну что вы, милый мессер барон! Вы слишком любезны, чтоб мы обременяли вас ещё и заботами о пополнении нашего гардероба. Нет. – она решительно пресекла жестом пытавшегося было возразить барона, – Возможно позже мы ещё вернёмся к этому вопросу и вашему любезному предложению. Но сейчас, в ближайшие несколько дней, этот вопрос не является жизненно важным. Поэтому, умоляю, мессер Карл, – она пустила в ход всё своё обаяние, видя, что тот собрался мило надуться, – не обижайтесь на нас! И не сомневайтесь в нашей к вам огромной благодарности.

Ведь это именно вы подарили нам дружеский кров и надежду на лучшее будущее...

И, немного осмотревшись и привыкнув, мы, разумеется, воспользуемся всем, что вы столь любезно нам предложили. Но с нарядями давайте всё же немного повременим. А вот если нам что-нибудь понадобится для обустройства здесь – мы попросим, в этом вы можете быть совершенно уверены – только у вас!

– Что ж, сударыни, воля ваша. – сказал несколько удивлённый столь решительным отказом от новой модной одежды двух цветущих женщин, барон, – Я буду ждать, сколько прикажете. А пока – и я, и все мои слуги всецело в вашем распоряжении. И вы можете попросить – да что это я! – при-

казать вашему покорному слуге, всё, что вам угодно, и в любое время дня и ночи!

– Ах, милый барон! – с неподдельной нежностью в голосе произнесла Катарина, – Мы с радостью воспользуемся своими привилегиями! Благодаря вам мы снова чувствуем себя странниками, вернувшись Домой!.. Наряды подождут! Ведь нам сейчас так хотелось бы ни о чём не думать, и просто отдохнуть, отдохнуть и успокоиться от всех тех бурных и страшных событий и опасностей, которых нам каким-то чудом удалось избежать... Да и от самого этого ужасного бегства – через страны, леса и горы, реки и поля!

– О, я вас понимаю, сударыни! Действительно, на ваши хрупкие плечи (Катарина усмехнулась про себя, а Мария – вот нахалка! – даже хихикнула вслух, впрочем, тут же сделав вид, что закашлялась) свалилось сразу столько испытаний! Да, мне кажется, я понимаю вас. Как раз отдых в нашей тихой глуши лучше всего поможет вам успокоиться и набраться новых сил. Я прикажу Гюисмансу отправить людей почистить старый парк – ничто так не восстанавливает силы и дух, как общение с природой...

– Вы так любезны, дорогой барон, мне даже неловко. Я не знаю, как мне отблагодарить вас за доброту и столь чудесное гостеприимство – ведь я сейчас вне закона, и даже не могу пригласить вас погостить в наши поместья и охотничьи угодья – их, скорее всего, уже конфисковали.

– Даже и не думайте об этом, дорогая моя! Самая луч-

шая для меня награда и благодарность – этот очаровательный блеск в ваших глазах! В них я вижу вашу искренность, и то, что вам приятна та скромная услуга, которую ваш покорный слуга может оказать вам, предоставив своё родовое гнездо в ваше полное распоряжение!

– Ах, дорогой барон, вы – страшный человек! Вот теперь я понимаю, почему ни одна женщина не могла отказать вам ни в чём: вы как в открытой книге читаете всё, что написано у женщины в сердце!

– Моя милая Катарина! Видит Бог, это лучший комплимент, который кто-либо когда-либо говорил мне! О, где мои тридцать! Ну, или хотя бы пятьдесят! – Барон, подняв глаза к потолку в притворном сожалении, мило улыбнулся, как бы в отчаянии взмахнув руками. Однако она обратила внимание, что на её няню, тоже явно и саму подпавшую под очарование барона, тот поглядывает даже чаще, чем на саму Катарину.

Катарина весело рассмеялась:

– Поверьте, дорогой хозяин – настоящий мужчина чувствуется в любом возрасте! Быть рыцарем – это призвание. Поэтому иногда, глядя на вас, мне тоже хотелось бы оказаться на месте моей матери хоть на мгновение...

– О, графиня, пощадите! Вы просто убиваете меня – ведь это я должен говорить вам изысканные комплименты! Клянусь, никогда раньше ни одной женщине не удавалось покорить моё сердце настолько быстро! И вот я весь – целиком у ваших ног, милая повелительница!

– Ну что вы, право, любезный мессер барон! Сказать интересному человеку, что он тебе интересен – это вовсе не комплимент, а просто констатация факта. И мы действительно очень тронуты вашим участием и радушным приёмом. После всех этих гонений и интриг со стороны власть имущих, как приятно вновь почувствовать надёжную опору под ногами, крышу над головой, и понять, что ты – дома!

– О да, сударыни и мессер! Вы – дома! Я повторю это снова и снова: вы – дома!

Поэтому и ведите себя так, как и положено хозяевам. Потому что вы – хозяева! Распоряжайтесь всеми, в том числе и мной. Ещё и ещё раз повторю: устраивайтесь так, как дома: всё, что не нравится – смело выбрасывайте! Всё, что захочется – заказывайте. Ну, я уже говорил: всё моё – ваше!

Катарина, растаявшая от тёплых слов вплоть до непрощенной слезинки, смахнув её, ещё раз любезно поблагодарила барона. Она была рада, что понравилась ему. Это позволяло ей совсем раскрепоститься и быть естественной. Он и вправду был не только приятный и обходительный кавалер, но и джентльмен-рыцарь до мозга костей. Её матери и впрямь повезло, что встретила и сохранила такого друга. Впрочем, вспоминая материнские способности, понимаешь, что везение тут ни при чём: мать *видела* его истинное обличие – пусть немного легкомысленное, но благородное и верное сердце...

Мило извинившись за то, что они своим любопытством

нарушили привычный распорядок барона, и, возможно, помешали его ночному отдыху, она попросила разрешения продолжить беседу в следующий раз, чтоб не слишком утомлять милого хозяина.

Барон, извинившись в свою очередь, напротив, был уверен, что это он утомил любезных женщин и терпеливого мессера конюшего своим неуёмным любопытством.

Вскоре, убедив друг друга, что обе эти точки зрения не соответствуют действительности, высокие договаривающиеся стороны церемонно раскланялись, пожелав друг другу спокойной ночи. Они явно (тьфу-тьфу!) понравились друг другу...

Барон отрядил Матильду – свою личную горничную – проводить их по ещё не освоенному лабиринту переходов и лестниц в их комнаты.

Медленно и осторожно, поминутно предупреждая, чтоб они не споткнулись об очередную порог и торчащие тут и там каменные плиты, пожилая женщина с суровым лицом и фонарём в руке, провела их вновь по всему замку. Катарина и Мария вынуждены были всё время придерживать длиннющие подола своих платьев руками, держась, как за спасательный круг, за невозмутимого Пьера, который умудрился за весь вечер не сказать ни слова, но умудрился и никого этим не смутить.

Катарина опять подивилась бестолковости планировки: похоже, каждый из пресловутых двенадцати предков баро-

на принципиально считал своим долгом что-нибудь построить или достроить, или перестроить – ну в крайнем случае – пристроить, в родовом гнезде. В результате добившись потрясающе запутанного внутреннего устройства, и постоянных сквозняков.

Дуло, казалось, действительно отовсюду, хотя открытых окон и дверей, вроде бы, и не было. Но это оказалось ещё одной неприятной, но неотъемлемой частью архитектурных особенностей Кирхштайна. В дополнение к крутым и скользким стёртым ступенькам и таинственным теням на высоких сводах потолков.

Впрочем, подумалось ей как бы невзначай, врагам бы здесь не поздоровилось – никогда бы они не смогли разобраться в планировке, и захватить этот лабиринт!

41

Оказавшись, наконец, у себя, Катарина первым делом попросила Марию распустить ей корсаж, в свою очередь оказав ей ту же услугу. Обе повздыхав, посмеялись. Конечно, эта штука здорово стройнит и придаёт горделивую осанку, но ходить в ней долго и дышать, не говоря уже о приёме пищи, могли бы только убеждённые мазохистки.

Барон всем понравился, хоть Пьер и сказал, что иногда у него бывают грустные глаза.

Ну, а заметить такой странный момент он смог, естествен-

но, потому, что сам в беседе не участвовал – пока инициативой владели женщины, он спокойно присматривался к обстановке и барону.

Несмотря на сытный ужин, Катарина успела за время долгой беседы изрядно проголодаться, впрочем, как и остальные. Однако будить из-за этого Электру, расквартированную по соседству, не хотелось. К счастью, в багаже сохранились кое-какие продукты. И вскоре упоительный запах острой копчёной колбасы с чесноком, сала и сыра наполнил комнату.

Этот запах несомненно сыграл свою роль во всех дальнейших событиях.

После импровизированного второго ужина устроили маленький военный совет.

Решили и постановили, что поскольку в замке барона внешних врагов опасаться, вроде, не надо, а о внутренних они ещё не знают – есть ли таковые, перейти от походного режима ночёвок к домашнему.

То есть, мечи и ножи с собой в постель не брать, и заряженные и взведенные арбалеты в изголовье кроватей не ставить.

Это могло бы вызвать ненужные мысли даже у той же Электры. Более того, Пьера отправили ночевать в его комнату, чтоб не вызывать некрасивых толков и сплетен. Плошку с маслом на ночь тоже решили не зажигать.

Катарина с Марией, уже лёжа в постелях с мягкими (!) пе-

ринами, немного поболтали о бароне, переговариваясь через оставленную открытой дверью между комнатами.

Марию он покори́л и очаровал, и, конечно, Катарина не могла удержаться, чтоб не предложить няне действовать. Та, как всегда, пофыркала, но потом признала, что от такого жениха, конечно, не отказалась бы. При этом она вздохнула так, что Катарина почувствовала в поведении пожилой смелой и бойкой обычно женщины, что-то новое. Вслух она ничего не сказала, но... задумалась.

Вскоре усталость и сытый желудок сделали своё дело: беседа сошла на нет, и обеих сморил сон. В этот поздний час в замке царила полная тишина, даже петухи и собаки мирно спали.

Проснулась Катарина внезапно, как от толчка, в липком поту и с ощущением смертельной опасности. Это чувство, обострённое долгой борьбой за выживание, ещё никогда её не подводило.

Впрочем, разум как всегда победил панику, и удержал от непродуманных действий – она осталась лежать в непринуждённо-расслабленной позе сна, с разметавшимися по подушке волосами и приоткрытым ротиком.

Это не мешало ей внимательно изучать всю комнату сквозь полуприкрытые длинные и пушистые ресницы и внимательно прислушиваться. Как всегда в такие моменты все чувства обострены до предела, мозг работает чётко и ясно. Адреналин впрыснут в кровь, мышцы подготовлены... Бое-

вая пружина взведена.

Она чувствовала, что на неё внимательно смотрят. Хотя в комнате – за это она могла поручиться – никого не было. Такое ощущение продолжалось минуты две. Затем оно ослабло, зато возник тихий звук: казалось, за глухой толстой внутренней стеной кто-то перебирает звенья старой ржавой цепи. Но ведь стена из сплошного камня! Или...

Опять всё стихло.

Но вдруг в комнате пахнуло сквозняком.

Часть тёмной каменной, казавшейся незыблемой, стены, стала ещё темней, и в ней возник проём – чёрный, глубокий.

Спустя ещё минуту в проёме возникло движение. Что-то большое, тёмно-серое, неопределённых очертаний, появилось из тьмы, приближаясь к ней медленно и бесшумно.

Вот когда Катарина пожалела, что поторопилась отменить походно-боевой режим и не засунула, как обычно, кинжал и звёздочки под подушку.

Ну ничего, она и без оружия не подарок. К тому же отсутствие у неё оружия даёт врагу ложное чувство превосходства. Кем бы ни было это странное создание – привидением или человеком – без боя она не сдастся! Впрочем, что за чушь. Привидением эта штука быть не может: те свободно проходят *сквозь* стены, без всяких потайных несмазанных дверей. Ладно, подождём и понаблюдаем, что этой твари надо, и кто она.

Ждать пришлось недолго. Странное существо неторопли-

во вплыло в полосу лунного света, лющегося из незанавешенного открытого окна. Катарине сразу стало ясно, что это.

На фоне света чётко обозначился силуэт худого и высокого мужчины, одетого с головой в мешковатый свободный балахон из белой тонкой ткани.

Она разглядела и отверстия для глаз в этой бесформенной накидке, складками спадавшей до пола. Возможно, для её изготовления были использованы простыни.

О, Боже! Ей вспомнился Карлсон, который живёт на крыше, и она чуть не прыснула – облегчение от разоблачения сущности странного врага было слишком сильным! Но самоконтроль всё же сильней. Она сдержалась и заставила себя приготовиться. Нельзя расслабляться – враг в двух шагах.

Этот человек явно опаснее Карлсона и задумал недоброе!.. Иначе к чему этот странный маскарад и использование потайных ходов? Она выбрала точку, и подготовилась нанести удар.

Он между тем приблизился и замер в ногах её постели. Осмотрелся, задержав взгляд на открытой двери. Теперь снова смотрит на неё.

Катарина чувствовала – возможно, это заработал наследственный материнский дар? – волны похоти и смертельной опасности, исходящие всё сильнее и сильнее от этого злобного человека. Было даже неясно, чего здесь больше: желания убить её, или изнасиловать. Или, убив, изнасиловать...

В любом случае она не станет беззащитной овцой для вол-

ка. Она вполне готова. И даже не стала превращаться в пантеру. Иногда человек – самое страшное существо. Особенно для тех, кто его недооценивает.

Но внезапно всё изменилось. Волна его эмоций вдруг резко опала.

Катарина услышала странный звук.

Ах вот оно что! Он принюхивался.

Сквозь его одежду ветер донёс, наконец, запах копчёной колбасы.

И вот он уже отходит, бесшумно озираясь в поисках источника аппетитного запаха. Осторожно открывает мешок с продуктами – благо, они не спрятали его.

Ну и дела. Да уж, как говорится в анекдоте про армянина и петуха: «нэ дай Бог так оголодать!»

Но в данном случае, возможно, голод спас ей, а быть может, и расслабившейся Марии, жизнь... Страшно подумать, что было бы, не проснись она, или запакуй они мешок!

Развязка наступила совсем такая же, как в историях про привидения. Со стороны двора донёсся вначале хрипловатый, а затем уверенный и звонкий петушиный клич.

Вскоре ему вторили и очень далёкие, но голосистые певцы торжествующей зари – наверное, из окрестных деревень. И, хотя заря ещё и не думала заниматься, странный мужчина с палкой их колбасы в руке пробормотал что-то вроде «himmelgergott!»*, и отошёл от мешка с продуктами.

* Чёрт побери (нем.)

Она позволила себе пошевелиться, как бы во сне, и легла поудобней, и лицом к проёму.

Вздохнув, и бросив на неё последний взгляд, странный ночной гость удалился туда, откуда возник, абсолютно бесшумно закрыв за собой потайную дверь. Впрочем, он ведь наверняка рассчитывает навестить её следующей ночью и навестать упущенное...

Что с его стороны, принимая во внимание её характер, мягко говоря, наивно.

42

Когда примерно через час рассвело, и утро вступило в свои права, она, убедившись, что из-за стены больше не раздаётся никаких звуков, вылезла из-под одеяла и внимательно обследовала внутреннюю стену. Как показало изучение соседних покоев, толщина её была никак не меньше трёх футов – вполне достаточного расстояния для внутренней полости. Кладка из толстых, массивных, скреплённых известковым раствором блоков казалась монолитной и сплошной. Но она отлично запомнила, где искать.

Да, вот они, четыре тонких, не толще иглы, щели, через которые тянет холодным и сырым воздухом подполья (о, уж этот-то воздух и запах она не перепутает ни с каким другим!). Сам проём немаленький – пройти можно любому.

Отлично. Всё, что необходимо сделать, она продумала, лё-

жа без сна за этот час, теперь пора будить Марию и Пьера: дел невпроворот.

Невыспавшаяся няня ворчала несколько сильнее обычного – она только разнежилась и расслабилась, и не готова была к новым приключениям. Катарина однако быстро вернула её на грешную землю, показав потайную дверь и описав ночного гостя.

Сон с её главной фрейлины как рукой сняло.

Разбудили и позвали Пьера. Он, как всегда, ночному происшествию если и удивился, виду не подал, но многозначительно похмыкал. Все быстро оделись в походное.

Оставив Марию на страже у входной двери, Катарина и Пьер, вооружившись, принялись ощупывать потайную дверь и окружающую стену в поисках скрытой пружины или рычага. Не прошло и пяти минут, как один из небольших камней на уровне груди подался под рукой Катарины, и, повернувшись вокруг своей оси, открыл за собой глубокую нишу. Пьер, посветив туда свечой, засунул в глубину руку, и дёрнул за ржавый рычаг.

Абсолютно бесшумно часть стены повернулась вокруг своей оси, приоткрыв, как и ночью, тёмный проём. Однако чтобы полностью открыть дверь, пришлось как следует надавить на неё – наверное, от времени, старые механизмы подавались с трудом.

Свеча позволила увидеть длинный и узкий ход, крутыми ступеньками уходящий вниз, во мрак сырого и холодного

подземелья. Катарина ощутила невольный озноб. Они ещё не готовы.

Излишняя храбрость – без должной подготовки! – сродни глупости.

Вдвоём обследовав и изучив, как действует запорный механизм двери, они с Пьером заперли её и вернули ключ-рычаг и маскирующий его камень на место.

Завтракать оказалось почти нечем, поэтому Катарина, решив убить двух зайцев сразу, послала Пьера на кухню, дав чёткие инструкции. Затем они с Марией пошли и растолкали заспанную Электру, велев той позвать сюда Гюисманса, а затем принести воду для умывания.

Минут через десять Гюисманс явился, несмотря на ранний час при полном параде. Любезно пожелав им доброго утра, он сообщил, что весь к услугам любезных дам.

Катарина с Марией за десять минут всё же успели привести себя почти в порядок, и были готовы к предстоящему дню. Так как Катарина уже подробно описала няне, что именно ей необходимо, та, без лишних разговоров, взяв под ручку мило заулыбавшегося молодого управляющего, удалась, сразу умудрившись завязать непринуждённый разговор. Интересно, будет ли молодой управляющий продолжать улыбаться, когда узнает, какие странные предметы и вещи нужны новоприбывшим...

Наскоро умывшись с помощью кувшина и тазика, принесённых юной раззявой (таз, занеся в комнату, она конеч-

но, уронила – если кто-то до этого и спал в их крыле замка, можно было поспорить, что проснулся), она отправила ту за ещё кое-каким оборудованием, сама же занялась делом. Высунувшись из окна, Катарина цепким взглядом осмотрела доступную ей отсюда часть замка и внутренний двор, после чего достала из их багажа бумагу, чернильницу и перо, и принялась за план замка. Ей пришлось выглянуть ещё из трёх окон, пройдя для этого по двум коридорам, но к приходу Пьера где-то через полчаса, примерный набросок всех трёх уровней был готов.

Ещё через десять минут заявила Мария всё с той же Электрой, тащившей на плече увесистую штуку полотна, и сопровождаемая кастеляншей барона – подозрительно смотревшей женщиной лет шестидесяти, назвавшейся Магдой, и держащей в руках остальные заказанные предметы: нитки, ножницы и ларчик с иголками.

Убедившись, что именно это гости и хотели получить, она степенно удалилась, пофыркивая, и качая головой. Электре, принёсшей-таки фонарь целым, и к нему несколько толстых свечей, разрешили быть свободной до обеда. Ещё раз осмотрев всё добытое, Катарина осталась вполне довольна.

С чувством хорошо выполненного долга они сели завтракать тем, что хозяйственный Пьер принёс с кухни. Здесь были и аппетитно пахнущие свежие булочки, и сыр, и колбаса, и полный кувшин парного молока – коровы в замке тоже имелись свои.

Помимо продуктов, Пьер принёс и то главное, за чем его посылали: информацию. Он, несмотря на свою обычную сдержанность и молчаливость, сумел понравиться главному повару барона. Тот, будучи человеком полным и весёлым, с удовольствием почесал язык с новым, с нескрываемым интересом слушающим даже в столь ранний час, человеком.

Так, даже почти не задавая наводящих вопросов, Пьер узнал, что позапрошлой ночью какой-то идиот украл сырой окорок – его как раз готовились коптить – но почему-то не тронул трёх других, уже готовых.

Повар рассматривал это как желание напакостить ему лично: он долго и тщательно готовил окорок: шпиговал, натирал травами и т.п. Поскольку подозрения пали на одну из кухарок, ту, что помоложе и покрупнее, и на которую Эрих (повар) пока безответно положил глаз, с ней вчера днём и ругались. Однако ей удалось отстоять свою невиновность: ни в её комнатёнке, ни вообще где бы то ни было, даже с собакой, окорока не нашли.

А вообще, да... За последние три-четыре месяца продукты действительно стали куда-то исчезать – то одного нет, то другого... Но чтобы целый окорок, да ещё сырой – нет, такого ещё никогда не случалось! Пора было ловить и примерно наказывать вора.

Пора. Вот с этим Катарина была вполне согласна.

Поэтому сразу после завтрака они с Марией занялись изготовлением подходящей для такого случая экипировки.

Катарина кроила прямо на глаз, по памяти, а Мария тут же по её указаниям наживляла. Когда всё было подогнано примерно по фигурам, и лишнее срезано, а недостающее – добавлено, две новоявленные портнихи сели прошивать швы капитально. Пьера же отправили к привратнику, старому Томасу, прикинуть, можно ли починить эту чёртову скрипучую створку ворот, постараться втереться к нему в доверие, а главное – выяснить, можно ли попасть в замок другим, нескрипучим, способом.

Должна же быть здесь какая-нибудь «задняя» калитка!

На шитьё с неизбежными исправлениями и подгонками ушло около четырёх-пяти часов, но Катарина своего добилась: к обеду в их распоряжении были удобные и свободные мешковатые штаны и рубахи – для неё и Пьера. Абсолютно чёрные, они сидели мешком – так, что скрывали очертания фигуры, и не сковывали движений. Капюшоны и тапочки дополняли это древнее снаряжение ниндзя. Впрочем, это слово здесь не имело никакого смысла. Она его и не употребляла, что не мешало ей применять их методы и приёмы.

Как раз когда они закончили, и растирали друг другу подзатекшие спины, явился Пьер.

Он совершил невозможное. С помощью молодого немого парня – его звали, как ни банально, Ганс – и здоровенного конюха Эйнара, вначале было настроенного скептически, а затем обрадовавшегося – они рычагами приподняли упрямую створку, и подложили под неё брусья. После чего, обшарив

закопчённую кузницу и поэксплуатировав местного кузнеца, вытрясли из него здоровенные гвозди (скорее уж, костыли!), и длинную кованную полосу металла, с несколькими отверстиями в ключевых местах. После чего закреплять эту диагональную стяжку на огромной створке пришлось всем четверым, и с применением здоровенной кувалды – конечно, Катарина и Мария слышали странный грохот, но посмотреть не удосужились: думали, у барона здесь всегда так – что-то шумно-непонятное происходит...

После чего, озадачив повеселевшего (естественно: результаты работы были налицо!) кузнеца Октавиана – ну, понятно, а как же ещё могли звать отца Электры! – изготовлением второй полосы для другой створки, Пьер окончательно покори́л сердце беспрестанно потиравшего теперь ручки старенького Томаса, и завоевал уважение остальных участников небывалой акции. (похоже, ворота здесь были древней священной реликвией, вроде индийской коровы, и прикасаться к ним не разрешалось. Ну, или просто руки не доходили: не часто, видать, барон встречал коронованных и прочих особ, ради которых стоило бы открывать настежь *обе* створки.)

В результате этой сложной и трудоёмкой работы организатор-Пьер как бы невзначай выяснил, что пользуются воротами и низкой калиткой в них только свои, и не чаще семи-восьми раз в неделю: так как в плане продуктов замок практически на полном самообеспечении. Такая традиция сохранилась с тех пор, как в моде у предков барона было

осаждать замки любимых соседей, или выдерживать осаду самим.

Отлично. Значит, здесь действует кто-то из своих. Но сколько их? И зачем своим – красть еду? Как-то не вяжется – еду можно брать и так, барон и Эрик вполне демократичны... Ничего, они это выяснят.

До обеда удалось часок отдохнуть и пообсуждать дальнейшие планы.

Отобедали часа в четыре в компании барона, вновь при полном параде. Катарина изо всех сил старалась быть любезной и обходительной, но, несмотря на обычный самоконтроль, чувствовала непривычный азарт и волнение – словно перед Охотой...

Что же касается Марии, то ту так и подмывало всё время что-то спросить, и если бы не строжайший запрет, и не взгляды, бросаемые на неё периодически Катариной, эти самые вопросы так и сыпались бы с языка любопытной и взволнованной няни. Словом, Мария явно ощущала себя как на сковородке...

Только Пьер и барон были безупречны: Пьер, как всегда, молчал с невозмутимым видом, барон же, как всегда, был мил и любезен. Если он и заметил некоторую нервозность обеих дам, он никак этого не обнаружил, скорее всего приписав её тому, что они плохо выпались на незнакомом месте. Да и легли поздновато.

Всё же к концу обеда Катарина решила дать хозяину

некоторые разъяснения насчёт своего необычного состояния: она, мол, хотела бы написать письмо матери о том, что благополучно добралась, но чтобы никто не смог определить, откуда прислано письмо. И поинтересовалась, существует ли здесь какая-нибудь почта, или иные средства сообщения.

Барон объяснил, что и как, однако выразил сомнения в целесообразности письма, или любого другого письменного послания: откуда бы оно не пришло, несомненно, его выследят и вскроют, поскольку наверняка за домом её матери ведётся наблюдение. Каждый посторонний, входящий туда наверняка будет тем или иным способом остановлен и обыскан, не говоря уже о возможности пыток – так что жертвовать кем-нибудь из своих смысла нет, а другого надёжного способа сообщения, кроме частных курьеров, нет. На словах же такое не передашь: графиня может не поверить, и посчитать просто провокацией...

Катарина вынуждена была признать его правоту. Даже если допустить на миг, что курьеру удастся донести письмо до её матери невскрытым, где гарантия, что милая Вероника не сможет обнаружить его появление, и, как обычно, настучать? Нет, риск слишком велик, да и мать подводить нельзя...

Впрочем, барон обещал позже попробовать что-нибудь придумать. Катарина, как всегда, рассыпалась в благодарностях.

Наконец обед кончился.

Она сослалась на лёгкое головокружение – наверное, от горного воздуха! – и сразу удалилась к себе, якобы прилечь отдохнуть. Им, мол, нужно время, чтобы привыкнуть к такому сырому и холодному климату, новому окружению и новой прекрасной пище...

Барон, естественно, вновь заверил их, что они могут делать всё, что только пожелают.

Так же естественно было и то, что придя в свою комнату, они отнюдь не прилегли, а напротив, развили бурную деятельность.

Позвав Электру, согласно приказу Гюисманса теперь живущую через комнату, её сразу отослали, до ужина приказав их не беспокоить.

Катарина с Пьером переоделись. Пьер никак не комментировал, в отличие от Марии, их странный наряд, но кивком подтвердил, что ему удобно. Он как-то смирился, и вполне с пониманием относился к тому, что в теле его хозяйки живёт ещё и воин-самурай.

Пока этот воин помогал ей выжить, приходилось волей-неволей терпеть его присутствие.

Мария, в принципе, тоже признавала справедливость такого прагматического подхода. Но сдержаться, конечно, не могла. Это тоже стало своеобразной традицией – ворчание по поводу неженских замашек любимого и практически родного беспокойного чада.

Они взяли с собой только по паре метательных кинжалов

– всё равно от мечей в тесном пространстве толку бы не было, только шум и неудобство, а арбалеты попросту не пролезли бы в проход. Но звёздочки и пластину на руку Катарина не забыла.

Фонарь она подготовила ещё утром, закрыв три из четырёх стеклянных сторон полностью всё той же чёрной материей, и одну – частично, так, чтобы выходил только тонкий узкий луч.

Запасную свечу, трут и огниво с кресалом тоже прихватили.

У входной двери поставили кресло, и развернув его к проёму, усадили туда Марию, с двумя взведёнными арбалетами и мечом наготове, приказав смело стрелять во всё, что вылезет из темноты не назвавшись, и, в случае промаха, или если врагов будет несколько, не менее смело бежать из комнаты сломя голову и звать на помощь.

А покамест сидеть и ждать их возвращения, отвечая при необходимости тем, кто подойдёт к двери, что они отдыхают – спят. Объяснять, что от её внимания зависит её жизнь, Катарина не стала – няня и сама прекрасно это понимала.

Переглянувшись глазами, которые только и остались видимыми на их покрашенных сажей и завязанных масками лицах, они с Пьером взялись за дверь: Катарина прикрывала с кинжалом наизготовку, Пьер открыл. За дверью никого не оказалось.

Осторожно они вошли. Закрыли и заперли дверь за собой.

Выждав предварительно минуты три, чтобы глаза привыкли к темноте, стали бесшумно и осторожно спускаться, освещая себе путь узким мерцающим лучом.

Предательски выкрошившиеся и скользкие ступеньки вели прямо и вниз – они явно проходили вдоль стены комнаты и поперёк коридора, в направлении подвала.

Вскоре они добрались до потайного выхода в комнату на первом этаже – дверь была точно такая же по устройству, как в её комнате. Сквозь вынимаемую затычку на уровне глаз можно было увидеть большой полутёмный и пыльный зал.

Открывать эту дверь они не стали, а продолжили спуск по узкому, не шире пятнадцати дюймов, низкому ходу, протискиваться по которому приходилось боком. Царила абсолютная тишина. И только где-то впереди – вернее, внизу – было слышно, как вода капает в какую-то лужу. Наконец подошли к выходу в более широкий горизонтальный коридор.

Внезапно Пьер остановился. Катарина, шедшая впереди и нёсшая всё так же в одной руке кинжал, а в другой – фонарь, тоже сразу замерла, насторожившись. В луче, однако, обращённом быстро как вверх, так и вниз, ничего необычного не возникло – лишь всё тот же каменный ход.

– Что?.. – еле слышно, одними губами спросила она, сделав шаг назад, и приблизив лицо к уху Пьера.

– Ничего. – он поколебался, – Ничего. – повторил он. Но после ещё одной паузы, и видя, что она ждёт, всё же спросил:

– Скажи, Катарина, тебе не страшно?

Впервые за всё время их необычных и порой весьма драматичных приключений он обратился к ней на «ты».

Даже если бы она не знала о его чувствах к ней, это всё равно было бы нормально и уместно: от напарника в таком месте и в таких обстоятельствах однозначно зависит жизнь, и поневоле люди сближаются: думают вместе, действуют вместе, даже дышат вместе: от их согласованности и взаимопонимания зависят их жизни! И «выканье» в таких условиях не всегда приемлемо. Такое обращение сказало ей теперь, что он безоговорочно ей доверяет и подчиняется.

Она вздохнула и покачала головой:

– Не то слово. Не страшно, а – *чертовски* страшно. Я так не боялась даже этого виконта...

– Тогда зачем мы делаем это? Ведь можно послать солдат, или... Вооружённых слуг! Теперь обыскать это подземелье будет нетрудно...

– Нет, не думаю, что это будет лучше. Во-первых, при этом не избежать шума и огласки, и эта тварь может сбежать и затаиться. И выйдет потом, когда все уйдут отсюда и успокоятся.

Во-вторых, это может быть и кто-то из своих – в таком случае наверняка вообще никого не поймают, так как враг будет предупреждён. Ну а в-третьих... – она запнулась, но всё же продолжила, – Это касается уже лично меня. Я боюсь – боюсь идти и убивать этого незнакомца, или незнакомцев. Но я должна это сделать!

Потому что ещё больше я боюсь быть безропотной овцой.

Я не могу сидеть и ждать, пока эта мразь придёт снова за мной – мне легче видеть опасность, идти к ней навстречу, а не ждать коварного удара в спину, быть может, в тот момент, когда я буду не готова... А самое главное – мы должны осмотреть это подземелье, и понять, что здесь, и как!

Ладно, – опомнилась она, – Я слишком много болтаю. А нам нельзя шуметь. Просто идём, и сделаем это.

– Ты изменилась. Внешне ты – та же, что была год назад. Но внутри... Внутри – совсем другая. Так мыслит не женщина – но воин.

– Ты прав. Я изменилась. – она помолчала, – В том подземельи, в Понтуазском замке, во мне что-то умерло. Или родилось – не знаю. И это не связано с моим другом-самураем.

Это что-то – во мне самой.

Не знаю, плохо это, или хорошо, но главное – я до сих пор жива!

Они долго смотрели друг другу в глаза.

Затем Пьер всё же опустил свои, и, поёжившись, как от холода, криво усмехнулся:

– Это – хорошо. Но только с одной стороны.

Катарина сразу поняла, что он имел в виду, и, в свою очередь усмехнувшись и поёжившись, спросила тихим шёпотом:

– Что, трудно любить боевую машину?

– Пожалуйста, не говори так!

– Ладно, не буду. И я постараюсь исправиться. Буду ласковая и смиренная.

– Ага. – он не удержался и фыркнул, – Восемьсот девяносто второе заявление в этом духе... А я как будто верю.

– Нахал! Меня окружают одни юмористы! Вначале няня, потом ещё и ты... Я пожалуюсь на вас обоих барону. Ну просто невозможно проявить нормальные женские чувства и качества!

– Пардон, сударыня, виноват! Уже молчу. – он стоял, скромно потупив взор. Но Катарину это не обмануло. Впрочем, как можно сердиться на *него*?

– Ну то-то! – она тяжело вздохнула, покачав головой, – Спасибо, конечно, за небольшой отдых... хм... И за хороший совет. Я поработаю над своей женственностью. Но – потом. А сейчас нас ждёт работа. Будем же осторожны.

– Да. – тон его снова был серьёзен, – Я готов.

– Тогда идём.

Они вновь бесшумно двигались сквозь лабиринт узких сырых коридоров и проходов каменных катакомб, иногда явно углубляясь на десятки футов ниже поверхности земли, иногда опять поднимаясь по ступеням из грубо обработанного тёмного камня.

Шли не быстро, чутко прислушиваясь и постоянно оглядываясь уже хорошо привыкшими глазами. Судя по карте, которую составила Катарина, они уже прошли под соседнее здание. Проход свернул, чтобы остаться в пределах замка, но

оставался сырым, тесным, с очень низким потолком.

Наконец они пришли туда, куда неизбежно должны были прийти – на развилку.

В крошечной камерке с чуть более высоким потолком сходились четыре коридора.

Три, в том числе и тот, по которому они прибыли, продолжались в горизонтальном направлении, а один – особенно старый и сырой, со стенами из очень больших и старых, чёрных от воды и времени, камней, вёл вниз. Узкий тусклый луч их фонаря не мог нащупать конца ни одного из коридоров.

Сверившись с планом и подумав, они запомнили расположение своего коридора, и двинулись вниз. Держались теперь особенно тихо и настороженно. Спуститься пришлось футов на пятнадцать-двадцать. Ход был чуть пошире, идти можно было нормально.

Ступени вновь перешли в горизонтальный ход. Как прикинула Катарина, они уже оказались ниже уровня подвалов футов на десять.

Здесь было гораздо холодней, и, хоть это и казалось невозможным – ещё сырее. На полу и стенах белели пятна плесени и запах стоял соответствующий. Ход часто поворачивал и дважды разветвлялся. Но они, посветив в боковые коридоры, и убедившись, что всё чисто, каждый раз выбирали более широкий центральный коридор.

Карта здесь уже не очень помогала – без компаса чётко проследить все повороты и направления было невозможно.

Наконец минуты через четыре осторожного движения, они прибыли в помещение, которое могло бы в своё время служить пыточным подвалом.

На стенах висели крючья, цепи и колодки, у дальней стены стояло массивное кресло с железными кандалами для рук и ног, к потолку были приделаны блоки с остатками полусгнивших верёвок. У широкого каменного очага были сложены грудой металлические штыри и кочерга. Здесь же лежали и дрова – по виду сухие, и, следовательно, принесённые недавно. Труба над очагом поражала шириной. А ещё – следами свежей копоти поверх старой.

Катарина опустилась на корточки и пощупала золу. Та ещё не пропиталась влагой.

– Не больше двух дней. – сказала она Пьеру. Тот кивнул.

Они подошли к дубовой массивной двери напротив коридора, по которому пришли. Замков и засовов на ней не было. Переглянулись. Пьер без лишних слов схватился за ручку, Катарина заняла позицию сбоку двери, готовясь метнуть кинжал, если фонарь осветит врага.

Но и за этой дверью никого не оказалось – только ещё один коридор. В нём, почти сразу у входа, они обнаружили сбоку заделанный проём. Возможно, ход за ним вёл наверх, в помещения замка, ещё в те времена, когда владелец использовал камеру пыток по прямому назначению. Но, судя по кладке, заложили этот проём лет сто, если не больше, назад.

Коридор, по которому они двигались теперь, судя по пла-

ну и своему виду, выходил уже за пределы замка – возможно, это был тайный выход на случай бегства хозяина при угрозе неминуемого захвата замка врагами. Он вёл всё прямо и вниз: они прошли шагов пятьдесят, постепенно опускаясь. Здесь каменная кладка отсутствовала – коридор был просто высечен в скальном основании, на котором покоился Кирхштайн.

Это было очень грамотно с инженерной точки зрения: вода из рва, ниже которого они явно находились, не могла просочиться сквозь монолитную скалу. Впрочем, судя по плану, они удалились от рва уже на несколько десятков метров.

Всё же вода здесь скапливалась – она стояла на полу слоем в несколько дюймов в самом пониженном месте коридора. Здесь они получили ещё одно доказательство того, что подземным лабиринтом регулярно пользуются: вдоль одной из стен была выложена цепочка камней, по которым можно было пройти, не замочив ног, и стояло ведро – похоже, воду-таки периодически откачивали...

Они перешли эту большую лужу, занимавшую в длину, наверное, не менее тридцати шагов, после чего коридор снова круто пошёл вверх и показалась каменная кладка из кирпичей на стенах, полу и потолке. Они прошли ещё шагов сто. Каменные плиты пола сменились утрамбованной сырой землёй. Кирпичи на стенах совсем сгнили – они буквально рассыпались при прикосновении.

Ещё шагов через двадцать они вышли в маленькую ком-

натку с двумя дубовыми дверьми. За одной был другой коридор, снова гораздо *уже* того, по которому они прибыли, но с почти сухим воздухом – значит, где-то рядом из него имелся ход на поверхность. В длину этот коридор достигал около тридцати метров.

За другой дверью оказалась комната, где когда-то, похоже, был склад: вдоль двух длинных стен располагались стеллажи, на которых кое-где ещё стояли пустые ящики и лежали какие-то тряпки, бывшие раньше, похоже, военным обмундированием.

В этой комнате они её и нашли.

Катарина первой обратила внимание на неровный пол в дальнем углу.

Было похоже, что тут что-то закопали, причём небрежно: землю даже не потрудились утрамбовать, или выровнять. Как это ни странно, но здесь же, в углу, стояла и лопата, испачканная землёй. Эти невысохшие бурые комья на лезвии лишней раз напоминали о вездесущей сырости и воде.

Когда они подошли ближе и осветили это место, у Катаринины похолодело всё внутри и тяжёлый противный ком занял место внутренностей – она поняла, что это может быть. Внутреннее чутьё сказало это ей ещё раньше, но она боялась верить в *такое*...

Они с Пьером переглянулись. Он, судя по глазам, тоже всё понял, и молча перекрестился. Она, подумав, последовала его примеру.

– Пойдите на страже, а я проверю. – тихо произнёс он.

Она вышла обратно в прихожую, не в силах удержать дрожь, но продолжая чутко прислушиваться. Фонарь остался у Пьера, за плотно закрытой дверью – она убедилась, что так почти не слышно звуков. Она знала, что здесь Пьер её не увидит, и превратила голову в кошачью – слух обострился до невероятных пределов.

Но в страшном и мрачном подземельи царила полная тишина – никто и ничто не двигалось. Лишь иногда капля воды падала с потолка. И если она попадала в лужу – звук получался звонкий, весёлый, грохотом отдаваясь в её чувствительных ушах, а если на землю – то глухой, с полутонами, заставлявшими настороженно стараться различить на его фоне посторонние шумы.

Запах сырой земли, плесени и гнили, теперь буквально наполнял ее ноздри: она еле сдерживала позывы рвоты. Однако имелся и ещё некий запах...

Чужой.

И он здесь – один.

Его острый, неприятно пахнущий пот всё ещё ощущался здесь, в коридоре.

Она подумала, не проще ли будет выследить мерзавца по следам... Но понимала, что тогда не избежать проблем с объяснениями. Нет, пусть все пока идет так, как идет!

Она отключила эмоции, чтобы они с напарником не пострадали от её невнимательности, и просто стояла и слуша-

ла. Жёлтые глаза пантеры в темноте, наверное, ярко светились...

Примерно через полчаса мучительное ожидание закончилось. Услышав, что он подошел, и дверь открывается, она быстро вернула голову в нормальное состояние. Вышел Пьер, с фонарём и весь перепачканный в липкой глине. Подрагивающие руки сказали ей всё.

Они помолчали, глядя друг на друга, затем он медленно покивал, опустив глаза.

– Да, судя по всему, это она. Женщина лет сорока. Задущена удавкой. Перед этим её пытали. – не в силах говорить, он запнулся. Но продолжил, – Кости на ногах раздроблены в месиво, ногтей на руках нет. Кроме этого ожоги по всему телу. – он, приподняв капюшон, сплюнул, – Не знаю, изнасилована ли она. Разобраться уже невозможно, но одежды никакой нет. На дне ямы сплошная вода с торфом: лицо, да и тело, сохранились хорошо. Думаю, барон сможет её опознать.

Катарина взяла у него из рук фонарь. Вошла в комнату и сняла маску. Отошла в угол. Её вырвало.

Опираясь на полусгнившие стеллажи она постояла минуты три, тяжело и громко дыша. Пьер, оказавшись тактичным, остался за дверью.

Мрачно выругавшись и прочтя про себя молитву о Душе усопшей, она сходила за лопатой и закопала остатки своего обеда, плотно утрамбовав землю. Следов не осталось.

Отнеся лопату на место, она убедилась, что Пьер уже привёл всё в первоначальный вид, и ничто не выдаёт эксгумации тела несчастной, и заодно выяснила, что от их тапочек не остаётся следов. Снова надев капюшон, она вышла и закрыла за собой дверь. Запах рвоты, конечно, может выдать их присутствие, но она надеялась, что через пару часов он рассосётся. Пьер молча ждал, контролируя коридоры.

– Ты молодец. Следов нет. Идём, проверим последний коридор. – её шёпот был как никогда равнодушен, но вряд ли она могла его этим обмануть.

Теперь они двигались быстро, и скрывались гораздо меньше. Катарина готова была на месте убить любого, кто встретился бы им.

Но этого не произошло.

Пройдя последние тридцать метров, они обнаружили, что туннель круто, на девяносто градусов, повернул, и ещё метров через пятьдесят привёл их в последнюю комнату. В её дальнем углу стояла довольно длинная и новая лестница, уходящая в пятиметровый, когда-то обшитый дубовыми досками, колодец. Он оканчивался небольшим, полого поднимающимся лазом, вроде лисьей норы, и в торце его имелся люк.

На крышке люка снаружи оказался свежий дёрн и ветки, а располагался он в овраге, густо заросшем молодыми деревцами и папоротником. Несколько старых упавших деревьев скрывали в тени дно оврага и место выхода лаза. Если не

знать – никогда не найдёшь...

Пьер осмотрел местность первым. Катарина, даже не вылезая наружу, поняла, где они находятся. Заходящее солнце делало неухоженный бурелом ещё неприглядней.

Они спустились, приведя люк в первоначальное положение, и проверили, чтобы не осталось следов на мягкой глине норы. Отходя от лестницы, она сказала:

– Я рада, что эта сволочь, похоже, не из домочадцев барона. И я сама хочу рассчитаться с ней... Или с ним. План меняется. Возьмём живьём. Сегодня ночью. И ещё...

Не будем пока говорить Марии о... Она не сможет сдержаться. Согласен?

Пьер только кивнул.

43

Тщательно проверяя, чтобы не оставить после себя следов и улик, и не давая себе труда исследовать другие ответвления лабиринта, они вернулись в свою комнату. Постучали, как было условлено, в стену. Окликнули. Открыли дверь и вышли. О страшной находке никому, кроме барона, да и то, только после разборки с ночным гостем, условились не говорить.

Вкратце рассказали Марии о подземельях и выходе на поверхность.

На всю экспедицию ушло меньше трёх часов. Ещё даже не

совсем стемнело. Всю перепачканную спецодежду повесили сохнуть в комнате Пьера, в стенном шкафу. Так как выстирать её незаметно не представлялось пока возможным, решили просто дать грязи засохнуть, и затем счистить её и вытряхнуть.

До ужина Катарина ещё успела полежать в постели, в халате, тщательно изображая лёгкую мигрень для пришедшей Электры, а про себя ещё и ещё проигрывая детали будущей операции.

Уснуть, конечно, не удалось, несмотря на то, что предыдущей ночью она спала не больше трёх часов. Тут уж не помогла ни гимнастика йогов, ни упражнения восточных медиков. Гнев плохой советчик – гнева она не испытывала, так же, как и мстительной радости от предвкушения расплаты с негодяем. Или негодяями. Конечно, мысли всё время возвращались к несчастной замученной и оклеветанной женщине – её судьбу никто не должен повторить. Они с Пьером и Марией позаботятся об этом.

Пьер с Марией провели всё это время в комнате Марии, о чём-то тихо разговаривая, и наблюдая через открытую дверь за потайной дверью – на случай, если бы (вот было бы оригинально!) Катарина сама проглядела её открытие.

К ужину Катарина полностью взяла себя в руки. Она была спокойна и мила с бароном. Она мягко и неназойливо проводила свою политику, и барон не был разочарован своей гостью.

Заметно было, что он соскучился по женскому обществу и приятной беседе, да ещё на интересующие его темы. Однако Пьер оказался прав в своих наблюдениях: иногда на его чело набегала лёгкая тень беспокойства – и становилось заметно, что он чем-то встревожен, или озабочен.

Спрашивать, впрочем, она ничего не стала. В этот раз после ужина, который проходил уже совсем не так помпезно и официально, как вчера, они не стали подниматься в кабинет барона, а просто немного поговорили, не вставая из-за стола. Сделать это было легко, так как теперь по её просьбе они сидели близко друг к другу за одним концом стола, и прислуживала им только пара старых слуг, а не орава молодых и ретивых плохо обученных парней, которые вообще-то обычно занимались работой в конюшне и заготавливали дрова. А дров на зиму нужно много – камины!..

На прощание барон сам предложил им выспаться получше, и завтра с утра совершить небольшую конную прогулку по окрестностям. Катарина, как всегда с благодарностью, согласилась – узнать получше окрестности не помешает.

В свои апартаменты они попали часам к десяти.

Зайдя в комнату Марии, и прикрыв дверь, они убедились, что дверь в комнату Катаринины закрыта. После чего почистили, и переоделись в чёрные балахоны. Мария одела халат Катаринины и её рубашку. Затем свет погасили. В полной темноте – луна ещё не вышла – открыли дверь.

Убедились, что в комнате всё чисто. Бесшумно двигаясь,

заняли места: Катарина расположилась на кресле в углу, у стены с потайной дверью. Пьер – за кроватью, лёжа на принесённом с собой одеяле. Всё было тихо.

Через полчаса, двигаясь нарочито громко, но не зажигая света, в комнату зашла Мария, и заняла место Катарины в постели, лёжа спиной к потайному ходу, чтобы не было видно лица.

Приманка на месте. Охота начилась.

Потянулось томительное ожидание. Мария, судя по дыханию, часа через полтора всё же уснула. Время в ночной тишине отсчитывали далёкие удары колокола в ближайшем из окрестных городишек. Около двенадцати часов петухи провели свою перекличку. Ночной прохладный ветер раздувал занавеску, которую днём повесила Электра.

После часа ночи откуда-то со стороны крыла, занимаемого бароном, раздался дикий женский крик и какой-то металлический грохот: словно попадал с десятков кастрюль... Барон громко прикрикнул на кого-то – ого!.. Таким голосом только на поле брани отдавать приказы да переговариваться с другими рыцарями!

Залаяли собаки. Затем во дворе стало светлее, так как в каких-то окнах зажёгся свет. Около пяти минут были слышны шаги, лай и голоса. Затем снова всё утихло, и свет пропал.

Наконец, часа в два, они дождались появления любителя ночных маскарадов.

Вначале за стенкой возник лёгкий шум – снова что-то вро-

де позвякивания. Катарина легко и бесшумно встала с кресла, и слилась со стеной в тёмном углу. Мария спала, теперь на спине, но, к счастью, лицом всё ещё от проёма. Что делал Пьер, она не знала, но никакими звуками он себя не выдавал.

Прошло ещё несколько минут.

Проём открылся. И снова, как в прошлый раз, ей показалось, что она чувствует слабый запах нагретого металла – такой же запах издавал их фонарь в подземельи, когда нагревался.

Ещё через минуту уже знакомый балахон вплыл в комнату и без колебаний направился к кровати. Она не стала ждать.

Зашла к нему со спины, и убедившись, что в проёме и туннеле больше никого нет, быстро приблизилась, и нанесла сильный удар ребром ладони за ухом мерзавца.

Больше всего она боялась перестараться.

Без единого звука незнакомец мешком осел на пол.

Выяснилось, что Пьер не спал. С заряженным арбалетом он тут же возник из-за кровати. Рукой указав ему на чёрный проём, Катарина опустила на колени, и откинула, наконец, капюшон с лица незваного гостя.

Луна уже вышла, и давала достаточно света, чтобы она могла хорошо разглядеть его злобное и неприятное лицо. Он походил на хорька, настолько низким и скошенным был его лоб. Ладно, писать с него портреты она и не собиралась. Займёмся делом.

Пульс показывал, что он в глубоком обмороке. Перевер-

нув его на живот и задрав балахон, она крепко скрутила ему руки за спиной приготовленной верёвкой. Затем, хотя это и было лишним на ближайшие полчаса, затолкала ему в рот тряпичный кляп, и привязала его полосой материи.

К этому времени вернулся Пьер.

– Всё чисто. Он был один. Вот его фонарь. – он поднял повыше квадратный ящичек, копию того, что использовали они сами.

– Отлично, спасибо. Но боюсь, тебе придётся нести его. Я со злости слишком сильно его ударила.

Пьер только хмыкнул. Затем поспешил заверить её:

– Конечно! Отнесу, куда скажете.

Катарина разбудила Марию. Показала ей ночного визитёра.

Оказалось, что няня знает бранных слов ещё побольше Пьера... Перевернули врага лицом вверх. Нет, такого человека никто из них в замке не встречал.

Успокоив Марию, которая окончательно проснулась, они вновь поставили её кресло напротив проёма, снабдили снова двумя взведёнными арбалетами, зажгли две толстых свечи, и удалились в подземный ход, опять заперев его за собой.

Порядок движения выбрали прежний: Катарина с фонарём и кинжалом впереди, Пьер с тяжёлым грузом на плече – в трёх шагах сзади. Тело, по словам Пьера, оказалось не тяжёлым. Трудно было только протащить его, не обдирая о стены.

Теперь Катарина почти не скрываясь, быстро шла вперёд, впрочем, не шумя, и не забывая светить и внимательно смотреть во все поперечные коридоры, и иногда – назад. Пьер, выбравшись в более широкий коридор, уже легко поспевал за ней.

Они, как всегда, молчали, только прислушиваясь и осматриваясь по пути.

На этот раз до пыточного подвала добрались минут за семь.

Сняв с ещё неподвижного ночного гостя дурацкий, когда-то белый, балахон, под ним они обнаружили обычную одежду. К поясу были прикреплены ножны с кинжалом и увесистая дубинка. Вот, значит, как он собирался сломить её сопротивление...

Пока Пьер усаживал и накрепко привязывал руки, плечи и туловище худого, но жилистого мужчины к креслу с непондобившимися кандалами, Катарина разожгла в очаге огонь, и в дополнение к этому освещению зажгла и повесила в держак на стенах два факела. После этого потайной фонарь она погасила.

Пошарила в углу, и достала то, что заметила ещё в прошлый раз – здоровенные клещи, и испанский сапог – ужающую конструкцию из толстых досок, клиньев и верёвок. Они с Пьером приладили всё это к ногам так и не пришедшего в себя незнакомца.

То, что верёвки были новые, явно недавно принесённые,

Катарину не удивило. А вот кровавые следы на досках озлобили её, если только такое было возможно, ещё больше...

Закончив все приготовления, она отступила на пару шагов, чтобы, наконец, рассмотреть его получше: теперь торопиться было некуда.

Нестарый мужчина. Лет тридцати пяти. Лицо явно арийского типа. Белобрысый, скорее блондин, чем русский. Угри по всему лицу. Само лицо очень неприятное. Что-то в нём было отталкивающее и страшное. Даже без сознания он казался подлым, хищным и коварным. Спиной к такому поворачиваться не рекомендуется.

Да, такой мог пытаться женщину. И изнасиловать.

Под каплюющей в одном месте особенно сильной струйкой было подставлено полусгнившее деревянное ведро. Набрав в горсть воды, Катарина плеснула мужчине в лицо.

С первого раза не помогло. И со второго тоже. Тогда она стала бить его по щекам ладонью. Это подействовало. Он замычал и вскинул голову.

На них уставились два полных ненависти водянисто-блеклых глаза. Теперь впечатление подлости и коварства их обладателя только усилилось, как и сходство с хорьком. Когда он обнаружил, что связан, то злобно зарычал, заёрзав.

С минуту Катарина и Пьер молча рассматривали пленника. Он, выяснив, что освободиться не удастся, жёг их в ответ своим взглядом.

Затем Катарина сказала Пьеру:

– Спроси его по-немецки, сын ли он барона фонРозенберга.

Пьер перевёл вопрос. Катарина, хоть и знала язык теперь гораздо лучше, предпочла вначале послушать ответы так, словно не понимала их.

Но ответом им был только поток грязных немецких ругательств, невнятно доносившихся из завязанного рта, да усиленное дёрганье тела в попытках освободиться.

Пожав плечами, Катарина отстранила Пьера и взяла толстый деревянный клин из кучи таких же, и молоток – скорее, кувалду – и пристроила клин в нужное место.

Вздыхнув про себя, она что было сил ударила по торцу клина, загоняя меж досок, сжимавших ноги злобного мерзавца.

Минуты две, кроме бешено-отчаянного рёва, ничего толкового слышно не было.

Затем пленник затих, лишь иногда всхлипывая и дёргаясь всем телом. Слезы градом катились по побелевшим щекам, и выражение глаз стало совсем другим. Он застонал, и пробормотал что-то о Господе. Катарину передёрнуло. Сверкнув глазами, как можно спокойней она сказала:

– Спроси его ещё раз.

На этот раз Пьер даже не успел закончить вопрос, а пленник уже торопливо кивал, мычанием подтверждая ответ. Она взяла кувалду снова, взвесила в руке.

– Спроси, он один здесь?

Округлившись от ужаса глазами он косился то на её руку, то на их лица, кивая.

Да, он здесь один. Что ж. Она рада, что он подтвердил то, что она уже узнала с помощью обоняния... А теперь это знает и Пьер.

– Знает ли о его подвигах его отец?

Нет, не знает.

– Знает ли ещё кто-нибудь о подземном ходе?

Нет, не знает. Это показалось ей странным. Впрочем, такому гадёнышу ни лишние свидетели, ни конкуренты явно не нужны.

– Женщина, которая похоронена в подземельи – Гертруда Гессель?

Да, это она.

– Она рассказала, где барон хранил свой важный документ?

Да, рассказала. При ответе на этот вопрос в глазах и позе пленника вновь появилось что-то вроде мерзкой ухмылки, презрения и похотливого поерзывания, но всё это быстро сменилось невыразимым ужасом, когда Катарина сделала шаг вперёд.

Боже, да избавив мир от этого трусливого мерзавца-садиста они только окажут услугу Господу, да и человечеству... Страшно подумать, что у такого выродка могли бы быть дети! С его наследственностью.

Но к счастью, их нет. И теперь вряд ли будут.

– Хорошо ли он понимает, что от его искренности зависит его... хм. Скажем так: относительная целостность его тела?

Пьер как-то справился и с этим переводом.

Новая волна ужаса и поспешное кивание – да, она чувствовала его готовность...

Неторопливо подойдя, она развязала полосу материи и вынула кляп.

Вместо потока ругательств теперь был поток просьб сохранить ему жизнь. Она оборвала его, и Пьер перевёл следующий вопрос.

Они узнали, что тайный ход был найден им год назад, случайно, когда он просто крутился вокруг замка фонХорстмана, выясняя, не удастся ли как-то навредить соседу.

Полусгнившая крышка с засохшим дёрном и дырами немного выделялась по цвету на фоне зелени оврага. Он сразу понял, что это. Заменял крышку и дёрн.

Здесь шансы подпортить жизнь врагу отца казались гораздо лучше – до этого он только стрелял из арбалета в спину его людям (оба раза, к счастью для них, неудачно), и поджигал дома крестьян (а с этим, к сожалению, ему повезло, и два дома сгорело). Затем около четырёх месяцев он обследовал лабиринт подземелья и смазывал и готовил механизмы дверей и прочее необходимое оборудование. Какое, им и так было понятно.

Отец его очень обрадовался добытому документу, но каким образом он добыт, не знает. Такой роскошный подарок,

как подземный ход под домом врага, сынок хотел приберечь для себя. Гертруду он похитил семь месяцев назад, оглушив её в её же комнате, глубокой ночью. Никто ничего не заметил.

Далее он задался целью свести фонХорстмана с ума, или убить его, вызвав у того удар – проще говоря, сердечный приступ. Для этого он являлся тому раза два в неделю, будя, и пытаясь напугать барона стонами, звоном цепей и танцами по комнате. Однако фон Хорстман оказался не промах – кидал в него всё, что попадало под руку. В последний раз это оказался приготовленный заранее кинжал, лишь на пару дюймов не попавший в живот «призрака». А сегодня ночью негодяю вообще «не повезло»: наткнулся на кастеляншу, которая выходила ночью по нужде, и подняла страшный крик, увидев его в коридоре.

Еду он воровал на кухне, куда тоже имелся выход, но редко – только когда не хотел возвращаться на день к себе домой. База у него в каморке под чердаком, там есть и матрац, принесённый из дома, на котором он отсыпался днём.

Вот как. Значит, Катарине и Пьеру повезло: они обследовали подземелье, посчитав, что на день он ушёл, а он просто спал. Ещё один подарок судьбы – сырой окорок, который он стянул в темноте, не дав себе труда попробовать или понюхать его. Если бы не голод, неизвестно, как бы тогда всё обернулось.

Впрочем, время философствования прошло.

Катарина приказала Пьеру снова заткнуть пленнику рот. Тот попытался кричать и сопротивляться. Смешно: этот человек – вернее, этот нечеловек – ещё взывал к их состраданию, униженно пытаясь вымолить то, чего так гнусно лишил другого...

Она велела Пьеру выйти и ждать в их комнате. Он понимал её и знал достаточно хорошо, чтобы повиниться без единого слова.

Катарина не спеша подошла к пленнику. Она хотела, чтобы он сполна испил всю ту чашу страха и мучений, что выпала несчастной Гертруде. Она вообще считала, что человек заслуживает только такого отношения, с каким сам относится к другим людям.

Поэтому сейчас беспомощно вытаращившегося на неё человека в кресле ждало много... крайне неприятных моментов. Говорят, что месть сладка. Возможно. Она не испытывала ни возбуждения, ни удовлетворения. Рукой Провидения она себя тоже не считала. К тому, что предстояло сделать, она относилась просто как к неприятной работе, которую, тем не менее, надо выполнить добросовестно и хорошо. Хотя бы в память о несчастной Гертруде.

ТАКОЕ не должно оставаться безнаказанным!

Наверное, он прочёл свою участь в её глазах. Ведь всё остальное было по-прежнему скрыто под чёрным костюмом. Во-всяком случае, он отреагировал.

Разглядывая большую лужу, набежавшую под креслом, и

слушая шумную капель, она почувствовала омерзение.

Ещё она поняла, что не сможет.

Не сможет истязать беззащитного человечешку, у которого судорогой ужаса сведено всё лицо. Не сможет взять на себя роль карающего правосудия, роль справедливой мстительницы. Одно дело – убить врага, стоя с ним лицом к лицу, с оружием в руке, как, скажем, в лесу под Бельфором, где или ты его, или он – тебя...

И совсем другое – пытаться беспомощного пленника, пусть даже он тысячу раз это заслужил. Нет, всё-таки палачом-садистом надо родиться.

С другой стороны, и в живых такую мразь оставлять нельзя. Если доводить дело до суда – сразу всплывёт и подземный ход, и бедная Гертруда, да и, наконец, они сами – беглецы от Французского правосудия. В нарядах ниндзя.

Нет, незачем вытаскивать всю эту грязь на люди. Такой медвежьей услуги она гостеприимному барону не окажет. Кроме того, как показывает жизнь, оставленный в живых мерзавец всегда найдёт способ всадить в спину кинжал – не сам, так наймёт кого...

О;кей, придётся Пьеру выкопать в подземной кладовой ещё одну могилу уже сегодня. Благо, лопата есть.

Не испытывая угрызений совести или сомнений, она обнажила кинжал.

Смерть гестаповца-любителя, в отличие от его несчастной жертвы, была быстрой и безболезненной. Достойную же

пытку ему подберёт Дьявол.

Во-всяком случае, она молила Господа именно об этом.

44

Так как Пьер забрал единственный фонарь, ей пришлось воспользоваться одним из факелов.

Пьер был явно удивлён её быстрым возвращением.

Они с Марией, как два голубка, сидели на её постели и смотрели на неё, почти как тогда, на дороге под Бельфором, когда она впервые показала, на что способна рассерженная женщина. Они ждали, что она скажет. На немой вопрос Пьера она выдавила:

– Нет. Не смогла, как он... Просто убила.

Повисшее гнетущее молчание пришлось нарушить тоже ей:

– Пьер, бери этот факел, а потом – его фонарь, и иди, пожалуйста, выкопай Гертруду. Заодно выкопай яму и для него. Да поглубже.

Пьер, как всегда без лишних слов, кивнул, и вошёл в проём. Она, уже вслед ему, сказала, больше не приглушая голоса:

– Я постараюсь привести барона где-то через полчаса.

Его ответное «угу» послышалось уже из подвала.

Тут наконец очнулась Мария:

– Какую ещё Гертруду?!

– Ту самую, что пропала семь месяцев назад...

Катарине пришлось, скрепя сердце, рассказать няне о судьбе несчастной женщины.

Мария долго плакала и посылала проклятья на голову гнусного негодяя. А ведь они – Катарина только сейчас вспомнила об этом – даже не спросили его имени.

Ну и ладно. Молитвы за упокой его души они заказывать уж точно не будут.

За бароном отправилась сама Катарина. Её наряд как раз соответствовал целям конспирации. Меньше всего им с бароном нужны были свидетели.

Спальню барона, расположенную рядом с его кабинетом, она нашла без труда.

Конечно, можно было попытаться попасть туда и через подземный ход, но не зная его точного плана, она поопасалась, что придется долго плутать. Время же было дорого – до рассвета оставалось не больше двух часов. Поэтому она выбрала уже хорошо известный путь. Видела она в темноте снова с помощью глаз кошки. Добралась быстро.

Дверь в спальню, конечно, оказалась заперта. Впрочем, местные замки и даже засовы не являлись препятствием для неё – заготовленные заранее отмычки входили в оборудование, которое она, как всякий порядочный ниндзя, носила с собой.

Барон, лежащий на смятых простынях под балдахином, явно спал беспокойно.

Впрочем, она не поручилась бы, от чего он страдал больше – от кошмаров, или от комаров, которых здесь было море: наверное, они налетели на горящий возле изголовья ночник. Ещё бы – без света тут, наверное, мало кто спит в последние месяцы...

Проснулся барон сразу, стоило только тихо позвать его по имени. После этого она тут же попросила его ничего в неё не кидать, не шуметь, и успокоиться.

Так как он её не видел, с последним было похуже. Ей пришлось два раза назвать себя, и, наконец, узнав её голос, он сел обратно на постель и положил меч на место.

Тогда она отделилась от стены, чтобы он её увидел, и пошла к нему.

– Господи помилуй, дорогая Катарина, что за странный маскарад? – он вряд ли верил, что она ему не снится, но держался лучше, чем многие смогли бы на его месте.

– Этот маскарад, уважаемый мессер барон, возможно, спас мою и вашу жизни. Поэтому не удивляйтесь тому, что я попрошу вас сделать.

Возьмите с собой, если хотите, любое оружие. Оденьтесь во что-нибудь тёмное и удобное, и следуйте за мной. Я, кажется, нашла ответы на многие мучающие вас вопросы. – говорила она вполголоса, но барон, убеждённый её серьёзным тоном, про маскарад больше не заикался.

Он действительно был настоящий мужчина. Без лишних слов оделся (Катарина по его просьбе отвернулась и вышла)

и последовал за нею.

Не обременяя себя никакими источниками света, она за руку провела его по тёмным переходам его же замка. Шли они молча, и никого не встретили.

Мария ждала их, и подала уже зажжённый фонарь. Барон, конечно, заметил её заплаканные глаза, но ничего не спросил, лишь странно глянув на няню.

При виде чёрного проёма в стене её комнаты барон всё же не сдержался от удивлённого возгласа и замер на месте. Видя его заминку, она поторопила:

– Идёмте быстрее, господин барон. Времени до рассвета осталось немного, а вам предстоит многое увидеть и... Обдумать.

Возможно, его убедили слёзы на глазах Марии, или спокойный рассудительный тон Катарины. Но он, так ни слова и не сказав, кивнул, и снова взяв её за руку, последовал за ней в темноту и неизвестность.

Освещая неровный пол поближе к их ногам, она уверенно провела его, не задерживаясь в камере пыток, прямо к комнате с могилами.

Когда барон увидел в свете двух фонарей обнажённое тело женщины, он, несмотря на проявленное до сих пор мужество и присутствие духа, вскрикнул. Узнав её по хорошо сохранившемуся лицу, и услышав, что выпало на её долю, он рухнул перед женщиной на колени, и, дотронувшись до её искалеченных рук и ног, горько разрыдался, закрыв лицо

руками. Переглянувшись, Катарина с Пьером вышли, оставив, впрочем, дверь открытой.

Барон не причитал, и не жаловался на судьбу. Он просто плакал.

Минут через пять он позвал их. Он уже вытер слёзы и снова был на ногах.

Спросил он только одно:

– Вы знаете, кто это сделал?

– Идёмте. – просто сказала Катарина.

Взяв один из фонарей, они снова вернулись в камеру пыток. Огонь, который она развела в очаге, к этому времени совсем погас, как, впрочем, и факелы на стенах. И ей пришлось осветить кресло своим фонарём, сдёрнув с тела накинутые на него «привиденческие» одежды. Пьер тем временем снова раздул тлеющие угли и подбросил дров.

Пляшущие весёлые язычки пламени теперь хорошо освещали мертвеца в кресле, лужу под ним, и балахон, брошенный тут же. Она засомневалась: может, зря они *такое* на своего хозяина, да ещё так внезапно, обрушили... Но и не показать – было бы неправильно!

Барон, вздохнув, первым нарушил затянувшееся молчание:

– Да, я узнаю эти тряпки. И этого... Я тоже знаю. Это сын фонРозенберга. – он снова замолчал. Затем продолжил, мучительно выдавливая из себя слова, которые ни в коей мере не могли передать то, что ему пришлось пережить в эти

краткие минуты:

– Вы были правы... Мне нужно многое обдумать. Но, кажется, и вы кое-что обдумали – я видел вторую могилу там... возле неё...

– Простите нас, мессер барон, за то, что мы взяли на себя смелость сделать кое-какие приготовления, – осторожно сказала она, – Но если вы считаете, что тело этого... хм... Заслуживает лучшей участи, Пьер закопает могилу обратно. Но удастся ли тогда избежать огласки?

– Нет-нет. Вы всё сделали правильно. Такому... Всё равно не место на христианском кладбище. А за душу несчастной Гертруды я теперь не беспокоюсь – где бы ни упокоилось её тело, Господь Бог не может допустить, чтобы она попала не на Небеса.

Так что для всех будет лучше, если вы сделаете всё, как наметили...

– Хорошо, мессер барон. Тогда мы, с вашего позволения, закончим с этим делом, и, конечно, никому ничего не скажем о нём. Других гостей пока не предвидится – тот подземный ход, что был найден... им, – кивок, – им же был и снова замаскирован.

Никто в его тайну не посвящён.

Я только хотела попросить у вас прощения за то, что мы так грубо, без предупреждения, поставили вас перед этими... Фактами.

– О, нет, – помолчав, с болью и горечью в голосе отозвал-

ся барон. Сейчас вдруг ей стало отчётливо видно, что он уже очень немолод – эти несколько минут добавили ему сразу десяток лет. Да и кому такое не добавило лет, морщин и душевной боли?! – Нет, это я, старый пень, должен просить у вас прощения за то, что вам пришлось решать за меня мои проблемы, разбираться с моими врагами, и подвергать свои жизни смертельной опасности! Простите за это грязное бельё, которое вам пришлось ворошить по моей вине!

Катарина не могла не признать, и не восхититься, как быстро барон оправился от шока, и насколько трезво он оценивал ситуацию – а ведь они почти ничего ему не рассказали. Впрочем, он прекрасно всё увидел и сам, а что не увидел – мог додумать. Он очень умен и практичен...

И, честно говоря, она вообще заметила: люди четырнадцатого века отнюдь не глупее, а во многих вещах и гораздо прагматичней и находчивей своих далёких «цивилизованных» потомков.

Да, собственно говоря, было бы удивительно, если бы они были глупее: кто бы тогда вытащил эту самую цивилизацию из тьмы средневековых предрассудков и технической разрухи? Только трезвомыслящим людям по плечу было начать эпоху Возрождения.

Её уважение к барону возросло ещё больше.

– Вам совершенно не в чем извиняться, дорогой хозяин. Как говорится в мудрой народной поговорке – «у каждого в шкафу спрятан свой скелет».

Если раньше эта поговорка и не была известна барону, кивком он всё равно подтвердил своё согласие.

– Во-всяком случае, одним подонком на этом свете стало меньше. – раздумчиво продолжила Катарина свою мысль, – И, уж извините, угрызений совести я по этому поводу не испытываю...

– Вы удивительная женщина. – произнёс вдруг совсем другим тоном барон, – Вы должны рассказать мне о себе!

Катарина покосилась на Пьера, издавшего какой-то подозрительный звук. Впрочем, лицо этого хитреца было скрыто капюшоном-маской. На его счастье.

– Да, дорогой барон, разумеется, я сделаю это. Но, если вы не возражаете, всё же лучше в несколько более подходящей обстановке... – открыто отказать она не могла, да и, наверное, правильной будет всё же кое-что рассказать этому мужественному мужчине. Он должен хотя бы приблизительно представлять, какую бочку с порохом заполучил под своё крылышко. И теперь, похоже, надолго...

– Разумеется! – вот он опять очень обаятельно смутился, – Разумеется. Прошу прощения за неуместное любопытство... Я буду ждать столько, сколько вам угодно!

Назад в комнату барона они добрались без происшествий, также никого не встретив, если, конечно, не упоминать Ма-

рии, всё так же нёсшей бессменную вахту у проёма. Она всё ещё всхлипывала и тёрла покрасневшие глаза, и сочувственно смотрела на барона. Тот, заметив это, снова смутился. Но только кивнул, прощаясь. Катарина с подозрением взглянула на няню.

Она почувствовала *это*. Что-то незримое, но уже связавшее Марию с бароном.

Тот, задумчиво молчавший всю обратную дорогу, в своей комнате всё же вынужден был присесть на постель. Тогда Катарина налила ему большой бокал вина. Подумав, налила и себе. Стянула капюшон, села рядом с ним.

Несколько минут они так и сидели молча. Барон допил вино, глядя в пустоту.

Затем, наверное, результаты его раздумий всё же немного успокоили его мятущуюся и скорбящую душу. Настоящего бойца ничем не сломить...

Конечно, он не мог не спросить, как проник в тайны подземелий его замка, и как мог так вольготно действовать мерзавец.

Катарина рассказала ему о результатах допроса, о выходе в заросшем овраге, о камерке под чердаком и о случае с колбасой.

– Поражаюсь я вашему мужеству и находчивости, дорогая Катарина. Как, впрочем, и вашей одежде... Магда рассказала мне о вашем странном заказе. Неужели вы смогли сшить всё это сами, и за один день?

Понимая, что барону нужно несколько отвлечься, Катарина рассказала, как они с Марией потратили полдня на боевую одежду. Про то, откуда взялась сама идея, она, впрочем, даже не заикнулась. А тактичный барон пока не спросил.

– Но теперь нужда в ней отпала, и мы сожжём её, чтобы не нарушать ход истории.

– Что вы имеете в виду? – в уме барону ну никак нельзя было отказать: он сразу ухватился за её промах, – Какой ход? Какой истории?

Катарина не колебалась ни секунды:

– Это просто такое образное выражение. Присказка. Оно, как и эта боевая одежда, происходит из далёкой страны. И я считаю, что совершенно незачем показывать её здесь кому бы то ни было – чтоб никто не мог использовать её... Не во благо.

– Хм... – протянул задумчиво барон, – Не хотел бы я оказаться в стране, где применяется такая одежда. И приёмы маскировки, – он передёрнул плечами, – и боевые навыки. Похоже, они намного превосходят наши... Но откуда, чёрт возьми, всё это стало известно *вам*? Где вы научились?

Ох уж этот барон. Вечно зрит в корень. И такой обаятельный – ну как ему откажешь... Да ещё в такой момент. Правда, время слегка поджимает, но уж пару фраз...

– Что ж. Когда-нибудь я расскажу вам и об этом. Но кое-что могу сказать и сейчас: вы правы. Боевое искусство этой страны сильно отличается от нашего, так же, как и оружие.

Однако к сожалению... э-э... Вернее, к счастью, дорога в эту страну слишком сложна и далека. Иначе все так называемые цивилизованные страны давно почувствовали бы тяжёлое ярмо на своей шее!

– Вот даже как... Но вы, вы-то как там оказались? И почему Анриетта никогда ничего мне об этом не писала?

– Мне очень жаль, дорогой барон, но я не вправе сейчас раскрывать наши маленькие семейные тайны. – нашлась тут же Катарина, удивлённая тем фактом, что мать, судя повсему, поддерживала активную переписку с бароном. Такая связь предполагала, помимо старой любви, и что-то ещё... Но что? Быть может, барон сейчас тоже проговорился? Ничего, она ещё успеет подумать над этим. Пока же она продолжила:

– Я, конечно, никуда не ездила, напротив, ко мне кое-кто приезжал... Но, надеюсь, вы поймёте меня правильно – я не хотела бы пока сильно распространяться о своих талантах и освоенном мною искусстве выживать. Прошу вас, мессер барон – вы ведь не обидитесь на меня, если мы поговорим обо всём этом... Позже?

– О, дорогая моя! Вы полная хозяйка в моём сердце и моем замке! И если вы вообще никогда не расскажете об этом, я ни в коей мере не обижусь! И простите *вы* меня – я, конечно, слишком любопытен... Да и кто не был бы заинтригован на моем месте! – с этим ей трудно было не согласиться, – Но я всё же допустил непростительную бестактность, пытаюсь

расспросить вас о том, что меня ни в коей мере не касается!..

Просто не смог удержаться, чтоб не спросить!..

А обижаться на вас – на вас! – я просто не в состоянии! Ведь вы совершили такое!.. Я даже сейчас думаю об этом с содроганием: что было бы, если бы по моему недогляду – преступному недогляду! – с моими гостями что-нибудь...

Ах, Катарина... Вы оказали мне, да и всем живущим в этом замке столь неоценимую услугу, что степень моей благодарности просто невозможно передать словами! И если есть что-то, что я могу сделать для вас – умоляю, скажите, не стесняясь ничего. Я даю вам слово фонХорстмана: всё будет сделано!

Катарина печально улыбнулась. Затем взяла его сухую сильную руку и крепко пожала:

– Благодарю вас, барон, за тёплые слова... И за ваше гостеприимство и доброту. Более смелого, умного и любезного джентльмена-рыцаря мне ещё не приходилось встречать.

Пожалуй, нам сейчас ещё ничего не надо. Но повторю ещё раз: можете не сомневаться: если в будущем что-то понадобится, мы с удовольствием воспользуемся вашим любезным предложением. И стесняться точно не будем!

Говоря так, она несколько не покривила душой – ведь Пьер не был вельможей-дворянином, хоть при представлении она и добавила ему этот дворянский артикль «д,», для вящего уважения окружающих. Да и чтобы мог присутствовать, как и Мария, на обедах-ужинах. А не кушал со слуга-

ми... И если в смелости он барону не уступал, то по части любезности ему было чему у того поучиться. Впрочем, тогда это был бы уже не Пьер.

Барон вздохнул, покачал головой, и пробормотал:

– Спасибо за лестные слова в мой адрес...

Но добавьте ещё – самый глупый и несчастный. Как я мог про неё *такое* подумать! Что она – предательница... Мне так стыдно... Бедная Гертруда!

Катарина просто не нашлась, что сказать. Они опять неловко помолчали. Затем она поднялась с постели.

– Простите, дорогой барон, но мне пора. Иначе кто-нибудь может увидеть меня. Это было бы... Нехорошо.

– Э-э... да. Но ведь вы останетесь? То есть, я хочу сказать... Я надеюсь, эти печальные события не помешают вам быть и дальше моими гостями?

– Ну конечно, милый хозяин! Конечно останемся. Мы надеемся ещё по-крайней мере с полгода злоупотреблять вашим гостеприимством!

– Н...не говорите так, умоляю вас! Я знаю, это шутка, но всё равно – не говорите!..

Я бы хотел, откровенно говоря, чтобы вы вообще остались навсегда. Вы приносите удачу! Теперь-то у нас здесь – я уверен! – всё будет в порядке!

– Ох, сплюньте три раза! И спасибо за добрые слова. Мы подумаем над вашим предложением, любезный барон!

– И не называйте меня бароном, милая Катарина! Я ведь

вам всё-таки... То есть, вас видел ещё в пелёнках! Словом, называйте меня просто по имени: Карл!

– Хорошо, дорогой мессер... Карл! А сейчас разрешите удалиться – скоро рассветёт. Ведь, если мне не изменяет память, с утра мы собирались на небольшую прогулку по окрестностям. Надеюсь, наши планы не изменились?

Барон, внезапно вернувшись к прозаическому быту, нахмурил брови.

Однако он не хуже неё понимал, что внезапная перемена распорядка вызовет ненужные мысли у остальных обитателей замка. И поспешил уверить её, что подготовит всё, что нужно, и пришлёт за ними часам к десяти. Катарина предложила сделать немного по-другому – они сами придут к нему часам к десяти, или когда встанут, соберутся и позавтракают.

Они попрощались. Она надела капюшон, и ускользнула неуловимой тенью.

По дороге ей было над чем подумать.

Уже во второй раз у барона проскакивают странные обмолвки на её счёт. Да и чувства, которые она в нем к себе ощущают... Как-то подозрительно слишком... теплы. Если не сказать – горячи!

Уж не отец ли он ей?!

О, Господи! Вот это был бы номер. Как раз в духе столь любимых её современницами латиноамериканских сериалов... Но такое случается, вот именно, только в сериалах. Хотя...

В-принципе, таким отцом можно было бы только гордиться!

Ладно, попозже она попробует разобраться и с этим. А пока неплохо бы поспать...

Но спать оказалось ещё рано.

Надёрганная и расстроенная Мария сказала ей, что Пьер ещё не возвращался.

Она спустилась и прошла к нему, двигаясь по тёмным коридорам и проходам уже почти как у себя дома. Кресло в камере уже опустело.

Пьер как раз заканчивал. Она подождала. Затем они прошли к замаскированному люку в овраге и ещё раз осмотрели его. Если установить на новой крышке мощный засов, валявшийся внизу, и оставшийся, похоже, от старой крышки, ни обнаружить лаз ни открыть с той стороны будет невозможно. Позднее они это сделают. Да и трухлявых стволов поднатасчат к оврагу. Пусть будет завалено хоть доверху – лишь бы не лезли.

Вернувшись к себе, они переоделись, и, повесив спецодежду на этот раз в подземном ходе, на пару специально вбитых в щели гвоздей, заперли его дверь.

Только теперь Катарина вздохнула с облегчением, и, обняв по очереди за надёжные плечи, поблагодарила свою замечательную команду за терпение и мужество. То, что она всё время знала, что ей есть на кого опереться, сильно помогло ей одолеть и этого врага.

Пьер, как всегда, только усмехнулся, проворчав, что они стараются равняться на командира, но всё равно, по мужеству и талантам организаторов они только вторые.

Мария уже не плакала. Но сказала, что обязательно хотела бы поставить свечу за упокой Души несчастной Гертруды. С этим Катарина была полностью согласна.

Она обещала, что на днях они обязательно съездят в ближайшую церковь.

И тут, наконец, запели петухи, как бы подводя итог сделанному за эту бурную ночь.

Пожелав друг другу спокойной ночи – вернее, уже спокойного утра – они разошлись по комнатам.

Однако Катарина легла не раньше, чем проверила засов на двери из коридора, и подпёрла потайную дверь перевёрнутым кверху ножками креслом: теперь при малейшем её движении раздастся бы страшный грохот, разбудивший бы и мёртвого.

Не то, чтобы она сомневалась в признании сынка фонРозенберга, но как известно – бережённому Бог бережёт. Все ходы-выходы подземного лабиринта им с Пьером всё равно придётся придирчиво осмотреть.

Дверь в комнату Марии она оставила открытой.

Уже засыпая, она вдруг поняла, что в постель к ней залезает всхлипывающая няня. Ничего не говоря, она обняла её, и прижалась к тёплой груди, знавшей хозяйку этого тела ещё младенцем. Вскоре они согрелись, и мирно уснули.

Спали не очень долго – всего до десяти, но глубоким, спокойным сном. Поэтому отдохнули довольно хорошо.

Разбудила их, конечно, Электра, уронившая у двери таз для умывания, пока безуспешно пыталась попасть внутрь запертой комнаты с руками, занятыми кувшином, полотенцами и злополучным тазом. Катарина метнулась перевернуть кресло обратно, Мария пошла открывать.

Оказалось что кувшин, конечно, разбился. Ничего – это на счастье.

Катарина, вернувшись к роли высокородной дамы, разумеется, пофыркала, затем решив, что пора бы показать и зубки (иначе остальные обитатели замка уважать не будут!) нарычала на растяпу, и отправила за новым кувшином, про себя посмеиваясь.

Затем она скинула ночную рубашку и с наслаждением подставила своё крепкое тело ласкам утреннего солнца и лёгкого ветерка, подойдя к окну. Она встала на носки и потянулась, ощущая напрягшиеся мышцы.

Мария, с улыбкой наблюдавшая за ней с края кровати, сказала, что фигура у неё отменная – словно ещё постройнела. Катарина рассмеялась:

– Ну спасибо за комплемент! Хорошо бы теперь найти этой фигуре достойное применение.

– Ничего. Какие ваши годы! Ещё найдёте – и оглянуться не успеете!

Катарина опять рассмеялась. Легко, беззаботно.

К ней опять вернулось хорошее расположение духа. Что-то внутри подсказывало ей, что опасности в замке больше нет. Хорошая у неё наследственность!

Накинув халат прямо на голое тело, чтобы не слишком смущать вернувшуюся Электру, она с помощью няни умылась. Няне же поливала Электра, и на полу вновь оказались лужи. Отправив свою юную горничную за едой, они вдвоём вновь залезли на постель.

Обсудили, что наденут на предстоящую прогулку. Явившаяся сквозь оставленную открытой настежь дверь (мало ли: рассыпанную еду тряпкой с пола собрать, конечно, тоже можно, но потом всё равно пришлось бы ждать – когда уронившая очередной поднос горе-горничная принесет новую...) с огромным подносом бесподобно пахнущих вкусностей Электра получила приказ поставить его прямо на постель.

Набравшись наглости, Катарина отправила её за добавкой – ей захотелось больше сыра и молока. Что подумала молодая неиспорченная (теоретически) девочка, увидев двух женщин в одной постели, Катарину не беспокоило. Чем более исказят действительность слухи о них, тем меньше шансов, что кто-нибудь сумеет их вычислить. Да и домочадцам барона надо дать пищу для разговоров. Нельзя быть слиш-

ком правильной и добропорядочной...

Поели они с Марией прямо на постели, и с большим аппетитом.

Поднос убрали на стол, крошки вытряхнули в окно: надо и кур подкармливать.

Конечно, платья они выбрали попрacticalней – чтобы не выглядеть ни слишком бедно, ни слишком шикарно. Так, дворянки среднего достатка. Пьер оказался одетым и позавтракавшим. Однако они решили дать ему отдохнуть, и осмотреться пока самим.

В одиннадцать Гюисманс уже докладывал барону о прибывших с визитом гостей. Довёл он их сам, наивно считая, что они всё ещё могут заблудиться. Ну, пускай его...

Барон тут же принял их. Он был уже аккуратно выбрит и одет – никто не сказал бы, даже глядя на небольшие мешки под глазами, что ночью этот человек испытал страшное потрясение. Да, такому самообладанию позавидовал бы любой буддист или йог.

Катарина прямо с ходу спросила, есть ли в округе подходящая церковь. Им с Марией нужно возблагодарить Всевышнего за благополучное путешествие и выполнить кое-какие обеты. И желательно, чтобы сделать это можно было без большого наплыва прихожан.

Барон тут же любезно предложил проводить их туда прямо сейчас.

Катарина с благодарностью приняла предложение. Пока

Гюисамнс отправился распорядиться насчёт лошадей, барон развлекал их рассказом о своих предках: кто и чем был знаменит, и что пристроил и перестроил в замке. Катарину, естественно, больше всего интересовал вопрос, кто же создал систему потайных ходов, но тут уж придётся подождать разговора наедине – вернулся Гюисманс, и доложил, что лошади готовы.

К лошадям ещё полагался и эскорт в виде двух молодых и в меру весёлых конюхов, с большим интересом изучавших со стороны спины её зад, все время, пока продолжалась поездка. Так что с учётом торжественного обеда в первый день можно сказать, что их знакомство с её достоинствами оказалось «всесторонним».

Поскольку Гюисманса барон тоже на всякий случай взял с собой, похоже было, что по местным меркам их кортеж имел вполне чинно-благородный и внушительный вид. Но вот болтать пришлось о всяких пустяках. Средняя дорога оказалась вполне удобна, и неплохо расчищена. Вела она как раз в ближайший городок. Доехали за час.

В небольшой и действительно почти пустой церкви (Катарина внимательно следила за действиями барона, чтобы случайно не перекреститься как-нибудь не так) они с Марией поставили за несчастную женщину по самой толстой свечке, которые нашлись. И заказали поминальную молитву. Ещё одну свечу Катарина поставила за здоровье своей матери. Затем они с няней несколько минут молились. Затем Катарина,

конечно, осмотрела интерьер: разумеется, далеко не Реймский собор, но всё очень благочинно. Ей понравились резьба по дереву и наивные, но интересные цветные витражи.

Выйдя из церкви, они уговорили барона, который тоже поставил свечу и заказал молитву, показать им городок. Разве мог он отказать?

Городок, хоть и являлся административным центром провинции, был совсем крохотный – всего тысяч на пять-шесть жителей. Зато – очень чистенький и аккуратный, словно из сказки. Разумеется, немецкой сказки. Это у немцев даже в сказках: герой всегда добросовестно работает, работает, и в конце получает честно заслуженную награду. Не то, что у русских – там лёжа на печи все норовят поймать щуку, которая всё за тебя сделает... Ну, это так, к слову. Она подумала, что до братьев Гримм ещё века четыре.

Жители, судя по всему, выходили из дому только по делу. Во всяком случае, базарчик-рынок перед довольно солидной трёхэтажной ратушей, оказался почти пуст, и продавщицы болтали только между собой, что не мешало им пялиться во все глаза на их отряд.

Барон объяснил, что большинство жителей предпочитает делать покупки рано утром -это дешевле, так как прибывают деревенские поставщики. Да и весь день потом свободен.

Те редкие прохожие, что попадались им, смотрели на двух незнакомых дам в обществе барона фонХорстмана – с ним они почтительно здоровались – с явным интересом. Ката-

рина ощущала, что их оценивают: как мужчины, так и женщины. Наверняка, как в каждом провинциальном городке, сплетен теперь им хватит на неделю. После чего, если не будет пищи для новых слухов, об их с Марией существовании благополучно забудут. А за своих вряд ли когда вообще примут – на такое нужно лет пятьдесят.

Всё это, впрочем, нисколько её не волновало: ведь она не собиралась осесть здесь надолго и заводить знакомства для общения. Во Франции у неё остались дела.

Прошлись они и по лавкам, причём Катарине стоило большого труда отдавать предпочтение тканям, нарядам и украшениям, а не, как обычно, оружию и доспехам.

Так как время перешагнуло далеко за полдень, они упростили барона пообедать в местном трактире, в котором, несмотря на обеденное, в общем-то, время, было почти пусто, но так же чисто и уютно, как и во всём городке.

Предупредительный хозяин, очевидно, хорошо знал барона: их тут же усадили за лучший стол. Хозяйка-повариха долго пялилась из кухни, пока на плите не зашкворчало что-то, убежав из кастрюли...

Блюда были простые, никаких кулинарных изысков. Но вкусные и сытные. Катарине они понравились, особенно гуляш: сразу чувствовалась близость к его родине – Венгрии, или как она сейчас называлась, Ингрии. Жаль только, что перца не было и здесь...

А вот вино опять оказалось слабеньким и невкусным: на-

верное, всё же и правда – солнца маловато.

Барон объяснил, что местное население предпочитает пиво, которого здесь производят уже не меньше тридцати сортов. Но его попробовать Катарина не рискнула – этот напиток, как известно, тяготит голову, ноги и прочие органы. А ей предстояла ночная тяжёлая работа. Вдруг ей снова понадобится быстрота реакции и верная рука.

Домой в замок вернулись уже около пяти часов.

Катарина, мило улыбаясь, громко поблагодарила мессера барона, не приминув заметить, что ей очень нравится быт и спокойный нрав местных жителей. На что барон ответил, что такие они только тогда, когда ни с кем не воюют, и налоги не больше, чем они согласны терпеть.

Вспомнив, куда завёл этих «терпеливых агнцев» один бесноватый тип, она вполне согласилась, про себя содрогнувшись.

Вслух же она выразила надежду, что пока они будут гостями барона, такого не случится – бунты и войны не по ним, мирным женщинам... На этот раз странно на неё посмотрел барон. Но у него хватило такта промолчать и не булькать, как делал Пьер...

Они с Марией удалились отдохнуть и переодеться к ужину. Впрочем, до него оставалось не меньше двух часов. Поэтому Катарина с Пьером, тоже не сидевшего в их отсутствие сложа руки – он успел, снова собрав свой отряд, отремонтировать и вторую створку ворот, чем укрепил к себе всеоб-

щее уважение, и полностью расположил к себе старичка Томаса – вновь отправились, всё же переодевшись, дообследовать тайные ходы.

К счастью, их оказалось не так много, и все они вели к определённым комнатам, и оканчивались замаскированными дверями. Всего таких выходов оказалось девять: четыре на втором этаже, четыре – на первом, и один – в подвале кухни.

Выходить во все эти комнаты они не стали, но у себя на плане Катарина их отметила. С добавлением всё новых уточнений и пометок, эта бумага стала похожа на карту пиратов, зарывших сокровища. Ах, если бы и правда – так... Барон бы тогда не бедствовал.

Последний обследованный ход, идущий наверх особенно круто, привёл их на чердак, вернее, в низкую каморку под чердаком. Здесь в углу валялись одеяла, очевидно и служившие некогда постелью. Прямо на полу лежали несколько свечей, и меч с кинжалом. В углу стояла большая бадья с водой и ковшик. Щели в перекрытии и под балками позволяли наблюдать за всем, что происходило во дворе. Да и слушать тоже – звуки из колодца двора долетали отчётливо, словно усиленные эхом.

Маленький крепкий люк с засовом открывал дверь на чердак, который живший в каморке диверсант использовал, судя по найденным засохшим следам, как отхожее место. Он мог делать это вполне смело – жителями замка чердак посе-

щался крайне редко: пыль и вездесущая паутина недвусмысленно подтверждали это, так как лежали и висели везде и на всём...

Отсюда мораль: черепичная крыша долго не требует ремонта. Ну, или всегда можно перебраться из протекающей в соседнюю, всё равно неиспользуемую, комнату, если отремонтировать недосуг, или просто... лень.

Вооружившись какими-то палками, чтобы убирать с пути паутину, они всё же обошли огромные пространства многоуровневого помещения, не заинтересовавшись, впрочем, ни старыми сундуками с наваленной полусгнившей рухлядью, ни дырявой медной посудой, которую, возможно, кто-то из предков ещё надеялся когда-нибудь залатать. Лишний раз убедились, что крыша кое-где течёт, и под такие места подставлена всё та же дырявая посуда... А больше ничего интересного на чердаке нет.

Подобрали своё добро, и прошли на выход, к лазу в лесу.

Пьер приготовил и гвозди. Щеколду смазали из захваченной площадки с жиром. Чтобы установить её, Катарине пришлось вылезти наружу и стоять на люке, пока Пьер изнутри прибивал тяжёлый засов гвоздями. К счастью, вокруг, как обычно, никого не было, так что «грузом» она работала недолго. Никто их не увидел и не услышал. Ну и открыть люк теперь можно было только динамитом. А найти – только с собакой, так как они умудрились притащить и навалить на него целый трухлявый пенёк.

Теперь они могли спать вполне спокойно: в подземных переходах не водилось даже обычных для таких мест крыс. Впрочем, в каменной кладке не больно-то понароешь. Да и есть в подземельях нечего...

Когда они вернулись, Мария, как обычно стоявшая – вернее, сидевшая – на страже, сообщила, что приходил Гюисманс, чтобы проводить их на ужин. Мария ответила ему, что через полчаса они будут готовы – минут пятнадцать из них уже прошло.

Они быстро переоделись, убрали чёрные костюмы в потайной ход, и, приняв цивилизованный вид, чинно проследовали в обеденный зал.

За ужином Катарина с бароном оживлённо обсуждали городок и его обитателей. Мария тоже участвовала в беседе. Пьер, как обычно, предоставил инициативу дамам.

В целом поездкой эти самые дамы были довольны: хоть они почти ничего не купили, зато увидели ассортимент, и познакомились с местными достопримечательностями.

Барон обещал попозже показать им и другие селения и городки в окрестностях замка, свозить их на несколько дней в столицу, и продемонстрировать все доступные красоты природы – водопады, озёра, горные ущелья с реками, и прочее.

После ужина на этот раз они поднялись в кабинет к хозяину. Здесь они расположились вокруг рабочего стола барона – совсем как на деловом совещании совета директоров какого-нибудь концерна. Катарина «доложила» о том, как они

с Пьером довели обследование ходов до конца, и поставили засов и пень на входной люк.

ФонХорстман высказал предположение – вернее, он был почти уверен – что всю эту тайную систему аварийной эвакуации и скрытого перехода в любое место замка, создал второй по счёту из двенадцати его родовитых предков. Именно он-то и вёл строительство основных укреплений и зданий. Строительство первоначального – базового – варианта заняло добрых тридцать лет, и, разумеется, человек, закладывавший фундаменты и подвалы не мог не распланировать заранее, как сделать замок полностью подконтрольным себе и обеспечить экстренный выход на самый крайний случай...

Сил и средств у фонХорстманов тогда было в избытке, народу в окрестных селеньях хватало. Третий из их рода только покрыл все строения надёжной крышей. А остальные лишь дополняли возведённую на скальном основании твердыню пристройками и надстройками – по большей части хозяйственными. Кстати, строителя-активиста звали тоже Карл. И прожил он до глубокой старости (по меркам средневековья): умер в своей постели, в шестьдесят девять лет, в окружении четырёх дочерей, сына, и восемнадцати внуков и трёх праправнуков.

Мужская линия наследования была обеспечена уже в трёх поколениях... Впрочем, не обошлось без проблем: дети были сильно утомлены и рассержены бесконечной стройкой. Разумеется, конфликтики, если назвать их так, случались...

Катарина выразила удивление: как такая сложная и важная система ходов могла быть забыта или не обнаружена при последующих перестройках.

Барон рассказал очаровательную романтическую историю вполне в духе рыцарских романов – о несчастной любви, коварстве и доблести. Суть её сводилась к тому, что при пятом фонХорстмане замок обманом захватили враги, и изгнав, или уничтожив почти весь род фонХорстманов, безраздельно владели родовым гнездом и вотчиной предков почти двадцать лет.

Пока шестой – Рейнхард фонХорстман – единственный оставшийся в живых законный наследник, не вернулся из очередного крестового похода, где заработал (называется это – заработал, но фактически, как ни крути – нагребил...) достаточную сумму, чтобы нанять отряд отчаянных головорезов – кажется, они были морскими пиратами – и не отбил отчий замок после кровопролитного ночного штурма.

Но так как отец его и почти все родственники к тому времени были мертвы, а враги поголовно (в буквальном смысле) вырезаны, очевидно, в этот момент и оказалась утрачена информация о тайных ходах и потайных дверях, и выходе в отдалённом овраге...

Очевидно, узурпатор, двадцать лет наслаждавшийся владением чужим замком, был так уверен в своих силах и возможностях, что приказал заложить напрочь единственное слабое место: возможно, опасался скрытого удара изнутри,

не зная, что единственный оставшийся в живых фонХорстман не в курсе возможности нанести удар в сердце обороны через потайной вход.

Возможно также, что он перенёс место этого тайного входа-выхода в другое место, прокопав ход в глине, а не в скале. Но всё равно боялся за него.

Установить, как всё происходило на самом деле сейчас всё равно нельзя: ни мемуаров, ни даже легенд от этого периода практически не сохранилось. Рейнхард, как ни странно, был неграмотен, и не поощрял ни записей, ни бухгалтерского учёта. Поэтому все последующие поколения то беднели, то богатели – только в зависимости от «походов», а не рачительного управления земледелием вассалов, и торговли.

Ну а не нашли систему ходов при остальных пяти поколениях по очень простой причине: четырёх-пятифутовые стены базовой постройки ни у кого не хватило духу, или умения разобрать, или снести. Вот и пристраивали и надстраивали вширь и ввысь, а иногда и вовнутрь – только чтобы не трогать могучей первичной кладки, и титанической наружной стены...

Катарина всё время прикидывала. Пять-шесть поколений – это примерно сто двадцать-сто сорок лет. Да, похоже на правду. Кладка проёма, заложенного в пыточном подвале, где-то этого возраста. Она пообещала позже познакомить хозяина с потерянным и вновь обрётённым достоянием предков – наверняка это пригодится ему. Такой аварийный вы-

ход никогда не будет лишним в эпоху жестоких и кровавых междуусобиц.

Барон, конечно, поблагодарил их ещё раз, но сказал, что пока не готов – он никак не может забыть ужасного разоблачения тайны исчезновения бедной Гертруды...

Кроме того он всерьёз опасался – это он-то, на редкость здравомыслящий (судя по метанию кинжалов) человек! – того, что в этих проходах можно будет встретить призрак старого Карла, а теперь и замученной Герды.

Про призрак старого Карла Катарина уже слышала. Из легенд про него можно было, при талантах-то барона, сочинить не менее увлекательный роман, чем тот, который он пересказал о захвате и освобождении замка фонХорстманов. Однако она не стала обижать его выказыванием недоверия, а предложила в таком случае просто замуровать систему потайных ходов. Поснимать и заложить камнем движущиеся двери было бы нетрудно.

Однако барон опять-таки проявил здоровый прагматизм: пренебречь, а тем более, уничтожить такой аварийный выход было бы последней степенью глупости. Здесь Катарина была полностью с ним согласна. В такие беспокойные времена запасной выход – нужнейшая вещь.

Расстались они около двенадцати, обсудив практически все интересовавшие её вопросы.

У себя она с наслаждением переделалась из брони корсета в рубашку, и как следует расчесала несколько запущен-

ные в последние дни волосы. Вши всё ещё доставали её, хотя большинство из них Мария повыловила в краткие свободные часы. Керосин ещё не изобрели, как и мелок от насекомых, стричься наголо Катарина тоже не собиралась. Остался только страшно вонючий «персидский порошок», который не внушал ей решительно никакого доверия, да частый гребень.

Походив по комнатам, своей и Марии, без всякой цели, просто чтобы развеяться, она всё же скинула халат, и залезла в постель. Натянула простыню до подбородка. Вздохнула.

Мария, до этого озабоченно и с некоторым подозрением наблюдавшая за её действиями, спросила, уж не спать ли она собирается.

– Ну да, именно спать! – отозвалась несколько озадаченная такой постановкой вопроса Катарина.

Помявшись, и перестав, наконец, заламывать руки, Мария всё-таки признала, что Катарина, наверное, права – больше для Души несчастной Гертруды сделать пока ничего не удастся.

После чего удалилась к себе, обещав всё равно молиться о ней. Катарина пожелала няне спокойной ночи, без всякой задней мысли брякнув, что лучше бы заодно она подумала о живых: например, как скрасить горе того же несчастного барона, так в последнее время поклёванного судьбой.

При этих словах она вдруг даже через стену, разделявшую их, своим обострившимся сверхчувством обнаружила у ня-

ни целый всплеск эмоций, связанных именно с их хозяином! И, хотя вслух Мария ничего не ответила, и уже лежала в постели, Катарина почувствовала, как та краснеет... А ещё – волну тепла, накатившую вдруг внутрь груди её мужественной соратницы.

И – как сердце няни стучит, словно у юной девочки, идущей на первое свидание!

Ну и дела. Похоже, её верная боевая подруга всерьёз влюбилась.

Что ж. Это и неудивительно... Барон – мужчина во всех отношениях достойный.

Над этим вопросом нужно подумать. Она и подумает. Ведь её няня – тоже достойна лучшей участи, чем вдовья... Но как преодолеть проклятый барьер родовитости, и, главное – полюбит ли барон Марию? Впрочем, может он уже?.. Хотя чувствовать его эмоции гораздо сложнее – мужской самоконтроль куда сильнее глушит ее попытки проникнуть в...

Ничего, она – сможет разобраться. Поживём – увидим.

Теперь, когда ходы очищены и заперты, она чувствовала себя почти спокойно, размышляя над этим и другими вопросами. Но кинжал под подушку всё равно положила – для *полного* спокойствия.

И – она готова была поспорить! – что и Пьер, и Мария, да и барон, поступят так же: как известно, Бог бережёт тех, кто *сам* себя бережёт...

Когда она открыла глаза, по всей комнате словно шёл снег. В неестественно ярком лунном свете, заполнявшем почему-то без теней всю комнату, вокруг порхали, не падая на пол, не исчезая, и не улетая прочь, мелкие светящиеся белые точки, очень похожие на бесплотных светлячков.

Но это происходило не в тишине – той глубокой, успокаивающей тишине, которая обычно сопровождает снегопад. Нет, она явственно слышала тихий, но отчётливый звон серебряных колокольчиков, пение, детский смех, шум дождя, мычание коров, щебет птиц – десятки и сотни знакомых и незнакомых звуков, многие из которых она так и не смогла узнать. Но – она чувствовала! – ничто и никто ей не угрожает. Опасности не было.

Постепенно звуки стали тише, исчезли. Движение порхающих точек замерло.

Она сидела на постели и ждала.

И её позвали. Голос тихий-тихий. И печальный. Нет, скорее, задумчивый. Мужской.

– Катарина! Катарина...

– Я слышу. – ответила она негромко.

– Встань и иди, я покажу тебе дорогу. – голос потеплел, его хозяин был явно рад.

Она, подумав, одела халат, сунула за пояс кинжал, а в кар-

ман – две звёздочки, после чего повернулась лицом к потайной двери и сказала:

– Я готова.

Сияющие точки со всей комнаты медленно и осторожно собрались вокруг неё довольно плотно, как бы заключив в полупрозрачный сияющий овальный кокон, не прилегающий, впрочем, к телу, а отстоящий от него примерно на фут.

– Не бойся ничего! Я проведу тебя. Иди вперёд!

Она сделала шаг, и, странное дело: кокон несколько приподнялся и она ощутила, как её ноги отрываются от пола и она продолжает двигаться прямо по воздуху. Они с коконом, продолжая совместное движение, вначале медленно, а затем всё быстрее, поплыли к стене.

Катарина, несмотря на предупреждение, инстинктивно зажмурилась и вытянула руки, ожидая удара. Но этого не произошло – они свободно, словно нож в масло, влетели в камень стены. Затем чернота камня сменилась пустым пространством коридора, снова стеной, какими-то комнатами, затем движение стало ещё быстрее, различить детали стало невозможно, но осталось ощущение, какое бывает на американских горках – они летели вперёд и вперёд, плавно поворачивая иногда, но не замедляясь.

Катарина поняла, что её ведут кратчайшим путём, и даже поняла, куда.

На одинокий выдающийся в озеро мыс, с полуразрушенной башней, к самому древнему сооружению замка. Она по-

думала ещё, что *туда* ходов они так и не нашли...

Не прошло и нескольких секунд, как движение стало замедляться, и она оказалась там, в башне, в круглой большой комнате, без крыши и мебели, просто под открытым небом. Но ей было не холодно. Она осмотрелась.

Пыль, ветки, сухие листья и другой мусор толстым слоем покрывали кладку пола. Там, куда попадали дождь и снег, на ней виднелись разводы оплывшей глины. Хорошо, что она всё ещё висела в воздухе, ничего этого не касаясь.

– Теперь – осторожно. – предупредил голос, ставший громче, – Не бойся!

Она плавно провалилась прямо сквозь пол, и ещё один пол, и ещё один... На четвёртом сверху этаже ниже поверхности земли, она, наконец, закончила движение.

Светляки разлетелись в сторону, освещая низкий и угрюмый каземат. На деревянной лавке у стены сидел пожилой человек с огромными горящими глазами и густой белой бородой. Одет он был в какие-то неопишуемые лохмотья.

Присмотревшись, она поняла – это не человек, а Призрак.

Сквозь него в неверном свете светляков была видна стена и цепи с кандалами на крюках. Но он не двигался и смотрел на неё. И, несмотря на страшную худобу и дряхлость морщинистого тела, приветливо улыбался ей.

Катарина почувствовала некоторое смущение – она никогда не общалась с настоящими призраками. Не обидеть бы симпатичного незнакомца.

Он первым нарушил молчание, вдоволь рассмотрев её сверху донизу:

– Господи, какая же ты красавица! Я до сих пор не могу поверить, что такая женщина смогла сделать всё *это!*

Она продолжала тоже рассматривать его, теперь улыбаясь.

Вдруг он встрепенулся и встал с жёсткого ложа:

– О, прости пожалуйста старика – я никудышный рыцарь: совсем забыл о приличиях! – он церемонно раскланялся. Она тоже сделала реверанс, невольно улыбнувшись ещё шире и облегчённо вздохнув – «никудышный рыцарь» явно не собирался причинить ей вред, и лицо у него было открытое и лучилось доброжелательностью.

Он между тем продолжил:

– Сознаюсь честно: за последние почти триста лет моё общение с людьми проходило совсем в другом ключе – обычно я старался напугать их до полусмерти – как своих, так и захватчиков!.. Совсем отвык от нормального обращения. Ещё раз прошу меня простить! Меня может немного извинить только то, что я... Потрясён и очарован!

Да, фамильные черты фонХорстманов ясно проступали и сквозь триста лет. Он был похож, да и вёл себя, почти как свой далёкий потомок-тёзка.

– Добрый вечер, господин барон! Разумеется, я прощаю вас! Не скромничайте – дара говорить изысканные комплименты вы не утратили! – она воспользовалась одной из самых женственных своих улыбок.

– О, да! Я сразу понял, что вы ещё и очень умны. Вы уже догадались, кто я. Но всё равно: разрешите представиться, леди моего сердца – Я – Карл Фридрих Рудольф фонХорстман, сын первого фонХорстмана, пожалованного за выдающуюся доблесть, храбрость и безупречную преданность, дворянским титулом. – он снова поклонился.

– Очень приятно, мессер барон! А я – Катарина Изабелла де Пуассон, хотя это вы наверняка знаете. – сделав ещё раз реверанс, она откинула со лба приставшую прядь волос.

– Да, знаю. Как и то, что вас преследует злой и несправедный враг, вынудив скрыться сюда, в эти печальные и скудные места из отчего дома, и лишив мужа и оторвав от семьи...

– Дорогой барон, вы можете не смущаясь продолжать обращаться ко мне на «ты» – ведь я гожусь вам в прапрапра-внучки!

– Вы правы, моя дорогая, я очень... стар. Но – нет. Я этого не хочу. Даже если бы вы не сделали того, что сделали, и даже несмотря на трёхсотлетний опыт пугания, в вашем присутствии самый последний, потёртый и полинявший призрак чувствует себя королём! А это дано не каждой женщине – заставить мужчину чувствовать себя мужчиной!

Ох уж эти фонХорстманы! Понятно, почему ни одна женщина не могла устоять перед такими отважными и галантными рыцарями! Ведь он говорил от души – уж она-то чувствовала это. А, как уже неоднократно упоминалось, женщины во все времена «любят ушами!»

– Ах, дорогой барон!.. Теперь мне понятно, у кого ваш праправнук перенял свои лучшие рыцарские черты. Умеете и вы дать женщине почувствовать себя королевой!

Благодарю вас за искусный комплимент! Триста лет ни-сколько не притупили вашей галантности и пытливого ума!

– Как вы мне льстите, милая Катарина! Всё же триста лет... Да – это триста лет.

Собственно, для этого я и попросил вас прийти сюда. Мне очень нужно поговорить с вами – именно с вами! – обо всём: о нашем родовом гнезде, о моём праправнуке Карле, и о том, что вы сделали.

Он замолчал, и прошёлся, опустив глаза к полу, туда-сю-да по тесной и низкой каморке. Катарина не прерывала его раздумий.

Наконец, сверкнув орлиным взором, он жестом предложил ей сесть. Осторожно она опустилась на краешек полу-истлевшей скамьи. Он опустился напротив.

– Как вы уже, наверное, знаете, дорогая моя, это именно я построил большую часть Кирхштайна. Назвал я его так потому, что вот на этом самом месте издревле было капище, где древние жители этой страны сотни, если не тысячи лет назад, справляли свои религиозные обряды – языческие, разумеется... А я убрал это капище, вернее говоря, этот древний сарай, чтобы построить вот эту громаду, – он обвел рукой, – надеясь таким образом получить благословение как древних богов – хранителей этих мест – так и нашей святой

Церкви...

Стены я строил на века – ну, вы знаете, вы видели. – Картина кивком подтвердила, – Это было не очень трудно, зато хлопотно: всё организовать, заставить все бригады добывать, привозить и укладывать камень так, чтобы все были заняты... Кормить всех, лечить. Зимой, конечно, здесь ничего не построишь – известь не застывает, крошится... Приходилось делать перерывы.

Ох, – махнул он устало рукой, – проблем было много, но вам про это слушать будет скучновато. Словом, своей цели я добился: Кирхштайн выстоял, несмотря ни на что. Здание крепко, как и скала, на которой покоится его основание. Однако вот что меня смущает...

Как бы это объяснить...

Я всю жизнь посвятил обустройству родового гнезда. Собственно говоря, к концу моей жизни это стало единственной моей целью: оставить потомкам надёжный замок и богатую вотчину. Вы даже представить себе не можете, каких усилий и нервов мне это стоило. Наверное, это было моей ошибкой – для процветания далёких и ещё призрачных потомков я не щадил ни себя, ни близких. Тридцать два года постоянной стройки, согласен, замучают кого угодно!..

Конечно, они в какой-то степени были правы – это было очень... Хлопотно и тяжело – все мои родные потеряли всякое терпение. А я настаивал!..

Но это ни в коей мере не оправдывает моего... Ну, Карл

уже рассказывал вам про моего сына. Как он объявил меня сумасшедшим, заточил в этой башне – это меня-то, старика, в шестьдесят с лишним лет! Я уже не упоминаю про свой ревматизм. Ну и тогда я, разумеется, сгоряча... А он... Впрочем, вы знаете. – Катарина опять кивком подтвердила, что драматичная и печальная история фамильного проклятия ей известна.

Призрак потряс головой, смахнул пальцем искрящуюся слезу с уголка глаза. Было видно, что воспоминания об этих событиях всё ещё сильно волнуют и расстраивают его, несмотря на то, что все их участники давно в могиле. Впрочем, кроме него самого... Но его уж никак нельзя назвать «живым свидетелем». Ведь он, при всей своей обаятельности и трогательности, тоже мёртв.

Или... Это нельзя назвать смертью?

– Ладно, всё получилось не совсем так, как я хотел. Но главного я добился, – он, взяв себя в руки, снова говорил твёрдо и связно, – Четвёртый фонХорстман отлично жил и управлял всей вотчиной – может, жестковато, но по-хозяйски. Так нет: не проходит и сорока лет, и они – я имею в виду безмозглых наследничков! – умудряются без боя всё отдать врагам! А сколько фонХорстманов погибло – и погибло совершенно зря!..

Ну, тем, кто захватил нашу твердыню, конечно, здесь тоже скучать не приходилось – я постарался от души. Силёнок и злости ещё хватало. Могу поставить себе в заслугу то, что

подземелья замуровать их вынудил именно я. Но и они...

В-общем, тоже отомстили. На мой склеп, – он обвёл рукой вокруг, – наложили неснимаемый наговор, и теперь я... э-э... несколько ограничен в передвижениях, и средствах... Скажем так – воздействия. Хм. Да, сильно ограничен.

Однако они всё же замуровали мои подземелья. Свиньи! Извините, Бога ради – вырвалось! Хотя суть от этого не меняется – вели они себя здесь по-свински. Ещё бы – не своё же! Поэтому, хоть Рейнхард и... э-э... Разделался с ними слишком жестоко, я его не осуждаю.

Ну, когда замок снова стал наш, я как-то смирился и со своей... Несвободой.

Однако случилось непредвиденное – злобный и коварный негодяй нашёл вход, ведущий в наши фамильные катакомбы снаружи, и подло воспользовался ими. Да, воспользовался коварно, гнусно и подло! Таких... палачей у нас в роду – хвала Господу! – нет и смею надеяться – никогда не будет! А я-то, я-то – ничего не мог сделать! О, жестокий Рок!

И если бы не ваша потрясающе храбрая и слаженная команда, я бы, наверное, с ума сошёл от отчаяния и беспомощности!

Он раскраснелся, если можно так сказать о призраке, глаза горели, словно угли, лихорадочным огнём, руки судорожно сжимались в кулаки, готовые разить врага, несмотря на собственную бесплотность. Да, он ей определённо нравился. Как страж фамильного гнезда он заслуживал только уваже-

ния. Одно слово: Хозяин! Даже спустя триста лет. Молодец, вот уж кто переживает за своих...

Но он продолжал:

– Уже одного только зверского убийства несчастной женщины нельзя простить! Я так страдал! Ну, и, конечно, последний удар – потеря половины нашей исконной вотчины. Я долго не мог поверить и осознать... А смириться до сих пор не могу!

Но уж когда вассалы разбежались, посжигав всё хозяйство, бросив свои поля...

Пришлось поверить, что проклятые судейские крючкотворы сделали-таки *это*.

Бедняга Карл. Если б я не был ограничен этим казематом, я бы уж постарался! Я знаю, чего боятся эти жалкие букведы! Ничтожные бюрократишки! Проклятые сутяжники!.. И это называется – «Великая Империя»! Тьфу! Я бы!.. – он воздел кулаки к потолку. Помолчал. Как бы оправдываясь, продолжил:

– А Гертруда одна не может воздействовать на них: она ещё слишком неопытна и несчастна... Да и перемещаться далеко пока не умеет.

Но всё же это свершилось! Она отомщена. И теперь, если захочет, может отправиться в места вечного наслаждения. А я... Я снова останусь один. Один...

Извините, дорогая моя, я так невнятно излагаю свои мысли! Это от того, что я давно ни с кем из живущих не говорил.

Ну и, конечно, очень рад, что вы отомстили подлецу, а не стали с ним миндальничать, как поступили бы менее сильные люди.

Трусливые слабаки и, извините меня, идиоты, всегда считают, что негодяя можно исправить и перевоспитать... А я всегда считал – и сейчас считаю! – что достойно исправить мерзавца и негодяя лучше всего хорошим ударом меча – чтобы и потомства от дурной крови на земле не осталось!..

И мне вдвойне приятно, что в вас я нашёл союзницу, разделяющую мои убеждения!

Катарина почувствовала, что невольно улыбается: их взгляды, несмотря на семь веков разницы, совпадали. Жаль, что не все рыцари столь радикально смотрели на эту проблему... Иначе сословие подонков и мерзавцев всех мастей к её времени могло бы и вовсе исчезнуть!

– Так вот, я перехожу к сути дела. Мы с Гертрудой посоветовались... И решили, что можем вам полностью довериться. Вы не будете действовать во вред нашему роду и благополучию Кирхштайна. Ведь вы... э-э... Настоящий воин, если мне позволительно так выразиться о прелестнейшей женщине... И человек чести. Кроме того вы... э-э... Кхм. – он вдруг запнулся. Но продолжил:

– Ведь вам понравился Карл? Вы поможете ему, я надеюсь? Он ведь в сущности, хороший парень, несмотря на некоторые... странности, легкомыслие и природную лень. Ему нужна только хорошая хозяйка. Нет-нет, не подумайте,

что я ВАМ предлагаю выйти за него замуж – он замахал руками, в ответ на широко раскрывшиеся глаза Катарины и готовые сорваться с её уст слова, – Ничего такого я в виду не имел! В смысле женитьбы этого оболтуса я целиком доверяю вашему вкусу! Нет, к вам у меня совсем другое предложение.

Вот послушайте.

Я хочу сделать вам, дорогая гостья, маленький подарок. И я искренне надеюсь, что вы не будете его отвергать. Приняв его, вы окажете мне честь, и позволите хоть в малой степени выразить ту благодарность, которую мы с Гертрудой к вам испытываем! Прошу вас! – рукой он предложил ей встать.

Заинтригованная, какой же подарок может сделать ей бесплотный призрак, она подчинилась, пытливо глядя на него.

– Дорогая Катарина, вам придётся ещё немного попутешествовать! Надеюсь, это вас... не обременит? – она показала, что нет, – Сожалею, но по независящим от меня причинам не смогу сопровождать вас лично. Но, надеюсь, вы меня поймёте и простите! Впрочем, разговаривать мы сможем! Молодёжь, давайте. – обратился он к огонькам.

Катарина с интересом наблюдала, как невесомый сияющий кокон вновь собирается вокруг неё. Вот он и готов. Но они стоят на месте... В чём дело?

– Ох, забыл сказать... Первый шаг всё же должны сделать вы – это как бы говорит о вашем согласии... Пожалуйста, прошу вас. – конечно, она не могла отказать ему.

Не зная, увидятся ли они снова, она на всякий случай

ещё раз улыбнулась ему и шагнула вперёд. Карл Фридрих Рудольф тоже мило улыбался ей вслед, хотя в глазах его – она могла бы поспорить на что угодно – было и сожаление: сожаление по тем временам, когда он лично мог общаться с женщинами во плоти, ну, или хотя бы сопроводить даму в путешествии по родовому гнезду, будучи пусть уже лишь бесплотной тенью...

Жаль, что этот достойный рыцарь вынужден последние сто пятьдесят лет находиться в столь жалком и замкнутом пространстве. Может, можно ему как-то помочь?..

Вновь её несло сквозь землю, камни, и скалы фундамента.

На этот раз, впрочем, недалеко – она узнала один из боковых подземных ходов, который они с Пьером обследовали лишь несколько часов назад. Господи, кажется что это было чуть ли не месяцы назад! Психология – странная вещь.

– Посмотри внимательно, и запомни, где ты находишься, – сказал издалека голос барона, – Запомнила? – она согласно кивнула, – Теперь не удивляйся! Гляди!

Медленно и торжественно, прямо сквозь боковую каменную стенку этого хода, оказавшуюся очень тонкой, её внесло в небольшую каморку с каменными же стенами.

Вся она была заставлена старыми, полусгнившими сундуками, сквозь щели которых и трухлявые доски на пол кое-где вытекли драгоценные ручейки содержимого: золотые монеты, необработанные драгоценные камни, серебро – в монетах и церковной утвари, вроде крестов и чаш, мелкие юве-

лирные изделия – цепочки, кольца, броши...

Катарина с интересом огляделась.

Сундуков оказалось пять. Наполненными были только два. Но каждый был не меньше бочки доброго вина – то есть объёмом около кубического метра. Получалось, что здесь собраны колоссальные богатства: стоимость золота, камней и драгоценных украшений было трудно себе вообразить. И это при том, что наследнику всего этого подчас нечем было дать взятку, или купить зерна на зиму себе и своим людям!..

– На всякий случай напоминаю, что мой папочка участвовал в одном из первых и весьма удачных крестовых походов, – раздался несколько ехидный голос: он явно почувствовал ее удивление! – А я при строительстве использовал только три сундука. Уж старался быть рачительным сыном...

Так вот. Я прошу тебя принять мой подарок. Отныне всё это – твоё!

Сказать, что Катарина была поражена – значило ничего не сказать.

На какие-то мгновения растерялась даже она. Как же ей быть?!

– Позвольте, уважаемый господин барон! Ведь у вас есть законные наследники. Они гораздо больше меня достойны владеть всем этим. Ведь это – Ваше *фамильное наследие*! И использовать его надо на благо Вашей династии!

– Я знал, что вы так скажете, милая леди моего сердца! – раздался довольный голос, – Так вот. Объясняю ситуацию:

это наследие великого Эрнста-Гуннара. И оно принадлежит мне, и только мне! И я волен оставить его тому, кого считаю достойным такого дара. Тому, кто не пустит его пылью по ветру в бессмысленных тратах на роскошь и пустые наслаждения. Тому, кто знает цену этому золоту и употребит его с пользой для себя и близких. Тому, наконец, кто больше всех сделал для восстановления чести фонХорстманов, доброго имени Гертруды Гессель, и безопасности всех, кто живёт и, даст Бог, будет жить в Кирхштайне! – торжественность в голосе не позволяла усомниться в твёрдости решения.

– Кроме того... Ну, ладно, там – мой родной сын. Заточив меня здесь, он... Ах, он-то уже получил своё. – голос барона передавал всю сложную гамму его эмоций, хотя самого его здесь и не было. Некстати ей подумалось, что из него вышел бы отличный диктор на радио. Бедняга, для его обид не существовало трёхсотлетнего временного барьера. – Но я очень сердит на Карла и его отца. Тоже мне – интриганы-крючкотворы выискались! Балбесы самонадеянные! Ох, простите. Вырвалось!..

ФонХорстманы *никогда* не присоединяли чужих владений с помощью женитьбы! Только мечом! И вот они, мои потомки, без боя и чести, в зале суда, теряют половину родовой вотчины... Позор! Позор! Лично я считаю это оскорблением... хм... Памяти доблестных предков.

Поэтому – прошу вас, не будем больше об этом говорить. Мне это неприятно. Мои потомки, не прошло и трёхсот лет,

выродились в жалких интриганов! Какое пятно на священном родовом гербе!

– Но дорогой барон, ведь они хотели как лучше!

– Вот именно, что хотели! А что вышло?

На это ей нечего было ответить. (Хотя она не могла не вспомнить и знаменитую фразу современного ей политика – о той же проблеме желаемого... И получившегося.) Ведь она сама видела и Гертруду, и сгоревшие дома в брошенных селениях, и полупустые подвалы со скудными запасами в замке... Она вздохнула.

– Да, я знаю – вы умны, любезная Катарина. Вы сами видите, что я прав, и имею все основания сердиться на своих нерадивых потомков. Поэтому прошу вас – нет, заклинаю на коленях (хоть мне и неудобно из-за ревматизма!): примите этот дар, и распоряжайтесь, как найдёте нужным!

– Умоляю вас, дорогой барон, немедленно поднимитесь! Ах... Я не могу отказать такому рыцарю, как вы! Поэтому благодарю вас за столь щедрый подарок и принимаю его! – она ведь чувствовала, что Призрак делает свой дар от чистого сердца, и не хотела обижать его.

Кроме того, разве то, что золото будет *её*, помешает ей помочь «хорошему парню», как его назвал предок-тёзка, да и себе самой? Она ещё успеет подумать, как лучше распорядиться неожиданно свалившимся богатством.

– Вот и прекрасно! Я знаю, что более достойного владельца для этих фамильных сокровищ мне не найти, хотя бы я

прождал ещё триста лет. Вы здесь несомненно лучший мужчина – простите, Бога ради! – и никаких глупостей не надеваете.

– Ах, милый барон, как вы мне льстите! – Катарина рассмеялась. Ей было легко и уютно, – Скажите, – тон её вновь стал серьёзным, – Могу ли я в свою очередь сделать что-нибудь, приятное Вам? Ну, может, какие-то средства могут снять этот... Наговор? Или вам что-нибудь нужно для... э-э... того, чтобы последовать за Гердой в... Более счастливые места?

Последовало долгое молчание. Катарина уже начала опасаться, что контакт с бароном утрачен. Но затем, тяжело, словно по лесу пронесся порыв осеннего ветра, вздохнув, он всё же отозвался:

– Благодарю тебя, благородная дочь Анриетты де Буа-Трасси! Благодарю от всего сердца! Ещё никто не спрашивал меня о *таком*! Ты растрогала несчастного призрака до глубины моей истерзанной души, обречённой никогда не вкушать вечного успокоения! Да будут радостны дни твоей жизни! Как повезёт рыцарю, которому ты станешь супругой...

Ах, Катарина, Катарина!

К сожалению, дорогая моя, даже вы ничем не можете мне помочь. Ведь я проклят! А наложивший проклятие – мёртв. Я обречён вечно скитаться по брэнной земле, лишённый тела и покоя.

А насчёт наговора... Снять его возможно, но это очень,

очень сложно и опасно. Необходимы некоторые предметы, которые... Хм. Лучше не будем говорить об этом – неподготовленный человек, пытаясь снять это заклятье, может погибнуть, или сойти с ума – а я не хочу, чтобы вы подвергали себя такой опасности. Поэтому прошу вас – не будем больше об этом говорить. Вы и так слишком добры к несчастному призраку!

– О нет, мессер барон, добры как раз вы! Я очень тронута вашим щедрым подарком!

– Я очень рад это слышать! Владейте же всем этим, дорогая моя, и не будем больше к этому возвращаться – все это ваше и только ваше по праву! – немного помолчав, барон добавил, – Мне вы очень понравились. Такая красота – редкость в наших краях. Ваша красота – больше внутренняя... Она жизнерадостная, открытая, извините за грубость, я бы сказал – прямая, без фиглярских вывертов, как у наших чопорных и жеманных фрау. Не будет ли наглостью с моей стороны... Когда-нибудь снова пригласить вас, чтобы просто повидаться?

– Ну что вы – напротив, мне будет приятно! Разумеется, дорогой барон! Я готова видеться с таким рыцарем и галантным кавалером хоть каждый вечер! Наверняка вы сможете многое рассказать и посоветовать мне, да и своим прапра-внукам!

– О, нет, леди моего сердца, к сожалению – величайшему, уж поверьте! – это невозможно! На это уходит слишком мно-

го сил! Теперь на их восстановление понадобится не меньше месяца...

Поэтому прошу вас, дорогая моя, ещё раз осмотритесь, чтобы твёрдо запомнить место, – светляки вновь медленно вынесли её в коридор подземного лабиринта, – и малыши отнесут вас домой, они тоже устали и держатся из последних сил!

– В таком случае, я всё запомнила, дорогой хозяин! Хочу только ещё раз поблагодарить вас! И вот ещё что – мне было ужасно приятно познакомиться с таким рыцарем во всех отношениях, как вы! (Она запоздало прикусила язычок, подумав, что слово «ужасно» – как-то всё же двусмысленно... Но он, к счастью, воспринял всё правильно.)

– Благодарю и вас, милая гостья! Впрочем, что я говорю – хозяйка! Вы – хозяйка моего сердца и хозяйка Кирхштайна! Надеюсь на новую встречу через месяц. И буду счастлив, если это золото поможет вам чувствовать себя уверенной и спокойной!

– Прощайте, господин барон, до встречи! – её уже несло сквозь толщу камня и земли, всё мелькало перед глазами так, что даже пришлось их закрыть, и голос барона отдалялся, становясь всё тише и тише.

Мелькание за закрытыми веками прекратилось. Она открыла глаза.

Она вновь лежала на кровати.

И, разумеется, никакого халата на ней не было. Как и кин-

жала за поясом. Тело мирно лежало на постели всё это время. Путешествовал лишь дух...

Как барон это сделал?! А как это делала Красавица Марта?..

Значит, существуют всё же способы отделять духовную сущность от тленного материального тела? Впрочем, кому это знать, как не ей... Хвала Господу!

Такой наполненной и захватывающей жизни у неё никогда не было (тьфу-тьфу!), и, похоже, если верить тому, что ей предсказала Колдунья, скучно не будет и дальше...

Из открытого окна потянуло предутренней прохладой, и она, поёжившись, подтянула простыню повыше. С делами, пока, вроде всё! Теперь... Можно и поспать ещё немного!

48

Проснувшись, она долго лежала, и думала, что и как ей лучше сделать.

Нет сомнений, что главное, и самое полезное для потомков благородного Карла Фридриха Рудольфа – вернуть потерянную половину вотчины. Тем более что и сделать это можно сейчас достаточно просто: купить то, что незадачливый новый владелец старается продать. Ну ещё бы ему не стараться – доходов с новых земель никаких, а налоги-то с увеличившейся земельной собственности в казну императора платить всё равно надо...

Надо же. Неужели и в эти времена осью, вокруг которой всё вращается, являются наличные, и коммерция, а не рыцарские побуждения с благородными и религиозными порывами? Или все эти красивые сказки об идеалах, несении света Подлинной Веры неверным, и любви к ближнему – лишь плод воображения всяких меннезингеров, менестрелей и романтически настроенных, или – правильно ориентированных писак-архивариусов при тех же монастырях?

А миром правил, правит, и всегда будет править его величество чистоган?

Ну, может, хоть в чувствах между Мужчиной и Женщиной главное – не игра гормонов, требующая банального продолжения рода, а – Любовь?.. Или она – изобретение всяких романтиков и Шекспиров-Пушкиных?..

Ладно, оставим философию философам.

Пора приступать к работе.

В существовании клада она не сомневалась ни на миг, но всё же решила перед тем, как начать процедуру покупки и оформления владения земельной собственностью, убедиться в его реальном местонахождении.

Поэтому разбудив всех своих, и сделав традиционную выволочку Электре, она, несмотря на ранний час, проследила, чтобы все плотно позавтракали. После этого Пьер, как всегда молча выполнявший все её, подчас такие странные, распоряжения, притащил из кузницы большой лом. Они, переодевшись, посадили Марию на вахту, а сами совершили лёг-

кую прогулку по памятным местам уже почти своих, домашних, катакомб.

Найти коридор, по которому её пронесли ночью, оказалось нетрудно. Как и определить местонахождение потаённой комнаты. Нетрудно оказалось и расковырять полусгнившую известь кладки и вынуть первый кирпич, и затем аккуратно разобрать узкий проход в тонкой каменной перегородке.

Труднее оказалось убедить Пьера, что это не сон, и что всё это принадлежит ей.

Так же трудно оказалось придумать убедительную историю того, как она узнала о кладе.

(Пришлось сочинить очередную романтическую байку про «вещий» сон, которой Пьер, как здравомыслящий прагматик, может, и не поверил бы, если бы не весомые доказательства в виде несметных сокровищ. Про хранителя родовых традиций и древнего клада, прапрадедушку фонХорстмана она даже не заикалась: это не её тайна, и никто о ней не узнает!).

Итак, сокровища оказались на месте.

За дело.

Они набрали в мешок, предусмотрительно захваченный с собой, только золотых монет, и, не притронувшись к прочим побрякушкам, выбрались из затхлого склепа. После чего аккуратно вставили на место все вынутые из проёма кирпичи. Сделать это было нетрудно, так как они и вынимали их по

порядку, взломав только первый камень.

Затем все щели тщательно замазали глиной с природным гипсом, за которой пришлось сходить почти к аварийному выходу в овраге – ближе ничего подходящего не нашлось. Стена снова надёжно охраняла спрятанное рыцарем-крестоносцем сокровище.

Отдувающийся Пьер перетащил мешок с золотом, который весил никак не меньше тридцати с хвостиком килограмм, к комнате Катарины, она же могла только подбадривать беднягу – в узком проёме хода с лестницей двоим развернуться было ну никак нельзя.

Всё же мешок оставили пока за потайной дверью.

Помывшись и переодевшись, Катарина вызвала Гюисманса, и имела с ним продолжительную и весьма плодотворную беседу. Главное, что она выяснила – это то, что ничто, кроме отсутствия наличных денег не препятствует кому бы то ни было, даже иностранцу, или иностранке, (естественно, благородного происхождения! Ну правильно: владеть землёй – исконная привилегия дворян!), купить у фонРозенберга доставшуюся ему по суду часть вотчины фонХорстманов.

Помимо этого она многое узнала об имперских и местных Законах о землях и их наследовании, способах и методах купли-продажи, дарения, отчуждения в пользу казны и прочих хитростях. Больше всего её интересовали формальности по оформлению сделок, и нравы и расценки местных бюрократов.

Ну, тут нового оказалось до смешного мало: чиновники везде чиновники, особенно в загнивающей империи, которую постепенно губит свой же разросшийся, словно опухоль, хозяйственно-административный аппарат. Здесь, так же как и в её родной эпохе, царило право сильного: у кого больше денег на взятки (в смысле, потрачено, а не зажилено!), тот в итоге и прав в любых вопросах. Знакомая, и вполне подходящая ситуация.

Так как времени было уже около часу дня, они съели нечто, напоминавшее второй завтрак, и, не теряя времени, отправились, прихватив на всякий случай Пьера и несколько туго набитых аргументов-кошельков, прямо в «мэрию» местного административного центра.

Дорога была ей уже хорошо знакома, поэтому любование сомнительными красотами запущённого бурелома она заменила полезной беседой всё с тем же Гюисмансом – она не стеснялась спрашивать и советоваться, что и как лучше сделать...

За деловым разговором дорога много времени не заняла.

А вот вежливо-тактичное знакомство с нужными людьми, и неторопливые разговоры – полные недомолвок, намёков, и хождений вокруг да около интересующих её вопросов, и «цивилизованный» торг и переговоры!.. Ей показалось, что тянулось всё это вечность!

Благо, «полуночная» экономика подготовила её и не к таким испытаниям...

К счастью, нужных ей для дела чиновников оказалось всего трое – и именно от них зависело разрешение и законное оформление сделки. Опять же, к счастью (случайно, почти как «рояль в кустах»!) Гюисманс знал, где кто живёт. Поэтому «закулисные» переговоры проходили прямо на дому, в приватной, так сказать, обстановке: без лишних свидетелей и препятствий, могущих возникнуть, если бы они проходили в официальной атмосфере мэрии, как действовали обычно оба судившихся барона...

Поскольку все три беседы проходили под неизменное «небольшое» угощение, к концу дня Катарина чувствовала определённую тяжесть в желудке (вот хорошо, что от корсета отказалась!), и сильное головокружение от выпитого, явно привозного, вина.

Впрочем, на остроте её ума такие мелочи не сказывались. Обаянием и другими аргументами она похвастаться... могла.

Самым большим, разумеется, облегчением для деловых бесед было то, что Гюисманс отлично знал, кто сколько стоит. Поэтому все переговоры завершились к вящему удовольствию всех сторон. Естественно, их конфиденциальность гарантировалась нежеланием получателей блестящих круглых аргументов разглашать пикантный факт их получения.

Самым приятным было то, что её «очень разумный и трезвый» подход понравился всем трём бюрократам, и она была приглашена «заходить в любое время – чтобы справиться (с

нашей, разумеется скромной посильной помощью!) с любыми затруднениями!»

К концу этой сложной, ответственной и сильно напрягавшей контролирующий такт, вежливость и иносказательность речи, мозговой центр – а ей казалось, что таковой всё же существует! – этот самый центр в её мозгу занимал, похоже, в два раза больше места. И здорово утомился. Из интеллектуальных игр, доступных людям этой эпохи, пожалуй, только политика и дворцовые интриги были сложнее и, само-собой, куда опасней... нотариальных.

Однако наконец подошла к концу и эта тягомотина.

По дороге домой Катарина от души поблагодарила Гюисманса за помощь. Её, действительно, трудно было переоценить – его здесь знали все. Как и то, что он профессионал, обучавшийся в столице, и правая рука барона. Поэтому даже одно его присутствие заставляло сразу относиться к ней серьёзно и по-деловому. И если бы не его реальные профессиональные знания фасада и изнанки всех сделок с недвижимостью, им пришлось бы туго. И сделать то, что было сделано, стоило бы... Дороже. Ну, и, разумеется, времени ушло бы куда больше.

Гюисманс, в свою очередь, восхитился её тактом и «бешеным» – он так и сказал! – терпением к тупости и жадности. Катарина немного попеняла ему, но с улыбкой – он был ещё молод, и не совсем понимал: на таких должностях *тупые* не задерживаются! Их выживают те, более «высококвал-

лифицированные» специалисты, набившие руку в профессиональном притворстве и выковыриванию. В свой карман.

Прикинуться непонимающим – самый любимый финт чиновника-бюрократа. Другой, разумеется, не менее употребляемый – преувеличить, или даже выдумать всякие трудности... Ну а что до жадности – тут как говорится, комментарии излишни. До Судного Дня она доживёт.

В целом же они оба остались довольны сегодняшним днём. Гюисманс теперь, конечно, был в курсе того, что она собирается проделать. Однако она взяла с него обещание ничего пока барону, да и вообще, кому бы то ни было, не говорить – мол, есть примета, что сделка, о которой рассказывают, обычно срывается (не дай Бог!).

Гюисманс... Позволил себя убедить. Ещё бы: реалист он был ещё похлеще барона. Да и вообще: посадка головы, непринужденная манера держаться и говорить... Да даже взгляд – все выдавало... Внебрачного отпрыска фонХорстмана.

До замка добрались поздно, уже в полной темноте – хорошо, догадались захватить с собой факелы на такой случай! – и ехали по жутковатой дороге (вот уже погодите – дойдут у неё и до этого руки!) не спотыкаясь. Пьер вёл себя молодцом: не проронил ни звука за всё это время.

За ужином, состоявшимся уже позже десяти часов, Катарина приняла огонь на себя, извинившись, что позаимствовала столь ценного человека на весь день, не предупредив

барона.

Естественно, что барон не сердился на свою обаятельно улыбающуюся гостью, и ещё раз мило подтвердил, что все его люди, он сам, да и весь замок всегда к услугам дорогой Катарины, и совершенно незачем предупреждать его, или о чём-то спрашивать! Она, как всегда, рассыпалась в благодарностях, сказав всё же, что Гюисманс ей вскоре опять понадобится: его помощь... просто неоценима!

Спать легли за полночь, и спала она как бревно. Так она не уставала даже от сражений. Под утро ей приснилась жаба в пенсне...

Проклятые бюрократы. Нет от них спасенья. Нигде. Даже во сне...

На следующее утро Катарина долго работала над своей причёской и лицом – сама, и с помощью няни. Затем она в полном блеске лучшего наряда, и в компании расфуфыренных Марии и Пьера, и с эскортом в четыре приодетых ради такого случая конюха, посетила замок главного врага барона – родовое гнездо фон Розенберга.

Поскольку в силу склочного и скупого характера, своих людей в мэрии и рядом у него не имелось, никто не мог предупредить пожилого крючкотвора об истинной цели визита высокородной французской дамы. Сама гостья тоже не спешила просвещать его на сей счёт, объяснив визит к нему простым желанием познакомиться поближе со сливками дворянства провинции, и посещением в скором будущем и всех

его соседей. Сознательно приехав в подходящее время, она, естественно (ну, так – все же тут джентльмены и рыцари!) была приглашена остаться на обед.

Пока несколько потрясённый её красотой фонРозенберг водил её в экскурсии по достопримечательностям своего (тоже сильно запущенного) замка и сада, про себя, очевидно, прикидывая, как бы познакомить её с сынком – интересно, куда запропастился этот паршивец! – она всю применяла методы всё того же Карнеги, стараясь исподволь совсем очаровать зачерстевшего, но ещё с заметными признаками мужского начала, мессера барона.

Впрочем, вела она себя спокойно и с большим достоинством, глазки не строила, пошлостей и фривольностей не говорила, с вежливым интересом позволяя себя – Королеву! – развлекать и ублажать, словно действительно просто отдавала очередной визит вежливости, но потом, растаяв от его обходительности и манер, неподдельно заинтересовалась столь древним и выдающимся – как замком, так и его хозяином...

Сам пожилой и немного сгорбленный барон особого впечатления на неё не произвёл – до стати и обаяния фонХорстмана ему было как до неба... Однако она добросовестно продолжала свою работу. К обеду барон был вполне очарован и полностью введён в заблуждение относительно её интеллекта и цели визита. Отлично.

За обедом, сервированным вполне достойно, вяло поковыряв в тарелках с изысканными кушаньями двузубой ви-

лочкой (вот уж прерогатива только аристократов – крестьяне имели право пользоваться только ложками и руками!), и пригубив вина, хотя её бокал достаточно часто участвовал в цветистых тостах, произносимых в её честь, и прочих, она как бы походя выяснила, что у хозяина хлопот выше крыши – особенно с неожиданной земельной собственностью, которая недавно перешла под его юрисдикцию.

Равнодушно-вежливо она выяснила и то, что эта собственность несколько... тяготит мессера барона – а так же сумму, за которую он расстался бы с таким сокровищем.

Почти без её усилия барон, думая, что развлечёт её, поведал, с какими перепетиями и огромными затратами трудов и денег он отвоевал эту собственность, находящуюся, просками и интригами его главного соперника теперь в таком запустении и упадке... Она признала, что проезжая (случайно) мимо, лицезрела лично их некоторое... запустение.

Умело уведя разговор в сторону от этой, якобы, малоинтересной темы в сторону, она спустя значительное время вернулась к ней, сожалея о запустении (как печально!) и такого, в целом, великолепного фамильного замка и сада...

Смущённый барон был вынужден признать, что в средствах, из-за своих стараний в суде, сильно ограничен. Она поинтересовалась налогами на имущество и землю, отвоёванную с такими жертвами. Барон совсем завял, и, обречённо махнув рукой, сообщил о своём *настоятельном* желании избавиться вообще от таких «обременительных» земель как

можно скорее, упомянув при этом гораздо меньшую сумму, которую он, прикидывая здраво, мог бы просить за них.

Решив ковать железо в этом же направлении, она поинтересовалась, много ли здесь дворян, желающих приобрести их хоть бы и за такую цену. Барон, с прорывающимся сквозь чинно-благородный вид уже некоторым раздражением, попенял на своих соседей-завистников, которые с ним... Ну никак не желают жить в мире и ладу – и всё таскают его, бедного измученного и больного по судам, и таскают!..

Перспективы продать что-либо им в ближайшие пять-десять лет нет никакой. Они просто ждут, когда он окончательно разорится, и вынужден будет отдавать всё за гроши... Она вежливо покивала, сочувственно осуждая их хищнические наклонности.

Усомниться в её искренности было абсолютно невозможно!

Затем вернулась к теме деяний славных предков фонРозенбергов – судя по описанию те ещё были... драчуны и задиры. Это она и поставила им в заслугу... Как и то, что вотчину своему потомку они все-таки оставили вполне процветающей.

К её счастью, похоже, тема этих самых прошлых заслуг и подвигов была возведена в своего рода культ: все дворяне арийских кровей кичились благородными вояками и коварными придворными интриганами так, словно те не были теми же бандитами, жуликами и шлюхами, только в дру-

гой одежде и за другие деньги. Судя по рассказам, выходило именно так, если отбросить романтику и «благородную» мишуру... Однако уж эту мысль она попридержала при себе.

В конце визита, когда барон был сыт и вполне убажён, она, подумав, что честно сделала всё, что могла, поднялась и стала прощаться, помпезно поблагодарив за «чрезвычайно интересно проведённое время».

Уже на выходе из пиршественной залы, она вновь вернулась к коллекции доспехов, гобеленов и прочей дребедени оставшейся от славных предков, и попеняла, что они нуждаются в реставрации... ну, или чем-то такого типа.

Барон снова сослался на отсутствие наличности. Тогда она равнодушным тоном заявила, что земли ей, в настоящий момент, конечно, не нужны, но только из уважения к благородным предкам и славному их наследию, могла бы выделить барону за них некоторую сумму именно в наличных – по счастливой случайности у неё есть деньги, и вложить их в землю, оказав помощь столь достойному рыцарю было бы, как ей кажется, достойным применением для этого презренного металла...

Однако, всё же исходя из реального положения на столь... *сильно* запущенных пространствах пустующих земель, разумной ей представляется несколько другая, более трезвая оценка их фактической стоимости. Мгновенно оживившийся в бароне сутяга-крючкотвор попросил сказать, во сколько же она оценила бы столь древние и славные земли.

Помявшись, она выдавила, что не хотела бы обидеть столь славного хозяина её представлением о цене этих пусть древних, но нуждающихся в хозяйской руке, и явно приличных последующих *вложениях*, земель. Барон настаивал.

Ну, она позволила себя уговорить, и назвала эту сумму. Слегка пьяный, но быстро трезвеющий барон, почесав лысеющую голову, признал всё же, что из его соседей уж точно никто столько не предложит. Однако он спросил, как же думает благородная дама распорядиться столь запущенными угодьями. На это она ответила домашней заготовкой – дескать, давно мечтала, разумеется, если не передумает, устроить себе летнюю резиденцию, на те столь жаркие на родине месяцы, что она будет проводить здесь, поправляя подпорченное здоровье целительным горным воздухом, и услаждая взор прелестями пейзажей...

ФонРозенберг, полностью сражённый её низким декольте, располагавшимся (случайно!) в непосредственной близости от его лица, стройным станом, слабым здоровьем и перспективой иметь такую соседку (с расчётом, наверное, на своего «обаятельного» сына), согласился, даже не сделав попытки поторговаться ещё. Что дало ей убедительнейшее доказательство того, что даже в казалось бы закоренелых крючкотворах и склочниках, дедушка Фрейд со своим учением неизменно находит потаённый закуток, лазейку...

И при соответствующих условиях свою дань с человека возьмёт. А вдвоём с прагматиком-американцем они вообще

непобедимы – особенно, если их применять грамотно и спокойно...

Нарисовав не слишком довольную (впрочем, тут же воспитанно убрannую) гримаску на лице, словно она не слишком-то рада, что барон выкинул такой финт, и чуть ли не навязал ей сомнительное приобретение, она, впрочем, быстро «овладела» собой. И на вопрос обеспокоенного хозяина ответила, что нет-нет, всё, мол, в порядке! Просто она рассчитывала не так быстро расстаться с почти всеми своими деньгами, а ещё немного погулять на них в столице Империи – Вене...

На любезнейшее предложение барона, она ответила, что не привыкла вот так сходу менять принятые решения, и отказываться от договорённостей с милейшими людьми – да и не хотелось бы поставить в неудобное положение столь любезно пошедшего ей навстречу хозяина!

Словом, после нескольких тактических любезностей с её стороны и улыбок, и мягких нажатий маленькой ладошкой на костлявую руку, барон остался в убеждении, что он истинный рыцарь, милый хозяин и благородный благодетель.

Хорошо, что он не видал лица Марии, стоявшей за его спиной. Впрочем, после характерного движения в её адрес брови хозяйки, няня поторопилась убрать это выражение, пока никто посторонний не заметил.

Оформить сделку договорились завтра в полдень.

Слуги фонРозенберга с факелами проводили их каваль-

каду почти до самого замка Кирхштайн. В мерцающем свете пламени его серая громада показалась ей ещё романтичней и таинственней, чем обычно. Но налёта тайны и ощущения чего-то недоброго уже не было.

За ужином Карл фонХорстман был явно заинтригован её частыми и длительными отлучками, однако напрямую спросить стеснялся – боялся, наверное, со своим обычным тактом, поставить милую гостью в неловкое положение. Она сама поведала ему то, что считала нужным. Естественно, скрыв самую важную стратегическую информацию.

Барон-то, конечно, не проговорится, но ушей в замке полно: ей совершенно ни к чему, чтобы через слуг какие-нибудь посторонние узнали о деле, задуманном ею.

Ела и пила она с удовольствием, потому что в гостях почти ни к чему не притрагивалась, разыгрывая придиричивую избалованную леди. (Да и корсет хренов мешал! Зато уж станстройнил – нужно отдать ему должное!..)

Не то, чтобы она опасалась яда – нет, противоядие Марты она уже допила. Да и маловероятно, чтобы даже враг попытался убить её, не сделав попытки приспособить её к своим целям – хотя бы с тем же сынком... Тем более, что хотя крючоктвор фонРозенберг был и со стажем, что-то рыцарское в нём всё же осталось – это чувствовалось и было заметно даже невооружённым глазом – недаром даже Карл отдавал ему должное...

Скорее, не ела она ещё и потому, что сильна была ещё

приверженность неписанному закону о трапезе в доме врага. Хотя главного врага уже не было.

49

Итак, к полудню они с Гюисмансом, Пьером, Гансом (взятым для солидности – детина он здоровый!) и ещё двумя конюхами, захваченными исключительно для симметрии эскорта, прибыли к зданию мэрии.

Не то, чтобы они опасались разбойников. Если понадобилось бы, они с Пьером и вдвоём сумели бы защитить деньги. Просто Катарина не хотела, чтобы окружающие увидели, на что она способна при необходимости. Это могло бы неподготовленной местной широкой публике показаться... несколько странным. Дамам ведь больше подходит имидж слабых, наивных и беззаботных созданий. Она хотела, чтобы вера в это фонРозенберга и других сохранялась. Так что эскорт взяли исключительно для престижности.

Барон, конечно, уже был тут. Они поприветствовали друг друга как старые знакомые.

После обычных вежливых и ничего не значащих фраз, Катарина спросила, почему же сын мессера барона не прибыл на такое важное мероприятие, и когда она, наконец, будет иметь удовольствие познакомиться с ним. На что барон сокрушённо признался, что до сих пор «негодного сорванца» не могут нигде найти.

Выразив вежливое сожаление по этому поводу, она спросила дражайшего барона (разумеется, со всей возможной тактичностью и извинениями), не передумал ли он.

Так как тот, протрезвев, конечно, всё заново обдумал, она счастлива оказалась узнать, что проделанная накануне работа принесла свои плоды: он не передумал, и даже, несколько обиженно, несмотря на её извинения, сообщил ей не без доли высокомерия, что фонРозенберги никогда не изменяют раз данному слову.

Она поспешила заверить любезного рыцаря, что ни в коем случае не хотела задеть его чувства, или честь (упаси Боже!), а просто беспокоилась, не выразил ли протестов его сын – всё же он правомочный наследник, и, возможно, планировал что-либо в отношениях этих земель... На это барон с достоинством ответил, что какие бы планы не были у его наследника, противиться воле отце он никогда не осмелится.

Естественно, она поспешила выразить своё уважение и удовлетворение столь хорошо вышколенным сыном, высоко чтящим мнение родителя – главы рода, и проч.

Наконец они вошли в мэрию. Её там встретили, как родную, со всеми возможными любезностями. Бургомистр только что её не расцеловал – удержало, наверное, опасение, как бы кто не донес бургомистерше... Она даже поопасалась: не заподозрил бы чего Господин Продавец... Барона же приветствовали почтительно, но сухо – официально. Видать, он всех здорово достал.

Все необходимые формальности были выполнены так быстро, а бумаги подготовлены и составлены так грамотно (что немедленно проверили: Гюисманс с одной стороны, а фонРозенберг – с другой), что она опасалась только одного. Как бы старый матёрый крючоктвор не догадался, что его технично объехали – уж он-то был матёрый интриган...

Вид золота привёл всех в умиление. То есть, абсолютно всех! Кроме разве что самой Катарины. Ну и Пьера.

Его тщательно пересчитали. (золото, разумеется, а не Пьера). Бумаги скрепили подписями и Катарина, и барон, и необходимые свидетели и должностные лица. Приложили все необходимые печати. Посыпали песком. Торжественно передали всем заинтересованным лицам и нотариусу – для хранения в архиве.

Организацию банкета здесь же, в большом зале, как раз для таких случаев находившемся прямо при мэрии, взял на себя Гюисманс.

Так как они и об этом позаботились заранее, ни с продуктами и винами, ни с приглашёнными гостями проблем не было.

Состоялся банкет на следующий вечер. Персонал для обслуживания любезно согласился организовать сам мэр-бургомистр (разумеется, договорённость об этом была достигнута и подкреплена заранее всеми необходимыми аргументами). Канделябры со свечами, пиршественные столы, кресла, и прочая посуда в банкетном зале уже имелись... Слова

вом, вовсе не в двадцатом веке придумали организовывать корпоративы в арендованном ресторане.

Если быть откровенной с самой собой, и этот ничем принципиально не отличался от любых других подобных мероприятий, в которых она участвовала *там*, в прошлой жизни: та же методика церемонного представления, поглощения вкусной, но безликой пищи, видимость взаимного радушия и симпатии, светские пустые разговоры, ни к чему не обязывающие комплименты, красивые, рассчитанные на показ, но жутко неудобные наряды, напыщенно-помпезные тосты за здоровье, процветание и т.п. . .

А за кулисами как всегда – зависть, сплетни и взаимная ненависть всех присутствующих друг к другу. А больше всех – к устроителю банкета. Чужаку. Столичной выскочке.

Однако формально она была принята в элитный клуб местной знати. Чему немало поспособствовала сильная протекция рассчитывающих на дальнейшее «успешное» и выгодное сотрудничество местных боссов. Уж их-то навестить они с Гюисмансом не позабыли. . .

Позже, естественно, ей придётся наносить и визиты вежливости, мило улыбаться, передавать и выслушивать сплетни, строить козни против соперниц, заключать словесные союзы против. . . И плести разные интриги. Словом, вести обычную светскую жизнь в самом страшном из всех возможных гадюшников – провинциальном городке.

Однако – «ноблесс – облидж», или, проще говоря по древ-

неримски, положение обязывает.

Придётся, никуда не денешься! Она же не хочет выделяться из высших слоёв эксцентричным поведением – незачем плодить о себе ненужных слухов.

Денег на этот банкет она не жалела. Их ушло только чуть меньше, чем на самую покупку земель.

Но она добросовестно выполнила и эту работу, перезнакомившись со всеми местными мало-мальски значимыми начальниками и чиновниками-бюрократами, их жёнами, любовницами, родственниками и прочими достопочтенными бюргерами и бюргершами, правдами и неправдами пролезшими к кормушке. На память она пожаловаться не могла, даром что в своё время освоила методику, разработанную для шпионов-профессионалов – это тоже было нужно *там*, для работы...

Запомнила всех.

Ведя светскую беседу, которую только иногда немного стесняло плохое знание языка – ею немецкого, а собеседниками – французского, она, прикрываясь хорошо отработанной на фонРозенберге маской, незаметно изучала всех этих высокопоставленных лицемеров и лицемерш. Ничто не могло ускользнуть от её тонкого (почти кошачьего) слуха, и зоркого глаза: ни вскользь брошенная фраза, сказанная в пяти метрах от неё, ни полный значения взгляд, устремлённый на предмет воздыханий какой-нибудь пожилой фрау...

Она всё откладывала в памяти, зная, что настанет время

– и всё пригодится...

Словом, старательно готовилась к роли, предназначенной ей судьбой на ближайшие полгода. Ей очень нужна такая тренировка. Ведь во Франции интриганы опытней, а масштаб поля битвы куда обширней.

Конечно, основное внимание и самые цветистые комплименты она отпускала жёнам тех чиновников, которые были главными, и отвечали за всё. И конечно, она понимала, что если бы не убедительные золотые аргументы, и не подарки этим самым фрау и их мужьям, не было бы *личных* распоряжений, и ей никогда бы не удалось устроить этот раут, и собрать на него эти «сливки» местного общества. Так же, как не удалось бы быть принятой, пусть пока только формально, их маленьким замкнутым мирком. Хорошо, что на деньги она не скупилась.

Торжественно-обеденно-светская часть завершилась танцами. И тут она чуть было не прокололась. Однако мэр-бургомистр, стоявший с ней в паре, оказался милейшим добряком (ну ещё бы – за такие-то деньги!), и подсказывал любезной гостье шёпотом все фигуры неизвестного ей сложного танца. За что получил от Катарины полный признательности взгляд и нежное пожатие руки. А от супруги – совсем другой взгляд, и многозначительный жест.

Ну, традиции соблюдены: сплетни и намёки получили пищу. Но жалеть несчастного подкаблучника она не собиралась. Рассчитывала она использовать его только для деловых

отношений. А впрочем... Почему бы и нет?!.. Ха-ха.

Затем общество как-то естественно разбилось на группы, к каждой из которых она подходила, или её подводили, и везде она выслушивала и благодарила, смеялась, получала и раздавала комплименты, и обещания посетить... Или ещё как-то реагировала, продолжая чутко вслушиваться, всматриваться, ощущать давление и подлинные мысли и эмоции – о себе, и присутствующих.

Да, мать ей многое дала! Сколь грозно это оружие – она прекрасно осознавала его страшную и разрушительную силу. Потаённые мысли, скрывааемые вожеления, запретные связи... А у кое-кого – и уже свершённые преступления!..

Ничего. Понадобится – она применит и *эти* знания! Разве шантаж не удобней угрозы смерти? Подло? Плевать. Ей нужно тренироваться и в этом. Его высокопреосвященство должен почувствовать все её полученные и отработанные ей навыки и способности на своей шкуре...

«Вращаться» она продолжала до конца приёма, собрав массу полезнейшей информации и устав, как от разгрузки вагонов с картошкой...

Закончился приём часам к трём утра – выдающееся явление для провинциального центра, где обычно рано ложатся спать. Правда, и встают рано. До рассвета, как в столицах, тут, как пояснил всё тот же мэр, не гуляют – это только её присутствие сделало возможным «столь чудесно проведённое время» столь «быстро промелькнувшим»!..

Она не сомневалась, что обсуждать это «эпохальное» событие будут многие месяцы, если не годы, и ещё внукам передадут – вот, мол, это было до бала Катарины, а вот это – уже после...

Прощалась она со всеми тепло – она и вправду была рада. Хоть и не тому, какие они все милые и обаятельные (как она им радушно говорила), а тому, что они, наконец, уходят.

Теплее всего она прощалась с супругой мэра-бургомистра, чем ещё сильнее встревожила эту почтенную полную даму с тремя подбородками.

Ночевать в городе, несмотря на несколько любезных приглашений, она не стала, а сославшись на лёгкую усталость (ничего себе лёгкую – такая бывает, наверное, только у ломовых лошадей!), оставила все незавершённые дела по уборке на Гюисманса и людей бургомистра, и под охраной Пьера и Ганса уехала в Кирхштайн.

Разбудить в пять утра Томаса оказалось трудно, а собак – легко.

Однако спать с совершенно чистой совестью она ещё не могла. Главное пока только предстояло сделать.

Деньги, которые они с Пьером достали, ушли почти все. Земли, столь трудно и долго отвоёвываемые фонРозенбергом, достались ей за два-три дня, и за четверть цены. Внедрение в клан местного светского общества, пусть пока только на правах гостыи, и банкет, стоили, конечно, дешевле земельного приобретения. Но в связи с её желанием нако-

мить и повеселить всех от души (ну как же – «хлеба и зрелищ!»), наличности ушло тоже немало.

Впрочем, она была уверена на основании опыта далёкого будущего, что вложенные *так* деньги не пропадут. Друзей, конечно, не купишь. А вот общественное положение – продаётся! Это отмечал ещё циничный прагматик Рэт Батлер*.

Немного поболтав с Марией, здорово за неё переживавшей, она всё же прилегла на постель, и проспала часа три. Этого вполне хватило, чтобы вернуть ясность мышления, и снять симптомы опьянения и нервный стресс.

Логичность мышления будет поважней красивого наряда. Ведь теперь ей предстоял разговор с главным действующим лицом.

50

После завтрака, узнав, что Гюисманс как раз вернулся, она, даже не дав ему лечь отсыпаться, вызвала, поставила чёткую задачу, и выдала деньги. Отсыпаться он может всё утро до обеда – пока соберут все доступные подводки, и приведут лошадей и работоспособных вассалов...

Затем она направилась в кабинет барона.

Похоже, он ждал её – принял сразу же. Глаза хозяина ярко горели.

Теперь она называла его «дорогой барон» и «милый мессер Карл», так как он сам разрешил ей это. Ну вот так ему

и надо...

Он ещё не был полностью в курсе проведённой ею боевой операции. Хотя, несомненно, о многом догадывался – он был умён, наверное, как минимум, не меньше её. Но деликатен. Словом – джентльмен до мозга костей. Свою обаятельную гостью вопросами смущать не желал, терпеливо ждал результатов её ретивых действий. Очень хорошо.

Вот сейчас она сама всё ему и расскажет.

Однако внешне свою заинтригованность её странными действиями в последние дни «любезный барон» никак не проявлял. Впрочем, он же сам дал ей карт-бланш!.. Да и вообще, он редко проявлял свои чувства так, что их было заметно – совсем как Пьер.

После стандартных взаимных приветствий и пожеланий доброго утра Катарина, не ходя долго вокруг да около, спросила прямо в лоб:

– Дорогой Карл, как вы относитесь к браку?

Глаза «дорогого Карла», несмотря на железную выдержку, расширились-таки на секунду до рискованных пределов. Но голос после небольшой паузы, прозвучал спокойно:

– Что именно вы имеете в виду, дорогая Катарина, чей именно брак?

– Ну, например, наш с вами!

Барон, надо отдать ему должное, рот не открыл.

Наоборот, он долго молчал, с сосредоточенным видом уставившись в пол. (Ага, поможет это ему, как же!)

Затем встал и прошёл мимо Катарины, обойдя вокруг стола. Помолчав ещё, он резко сделал два шага в сторону, и рывком открыл дверь в коридор.

За дверью никого не оказалось.

Быстро подойдя, он так же резко открыл дверь в спальню. Там тоже никого не было. Что, как показалось ей, несколько удивило Карла. Но и обрадовало.

После такого таинственно-заговорческого продолжения настала очередь Катарины удивляться – правда, тоже молча, про себя.

Заперев на ключ обе двери, барон уселся прямо на стол, напротив неё, и, скрестив руки на груди, долго буравил её орлиным взором.

Она отвечала ему жизнерадостной улыбкой и ясным лучистым ангельским взглядом, в который вложила столько честности, сколько смогла наскрести.

Наконец, сдавшись, барон вздохнул и покачал головой:
– Я не могу жениться на собственной дочери.

Катарина, которая, в общем-то, давно чего-то такого и ожидала, стремительно кинулась ему на грудь, весело смеясь сквозь вдруг брызнувшие слёзы, и приговаривая:

– Папочка, дорогой, наконец-то ты решился! А я уж боялась, придётся *это* из тебя клещами вытягивать! Ну, слава Богу!

– Так ты знала?!?! – моргая сквозь выступившие и у него слёзы, и несколько отстраняя её от себя, спросил потрясён-

ный барон.

Вместо ответа она за руку подвела его к большому зеркалу, и прикрыла рукой свои волосы, приблизив своё лицо к его лицу.

Так как они были почти одного роста, всё получилось отлично: лоб, глаза, скулы, щёки, нос, подбородок и даже ямочка на нём – всё было похоже, словно перед ними было одно лицо, но в двух вариантах: мужском, более мужественном и грубоватым, и женском – полным чувственности, выразительности и красоты. Отличались только губы – у неё они были сочнее и выразительней. От матери!..

Барон закрыл лицо руками. Затем резко отнял их и заключил её в объятия. Он не сдерживал рыданий. Она – тоже.

Наконец он первым ослабил объятия, чуть отстранившись, и пробормотал смущённо:

– Бедная Анриетта! Я поклялся ей... Никогда и никому... Как жаль, что она так больна!

– Ничего, отец, зато теперь она спокойна на мой счёт! Так как знает, что я в надёжных руках, и ты меня в обиду не дашь!

– Ох, не перестаю удивляться! Ты – в надёжных руках?.. Скорее уже – я!.. Ах, Катарина...

Тебя, наверное, готов боготворить и защищать до последней капли крови любой мужчина!

Такой дочь можно только гордиться!

И насчёт того, кто из нас кого не даст в обиду, я уж точно

знаю кто – кого... Причём – уже не дала! Ведь это ты спасла наш замок от страшной опасности и беды! Ты даже не представляешь, до чего я за тебя испугался, когда всё узнал! И... продумал.

Как ты могла так рисковать?!..

– Ничего, отец, – повторила она, продолжая улыбаться ему сквозь слёзы, – Это было даже интересно! Хотя, конечно, и страшно. И – трагично. Но я рада, что теперь всё позади. – она снова усадила его в кресло, а сама пристроилась на широкой рукоятке, нежно обнимая отца за плечи, ещё чуть вздрагивающие, – Врага больше нет.

А теперь скажи мне, ты хотел бы вернуть те земли, которые у тебя отсудил фонРозенберг?

– Что за вопрос! Конечно! Клянусь родовой честью, за наше фамильное гнездо – и ты это знаешь! – я перегрыз бы ему горло, если бы это помогло делу. Я ведь уже говорил тебе: чтобы вернуть назад нашу фамильную вотчину, я готов на всё!

– Прекрасно! Это именно то, что я хотела от тебя услышать!

– Ох, чует моё старое сердце, ты опять что-то задумала! Ну, говори – в чём дело?

– Ну... Ты сам это сказал – что на *всё* готов, чтобы наши земли снова были в распоряжении наших потомков... Можешь немного потерпеть ради них?

– Могу, конечно... Но говори же скорее: что ты хочешь,

чтоб я сделал... И терпел?

– Ну, ничего порочащего родовую честь, или противозаконного я от тебя не потребую! Просто я хочу, чтобы ты сделал приятное мне, и... Одной любящей тебя девушке.

Барон смотрел на неё со всё возрастающим подозрением. Прямо видно было, как его цепкий ум просчитывает ситуацию. Он догадался обо всём раньше, чем она закончила говорить. А она и так знала, что он слишком умён... Для рыцаря-феодала.

– Ага! Дорогой отец, я вижу – ты уже догадался. Да, я прошу тебя жениться на Марии, и жить с ней в любви и согласии!

– Ах ты, плутовка... Хм. Нет ничего проще. А как ты догадалась, что я сразу влюбился в твою... главную фрейлину?

– Папа! Ну прошу тебя! У каждого свои маленькие секреты. Догадалась – и всё!

– Ты – вся в мать! Из всех моих знакомых только она видела людей насквозь...

От этого она и была, наверное, так несчастна – разочарование в друзьях и любимых слишком часто становилось её уделом... Ах, Анриетта.

– Ты прав, папа. Наверное, ей было тяжело с людьми... И, наверное, из-за этого она и любила тебя так сильно – потому, что ты такой, какой есть: ни отнять, ни прибавить!

Я горжусь таким отцом! Ведь в трудную минуту она отправила меня именно к тебе. – Катарина тяжело вздохнула.

Затем резко откинула назад со лба растрепавшиеся волосы, – Она-то знала, на кого можно положиться...

Но мы немного отвлеклись. То, что вы с няней любите друг друга, прекрасно. Как раз на этом я и построила свой план.

– План?! У тебя уже был план?!

– Ну да, план. Я хотела, чтобы вы поженились. Ты бы дал ей более престижный и высокий титул, и почётное имя её детям. А она бы родила тебе законных наследников. А в приданном она принесла бы тебе твои старые земли!..

– Титул-то я, конечно ей дам... Постой, о чём ты говоришь? Какое приданное? Какие наследники? И какие, в конце-концов, земли?!

– Мария – очень хозяйственная женщина. Она-то уж наведёт порядок в вашем замке, в твоей личной жизни, и на землях твоей отсуженной вотчины, которую я вполне законно купила.

И которую собираюсь дать ей в приданное.

– ?!

– А что тут такого? Могу я сделать своей любимой няне – урождённой де Каллас, между прочим! – маленький свадебный подарок? Ведь она, как дама благородных кровей, имеет право владеть любой земельной собственностью!

– Она – благородная дама?! И ты – купила эти земли?! Но... Как? Когда?

– Да вот: посмотри – как, и когда... – она достала из ру-

кава приготовленные заранее документы и передала отцу, – Всё оформлено вполне законно. Гюисманс помог мне с документами – проследил, чтобы все формальности были соблюдены. И эти документы даже не нуждаются в утверждении в столице – в них всё есть. Мы даже отпраздновали моё вступление во владение, и в местное высшее общество землевладельцев-дворян – на банкете.

Кстати, прости, пожалуйста, что не позвала – но там был фонРозенберг старший, и я побоялась, как бы ты с ним чего не сделал!

– Да я бы его... Нет. Хотя... Пожалуй, ты права...

Господи! Ну и дочь у меня – в кого такая?! – он взял документы, наконец, и принялся их изучать, посматривая на неё своими огромными выразительными глазами. Да, глаза у него красивы. Ей повезло. Да и Марии тоже. Но главный молодец здесь всё же Карл Фридрих Рудольф – без его денег абсолютно ничего бы не вышло.

Рассчитывал ли он на то, что она распорядится его золотом именно так? Вот вопрос!..

С другой стороны, потрачено сравнительно немного – наверное, не больше десяти процентов того, что осталось в тех двух сундуках...

Пока папочка изучал документы и хмыкал и причмокивал и чесал в затылке, она вертелась перед прекрасным венецианским зеркалом – хорошие зеркала здесь были большой редкостью – изучая себя и своё лицо с разных сторон.

При этом она что-то весело напевала, пританцовывая и кружась. Затем подошла к отцу и присела возле него на краешек стола, довольно легкомысленно болтая ногами.

Он закончил, наконец, придирчивое изучение документов, и чело его разгладилось.

Барон покачал головой:

– Всё абсолютно верно! И – законно... Поразительно! Как тебе это удалось?!

– Это было просто. Чиновники везде чиновники. Гюисманс сказал, сколько кому сунуть.

Ну, я, конечно, *немного* накинула сверху – для гарантии их добросовестности... И заинтересованности в будущем. Ну а с бумагами – мы, конечно, всё проверили перед тем, как подписать и заплатить. Кстати, к тебе просьба – никому не говори про взятки. Я обещала местным бюрократам, что это – только между нами!

– Я именно это и имел в виду! Откуда ты взяла деньги, чтобы... дать... И чтобы заплатить?! И почему так дешево? Это так не похоже на этого старого скупердя – ох, извини...

– Надеюсь, наша родовая честь не пострадала от того, что я *чуть-чуть* поторговалась? Ну а деньги я взяла у тебя.

– Как – у меня?! Что ты хочешь этим сказать?!

– Ах, папа! Не заставляй меня объяснять! Я не хочу подводить хорошего человека, который помог мне и тебе с деньгами!

– Ну хорошо, хорошо, не буду... Но как мы объясним всё

это людям?

– С каких это пор фонХорстманы должны кому-то что-то объяснять?! Кстати, хорошо, что напомнил – Гюисманса и ещё человек десять из наших, дворовых, да ещё несколько твоих крестьян – тех, кто поздоровее – не будет несколько дней.

Я их послала с обозом на ярмарку в Ингрию, за зерном! Там, как объяснил твой секретарь, можно купить дешевле. Они должны привезти, сколько смогут. А если понадобится – сделают и вторую ходку. А потом подумаем, какие ещё продукты долго не портятся – запасём и их.

– Продукты?.. – он немного не поспевал за ходом её мысли, – Конечно, мы их...

Мы что, готовимся к осаде?!

– Что?! – она фыркнула. – Ах, папа, нет, конечно! Но у нас, насколько я помню, теперь целая куча поддельно – ха-ха! – оформленных вассалов, а урожай пропал. Чем ты собираешься их кормить? Ведь разве зимой зерно не обошлось бы нам дороже?

– Я... Да, конечно, придётся кормить... А деньги?

Она опять на него посмотрела.

Карл фонХорстман смутился. Опять почесал в затылке. Потом тоже фыркнул.

– Здорово ты меня сегодня... Поразила. Конечно, ты права – кто же лучше женщины сообразит, как управиться с хозяйством, и что нужно запасти и сделать... Надеюсь, ты не

сердишься, что я несколько подзапустил домашние дела?..

– Да нет, отец, абсолютно не сержусь – тебе в последние месяцы было... Несколько не до этого. Кстати, подумай, чем мы можем отблагодарить Гюисманса. Его помощь действительно была неоценима – ну, может, его, не знаю... Женить, что ли?

– Вот дьявол! Глаза у тебя, что ли, на затылке?! Откуда ты про него-то и Кристину узнала? Ты же её никогда не видела – она живёт в Манхерсте.

– Папа. – она пошевелила бровями, – Ты опять?

– Извини... Вырвалось само. Ох и грозная из тебя выйдет жена! Как я сочувствую...

– Что?! Мужа ещё нет, а ты ему уже сочувствуешь?! Ох уж эта мне мужская солидарность. Да, кстати о сочувствии. Гюисманс, вне сомнений, самый ценный человек в твоём бар... нет, лучше скажем так – запущенном хозяйстве. И, можешь не сомневаться, Мария это уже наверняка поняла. Боюсь, как бы она его не заездила. Так вот, нет ли у тебя ещё каких детей посмышленей – ему в помощь?

– Ну... Ты меня, похоже, переоцениваешь – я вовсе не всех женщин тут... – она снова на него посмотрела, и он сразу перешёл к делу, – Но парочка подходящих, конечно, есть. Правда, они ещё маловаты – их бы подучить.

– Ладно, успеется. Кстати, о праве первой ночи: я смотрю, ты работал вовсю. Хоть с Гюисмансом имей терпение – всё же твой сын.

– Конечно. Хоть это ему оставлю. А насчёт Марии ты права – она похозяйничать, похоже, любит. Так что ни Гюисманса, ни, боюсь, меня, ничто не спасёт... Твоя няня – женщина дотошная.

– Да! И я очень этому рада. У вас должно всё (тьфу-тьфу!) получиться! Наследственность и у тебя и у неё хорошая. Так что то, что вокруг полно маленьких отпрысков лично от тебя, только радует: правильно ты сказал – опираться можно только на своих. Уж твои-то точно не поступят, как фонРозенбергский...

Они помолчали, повздыхав, и посерьёзнев.

Посмотрев ему прямо в глаза, она улыбнулась. Хорошо, что она в него. И в маму.

– Папа. Иди сюда! Вот: посмотри. – она подвела его снова к зеркалу, – Ну разве ты у меня не красавец-мужчина? А я у тебя разве не красотка? Так что давай заселять этот мир нашими красивыми и умными потомками! Хороший план?

Вместо ответа он рассмеялся, чмокнул её в щёку. Потом шлёпнул пониже спины:

– Да, уж в смысле тебя мне точно есть чем гордиться! – он ещё раз восхищённо осмотрел её с головы до ног, – С твоими данными ты должна далеко пойти, и многого добиться. Удивляюсь, как это ты до сих пор не герцогиня, или даже не... Хм!

– О, папа, не торопись! Это всё ещё впереди! – она сказала это с такой твёрдой уверенностью в своих силах, что сдер-

жанный барон лишь открыл рот, да так и стоял, пока она не рассмеялась:

– Папа! Ну прошу тебя – перестань! Это шутка! А впрочем... – она плотоядно улыbnулась, – Цыплят по осени считают.

– Катарина. Ох, Катарина! Я начинаю снова за тебя беспокоиться. Может, всё же...

– О, нет, отец – не надо! Сейчас, у тебя, я – на отдыхе. Я просто набираюсь сил. И ты должен мне в этом помочь... Поможешь? – она хитро подмигнула, улыбаясь.

– Разумеется. – он вздохнул, – А куда же я денусь? Ну, говори – что делать?

– Как – что? Назначить день свадьбы, разумеется! Например, как насчёт кануна Рождества? Хватит вам двух-трёх месяцев на подготовку? На то, чтоб хотя бы перестать так мило краснеть и смущаться в присутствии друг друга?

– Мы с ней?.. Не думал я, что это так бросается в глаза!

– Окружающим – не бросается. Но мне-то!.. Ведь я у тебя умненькая - вся в папочку...

Ну, и в маму. Так что – вперёд, мессер барон! На штурм твердынь моей няни!

– Да. Я постараюсь быть храбрым солдатом... Да поможет мне Святая Троица! – он истово перекрестился.

– Аминь! – она последовала его примеру. – Теперь я спокойна: главный вопрос мы решили. Однако вот ещё что... Если невеста на свадьбе всегда в белом, что же одеть её по-

друге? Может, голубое?..

Папа, как ты считаешь, подойдёт мне голубой цвет?

– М-м... Не думаю, – автоматически отозвался озадаченный барон, – Нет, голубой не будет гармонировать с цветом твоих глаз и волос...

– Верно! Ты молодец. Значит, придётся опять быть в зелёном. Ничего, мне не привыкать: зелёный – мой цвет!

Разумеется, на свадьбе она была в зелёном.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мидас, царь Фригии, в 738-696гг до н.э. Согласно греческому мифу был наделён Дионисом способностью обращать в золото всё, к чему бы не прикоснулся.

2. Филипп четвёртый Красивый 1268-1314 гг. Французский король с 1285 г. Расширил территорию французского домена. Захватил в 1300 г. Фландрию, но потерял в 1302 г. в результате восстания фламандских городов. Поставил Папство в зависимость от Французских королей, сделав Папской резиденцией г. Авиньон. Созвал первые Генеральные штаты в 1302 г. Добился от Папы упразднения ордена Тамплиеров в 1312 г., присвоив колоссальные богатства ордена, хранившиеся в штаб-квартире ордена – отеле Тамплъ, расположенном в центре Парижа.

3. Капетинги, династия французских королей, в 987-1328 гг. Основатель – Гуго Капет. Важнейшие представители: Фи-

липп второй Август, Людовик девятый Святой, Филипп четвёртый Красивый.

4. Бурбоны, королевская династия во Франции, в 1589-1792 гг. и 1814-1830 гг.

5. Понтуаз, старинный замок рядом с одноимённым городом. В четырнадцатом веке часто использовался в качестве королевской тюрьмы для особо важных преступников благородного происхождения.

6. Париж, город во Франции, на реке Сена. Вырос на месте Лютеции. С конца десятого века – столица Франции.

7. Мобюиссон, замок, в четырнадцатом веке летняя резиденция короля.

8. Архиепископ Нарбоннский, хранитель королевской печати, соратник и сподвижник Филиппа четвёртого Красивого, смещён с занимаемого поста в 1307 г.

9. Ситэ, остров и одноимённый дворец, резиденция Французских королей, основательно перестроенная Филиппом четвёртым Красивым.

10. Собор Парижской Богоматери, расположен на острове Ситэ, в центральной части Парижа. Выдающийся памятник ранней французской готики, возводился в 1163-1257 гг. Длина – 130 м., ширина – 108, высота интерьера – 32,5 м., башен – 69 м.

11. Австрия, государство в центральной части Европы, с 6-7 вв. её территорию заселили германские и частично славянские племена. С 1156 г. – герцогство в составе Священ-

ной Римской Империи. С 1282 г. в ней утвердились Габсбурги.

12. Реймс, город во Франции, где до 1825 г. короновались французские короли. Реймский собор, 1211-1311 гг.

13. Хлодвиг первый, около 466-511 гг., король салических франков с 481 г., из рода Меровингов. Завоевал почти всю Галлию, что положило начало Французскому государству.

14. Сяринкены – метательное оружие из арсенала ниндзя в виде стальных звёзд. Эффективны в основном для ближнего боя.

15. Валуа, династия Французских королей в 1328-1589 гг.

16. Швейцария, государство в центральной части Европы. С первого века н.э. завоёвана римлянами, в пятом – алеманами, бургундами, остготами. С десятого – одиннадцатого вв. в составе Священной Римской Империи. В борьбе с Габсбургами свободное крестьянство лесных кантонов: Швиц, Ури, Унтервальден – заключило союз в 1291 г., и отстояло независимость. С 1499 г. – фактически независимое государство.

17. Габсбурги, династия, правившая в Австрии: с 1282 г. – герцоги, с 1453 г. – эрцгерцоги, с 1804 г. – императоры. «Г» – являлись императорами Священной Римской Империи. 18. Клуни, Джордж – известный американский киноактёр начала двадцатого в. 19. Священная Римская Империя, 962-1806 гг. Основана германским королём Оттоном первым. Кроме Германии и Австрии позже включала Чехию, Бургундию (Арелат), Нидерланды, Швейцарские земли и др.

В середине тринадцатого в. из её состава вышла Италия, в конце пятнадцатого в. – Швейцария. Позже власть императора стала номинальной.

20. Крестовые походы: 1096-1270 гг. Походы на Ближний Восток – Сирию, Палестину, Северную Африку, организованные западно-европейскими феодалами и католической церковью. Захватнически-грабительские цели походов прикрывались религиозными лозунгами борьбы против «неверных» и освобождения «гроба Господня» и «святой земли» (Палестина). К 1291 г. захваченные первоначально земли были вновь отвоёваны мусульманами.

21. Карнеги, Дейл, американский психолог, автор книг «Как оказывать влияние на людей», «Как заводить себе друзей», «Как перестать беспокоиться и начать жить» и других.

22. Рэт Батлер, персонаж романа М. Митчел «Унесённые ветром», прагматик, циник.

23. Фрэйд, Зигмунд, немецкий психолог. Утверждал, что всеми поступками человека движет половой инстинкт, стремящийся реализоваться через успех в жизни.

24. Упомянутый анекдот про армянина и петуха: Выходит утром на крыльцо дома армянин. Во дворе петух топчет курицу. Армянин кидает горсть зерна – петух слезает с курицы и кидается его клевать. Армянин говорит: – «Вах! Нэ дай Бог так оголодать!»

25. Дж. Дж. Фрэзер. Известный английский этнограф и историк. В книгах «Золотая ветвь» и «Фольклор в Ветхом

Завете» выявляет генетическую связь христианства с первобытными верованиями людей. Приводит массу интереснейших древних обрядов, обычаев и мифов.